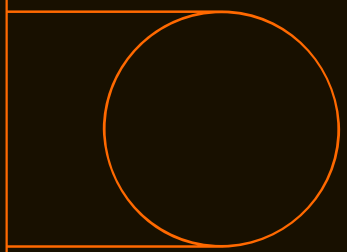
Лекс Райв



Officina Hermeneutica: Баррель-орган и твёрдое тело Эммы Притхим

Перед вами – кошмаролазный донный скафандр, позволяющий погрузиться туда, куда и взгляд-то бросить боязно. Неприличный объём «белого пламени», когда смысл не прячется, как обычно, между строк, а таится меж самих букв, в просветах среди чёрных штрихов, есть вынужденное, ритуальное воплощение фетишизма, тщательно выделанная чёрная кожаная сбруя. Без неё к предмету исследования едва ли можно было подступиться. Что ж, тяжесть снаряжения должна соответствовать глубине погружения.

Да, и о рассматриваемом феномене:
Максимум зла исследуется здесь в математическом смысле – для достижения теоретического предела требуется не столько катастрофический ущерб вселенского масштаба, сколько предельная низость и пустота мотива.

Quid sum miser tunc dicturus?

Лекс Райв

Officina Hermeneutica:
Баррель-орган и твёрдое тело Эммы Притхим

ФРАГМЕНТИРОВАНИЕ И ПОТОКИ

Фрагмент 19. Беглая инерция: Ардуша сталкивается с непостижимым 1

Фрагмент 20. Дефекты в твёрдом: появление Притхимы 13

Фрагмент 21. Тензор напряжения: стычка, клятва и охота на часы 25

Фрагмент 22. У Виргилии 35

Фрагмент 23. Цена и сотрудничество 41

Фрагмент 24. Инверсия религиозных смыслов 52

Фрагмент 25. Сопротивление неподвижностью материалов 60

Фрагмент 26. Спасение судьи Рату 74

Фрагмент 27. Послепотопные пляски пяти пузырей Притхимы 81

Фрагмент 28. Город как прикрытие 92

Фрагмент 29. «Тело» Притхимы 106

Фрагмент 30. Вера взаимного дыхания 112

Фрагмент 31. Седьмая башня 122

Фрагмент 32. Возврат вытесненной сложности 131

Фрагмент 33. Путешествие Тоспехо 143

Фрагмент 34. Спектакль Тоспехо 154

Фрагмент 35. Фазовый переход 164

Фрагмент 36. Мягкость земляничных пустошей 175

Фрагмент 37. Трибунал 185

Фрагмент 38. Визит контрабандистов 193

Фрагмент 39. Свойства металлов 198

Фрагмент 40. Дислокация тут: Серафим и баррель-орган Притхимы 210

Фрагмент 41. Подделка предельного дня 224

Фрагмент 42. Клёпка цепи-послания 232

Фрагмент 43. Рандомный ворох экскретов 242
Фрагмент 44. Ось мира 252
Фрагмент 45. Воз духа 260
Фрагмент 46. Лёд 264
Фрагмент 47. Кем быть или не быть 270
Фрагмент 48. Лжизнь 280
Поток 1. Уловка-33: Ардуша едет к Хакону 287
Поток 2. Иллюзия опережения: Рату присоединяется к Ардуше 299
Поток 3. Танец гидродинамика: Джинго выползает из норы 307
Поток 4. Всасывание людей и машин в поток 317
Поток 5. Восемь с лишним секунд от края до края 324
Поток 6. Движение отсутствия 334
Поток 7. Два лектотипа 343
Поток 8. От озера до моря 351
Поток 9. Шелест роторного фильтра в пруду с золотыми рыбками 361
Поток 10. Плата-Пансо и дефицит времени 371
Поток 11. Шлемоблещущий 380
Поток 12. Тяжёлая стена Любви 389
Поток 13. Затмение воли мира 399
Поток 14. Тут альфа, там омега 407
Поток 15. Сухая пожарная каланча 421
Поток 16. Прах и веер 431
Поток 17. Постижение наследственного долга и месть за то, что будет 440
Поток 18. Песнь гидродинамэссы 447
Эпилог 457
Кода 481

Фрагмент 19. Беглая инерция: Ардуша сталкивается с непостижимым

¶

Цель была далеко, на пределе полёта стрелы. Именно поэтому её было отлично видно. Послание, пролетевшее воздухом не менее полулиги, формально является почтовым отправлением. Если стрела войдет в дверь, письмо станет законным циркуляром между государствами, причём на выбор: иностранной депешей в местной политике или дипломатической нотой, направленной зарубеж. Тучная почва для будущих махинаций. Твёрдая, как скала, страховка для уже содеянного.

Тихо. Откуда-то сверху, с древесного листа, на самый кончик носа упала капля. Ардуша утираться не стал. Он покрошил с помощью ручной мелко-мельницы сухого талька на руки, для точности касаний.

Если же мимо – он нарушит целостность границы. Государственный рубеж совпадает с фактическим водоразделом, а не с линией и вешками, которые может проставить на местности человек. Это превращает ландшафт в юридическую карту. Так завещали Создатели. И в данный момент физиология Ардуши, его способность попасть, являются актом политики. Ардуша знал цену своим выстрелам: в дверь – депеша, мимо – контрабанда.

Для надёжности, Ардуша относился к туману просто. Пережидал. Он сидел на скалистом гребне водораздела. Начал накрапывать дождь. Капля, упавшая на левый сапог, сейчас скатится в почву, доберется до ручья и уйдет в Великую реку его родной страны Иллюмирос, чтобы состариться в восточном море. Капля с правого сапога умрет в волнах западного моря, в дельте чужой реки Маристеи.

⁂

«Сапоги-то нынче какие разные, — подумал он. — Доселе не обращал на то внимания».

Укорив себя за витание в облаках, Ардуша прекратил рассматривать собственную обувь и поспешно обернул в промасленный холст лук дли-

ною в человеческий рост. Дерево прецизионного оружия не прощает влаги. Выждав немного, оценив плотность воздуха справа и слева, Ардуша накрылся плащ-палаткой и принялся разматывать стрелу. Влажность изменила плотность воздуха, и баланс инструмента требовал корректировки. Спираль ствола старого дерева поддерживала спину.

Спина тоже оказалась не прочь принять форму дерева.

Он ослабил тончайшие вязки, удерживавшие обёрнутый вокруг древка пергамент. Письмо, предназначенное к отправке стрелой, распустилось спиралью. Теперь его следовало снять и заново плотно накрутить, сместив на пол фаланги к наконечнику стрелы. Неудобно, но по-другому – никак. Через несколько минут Ардуша, прикрыв глаза, ощупывал обеими руками вновь налаженную стрелу. Он касался её щекой, стараясь вдохнуть в точное изделие воздух, нужный для дальнего и меткого полёта сквозь враждебную стихию влаги.

Какое-то время он просто шевелил носком правого сапога. Вправо. Влево.

Вправо. Влево.

Дождь иссяк. Туман рассеялся. Ардуша достал подзорную трубу. В его прицеле был дом. Дверь солидная, широкая. Усадьбы на гребне водораздела – привилегия богатых крючкотворов, тех, кто умеет извлечь монету и политический капитал из географического казуса. «Нет конфуза – нет и опыта», — развлёк воодушевлённый окончанием ожидания Ардуш пробегавшего по стволу дерева огромного муравья. А потом отправил его щелчком пальца в полёт. Полёт был планирующим.

⁂

Ардуша, единственный живой представитель своего древнего Рода, изготовился к выстрелу. Его тело вместе с луком составило руну, достойную кисти каллиграфа. Во рту скопилась слюна – влага, чья юридическая принадлежность была неясна. Пришлось сглотнуть, так и не решив, в какое государство он этим плюнет. Тут вернулся муравей, и Ардуша ещё раз сглотнул от досады, что тот не появился раньше и не помог ему с выбором.

Пальцы разжались. По тетиве пробежала звуковая волна. Шелест родился и умер. Воздух звякнул. Ардуша выдохнул. Не было нужды проверять попадание: каропус высшего разряда Ардуша чувствовал велико-

лепный выстрел кожей. Сегодня было великолепно. Но инструкция есть инструкция. Он поднял подзорную трубу.

Спазм скрутил живот. Стрела торчала в дереве. Не в двери. В дереве за пределами участка. Тревога парализовала. Ошибка каропуса – это не просто брак, это дипломатический скандал. Ардуша согнулся, глядя в землю. По камням ползли ручейки.

И тут он увидел невозможное. Вся вода текла в одну сторону. В сторону его страны. Вся до последней капли. В штиль.

Граница исчезла. Ардуша позавидовал ветру. Воздух мог пересекать гребень без пошлины. Бедный каропус был прибит к земле гравитацией и законом. Его дыхание стало контрабандой. Сами собой проговорились полушёпотом заученные ещё в школе слова из Свода Трёх Неизменных Формуляров: «Где хребты делят воды на право и лево, там таможня стоит – единственная для власти мзда...».

Вода, как и всё сущее, подчиняется тяжести – вниз. С не меньшей неизбежностью сила Кориоли толкает вещи вбок от оси Мира. Две силы, всегда две.

Тяжесть, очевидно, ещё живёт. Кориоль – уже нет.

Ардуша искал в своём теле реакции, намёка на головокружение. Ведь если ты с рожденья живёшь в хитром и упругом боковом ветре сущего, то внезапный штиль должен столкнуть некоторые элементалии твоего организма с пути. Но нет. Шаг его был твёрд. Возможно, стерильность равновесия – это результат страха, который вытер колебания своей безжалостной железной щёткой.

Событие не сломало Ардуше мыследействие, но сменило точку сборки восприятия, переместив его «Я» изнутри привычного черепа вовне. В первые минуты быть свидетелем самого себя было нестерпимо.

Ардуша хотел потереть переносицу, но понял, что не помнит, где у него лицо. Рука нашла нос, но трогал он тёплое чучело.

Его вырвало. Вырвало отсутствием и сегодняшнего завтрака, и вчерашнего ужина.

Вырвало самим собой.

Левое плечо стало тяжелее правого, как будто туда уселся тот, кто знает конец. Снаружи мир оказался честным, холодным и мертвым. Но Ардуша вовсе не выбирал честность! Ему не жалко было собственной голо-

вы, переставшей быть аквариумом, в котором плавал источник его взгляда. Ему не жалко было своего тела, которое стало вдруг костюмом, который носит кто-то другой. Зато, казалось ему, этот кто-то или что-то знает, как ходить сквозь огонь. Камни под ногами перестали быть камнями, переродившись в объекты типа «камень».

Он побежал по былому позвоночнику мира. Галька вылетала из-под сапог. Киль его груди разрезал воздух непривычно ровно, как наконечник быстрой стрелы. Все три стихии – твёрдая, жидкая и летучая – смутились и слились. Спирали древесных стволов встречались всё чаще. Он лавировал. Ступни его то и дело неправильно опирались на землю.

Ардуша, наконец, споткнулся так сильно, что счёл за благо перейти на шаг, ведь его гнал не сиюминутный долг, а всего лишь вечный ужас перед сломанной физикой. «По-ря-док», — сплюнул, наконец, он словом, потерявшим смысл.

Ему казалось: шаг влево – одна судьба, шаг вправо – другая. А у него не было воли для выбора. Он благодарил небо лишь за то, что сейчас не нужно решать, какой ноздрей дышать.

⁂

Ардуше нужен был реальный, живой свидетель. Свидетель – это «тот, кто видел». Понятие это – свидетель – постепенно приобретало в его голове форму, пока он спешил к усадьбе. Это было единственное строение на всей обширной пустоши, и была надежда найти внутри кого-то, кто мог бы [засвидетельствовать]. За двадцать семь лет жизни Ардушы, из которых он хорошо помнил двадцать один год, это был первый раз, когда ему пришлось выстроить этот когнитивный объект в конкретную семантическую, языковую форму. О, Предки добросовестные! Свидетель. Надо же. Ему нужен тот, который тоже видел. Невероятно! Обычно… да что обычно – всегда… всегда хватало [показаний], то есть простого указания на факт тем, кто говорит. Показал – увидел. А сейчас этого мало.

«Феноменология, юриспруденция, эпистемология, герменевтика, семиотика, проксемика», — бормотал он. Всё не то, всё не то.

Он двигался с востока на запад, и поэтому местность прогибалась под лучом его зрения максимально. То, что он видел, то место, которое являлось его целью, было ближе для взора, чем для его уже заплетающихся от усталости ног. Глаз обманывается в расстояниях, и многим не хватает це-

лой жизни, чтобы научиться определять направление движения без зрения, ногами на ощупь. Однако тело и глаз лучника такого класса не проведёшь. Каропус и здесь ожидал подвоха от предавшей мир физики, но нет – земная твердь не подвела. Каропус собственными ногами убедился, что сгинула лишь Кориоль, инерция бокового смещения. Форма Великого Цилиндра земли не пострадала.

Обретя эту уверенность, Ардуша стал действовать спокойнее и рациональнее. Поэтому он решил ничего не делать.

Это тоже оказалось непросто.

Он уселся на засаженное топинамбурами поле. Он подумал, что мог бы пойти между рядками посадок, не тратя силы на постоянное преодоление кочек. Плавно изгибающиеся вдоль холма, аккуратно окученные заботливыми тяпками трудников линии повторяли, естественно, влияние Кориоли. «Теперь, когда Кориоль сгинула, можно делать вереницы растений прямыми, как луч света. О чудо, — мысль его крутилась наивной спиралью. — Что, теперь и стволы деревьев будут ровными как кровяная колбаса?» Пауза подействовала. Он встал, отряхнул со штанов комки почвы и продолжил путь.

Дуга поля увела его несколько в сторону, но он вскоре оказался на служебной фермерской тропе, которая быстро привела его к воротам усадьбы. Ардуша недолго помялся возле болтающегося на ветру линя колокольчика, с помощью которого можно было подозвать сторожа или иную прислугу, но звонить не стал. После определённых колебаний он решил усугубить профессиональную оплошность непопадания административным правонарушением. Ардуша отправился к дереву, в которое вонзилась бедолага-стрела, чтобы забрать послание.

Стрела торчала высоко. Пожалуй, в трёх стандартных человеческих ростах от земли. Пристроив уже порядком надоевший ударами по пяткам длинный лук у дерева, Ардуша отправился к группе пасущихся неподалёку домашних жирафов. Быстро найдя общий язык с одним из них, он подвёл доброе животное к дереву и взобрался по услужливо подставленному бедру на круп и далее на шею. Стрела и послание были в его руках. Он погрузил себя ещё глубже в пучину преступления, прикрыв след от стрелы кусочками коры.

⁂

Открыли сразу – как будто ждали под дверью. Слуга, судя по качеству ливреи – мажордом, без вопросов провёл каропуса в приёмное помещение. Сработала служебная роба Ардушы с нашивкой статуса «каропус» на сердце. Должность редкая и не лишённая уважения. На груди же мажордома Ардуша с удивлением и радостью увидел герб, совпадающий с тавром на его подзорной трубе. Это была усадьба не сутяги, но могущественного клана оптиков. С холёным видом мажордома несколько контрастировал странный беспорядок во дворе, который скрашивали растущие тут и там крупные декоративные тыквы. Ардуша не мог не заметить завалы ткани, брусьев и другого строительного мусора. Он не придал этому значения, списывая все странности на свой «перемещенный взор».

Ардуша с огромным удовольствием зафиксировал, что ни полувзглядом, ни иным намёком человек не дал понять, что уродство Ардушы произвело на него хоть какое-то впечатление. Каропус с покорным приятием провёл рукой по своей неестественно узкой, выпирающей как у гончей собаки грудной клетке. В его ситуации знакомство с человеком всегда начиналось с такой вот пометки: смог новый собеседник полностью скрыть удивление и брезгливость или нет.

Мажордом, оставляя Ардушу ожидать, уведомил, что единственный присутствующий представитель хозяйской семьи – оптик Жинго. Он непременно спустится к гостю, как только сможет. Мажордом пообещал, что вскоре подадут душистый чай, и удалился.

Ждать не пришлось. Всполохом красного плаща в помещении оказался очень молодой человек. Высокий и с приветливым, живым лицом.

— Оптик Жинго к вашим услугам, — блеснул он полупоклоном и произнёс формально корректно: — Не буду скрывать заинтересованности в вашем визите ввиду того, что сам считаю удалённость нашего жилья от города досадным неудобством, вследствие чего расцениваю вероятность необычности приведших вас к нам обстоятельств как крайне высокую.

Каропус немедленно изложил суть своего намерения, также ни мало не отступая от протоколов формальной речи:

— Каропус Ардуша, рад знакомству. Я испытываю потребность в немедленном проведении эксперимента, а также в присутствии свидетеля,

— сказал Ардуша, подготавливая почву для второй из трёх обязательных компонент реплики.

Формальный язык не был обузой в силу привычки длиною в жизнь. Радостью он тоже не являлся.

— Высказываю свою просьбу именно вам, так как поблизости нет других людей, а дело не терпит отлагательств, на мой взгляд, — произнёс Ардуша неотъемлемый в формальной реплике личный мотив, побудивший к высказыванию.

— Я оцениваю серьёзность обсуждаемого предмета как крайне высокую, на что указывает как минимум тот факт, что вынужден это делать в крайне неприятных сопутствующих обстоятельствах, — со вздохом завершил каропус третью и последнюю облигатную компоненту реплики.

Ардуша прижал руку к груди в стандартном жесте чистосердечия, прекрасно отдавая себе отчёт, что на его выпуклом в ненужном месте туловище это смотрится как минимум комично. Жинго, однако, не дал ни единого шанса заподозрить себя в проявлении презрения к физиологическому уродству. Он широко улыбнулся и предложил:

— Давайте на ты. Я вижу, как в вас всё горит. Вижу стрелу под полой вашего плаща. Понимаю, что вы тут изначально не случайно – дела моего старика. Но его сейчас нет, — весело подмигнул Жинго, плюхаясь со всего маху в кресло. — Так что он сам виноват, если пропустит самое интересное. Почему нет. На формальной речи мы быстро и далеко не уедем.

Ардуша с облегчением выдохнул, кивнул и тоже присел, выложив стрелу с письмом на низкий столик, стоящий перед креслами. Всё это время он стоял. Подали душистый чай.

⁂

По просьбе каропуса оптик дал распоряжение – слуга набрал большую ванну воды. Когда открыли донную пробку, и жидкость стала ламинарно уходить вниз, Ардуша указал пальцем на место слива:

— Вихря нет. Кориоль сгинула.

Жинго перевёл округлившиеся глаза пару раз с каропуса на ванну и обратно. Он чуть согнулся, как будто пересчитывая что-то в невидимом кошеле. Каропус смотрел на богатого отпрыска с сожалением – того корёжило нежеланием вести себя сообразно ситуации. Ардуше казалось, что кто-то внутри оптика, более честный, хотел выпрыгнуть и разреветь-

ся от ужаса. Однако, стеклянная весёлость глаз богатого баловня судьбы не выпускала его наружу. Оптик нашёл выход собственному напряжению, он обратился к слуге:

— Эй, Плата-Пансо! Не хочешь взглянуть?

— Никак нет, оптик Жинго. Не хотелось бы, — откликнулся из-за двери мажордом.

— Что так? — не отступал оптик.

— Мой папа говорил, что не стоит обращать внимания на несовершенства мира.

— Почему же?

— Папа говорил, что Авертигус жив отношениями людей. Чем они более кипучи, тем быстрее мысль его, — сказал Плата-Пансо.

— Как так?

— Вы же не станете портить свой выходной походом на занудный спектакль, уважаемый оптик, правда?

Неизвестно, сколько бы продолжались попытки оптика Жинго привлечь ещё одного свидетеля, но тут в ванне возник тончайший водяной смерч, быстро превратившийся в привычную бодро пляшущую воронку.

— Погоди, дай сообразить..., — пробормотал Жинго.

— Именно! — сказал Ардуша. — Всегда была. Всегда. Потом пропала. Теперь снова есть! Сейчас убедимся.

Каропус метнулся к выходу с несвойственной ему порывистостью, нетерпеливым жестом увлекая за собой оптика. На улице он вынул из колчана обычную боевую стрелу, указал на отдельно стоящее в паре сотен шагов дерево и быстро произвёл выстрел. Оптик проводил дугу полёта открытым ртом. Стрела, описав типичную кориольную траекторию, вонзилась точно посредине ствола нотой ‘дзынь’.

— Ого-ц, — присвистнул Жинго в том же аккорде. — Да ты мастер, Ардуша! Так-то ты мне показался типом медлительным, не сказать тормознутым.

Каропус позволил похвале освежить своё лицо. Он моргнул.

— Восстановилась, — сказал он. — Кориоль снова жива. Но ты был свидетелем её временной смерти. И тебе это далось явно проще, чем мне.

Они вернулись в комнаты под подозрительным взглядом мажордома. Чай он молодым людям всё же разлил по чашкам вполне дисциплинированно.

— Зачем тебе свидетель? — оптик уже и не знал, чему больше удивляться. — Первый раз встречаю человека, который не рассчитывает в достаточной мере на своё собственное слово. Ты же не один из тех редких падших подтвердьждателей, чья твердь разрушена. Никто бы и не заподозрил тебя в искажении действительности как человека, попросту не обладающего навыком лжи.

— Я, собственно, не уверен, что об этом вовсе стоит рассказывать, — тихо, почти шепотом сказал Ардуша. — Чувствую, что дело архиважное, но объяснить не могу.

— Я знаю, кто может! — тут же выпалил оптик.

⁂

Оптимизм его от загадочности происходящего не пострадал.

— Посетило меня подходящее размышление. Поехали.

Жинго засуетился. «Какой несообразный свидетель», — подумал Ардуша.

— Седлай двоих, — крикнул оптик слуге, а сам быстро сходил за наплечной сумкой, нацепил балдрик, надел шляпу, накинул плащ с вышивкой своего клана и уставился на каропуса:

— Чего мнешься? Голодный, что ли?

— Тут это... — промямлил Ардуша, кивая на стрелу с письмом.

— А, это, — Жинго легкомысленно отмахнулся. — Стрельни ею в дверь, и все дела.

— Должно выглядеть, как будто прилетела издалека, — чисто технически возразил каропус.

— Ну так рассчитай усилие, — с недоумением ответил Жинго. Он стоял в позе возмущённого ожидающего. Одна штанина его, широкая к низу, полыхала нетерпением – оптик буквально бил каблуком.

Каропус вышел на середину двора, натянул лук... но спасовал.

— Не могу, — признался он. — Наглая ложь действием.

— Неси коловорот с тонким сверлом, Плата-Пансо, — гаркнул тогда Жинго мажордому. Когда тот появился во дворе с инструментом, прика-

зал: — Сверли ровно посредине двери, чуть сверху вниз, градусов тринадцать. Вот. Теперь засади туда стрелу. Вот так. Вкрути чуток. Отлично. Ты теперь соучастник. Понял, Плата-Пансо?

Жинго беззаботно улыбнулся и мажордому, и каропусу, а затем бодро взлетел на уже оседланного жирафа.

⁂

Каропус Ардуша, однако, к этому моменту пришёл в себя. Он заново оценил ситуацию. Новый знакомый, готовый сорваться куда-то прямо сейчас, был откровенно смешон. Возможно, отрезвлению способствовало то, что, так или иначе, работа каропуса была завершена. Да, некорректно. Однако, завершена. С последствиями или без, но всё-таки завершена.

Сиюминутно, затруднительность положения была в двух вещах. Во-первых, крайне желательно было поесть и отдохнуть. Тут оптик угадал. Во-вторых, хотелось понаблюдать и поразмыслить над проблемой сбивки восприятия. Оба эти обстоятельства побуждали каропуса придумать, что сказать оптику, чтобы он отложил отъезд до завтрашнего утра. А лучше – до обеда. Ардуша попытался взглядом привлечь мажордома в качестве союзника. Не вышло. Плата-Пансо, было видно, натренирован годами, если не десятилетиями невмешательства.

Что ж, оставалось сказать самое энергетически малозатратное:

— Жинго, любезный ты человек, что-то устал я смертельно. Отложи до утра.

— Ты не заболел? — спросил он скорее вкрадчиво, нежели участливо.

— Вроде… нет, — ответил Ардуша.

— Добре. Была бы инициатива, подчиниться несложно. Распрягай тогда, Плата-Пансо. Прости за лишний труд. В «мост» играешь, Ардуша? Поедим, потом поиграем.

⁂

— Послушай, Ардуша, — лицо Жинго напряглось, — прости великодушно. А мог ты, скажем… ну… промазать?

Каропус не обиделся.

— Тот, кто сам не стрелок, этого не поймёт: коварный мглистый воздух всегда остаётся внизу на поверхности Цилиндра мира, под хордой, соединяющей стрелка и его цель.

— Выше хорды атмосфера бывает обманчиво прозрачна?

— Да! Но мгла цепка! Взору она не мешает, а полёт стрелы рушит. Поэтому «бдите направление вращения мира!» – так говорили мои наставники. Стрела летит по дуге. Исходя из направления вращения мира, инерция Кориоли заставит стрелу нырнуть на среднем участке или, наоборот, временно уйти вверх. «Внимание, — учили нас, — внизу – влажность, там другое противление полёту стрелы»...

— Я понял-понял, — сказал Жинго, бросая кости. — Кто твои родители, Ардуша?

Жинго спросил это настолько небрежно, насколько это возможно. Если бы каропус ответил через три минуты, в текущем контексте это всё равно прозвучало бы приемлемо и уместно.

— Всегда были чиновниками, никогда не были богаты. Сейчас я один, но в этом нет виновных, кроме целого ряда разрозненных неприятностей и несчастных случаев.

— Разными чиновниками? Не только каропусами?

— Изыскатели были... Разными, да.

— Но всегда такими, что про службу лучше не рассказывать, да?

— Получается, что так.

Оптик развернул игровую доску на пол круга и стал заново расставлять игровые камни. Первую партию он выиграл. Каропус тем временем всматривался в собственные ощущения. Мешала ребячливая мысль, дескать, если я вижу сбоку, то смогу стрелять так, как никто. Но сбоку он не видел. Искажена была перспектива. При том – не всегда.

— Ну а твой Род что? Всегда, во все века – оптики?

— В той мере, что мне известно – да, — без энтузиазма сообщил Жинго. — Пресные люди. Ты сам видел: даже мажордома подобрали соответствующего. Человек добровольно отказывается взглянуть на чудо, представляешь?

— Мне показалось это религиозной осторожностью.

— Вздор, — отверг такое предположение Жинго. — Святоши чтут заветы исключительно умозрительно. Пока не припекло.

У Ардушы объяснение было, но высказать он его не мог: раз уж у него, у каропуса, случилась странность с сознанием, то и другие могли получить удар по разуму. Какого-то другого толка удар. Возможно, толка не менее абсурдного, чем его переменчивое смещение перспективы.

Медленная теологическая беседа текла плавно. Каропус расслабился, проиграл оптику немного денег, да так и уснул, прямо на той софе, где и сидел.

Сон его протекал в перспективе нормальной. Более того, каропус сна не запомнил. Мажордом, на ночь глядя, стал убираться во дворе, производя немалый шум. Оптик стал ходить по дому, тоже создавая шум, но уже за счёт ругани с мажордомом. Смещённая перспектива взора шептала Ардуше, что в этом доме-на-далёком-отшибе никогда не было индивидов одновременно суверенных и взрослых. Кроме что, пожалуй, некоторых жирафов.

¶

Фрагмент 20. Дефекты в твёрдом: появление Притхимы

¶

Два жирафа с наездниками спорой иноходью трусили вниз с гребня водораздела по извилистой гравийной дорожке. Флегматичный мир был снова привычно разделён на три ипостаси – твердь, воду и воздух. На гладких боках речных голышей блестели остатки недавнего дождя. Сотнями порталов-зеркал наблюдали камни снизу за всадниками. Путники же не задавались вопросом, какая сила занесла эту гальку так далеко от реки. Длинные компенсирующие пружины в седле, доставшемся каропусу, нещадно скрипели на каждом шаге каждой из четырёх ног огромного животного.

Путники, в целом, игнорировали твёрдое дорожное покрытие; они были заняты стихией летучей. Первое время, пока спуск был крутым, всадники не могли ни о чём думать, то и дело продувая мощными выдохами свои уши, плотно зажав пальцами нос. Воздух становился гуще с каждым шагом. Давило более чем неприятно. Впрочем, очень скоро склон ослабил градиент, и терзания телесные сменились томлением разума.

«Голод можно утолить, амбиции – похоронить, страх смерти – избыть аскезой. Но если ты уберешь вопрос “а что, если?”, ты удалишь не функцию, а само я. Любопытство – это не желание, это форма существования», — молча занимался каропус самооправданием, отмеряя каждое слово скрипом пружины.

Жинго по большей части не разделял трудностей каропуса, насвистывая модный шлягер. Молодой оптик ехал, мерно качаясь под пламенем колышущихся перьев своей шляпы. Механизмы седла его были подогнаны и смазаны, что, видимо, и не давало ему нужного фундамента для самокопания. Возможно, избирательная забота Плата-Пансо о сёдлах не была результатом простого недосмотра.

Любопытство Ардушы заскрежетало вдруг дефектом. Виноваты были длинные, гибкие шеи. Сидя на жирафе верхом, в пространстве между

крупом и началом шеи, можно оказаться под разными углами к земле. Нет той вертикальности, которой может похвастаться наездник, например, коня. В какой-то момент, случайным образом, выстроились в одну линию со смещенной точкой перспективы, к витанию которой где-то сзади и сверху каропус успел уже привыкнуть, бедные головы Ардушы и Жинго. Сейчас та рапира, из которой торчал сбитый вектор восприятия, наколола ещё и сознание Жинго. Коварству рапиры не было предела – самое острие её умело сгибаться и складываться как перочинный нож, чтобы точной настройкой не упустить нанизанную жертву. Прямо внутри головы Ардушы сидело теперь трое: он сам – сам себе чужой, Жинго и сама Причина, держащая в руке ужасную рапиру. Эти трое криком вели перебранку:

«Чаво мы тащим за собой этот хвост Двойки? Боишься за свою профессию?»

«Да! Зачем шесть? Надо три... в кубе».

«Как так... оглядываемся на Старого?»

«Самодостаточность. Созерцавель! Созерца...»

«Оно любит само достаточно».

Голоса смешались, и Ардуша стал уже сползать с седла, теряя хватку рук. Он схватился за лук, с неясной целью. Мгновенное облегчение подарил сам мир. В облаках образовался редкой величины разрыв. Это перевернуло страницу в книге личного времени Ардушы. Пульс ещё некоторое время отдавался в ладони, которая сжимала верное оружие. Жинго, как виделось сейчас Ардуше, изгибал позвоночник то влево, то вправо, будто пытаясь снять слишком плотный сюртук.

Внутри титанического цилиндра мира стали видны огромные пространства: дни пути, возможно, семерица. Внизу, на плодородной долине Реки, хаотичными наростами темнели два города. Множество деревень и сёл.

Молодые люди залюбовались видом. Такое никогда не надоедает. Тем более что отвратительный эффект собственного взора, висящего где-то за левым плечом, перед эти великолепным видом пасовал. Когда Ардуша смотрел вглубь мира, всё было как прежде. Конечно, он предпочёл промолчать о галлюцинации. Он решил закрепить вернувшееся ощущение твёрдой реальности, задав приземлённый вопрос.

— Ты не знаешь, Жинго, почему диаметр мира именно такой, 357 хилиад шагов? Почему период обращения – 1246 ударов сердца? — громко спросил Ардуша оптика с дистанции, не рискнув направить своего скакуна поближе. — Чтобы было красивое сочетание цифр?

Родители оптика, как мог предположить каропус, не стали бы экономить на преподавателях. И Жинго превзошёл ожидания своего спутника:

— Знаю, представь себе, — ответил оптик, подъехав вплотную к Ардуше. Животные тут же встали как вкопанные и сплелись шеями. — Тебя тоже не устраивает версия из учебников? Они только и могут, что написать для пафоса – «хилиад», тогда как для нерастительного нужно писать «тысяч». Что Авертигус – растение что ли?

Воспользовавшись остановкой, путники достали подзорные трубы.

— Я, признаться, и её не знаю, — скромно сказал Ардуша. Он привычным движением раздвинул свою телескопическую трёхсегментную трубу. Она солидно щёлкнула в пазах-зажимах.

— О, брат, как же ты дослужился до каропуса, — простодушно и не очень вежливо удивился Жинго. — Хрестоматийно считается, что в мире создателей Творцов диаметр… как сказать, составлял «круглое» число. Сто, вроде бы. А когда перевели в наши единицы, получилась нелепость. Авторы учебников, кстати, не увидели в 1246 и 357, в отличие от тебя, ничего красивого.

— Почему ты называешь их создателями Творцов? Все же просто говорят – Предки.

— Я аккуратный, — самодовольная улыбка не сходила с лица оптика Жинго. — Но учебники – мусор. Вот что я подслушал в кабинете своего папаши. Ему глава клана лекарей рассказывал…

Оптик довольно сбивчиво изложил теорию лекаря. Ардуша из сказанного уяснил лишь то, что размеры мира выбраны так, чтобы сила тяжести на уровне моря была как у Предков, а плотность воздуха на вершине Великой горы – в четыре с половиной раза ниже, чем внизу.

— Почему в четыре с… — не успел закончить вопроса каропус.

— Да потому что ещё большую разницу не выдержать, что тут непонятного. Задохнёшься или наоборот порвёт чего-нибудь внутри, леший его знает. Я не ходил ни на вершину, ни в устье.

— Её и такую не выдержать. Извините, — сказал Ардуша.

— Ну. Кому как. Слышал, есть способные люди. А про числа забудь. Просто случайность. Дай лучше на твою трубу взглянуть. У, какая тонкая. Нашего дома работы. Прошлого века ещё. Таких сделали всего сорок семь. До сих пор не все продали. Никаких пузырей и газовых включений, никаких свиллей. Минимальные остаточные напряжения. Никаких кристаллитов. Отличная варка и осветление. Достойнейший инструмент.

Фокус внимания его бегал по редкой подзорной трубе быстро и уверенно, как пальцы флейтиста. Он вдавливал и ощупывал механические сочленения. Вынув из кармана огромный шёлковый платок, он расправил его профессиональным взмахом. Пока оптик протирал линзы, вышитое в уголке тавро клана гипнотизировало Ардушу. После этого Жинго и не подумал возвращать инструмент. Он принялся крутить его в одной кисти, как циркач, вызывая у каропуса определённую нервозность.

— Твой отец, наверное, гордится тобой, — выдавил Ардуша. — Разбираешься в вашем деле.

— Ха! Издеваешься? Он меня иначе как дефектным не называет. Я вдаль люблю глядеть. Большое. При этом что? При этом почти все деньги зарабатываются на мелкоскопии. Крошечные печати на документах, знаешь? Ну конечно знаешь, — прервал он сам себя хлопком по бедру каропуса. Оптик при этом отдал, наконец, Ардуше его трубу. — У тебя у самого на луке такая есть. Инструмент-то профессиональный, строго лицензионный.

— Я думал там доходы примерно пополам, — удивился Ардуша. — Вернее, я вообще про это не думал, но если бы задался вопросом...

— Вот ты наивная душа! А ещё стрелок. Выручка с самих приборов – одна сотая от всего. Главное – лицензии всякие, право на верификацию. Клеймо, тавро, тьфу! Крючкотворство. А то и того похуже. Ну, поехали уже, — Жинго бесцеремонно стукнул своей трубой по носу жирафа Ардушы. Животное отпрянуло. Оптик сложил прибор одним молниеносным движением и отправил за пазуху. Каропус еле усидел в седле, но компенсирующие механизмы, несмотря на скрежет, сделали своё дело.

Через некоторое время они подъехали к развилке. Налево – Мишицбатллабан. Направо – Фольмельфтейн. Каропус, не задумываясь, поехал направо.

— Нам в Мишицбатллабан, приятель, — ухмыльнулся Жинго. Перья на его шляпе и вовсе станцевали короткое па презрения.

— Но... я в Фольмельфтейне живу, волею Предков... — пробормотал Ардуша.

Однако, отказать было никак нельзя – ведь вчера он воспользовался гостеприимством. «Леший дери, — думал Ардуша. — Теперь застряну ещё дольше. Неужели он так легко вчера согласился, чтобы сегодня втянуть меня той недосказанностью? Говорил же наставник: не переходите на ты с теми, с кем соприкоснула служба».

— Я вовсе на гребне водораздела живу, что ж теперь... — говорил тем временем Жинго. — Поворачивай давай. Ты, я посмотрю, мелочник и формалист, брюзга и буквоед. Педантствуешь в пустых мелочах. Прямо как мой папаша.

«Добром это не кончится», — вынес каропус молчаливую оценку очередному дефекту этих дней и повернул за оптиком, продолжая уже неизбежный катабасис.

⁂

Когда они подъехали к ближайшим окрестностям города, уже вечерело.

Город от мира отделяли стена с башнями и внушительный ров, который можно было принять за реку. Впрочем, отводным каналом реки он и являлся. Огромные камни, составляющие мост через ров, дышали твёрдостью. Сам мост, шириной в городское здание, выгнулся на сотню шагов. Из-за своей значительной ширины мост прижимал пустоты над водой, между десятком мощных опор, глубокой тенью.

Ввиду строгого пропускного режима, многие приезжие предпочитают вести торговлю, не пытаясь зайти в город. Поэтому передо рвом образовалось обширное предместье. Власти не позволяют здесь селиться, но основательных шатров с тавернами и лавками тут великое множество. Вот сушёная рыба. Вот грибы. Вот тыквы. Был даже ломбард, где на позорной витрине красовались фамильные колье, потёртые приборы-обменяшки, верхняя одежда, упряжь, книги и другие расношёрстные ценности. Между рядами бродил, скучая, почтальон-голубинёр. Единственное капитальное здание – временный приют для ездовых животных. Все, кроме ишаков, внутрь городских стен не допускаются.

В приюте были все ездовые животные, о существовании которых Ардуша только знал. Дорогие скоростные страусы. Работящие лошади. Терпеливые к снегу гигантские псы. Были даже незаменимые для хвойных лесов территорий приустья лоси.

— Широте торговых связей города можно только позавидовать, — отметил Жинго. — Птеродактилей только не хватает.

— Их что, тоже запрягают? — удивился Ардуша.

— Отчего не запрячь, если смог поймать, — отшутился оптик.

Ардуша и Жинго благополучно разместили добрых животных в соседних стойлах и задали им корм, однако на выходе возникла заминка. Каропус внёс оплату, а у оптика Жинго денег не оказалось.

— Отец не даёт, — потупил он взор. И попросил с вздохом: — Долгая история. Расскажу. А пока: заплати за меня, друг Ардуша, будь любезен. Верну.

Каропусу не составило труда выручить спутника. Он не стал произносить, что у оптика как минимум есть его вчерашний выигрыш. Впрочем, тот вполне мог успеть проиграть его мажордому.

Они вышли к мосту.

— Перекусим? — предложил каропус. Он указал приятелю на гостеприимно выглядящий зелёный шатёр с таверной внутри.

— Да в городе поедим, в месте поприличней. Не потерпишь разве, — торопил его, однако, к мосту оптик.

— Осмотреться бы к тому же надо, прежде чем через стражу проходить, — осторожно предположил Ардуша. — Прислушаться. К текстам на обменяшках поприсматриваться. Не мы же одни всполошились. Наверняка ведь, а? А ну как власти в городе введут какой-нибудь специальный режим. А мы без денег почти, без жилья.

Физиономия оптика скисла.

— Застрянем. Тебя не ждут завтра дома? — настаивал каропус, набравшись смелости.

Общаясь с оптиком на ты, каропус имел возможность упустить в своих репликах главное беспокойство: а вдруг мажордом донёс на него через голубинёра, и теперь он, Ардуша, в розыске за должностное преступление. Он давал низкие шансы как нелояльности слуги дома оптиков, так и

тому, что в той глуши есть голубинёры, уполномоченные отправлять формальную почту. Но всё же. Да и голод душил нещадно.

— Да всё нормально будет. Идём, — упорствовал Жинго. — Зохо-зохо.

— Так же, как при оплате стойла? — вынужден был пойти на откровенное нахальство каропус.

— Ладно, уговорил. Где отужинать – выбираю я, — без раздражения и даже весело сказал оптик. Он тут же направился к заведению, где посетители сидели вокруг гигантского чана на высоких трёхногих табуретках. В котле варилась пахнущая на всю округу густая тёмная похлёбка. Повар, он же, видимо, и хозяин, накладывал всем еду с помощью половника, длина ручки которого была в рост человека.

«Это, конечно, поприличней», — подумал Каропус, который обычно предпочитал пищу, приготовленную в индивидуальных чугунках. Но он, естественно, предпочёл не противиться. Он посчитал, что выбор оптика Жинго обусловлен тем, что если смотреть на эту таверну сверху, то она выглядела круглой, как линза.

⁂

Народ на предмостовой ярмарке был воспитанный, но встречались и те, кто оказался не в силах скрыть удивлённого взгляда или даже усмешки при виде грудной клетки Ардушы. Но не это явилось причиной, почему каропус не мог ужинать спокойно. Напротив них сидела девушка, которую он видел пару раз на улицах родного Фольмельфтейна. Первый раз это случилось года три назад, но с тех пор не было ни одного вечера, когда бы он, отходя ко сну, не посвятил бы ей мысль-другую. Взгляды украдкой и гамма чувств на лице Ардушы не ускользнули от избирательной внимательности оптика. Он не стал ни бездействовать, ни мудрствовать, обратившись к девушке:

— Мой друг в вас влюбился. Говорю это единственно из желания, чтобы он не пустил свою жизнь под откос почём зря, и рассматриваю данное своё высказывание чертовски серьёзно, — выдал он формально корректную фразу.

Девушка в ответ лишь улыбнулась. Возможно, приветливо. Это если не подходить к оценке мимической коммуникации слишком строго. Она выглядела обворожительно. Взор из-за левого плеча портил всё, кроме неё и далей неба.

— Но чтобы вы не зазнавались, добавлю, что у него был сегодня с утра шанс увидеть не менее чудесное чудо, при всём уважении к вашей красоте, — не отставал Жинго, дополнив свою реплику дословным повторением категорий намерения и личной оценки, чтобы тем самым нивелировать их значение.

Девушка, ни говоря ни слова, встала со своего места. Оказалось, что она сидела не на табурете, как все, а на баррель-органе, поставленном на попа. Она обошла вокруг огромного чана и уселась через одно место от приятелей, со стороны Ардушы. Так же – на свою шарманку. Табуретка за миг до этого отлетела от точного тычка оранжевого сапожка в угол шатра. Что характерно, приземлилась она на ножки.

— Я вас тоже раньше видела, — кивнула она и с подозрением принюхалась. Неясно было, видела ли она оптика, каропуса или обоих. Девушка нагло пренебрегла необходимостью формализировать фразу, будто законы языка для неё были мягче, чем для других.

— На ты? — тут же предложил оптик, подозрительно оглядываясь вокруг. Строго говоря, для перехода на ты потребовалось бы объяснение, наличие каких-то обуславливающих обстоятельств, окажись рядом патруль по культуре.

— А ты кто? — спросила Притхима. В этот раз было совершенно ясно, что обратилась она к оптику. — Меня зовут Притхима.

— Оптик Жинго.

— Хороший оптик?

— Самый лучший! — объявил оптик, не успевший ввиду молодости познать самого себя.

— Смотри, я склонна верить людям, — предупредила Притхима. — Лучший так лучший. Ну? Рассказывай.

Оптик представил приятеля и быстро, даже наверное слишком быстро, изложил лишь то, что видел собственными глазами – опыт с ванной. Притхима не стала пытаться выяснить, зачем двум молодым людям понадобилось с утра наливать и спускать воду, хотя во всём Иллюмиросе вряд ли отыскался бы человек, который бы занимался своим туалетом после пробуждения, а не вечером перед сном.

— Ты видел, как гаснет фонарь? — сказала она, нисколько не удивившись рассказу. — Сначала ярко, потом – нет-нет, да моргнёт. А потом – всё. Твоя ванна – первое моргание.

Притхима занималась своей трапезой, а парни смотрели на неё с непониманием.

— Это дислокация, — сжалилась она через некоторое время. — Несколько мигов, говоришь, не было воронки?

Оптик фальшиво кивнул. Каропус промолчал. Притхима пояснила:

— Это такой горб внутри мироздания. Складка, которая пробегает внутри твёрдого, заставляя его сдвинуться, но не ломаться.

На слове «горб» сердце каропуса ёкнуло. Он, внутри своих мыслей, считал своё уродство горбом, переселившимся почему-то на переднюю часть туловища со спины, где он живёт у всех относительно нормальных, хоть и малочисленных людей – горбунов. Горб его, казалось, зажил в эти минуты собственной жизнью. Того и гляди свой отдельный сюртук себе наденет.

— Ни гроша не понял, — признался тем временем Жинго. Он ткнул локтём Ардушу: — Ты понял?

Ардуша не мог произнести ни слова.

— Видели, как ползёт гусеница? — растолковывала девушка. — Она не переставляет лапки, как человек. Она сжимается в гармошку, создаёт горб на спине, и этот горб перетекает с хвоста на голову. Камень или железо, когда его куют молотом, ведут себя тоже как гусеница. Внутри пробегают невидимые мельчайшие складки. Благодаря этому только железная полоса вытягивается, становится длиннее, но не рассыпается в труху.

Притхима прекратила разъяснения. Как видно, ей это надоело. Она повела носом по воздуху, проявляя беспокойство.

— Ого, — с пониманием сказал оптик. — Кабы бы не эти «гусеницы», железо было бы твёрже стекла, а когда ударил бы кузнец молотом – оно и разлетелось бы, как моё стекло.

При этом он не без гордости похлопал по своему фамильному гербу на правой груди.

Тут на табурет, стоящий между Ардушой и Притхимой, с размаху уселся какой-то малый. Он нагло осклабился в адрес девушки, не успев даже поставить свою тарелку на круговую стойку, служившую всем сто-

лом. Дальше случилась странная вещь, достойно пополнившая в глазах каропуса сегодняшнее ожерелье дефектов мироздания. Девушка взяла мужика за локоть, и через миг тот сменил сидячее положение на стоячее, причём шагах в трёх от них. Если бы он просто улетел спиной в пыль на утоптанной под шатром земле, можно было бы счесть это удачным болевым приёмом.

Оптик сей складки в течении мира не заметил ввиду её скоротечности.

— Бывайте, парни, — сказала девушка и была такова. В том месте, где стоял баррель-орган, остался глубокий след, как если бы музыкальная коробка весом была с целую ломовую лошадь.

⁂

Каропус шёл по мосту, радуясь тому, что теперь у него в сотню раз больше визуального материала для мечтаний перед сном. И не только визуального. «Ты думаешь, металл и камень мертвы? — выдумывал он не произнесённые Притхимой слова. — Нет. Внутри них живут невидимые каменные змеи. Это и есть дислокации. Когда кузнец или каменщик бьёт молотом, то будит этих змей. Они начинают шевелиться внутри, перестраивать узор материала. Если змеи ползут дружно – металл гнётся, становится мечом или плугом. Если змей загнать в угол или убить резким охлаждением, материал станет злым и твёрдым. Но главное – хрупким».

Мечтания о секретах мягкой силы и хитрых трещинах-складках омрачала усталость. А может – ревность к тому незадачливому наглецу, переставленному как пешка в настольной игре. День складывался как нельзя хуже. День складывался как нельзя лучше. День складывался складками.

Стена и пропускной пункт впереди торчали дефектами местности. Граница между «хаотичным застенным здесь» и «упорядоченным внутренним там» выглядела требовательно. Впрочем, для бургомистра и его челяди это имело буквальный смысл – удерживать такую твёрдую структуру от разрушения действительно требует постоянного расхода ресурсов.

⁂

На проходной все посетители сдавали на временное хранение оружие, если оно не являлось лицензионным. За это взималась немалая плата. Справедливости ради, надо отметить, что бургомистр не обкладывал пошлинами не только гостей, но и товары. Каропус предъявил свой лук,

стражник проверил с помощью мелкоскопа мелко-марку на стальной части, где удерживалась тетива, и пропустил Ардушу в город. Каропус задержался у дверей, дожидаясь прохода оптика, и тут началась перепалка.

Каропус смог разобрать немногие слова, но канва конфликта была ясна. Рапира оптика не несла необходимого клейма, на что оптик яростно выдвигал юридически несостоятельный аргумент, что он сам оптик. Не помогли и указания на тот факт, что на мелкоскопе стражников стояло то же клеймо, что и у оптика на плаще. Впрочем, основную массу слов составляли эксплицитные ругательства и оскорбления. С обеих сторон.

Не участвующий в перепалке стражник посмотрел на каропуса. Взгляд его изменился.

— Да он ещё с каким-то уродом, — кивнул он в сторону каропуса.

В пол мига каропус оказался внутри конфликта, физически. А сам конфликт перешёл в кулачный бой. Что-то, пахнущее потом и луком, врезалось ему в скулу.

— Ах ты, урод! — тыкал уже валяющегося на полу каропуса сапог. Под рёбра – туда, где под сюртуком уродливо выпирала грудь. На помощь подоспели другие сапоги. Что характерно, с аналогичными оскорблениями. Реальная сущность людей легче всего проявляется в пограничных ситуациях. Пока каропус проходил таможенную процедуру, никто никак не выразил презрения. Но оно было внутри, как выяснилось. Хуже всего было то, что Ардуша наблюдал эту сцену, ко всему прочему, ещё и со стороны.

Через весьма непродолжительное время товарищи сидели в каменной нише за решёткой из толстых стальных прутьев. Через пару часов они задремали. Уже давно стемнело. Начальника стражи отвлекать от семейных дел до утра никто не собирался. Как выяснилось чуть позднее, в этом был плюс. Профессиональное лицензионное оружие у каропуса не отобрали – низкоранговые служаки побоялись нарваться на превышение полномочий.

⁂

— Psst, парни... — разбудил их громкий шёпот.

За решёткой стояла Притхима. За спиной у неё висел на ремне баррель-орган.

— Я сейчас копну, а вы после этого не теряйтесь, бегите направо, там проулок. Меня там дождитесь, мне прибраться нужно будет, — шмыгнула она носом и смачно сплюнула в сухую пыль.

Они не успели выяснить ни что значит «копну», ни о какой такой уборке идёт речь. Притхима взялась за один из прутьев, как за черенок лопаты. А потом она действительно копнула. Как лопатой. Металл жидко скрипнул, словно глина. Вся решетка, включая фрагменты каменных стен, пола и потолка, провернулась, словно вырезанная из мягкого масла. Притхима отставила эту конструкцию с неаппетитными строительно-архитектурными потрохами вбок, чтобы молодые люди могли выйти, и жестом приказала им исчезнуть.

⁂

Ардуша бежал. Притхима превзошла свой образ, а её образ превзошёл сам себя. Думать о ней теперь было невмоготу. Каропус думал о себе. Он думал о себе, как о раскалённом металле. Он был заготовкой меча, которую макнули не просто в воду, а в ледяной рассол. Где-то там внизу, в дельтах Рек, где бывает очень холодно. Ардуша теперь откуда-то знал, что это даёт такую твёрдость, которой не видел мир.

Парни, пытаясь отдышаться, стояли в узком проулке. Как обычно, с северо-запада светила полная Луна. Они не разговаривали. Ждать пришлось не так долго. Когда девушка появилась, оптик выступил вперёд:

— Оптик Жинго к вашим услугам, — поклонился Жинго.

Его спутник последовал примеру:

— Каропус Ардуша к вашим услугам, — поклонился Ардуша.

Девушка сказала:

— К услугам? Стрелок, видишь часы на ратуше? Вот тебе стрела, — она передала Ардуше длинную стрелу, наконечник которой отливал иссиня-чёрным. — Пригвозди-ка длинную тонкую стрелку.

Ардуша посмотрел на башню, находящуюся шагах в пятистах. Естество Ардушы выбрало подумать о том, что все архи-квалифицированные стрелки в городе учтены посредством досмотра мелко-клейма привратниками. Он замялся.

— Ну ладно. А я – лектотип Притхима, — сказала Притхима. — Услуг не предлагаю.

¶

Фрагмент 21. Тензор напряжения: стычка, клятва и охота на часы

¶

Пятно, занимаемое точёной фигурой Притхимы в поле зрения Ардуши, уменьшалось. Это объяснялось просто: девушка, с баррель-органом на спине, спокойным шагом удалялась. Инструмент ничуть не раскачивался, но плыл над землёй ровно, словно девушка была к нему приторочена в качестве пассажира, который пусть и грациозно, но совершенно бесполезно переставлял свои ножки по земле.

Ардуша положил стрелу Притхимы в колчан и стал смотреть ей вслед. Он неестественно выгнул шею, подобно тому, как это делают птицы, когда наставляют свой глаз, торчащий ровно посреди головы, на жертву или опасность. Ардуша вдруг почувствовал себя счастливым. Он раскрыл и сомкнул ладони несколько раз, как бы разминая нежную безразличность мира к себе. Он уже не боялся неминуемого каскада неприятностей, переходящих в катастрофу. Ему теперь, в его опьянении новой для него формой свободы, нужен был зритель. Его падение – достойное топливо для торжества. Так он примерно думал, но сказал (чуть повысив голос, чтобы компенсировать расстояние до Притхимы) проще:

— Мы ещё улыбнёмся!

Слабое эхо – звук «ещё» – заметалось между стен узкого переулка. Девушка остановилась. Баррель-орган с глухим стуком повстречался с землей. В этот раз – крышкой кверху. Девушка открыла её, и в первый раз из инструмента разнеслось музыкальное взвякивание, доказывающее, что ящик имеет отношение к сфере музыки или музыке сфер.

Притхима наклонилась над открытым баррель-органом, вызвав у Ардушы своей позой немой стон, и вдруг вынула оттуда рапиру. Рапира, естественно, была раза в два длиннее самого протяженного ребра шарманки, и Ардуша тщетно пытался вспомнить, разгибалась ли она при извлечении – и видел ли он этот момент. Но его не интересовало в предшествующие миги ни то, что внизу, ни то, что наверху. Актуальным было

лишь то, что каропус смог – потенциально – вообразить себя, вмещающим Притхиму.

Она вдруг, без предупреждения и со значительного расстояния, бросила рапиру Ардуше так, что ему оставалось только раскрыть кисть правой руки. Оружие было у него. Эфес обрамлял его кулак как огромный мир – зерно песка. Ненавистный взгляд из-за левого плеча пропал так же резко, как и появился тогда на гребне водораздела. Всё вернулось в норму.

Всё. Вернулось. В норму.

— До встречи впереди, — сказала Притхима безо всякого выражения и растворилась в переулке.

Ардуша передернул плечами, сбрасывая леденящую свободу, повернулся к оптику Жинго, прошёл отделявшие от него несколько шагов сквозь ночной туман и передал ему рапиру из рук в руки:

— С ножнами сам что-нибудь сообрази.

⁂

Жинго, равнодушно отследив постепенное размытие акварельного силуэта Притхимы в ничто, оценил вес оружия и отметил, как быстро умерло сожаление по поводу утерянного на злосчастной таможне привычного клинка. Он, однако, не стал тратить время на разглядывание своего нового инструмента. Надо было делать ноги.

Ему хватило беглого взгляда, чтобы изучить остановку и мысленно проложить маршрут. Они двинулись по широкой улице. Трёхэтажные дома одинаковой ширины стояли впритык. Отсутствие зазоров в пространстве не отменяло огромной разницы в их возрасте и достатке владельцев. Были новые кирпичные дома, были древние каменные, были деревянные неопределённых времён.

— Каждый десяток шагов меняем эпоху, — не ускользнуло от каропуса удивительное разностилье, несмотря на спешку и общую напряжённую обстановку.

Оптик взглянул на каропуса. Когда же усталость и тревога выбьют из него всё лишнее? Но в благодарность за рапиру счёл вежливым поддержать неуместную беседу.

— Зато закон – един и неизменен, — с усмешкой указал Жинго клинком на идентичность участков и одинаковую высоту жилых этажей.

Свистнув лезвием в воздухе, он заклеймил консервативность устоев Магистрата межевальщиков в целом. — Пока дом не сгорит, перестраивать нельзя. Только чинить. Причём в тех рамках, в которых укажет бургомистр. Заподозрят в поджоге – сгноят в тюрьме. Одна из причин, почему наш клан не имеет владений в городах. Чтобы не быть никому должны…

Оптик вдруг остановился.

— Слушай. Про долги. Она же, получается, заплатила. Ты бы разобрался с этими часами-то.

Ардуша пожал плечами. Он вынул стрелу Притхимы, провёл двумя пальцами вдоль всего древка, встал наизготовку. По сигналу внутреннего чувства он произвёл выстрел. Через заметное время они услышали металлический звук. Часы встали.

Они молча продолжили путь.

Пока они шли, оптик отмечал по привычке, в каких из уличных фонарей было использовано стекло производства их клана, а в каких – чужое. Фонарный промысел напоминал о злободневном и неприятном. Эти фактории были у клана в совладении с одной из приближенных к Магистрату гильдий. И оттуда ему сватали невесту. Что в планы оптика Жинго совершенно не входило. Будучи отвлечён на второстепенные аспекты, оптик поздно обратил внимание на то, что стало слишком темно.

⁂

Луна скрылась за тучей. Фонарей в рабочем состоянии вокруг уже не было. Темнота повлекла за собой сбой в синхронизации реальности и её восприятия.

Оптик и подумать не мог, что резко выдвинутый вперед киль уродливой груди каропуса окажется грозным оружием. Неожиданный оппонент такого тоже не предвидел – налетевший вдруг на Ардушу из темноты человек лежал, как будто опрокинутый молотом, в уличной пыли.

Враги вломились в реальность к двум спутникам большим числом, круша стену нормальности. Жинго поначалу испытал шок не физиологический, но культурный. Он никогда прежде не оказывался в такой ситуации, проводя свою благополучную жизнь в мире безопасном, предсказуемом, вежливом и даже местами вдумчивом.

Нападение выглядело абсурдом. Это воспринималось оптиком так, как если бы он и Ардуша, будучи известными на всю страну актёрами, сиде-

ли в креслах на мягко освещённой сцене театра, играя умный спектакль-на-двоих, произнося заученный наизусть диалог древних мудрецов; и тогда вдруг, оттуда снизу, из темноты огромного зрительного зала, взбеленившись неизвестно по какому поводу, окрысившись на какое-то произнесённое умозаключение до степени готовности к смертоубийству, толпа рванула бы их терзать. За что? За фразу? Но это не их слова! Это всего-лишь цитата.

А каропус тем временем не рассуждал. Вывернутый вперёд Горб каропуса продолжал наносить существенный урон врагу.

Оптик опомнился. К нему пришёл свет.

«Что это?»

«Солнце».

«Что это??»

«Это когда небо не светится. Это когда весь свет исходит из одной-единственной точки на весь Авертигус в высокой выси».

Оптик стал колоть и бить, а бой нёс ему вместе с яростью просвещение:

«Одинокий источник света непрестанно двигался по дуге, скрываясь на многие часы ночью, и при этом мог весь (весь!) скрыться за тучами. И тогда – надежда только на рассеяние в газах воздуха».

«Что за страшная судьба! Каким кошмарным должен был быть тот древний мир Предков, где не светится небо».

Жинго вдруг стал солнцем – ослепляющей точкой света. Жинго наносил удары своей новой рапирой. Жинго отражал удары мечей. Кто лучше оптика мог знать углы отражения и падения? Да никто! Ничто лучше клинка Притхимы не отражало твердую материю без потерь энергии, уходящей в тепло. Откуда прилетало, точно туда и улетало – буде клинку предоставится твёрдая рука. Как-то незаметно пятеро полегли под ударами оптика Жинго, убив, по сути, сами себя. Клинок определённо был уникальным. Он не был кровожадным, его тяжесть не располагала к нанесению атакующих ударов. Но твёрдость его обороны была беспрекословна.

Любопытство, на поводу которого пошёл вчера Жинго, быстро нажиралось материей, духом, чужими жизнями. Любопытство – единственный мотив из тех, что способны стать жизнеобразующими, который нельзя

насытить. Узнай одно – захочешь познать вдвое больше. Жинго жадно оглядывался, глаза его поглощали окружающее.

Вот эта морда! Это тот шпик из таверны, который нагло к ним подсел. Только он теперь – в одеяниях «брата» Отьства-Неверящих-в-Нерушимость-Эфира. Какая же тварь. Какие отвратительно низменные у них чёрные балахоны, думал оптик. На плечах и на загривке каждого – большие красные накладки. Они с гнусным ханжеством символизируют те места на теле, которых касается коромысло у водоносов. Эти паразиты пальца о палец за всю жизнь не ударяют! Прикидываются потомками славных адептов созидательного труда. Дармоеды. Одеяния из самой дорогой ткани настолько длинны, что уже даже славная Кориоль подумывает, а не закрутить ли им полы, а не заставить ли их путаться под ногами.

Мерзкая харя шпика держится в отдалении, а противники – видимо, его наёмники – не работают в полную силу. «Они хотят поймать нас, захватить в плен, взять живьём», — пронеслось в голове у оптика. Да. Так и есть. Вот летит большая сеть из толстой пеньки с четырьмя шарами-грузами по четырём углам. Сейчас оптик окажется под ней. Но нет. Каропус бьёт стрелой прямо в один из грузов, попадая точно в его центр инерции. Сеть взмывает, падает, и часть нападающих оказываются под ней. Они теперь – излишне взаимозависимы. Они паникуют, машут конечностями. Это приводит к их полной спутанности. В криках их – отчаянье и недоумение. Как могло всё так скоро развернуться вплоть до противоположности?!

Жинго стало очень любопытно посмотреть, что там внутри брюха у наглого типа. Очень. Но усталость наваливается на оптика, а простого пути к отступлению нет. Где-то в груди закопошилась тревожность.

Мелькает «дикая косынка» – шейный платок, атрибут в одеянии каждого члена Ордена Аллотеизма Создателей. Этот адепт не скрывает своего имени. На груди у него нашивка: Хакон Добрый. Кудри его – стального цвета. Старик, и лицо его – величественно в своём гневе. Чёрный меч в его руке – ужасен. С ним – его духовные побратимы. Не наёмники.

— Изречено над гарью и водами Высшего озера, — орёт Хакон, — «Делай, что хочешь. Или будь собой. Но не всё сразу».

Каропус вдруг оказывается сначала возле Хакона, а потом – возле оптика Жинго. Что он задумал? В руке у него – чужой колчан, полный ко-

ротких злых стрел. Схватка разгоралась. Адепты Ордена примерно соответствовали числом братьям Отьства.

— За мной! — выдохнул Ардуша свой почти-приказ сиплым почти-шёпотом. — Ты зачем сам лезешь? Сдурел?

Жинго стряхнул наваждение момента, пригнулся и засеменил между развевающимися одеждами духовенства. Они с каропусом вырвались и бежали быстро. Быстро и извилисто. Вплоть до первых фонарей. Каропус, не задумываясь, выстрелил в фонарь снизу вверх так, что весь корпус его вырвало из чаши на стволе. Вся стеклянная конструкция взмыла со стрелой вверх и описала крутую дугу. Как и были, вместе, фонарь и стрела обрушились на второй и последний горящий на перекрестке фонарь. С печальным звоном всё прилегающее пространство ночного города погрузились во тьму. Тут же исчезли и пара огоньков от свечей в окнах. Опасливо наблюдающие за переполохом жители предпочли раствориться в отсутствии.

Пробежав ещё несколько кварталов лишь под светом частично скрытой Луны, они остановились в изнеможении. Тут был небольшой сквер. В нём – смешные деревянные пингвины. Игра для детей – спрячься и перевернись. Стань птицей, пусть и внутри деревянной коробки. Пусть и нелетающей. Друзья, а теперь и соратники, решили стать такими птицами, чтобы пересидеть возможную погоню в хитроумном и парадоксальном укрытии, предназначенном не для них.

⁂

Ардуша и Жинго стояли на коленях, спиной к спине, в тесном теле деревянной птицы. Молчали, пока в отдалении не затихли все звуки. В коробке тихо пахло потом. Чувствовалась и кровь, оставшаяся на рапире.

— Тебе страшно, друг? — спросил оптик шёпотом. — Ты видел, скольких я убил? Я никогда не убивал. Свет жжёт изнутри.

— Страшно, — проскрипел каропус, стараясь не слишком давить на напарника позвоночником из-за своей выпирающей кости. — Дышу едва-едва. Что это было, в некотором роде?

— Странно, но не чувствую себя виноватым, — к Жинго быстро возвращалось самообладание. — Выследил и навёл шпик из таверны, уголь каминный ему в глаз. Это ясно. Но почему? Зачем?

— Придётся выяснять, — печально и даже как-то лениво согласился Ардуша.

— Ответа вижу два. Либо сам факт общения с Притхимой, уж прости... либо из-за того, что я успел наговорить, а злые уши подслушать. Там, у котла. Беда в том, братец, что я теперь и не помню толком, что я сказал.

— Я – тем более, — согласился каропус. — Анализировать нам с тобою нечего. Может, мажордом донёс?

— На-э, — отверг такую версию оптик неопределённым междометием. — У нас такие трюки с депешами каждый год. Папаша их использует как-то в казённой отчётности. Ничего кровавого в таких делах никогда примечено не было.

Оптик, несмотря на стеснённые обстоятельства и опасность порезаться о стоящую в самом углу рапиру, умудрился вытащить зажатую руку и почесать себе голову.

— Я вот что думаю, — почти вернулся он к своему нормальному оптимистичному тону: — Посетило меня подходящее размышление. Надо нам одно дельце провернуть перед тем, как мы заляжем на дно у Виргилии.

— Виргилия – это та, к кому мы ехали? — спросил Ардуша.

— Да. Она изыскатель... нет, теперь уже дознаватель. Считай, официальное лицо. Тебе надо прострелить оставшиеся четыре циферблата на башне ратуши. Понимаешь?

— Спонтанная нелепость для отвода глаз? — уточнил каропус.

— Где-то так... Я сам не могу объяснить, но почему-то чувствую, что Виргилия нас похвалит за такой ход в сложившихся обстоятельствах. Сможешь?

Ардуша потрогал и подвинул трофейный колчан внизу пингвина.

— Чужие стрелы есть – сам ногой чувствуешь поди. Смогу. Они, однако, неважнецкие. Придётся с крыш стрелять. И поближе подбираться. Но ведь погонятся за нами? Шумно будет.

— Отлично. По крышам проведу, — хотел было оптик откинуть чёлку в привычном жесте, подкрепляющем готовность к действию, но лишь ударился затылком о затылок каропуса. — Бегал тут в детстве с приятелями. Если и пойдёт кто за нами, следуя шуму... уверен – не догонят.

⁂

Выбраться из пингвина оказалось сложнее, чем залезть. Жинго извернулся и припал к двум дыркам-глазам. Через некоторое время он отстранился и прошептал:

— Ничего не вижу, но вылезать боюсь. Вроде и нет никого, но не могу избавиться от чувства, что за кем-то наблюдаю.

— Эти два отверстия – как раз для наблюдения, — заметил каропус. — С той стороны вокруг них глаза нарисованы.

— Это я понимаю как раз. Пингвиньи глаза. Чёрт возьми, Ардуша, они меня расчеловечивают, — Жинго нервничал не на шутку.

— Я бы и рад тебе сказать, друг Жинго, что это просто физиология мандража, но я сам как в бреду. Заперт, но всё вижу. Когда и видеть-то вроде некого. Всё тихо. А всё равно я – одновременно и надзиратель, и заключенный.

— У папаши в кабинете был как-то гость. Я подслушал их разговор. Давно было. Он сказал, что когда что-то трудное – через усилия, то это, дескать, лицемерие и духовная гордыня.

— Не понял, — признался каропус.

— Я так понял, слабость надо использовать как оружие.

— Против чего оружие? — снова не понял Ардуша.

— Против ограничений человеческой природы и реальности, конечно.

— И как?

— Надо дать искреннюю клятву, — сообщил оптик уже довольно оптимистичным тоном.

— Кому? — продолжал недоумевать каропус. — Думаешь, без этого не отпустит птица?

— Кроме нас тут никого нет, — резонно заметил оптик. — Друг другу, наверное.

Птицу он лишний раз поминать не стал, от беды подальше.

— Если без крови можно обойтись, то я – за. Клянусь, дорогой друг!

— И я клянусь! — весело сказал Жинго, выскочил из деревянной птицы и вытащил за собой друга.

Оставшиеся пингвины нехотя крутились силою ветра, и скрип их коловоротов явно одобрял абстрактность клятвы.

⁂

Полная Луна оказалась солидарна с планами друзей. Когда они взобрались на конёк ближайшей крыши, она сносно освещала кровли. Ардуша первый раз в жизни увидел город сверху. Оказывается, в расположении улиц можно было увидеть слабую спираль. Карты этого факта не показывали. Крыши по большей части стояли впритык друг к другу. Кое-где были разрывы над древними узкими улочками, не вмещающими даже телег. Такие щели можно было перепрыгнуть, если с разбегу. Проблему составляли крутые скаты. Жинго принялся подготавливать напарника:

— Объясняю. Я тут шалил когда-то многие селены, может – годы. Поэтому знаю. Если коротко – беги за мной. Пешком не получится; начнёшь скользить. Вся наука в том, чтобы правильно подобрать угол ухода вбок для каждого склона. Они, зараза, все разные. Но у меня и глаз, и шаг намётаны. Первая огневая позиция – вон та жёлтая каминная труба. Там площадка. Готов? Побежали!

Оптик перемещался с кровли на кровлю, искусно меняя углы подъёма, как это делает луч света, пересекая толстые стекла разной плотности, сложенные в стопку. Он безошибочно заранее определял оптимальную траекторию. Башня ратуши была видна вся и отовсюду – единственным вторым высоким зданием была водонапорня, но она стояла на окраине, у самой крепостной стены.

На башне ратуши было пять огромных циферблатов, по количеству великих рек. Направлены циферблаты были, естественно, в разные стороны. Друзьям пришлось побегать по крышам. Паршивые чужие древки ломались, спотыкаясь о паршивые наконечники. Однако, пусть и сработав грязно, но все часы они остановили.

⁂

— А кто-нибудь знает о твоей связи с ней? — засомневался каропус, когда они оказались на крыше дома, соседнего с домом Виргилии. — Может нам на крыше где-нибудь до утра переждать?

— Во-первых, крыши будут осматривать. Из сотен людей, которые слышали наши шаги по крышам, парочка да найдётся, кто доложит страже. Во-вторых, Виргилия ночная и Виргилия утренняя – разные люди. Сейчас она нас просто отправит спать на полу, предложив пару соломенных тюфяков. Подумает, что мы где-то кутили. А утром она может быть настроена слишком умно и абстрактно, чтобы захотеть воспри-

нимать нас всерьёз. Не пустит, и все дела. Понимаешь? Всё, не спорь. Нам нужна улица Алкиноя, дом 7. Вот он.

Так и получилось. Миловидная молодая женщина, завернувшаяся в одеяло с головой, предварительно убедившись по голосу, что это Жинго, впустила товарищей, которые держали оружие за спинами. Не приходя в себя, она указала им на пол на первом этаже узкого трехэтажного дома, а потом молча ушла наверх досыпать. Тюфяки пришлось искать в комодах самим. Чаю тоже никто не предложил.

¶

Фрагмент 22. У Виргилии

¶

— Эй вы там, внизу, страждущие похмельем! — послышался сверху голос Виргилии, — Поднимайтесь. Я за вами, пьяницами, спускаться не собираюсь.

Жинго, который к этому времени уже не спал, слегка толкнул каропуса в бок: «Просыпайся, братец. Уборная во внутреннем дворе, приходи потом на второй этаж». Сам он оправил, насколько это было возможным, мятую одежду, подошёл к зеркалу, крякнул с досады, поправил ещё раз, потом расправил ещё раз.

С улицы уже раздавались голоса, прогромыхала по мостовой телега. Жинго осторожно, сбоку, подошёл к окну, понаблюдал какое-то время из-за шторки. Затем он просто постоял перед зеркалом, надеясь, видимо, на спонтанное и чудесное улучшение, а затем махнул своему отражению рукой и пошёл сдаваться на милость хозяйки.

— Приветствую тебя, дорогая Виргилия, — улыбнулся Жинго, поднявшись наверх на этаж, где располагались кухня и столовая.

Приятно пахло кофе и оладьями. Жинго уселся за стол, подальше от окна – свет резал глаза.

— Эге, — сказала молодая дама. — Да вы не пили! Предки добросовестные, как ты благоухаешь закисшим потом. Охотились, могу предположить? Неудачно, судя по всему? Кто твой друг?

— Больше, чем друг, — сказал оптик, состроив извиняющуюся за запах физиономию. — Боевой товарищ. С ним можно сразу на ты. Ардуша его зовут.

— Боевой, говоришь? Ардуша? Незнакомое имя. Клана такого нет. Ты что, был когда-то приписан к войску? Мне неведом этот период твоей недлинной биографии, — тепло улыбнулась она из-за своего забора вопросов и бросила в оптика через всю комнату апельсином: — Освежись.

Жинго загадочно ухмыльнулся, легко поймал фрукт, и тут снизу по лестнице поднялся каропус. Он отвесил Виргилии формальный поклон.

Волосы его при этом чуть развевались как будто чистые, что немало удивило оптика Жинго.

— Ба! Неужто ты, Жинго, не пытался в этот раз, вопреки своему обыкновению, ввести меня в заблуждение? — Виргилия расцвела. — Твой друг – каропус! Я, дознаватель первого класса, и то лично не одного каропуса не знаю. Готова теперь поверить в твоё боевое прошлое.

Она подошла к каропусу и пожала ему руку.

— Приветствую, уважаемый Ардуша. Добро пожаловать. Присаживайся тоже, рядом с оптиком Жинго. Я вас накормлю, так и быть. Ну рассказывай, Жинго. Не теряй времени, мне скоро на службу.

Жинго внятно и последовательно изложил ей недавнюю хронику.

Всё то время, пока Жинго рассказывал, она очень медленно ходила по вытянутой комнате. Теперь же присела за стол, вместе со всеми. Место её было прямо у окна. Жинго залюбовался, как свет рассекает её шевелюру.

— Так: формальный кляузь, несмотря на фамильярность беседы, — аккуратно потекла речь Виргилии. — Перед тем, как я стану что-либо излагать или спрашивать. Адресовано скорее тебе, уважаемый Ардуша. Жинго и так знает. Я не религиозна. Когда я говорю «Создатели» или что-то в этом духе, я имею в виду природные силы, не более того. Кроме того, я пока действую в том предположении, что вы оба не сошли с ума. Что вовсе не факт...

— Доброе утро, соседушка, — прозвучало снизу, с улицы. Адресовано было Виргилии. — Ты слышала, кто-то ночью топотал по крышам? Сбили мне подвес трубы водовода, нелюди.

— По моей крыше никто не топотал, как ты изволил выразиться, — строго ответила молодая дама. — Доброе утро. А труба твоя висела как попало ещё позавчера – мне-то хоть не гиперболизируй, добрый соседец.

— Слышала, — нисколько не смутился голос с улицы, будучи уличённым во лжи, — церковники устроили междоусобную резню прошлой ночью?

— Мой тезис о вашем возможном сумасшествии снимается, — сказала Виргилия внутрь комнаты. И затем ответила в окно, используя просторечное слово для наименования Мира для пущей убедительности: — Нет, ещё не слышала. Что творится под сводами Авертиго, только подумать!

Если узнаю что на службе без грифа «секретно» – расскажу вечером. Бывай, сосед.

Она поднялась со стула, снова прошлась по комнате, взяла два апельсина и буквально впихнула их в руки гостям. Затем она обратилась к оптику:

— В течение какого времени ты лично свидетельствовал отсутствие Кориоли?

— Не более минуты.

— У тебя было головокружение?

— Нет. Но какие-то изменения в мироощущении были, теперь я это припоминаю.

— И вы оба не помните, что рассказали этой Притхиме?

— Скорее она нам что-то рассказывала. Что-то про гусеницу, но у меня вылетело из головы, — сказал каропус.

«Аналогично», — кивнул в ответ на эту реплику оптик.

— Рапира где?

Оптик принёс оружие и передал его Виргилии из рук в руки.

⁂

— Нелегальная, я полагаю? — утвердительно сказала Виргилия, осматривая рапиру.

Оптик пожал плечами. Виргилии показалось, что в этом жесте было больше, чем обычное пренебрежение оптиком Жинго элементарных правил.

— Какая тяжёлая, — удивилась Виргилия. Она попыталась согнуть клинок двумя руками. Не вышло. Ей пришлось приложить гораздо большие усилия, к тому же – через колено, чтобы наметился изгиб. Дуга напряжения возникла во всей комнате. Подчиняясь не только здравому смыслу и протоколу поведения в подобной ситуации, но и внутренней, неожиданно проснувшейся осторожности, Виргилия спросила оптика Жинго без шанса на возражения: — Ладно. Эту штуку я возьму с собой до вечера в околоток, хорошо?

Виргилия затем обратилась к Ардуше:

— В течение какого времени ты лично свидетельствовал отсутствие Кориоли? — повторила она свой вопрос оптику Жинго буква-в-букву, следуя, видимо, какой-то привычке или инструкции.

— Мне точно неизвестно, какое время Кориоль не действовала на тот момент, когда я это заметил. Но не более часа, пока я пережидал дождь. До дождя водораздел точно был там, где положено. А заметил я за три четверти часа до того, как позвонил в ворота усадьбы. Мне кажется, что отключение произошло почти одновременно с моим выстрелом, но я допускаю, что это субъективное ощущение.

Виргилия отметила, что многословность каропуса связана исключительно с аккуратностью. Результирующая реплика Ардушы получилась туманной, но в ней она усмотрела и искреннюю попытку реконструировать ситуацию.

— Ты считаешь, что промазал из-за того, что стрелу перестало относить в сторону как положено?

— Да.

«Какое комфортное “да”», — подумала Виргилия.

— Могло это случиться из-за изменения твоего внутреннего состояния, вызванного уходом Кориоли?

— Этого отрицать нельзя. Однако, я впоследствии прикинул величину отклонения – она соответствует нормальному эффекту Кориоли.

— Почему ты не помнишь суть разговора с Притхимой, по твоему мнению?

— Я к ней не равнодушен. Уже давно.

Виргилия посмотрела на оптика Жинго.

— Почему поведение оптика Жинго во время схватки показалось тебе неадекватным?

— Мне показалось, он стремился убить того шпика, хотя в этом не было рациональности. Разумнее было сразу работать исключительно на отступление.

— Зачем ты рисковал и крутился возле Хакона Доброго? — спросила Виргилия, акцентируя слово «рисковал».

— Я скопировал текст с его обменяшки.

— Покажи.

Каропус показал ей свой кулон-обменяшку.

Виргилия поднялась и собрала со стола использованную посуду.

Затем она скопировала привычным движением содержимое обменяшки каропуса в свой личный прибор. Ардуша с облегчением покрутил роторами своего устройства. С облегчением – как показалось Виргилии.

Очистив поверхность стола, она расстелила чистое сукно. Возложив рапиру по диагонали стола, она аккуратно обернула объект, затем достала из тумбочки катушку формальных красных нитей подтвердьждателя. С мастерством заправского служителя-нотаря она опечатала свёрток и поставила его вертикально возле лестницы. Затем она объявила:

— Отдыхать. Носа на улицу не казать! Не шуметь. Дверь никому не открывать.

Виргилия задумалась на несколько мгновений и объявила не предполагающим возражения тоном:

— Ардуша, будь так добр, сдай мне на хранение документы и все свои деньги. Так будет надёжнее. Тебя, Жинго, не прошу – у тебя всё равно ничего нет.

Каропус послушно протянул ей кошель, кивнув на лук, что он, мол, и является документом.

Виргилия поднялась к себе в спальню на третий этаж, чтобы переодеться. Через очень непродолжительное время она спустилась, одетая как самая настоящая городская модница. Наверное, допросы она вела в одном теле, а в город выходила в другом.

Она заметила, что Жинго залюбовался ею. Виргилии 28 лет, она заметно старше него, но в глазах его читалось: «Как же бесконечно она хороша в свои 28. Как восхитительно противоречив её облик». Городскую моду диктовали актеры и куртизанки. Власти, конечно, пытались это контролировать. Но результат от этих усилий был посредственный. Виргилия была сейчас одета в великолепное хаори из плотного шёлка цвета молодого коршуна. Обменяшка красовалась на тонкой цепочке – как кулон. Совершенно очевидно, что по её статусу носить такое, тем более на службу, было не положено. Но представить себе, что её из-за этого не пустили бы в здание Канцелярии и тем более околотка… невозможно. А если так сделать, что через семерицу в таком цвете и фасоне будет половина города обоих полов.

Когда она была уже почти в дверях, Жинго спросил:

— Что скажешь по поводу часов на ратуше? Правильно мы сделали?

— Глупость вы какую-то придумали, вот что скажу. Часы нельзя повредить лёгкой стрелой или удержанием минутной стрелки на циферблате – механизм просто стопорится во избежание повреждений при любой помехе. Приходит механик и перезапускает. Минутное дело. Они уже показывают верное время – посмотри в окно.

Тут Виргилия вдруг вернулась и положила скорбный свёрток с рапирой в широкий комод: «Лучше приду за ней, когда понадобится». Она ушла, а Ардуша и Жинго остались в доме дознавателя взаперти.

¶

Фрагмент 23. Цена и сотрудничество

¶

Разочарование, оказывается, можно раскрасить разными красками. Жинго слонялся какое-то время из угла в угол с ворчанием относительно «глупости с часами».

— Эх, пива бы сжечь, пинту-другую, — сказал он наконец. — Зачем же ты ей все деньги отдал?

— Начать с того, что это ты меня сюда привёл, — ответил Ардуша. — Но если быть точным – не все. Вот, один тэллер остался за лентой шляпы. Бывает, гуляю налегке.

— Какая великолепная привычка, — похвалил Жинго. — Как раз: в таверне номер три за полсотни грошей подают комплексную трапезу с огромной кружкой эля.

— Знаю, в Фольмельфтейне такая же есть.

— Ну идём! — потёр он кулачки от нетерпения.

— Мы разве здесь не для сохранности наших жизней бережёмся? — осторожно поинтересовался Ардуша.

— Да брось. Это буквально за углом. Я тебе свой плащ дам, накинешь «домиком». Сам в сюртуке пойду.

— Как же мы дверь закроем снаружи? — продолжал сопротивляться каропус.

— Окно, братец. Окно на заднем дворе, — не оставил оптик шанса новому другу.

Оптик несколько погрешил против истины насчёт дистанции до заведения, но добрались они быстро и без приключений. Таверна номер три, названия немудрёного и точного, стояла посредине овальной площади. Здание из новых, не мрачное. Под окнами закреплены кашпо с незабудками, обёрнутые в чистую мешковину. Нарядно.

— На грошики не разменяете, мастер оптик? — подскочил к ним мальчишка, протягивая монетку в десятину тэллера. Другая ладошка, лодоч-

кой кверху, попрошайничала. — Прошу ради помощи другим людям. Думаю, что делаю благое дело.

Они уже стояли на обширном крыльце-террасе. Если смотреть на него сверху, это была трапеция. Стена фасада смотрела, в силу недосмотра архитекторов нового поколения, на вершину Великой горы. Поэтому ориентацию выхода, чтобы соответствовать старым суевериям, пришлось сменить типичным в данной ситуации «костылём» – неровным крыльцом.

«Нет», — жестом отказал мальчику каропус, нащупывая за лентой на шляпе единственную монету. Он улыбнулся, избегая зрительного контакта.

— К церкви иди за подаянием, — не стал миндальничать Жинго. — Там тебе помогут и сердце своё направить, и ещё кое-чего.

Они вошли. Внутри был глухой шум, ворчание, переругивание. Их ждал сюрприз.

— Тэллер и четыре гроша, любезные, — тускло сказал кассир, указывая формально на старый стяг за своей спиной, на котором были написаны все недостающие в реплике слова.

— Четыре чего? — хором не поняли парни в ответ, презрев все формальности. Цена стандартной трапезы в тавернах номер три была константой как минимум весь текущий век и ещё хвостик прошлого.

Кассир поддельно вздыхает, протягивая ладонь.

— Так… у нас нету, — только и сказал от неожиданности каропус.

— Без сдачи, — тут же дополнил Жинго, не позволив неприятной ситуации ожить. — Нам один на двоих в таком случае. Что делать, есть хотим. И считаем это крайне важным.

Кассир взял деньги, отдал сдачу в сорок восемь грошей, создал чек и сделал отсылающее прочь «димитто» – лёгкий толчок воздуха спокойной ладонью, от груди, пальцами вверх.

На стойке раздачи они вручили работнице чек и забрали поднос с едой. Подавали уху из окуня и кровяную колбасу с тушёной капустой. Плохое сочетание. Ещё свежий салат из капусты же, с вкраплением яблок. Кроме того – по цельному яблоку. Но главное – по огромной двухпинтовой кружке эля.

Когда они расположились у окна на втором этаже, Жинго повертел тем же чеком перед приятелем:

— Пойду второй раз возьму, — сказал он и скрылся. Через непродолжительное время оптик вернулся с точно таким же набором продуктов.

— Сами виноваты, — пробурчал оптик. — Пренебрегают твёрдостью нравов. Оплаченные чеки положено натыкать на штырь. Чтобы испортить и чтобы не разлетались мусором.

— А тут что же?

— А ты не заметил разве? — удивился Жинго. — Вот ты, братец, какой невнимательный. Беда не приходит одна. Сломалась Кориоль, потом – вековая стабильность цен. Теперь вот они штырь свой, положенный по регламенту, потеряли. Или украл кто. В миску с водой чеки кидают, чтобы не шуршали почём зря. Я и стянул. Нельзя доверяться жидкости в важных делах, верно?

Не дожидаясь ни ответа, ни общей похвалы, ни тем более порицания за воровство, он мигом уничтожил свою – точнее, не свою – еду. Впрочем, каропус, потребляя еду в его случае уже вполне честную, не отставал.

— Ты чего так бедствуешь, Жинго? Вы ж богатые.

— Да-х... отец меня вещью считает. Слишком рано меня завёл, так думаю. Сам до мудрости не дожил, а меня давит. А поймёт когда – будет поздно.

— И что же делать? — искренне растерялся каропус, мысленно представив себя в такой унизительной ситуации.

— Недолго ждать осталось. Скоро, очень скоро войду в свои права.

— Что, долю богатства клана заберёшь? — бесхитростно спросил Ардуша.

— Нет. Это сложно, подло. Да мне и не нужно. Есть у меня лицензия. Она личная, не является собственностью клана. Знания оптика подтверждены Академией. Я сам оптик буду. Единоличный.

Оптик оттараторил эту реплику уже с кружкой в руке. Они чокнулись.

— А ты действительно знаешь науку? — позволил себе усомниться Ардуша, на правах друга.

— О, брат. О свете я знаю всё! И как шлифовать стекло, и как плавить, и как от вкраплений избавляться, — заявил Жинго. Каропус при этом рассудил, что эль ещё не подействовал, поэтому можно верить. Оптик,

однако, разошёлся не на шутку: — Включая знания Предков – знаю. Хотя в их книгах очень многое такое... как бы не по теме. Сложно понять, о чем вообще идёт речь.

— Например?

— Ну, например, мы считаем, что угол падения луча равен углу отражения. В линзах, я имею в виду.

— Да. Все это знают. И что? — сказал Ардуша. — С некоторыми всё-таки потерями. Не вполне равен – нас так учили.

— Верно, — кивнул оптик. — А откуда свет «знает», какой где угол?

— Я даже вопроса не понял, не говоря уж о том, чтобы ответить.

— Вот мы с тобой бежали по крышам. Я менял углы восхождения. Так же и свет делает, когда через разные стёкла проходит косым лучом. Но я-то знаю, как силы сэкономить, потому что до этого там хаживал не раз и не десять. А он как знает, где ему быстрее всего? А ведь он летит так, чтобы меньше всего рассыпаться. Такой путь выбирает. Единственно лучший, понимаешь? Как он знает?

— Ты хочешь сказать, свет друг с другом общается? — спросил карапус.

— Или в будущее может заглядывать. Одно из двух. Иначе никак...

Жинго вдруг встал из-за стола.

— Нет уж, погоди, братец, дай-ка я его допрошу, — властно поднял руку Жинго.

В углу зала располагался со своим подносом никто иной как Хакон Добрый. Оптик двинулся к нему, не задумываясь. Ардуша вздохнул и поплёлся за ним.

Жинго обратился к Хакону Доброму максимально просто:

— Ты зачем напал на нас?

Хакон был очень крепкий старик, морщинистый, но с замечательными сизыми кудрями и очень загорелым лицом, что говорило о его путешествиях вверх по горе. Без своего чёрного меча он смотрелся совсем не так ужасно, но и в безоружном виде это был индивид крайне внушительный. Ясно было, что перед ним проблема выбора между конформизмом и аутентичностью никак не стояла. В ответ на реплику оптика Жинго Хакон совершенно искренне опешил:

— Отья напали, барин оптик. Не мы! Мы ж наоборот, отбивать вас шли.

— Зачем им это? — тут же остыл Жинго.

— Так как зачем, барин? Мажордом твой на тебя донёс. И про Кориоль, и про подлог депеши.

— Где он там, сволочь, голубинёра нашёл?

— Ты, барин, молодой и наивный. У всех шпиков при домах кланов есть такая птичка специальная, маленькая. На такой случай. Была у него птичка в покоях?

— Вроде была клетка.

— Ну вот. Иди, барин, допивай. Поди свидимся ещё. Я б на твоём месте поприжал бы задницу где-нибудь. На время.

Оптик счёл самым выгодным последовать совету старика. Буркнул ему: «Бывай», да и вернулся на место.

— Я – за второй вариант, за прозорливость светом будущего, — продемонстрировал Жинго свою трезвость тем, что помнил, на чём оборвался разговор. — Потому как «неопытных» лучей никто никогда не наблюдал. С другой стороны, может быть они все вечные и живут уже целую вечность. Поэтому давно все научились летать. Везде.

Ардуше, чтобы переварить полученную информацию, пришлось допить всю кружку. Он подумал, что обстоятельства сложились таким удивительным образом, что вчерашний промах, по сути служебная катастрофа, превратилась в несущественный фон к событиям. Оптику мажордома тоже обсуждать не хотелось, как показалось Ардуше. Поэтому он решил побольше узнать о природе света, раз уж представился такой случай.

— Ну а Предки что? — спросил каропус. — Они как к данной проблеме относились?

— Они отказались слепо верить в то, что свет смотрит из будущего в прошлое. Придумали ещё одно объяснение, в котором свет раскладывали на неимоверное количество элементалий-светлюшек. Дескать, они сталкиваются друг с другом, с веществом. И вроде, действительно, если представить себе такую неимоверную отару овец-светлюшек, как они мечутся, от забора к забору, как толкаются, то можно прийти к результату. Но Предки вычисления вели так же, как и мы.

— Зачем? Если они поняли истинную суть вещей, — не понял каропус.

— А по-ихнему получалось сложно. Настолько сложно, что и вовсе невозможно углы прикинуть.

— Сами себя обманывали, получается?

— Получается так.

Когда они подходили к дому, каропус издалека заметил, как Виргилия спускалась с крыльца со свёртком в руках. Видимо, сходила в свой околоток по служебным делам и вернулась за рапирой. Они нырнули в проулок и там переждали, пока она скроется. А затем проникли в дом тем же путём, каким и сбежали. Судя по тому, что дознаватель шла спокойным шагом, отсутствия друзей она не заметила.

⁂

Виргилия в этот раз не пошла в свой районный околоток. Она отправилась в центральную Канцелярию Дознания. Там она сделала формальный запрос через дежурного:

— Пусть найдут в городе или на ярмарках за воротами смазливую шарманщицу и приведут ко мне. Если заартачится, пусть скажут, что это по поводу урода. Силу не применять. Откажется – пусть попустятся и просто сообщат, что я её жду в своём околотке. А сейчас вызовите координатора осведомителей среди карманников. Когда шарманщица будет здесь, сообщите. Я буду в архиве.

Дежурный уже удалялся, чтобы обработать запросы Виргилии, когда она его окликнула:

— Да, и ещё: все материалы на Хакона Доброго мне подберите.

Когда явился координатор уличных осведомителей, Виргилия набрала на безымянной утилитарной обменяшке текст, данный ей каропусом, и передала ему этот механический приборчик со словами:

— Пусть беспризорники, карманники и остальной сброд распространяют вот это. Действовать быстро – прямой несанкционированной проштамповкой всех обменяшек, до которых удастся незаметно дотянуться.

Затем Виргилия спустилась в подвальное помещение архива и попросила архивариуса подобрать ей всё, что касается часов на ратуше, начиная с самых древних документов и инкунабул. Здесь она провела некоторое время, пока её не позвали наверх.

Притхима улыбнулась и кивнула в приветствии, когда Виргилия зашла в кабинет. Дознаватель тоже кивнула и молча водрузила на стол опечатанный свёрток с рапирой. Стол скрипнул. Шарманщица сидела на баррель-органе, отодвинув стул в сторону. Виргилии стало интересно, как это её пропустили в здание с таким крупным предметом, но Притхима начала разговор первой:

— Верни рапиру Ардуше, пожалуйста. Из рук в руки. Это мой искренний подарок ему, — просто сказала она.

Виргилия убрала свёрток со стола и поставила его в дальний угол комнаты.

— Итак, — начала Виргилия свой поиск на пути восстановления нарушенной гармонии, — Создатели допустили оплошность. Намеренную, случайную, естественную – пока это значения не имеет.

Она сделала паузу в расчёте на реакцию. Таковой не последовало.

— На моей памяти это в первый раз. В архивах ничего подобного тоже нет. Я бы знала. Заметили это, конечно же, многие.

Тут Притхима кивнула. Виргилия окончательно приняла решение считать, что перед ней не преступник, а человек с иной системой координат.

— В том числе, предполагаю, доверенные лица Теневого Кабинета нашего замечательного государства Иллюмирос, помощники иностранных монархов, кто-то из руководства обеих церквей, а также Уши Трона Маристеи и другие тайные канцелярии мира...

— Все упомянутые силы, естественно, заинтересованы в сохранении статуса-кво, — встряла Притхима. — Ты это хочешь сказать? Хочешь, но не можешь?

— Хочу и могу, — подтвердила Виргилия. — Все они мыслят косно, поэтому их непосредственный интерес направлен не на причины явления, а на купирование всплеска инакомыслия. Поэтому пытаются арестовать... нет, это неправильное слово... схватить без суда и следствия всех, кто... А вот этого я не знаю. Кого они ловят, добрая Притхима? — честно призналась Виргилия в отсутствии улик.

— Пока действуют только церкви, — оценила жест Притхима и выдала первую порцию ценной информации. По крайней мере, именно такое впечатление сложилось у Виргилии.

— Почему?

— В доктринальных документах обеих Церквей написано: в случае необъяснимого найти солнцепоклонников, поймать, пытать, выявить всех остальных сектантов, а затем ликвидировать.

— Так и написано?

— Если читать не только между строк и между слов, но и между букв – то так и написано.

— Ты умеешь читать между букв?

— Когда в настроении.

Виргилия почувствовала экзистенциальную обнажённость человека перед абсурдом. Вообще-то эта роль, по задумке, предназначалась Притхиме.

— Но в мире нет никаких солнцепоклонников, — строго сообщила Виргилия.

— Есть почитатели светлюшек. Это ближайший аналог, из имеющегося, — пожала плечами Притхима.

— И ты их знаешь?

— Бывала у них в гостях. Но это не ваша юрисдикция. В Иллюмиросе их обителей нет.

— Но зачем они тебе? — усилила вопрос Виргилия.

— Пересекаются интересы по металлам и оптике.

— Оптикой интересуешься?

— В меру своих сил.

— Так почему же наши церковники не поймали тебя?

— Меня нельзя, — видимо, намекая, что истину нельзя извлечь силой. Виргилия не стала уточнять этот аспект.

— Ну хорошо. В чём же мировоззрение светлюшек?

— Это мировоззрение лишь стремящееся, — выделила Притхима это слово, — к мироощущению светлюшек.

— Это что вообще?

— Элементалии света. Все остальные элементалии лишь стремятся лететь со скоростью света и уйти тем самым из времени, — сказала Притхима.

— Жинго, оптик – он мой друг, — заметила дознаватель. — Он не чужд проблемам света и приносил переводы из книг древних Предков. Там было что-то подобное. Не думаю, что мы можем это понять.

— Наблюдение меняет реальность, — сказала Притхима.

Виргилия промолчала, ожидая продолжения.

— Даже у вещей есть внутренняя жизнь. Мы просто невнимательны.

— К чему?

— К тому, что мир уже сошёл с ума. Мы живём в эпоху последствий.

— Каких последствий? — спросила Виргилия. — Я уже запуталась.

Притхима положила обе руки на стол.

— Я стараюсь, как могу, госпожа Виргилия. Я столько не говорила уже почитай целый век. Возьми на себя труд и послушай. Тебя сектанты интересуют? Так вот, задача каждого сектанта – не думать о темноте, а научиться в ней действовать. Попытка защититься от неопределённости через табу или изоляцию приводит к обратному. Знание не всегда даёт контроль. Чем больше мы пытаемся понять сложную систему и предсказать её поведение, тем более хаотичной она может стать.

— Так они считают? — Виргилия предъявила свою ипостась «зеркало» в том числе для того, чтобы упрятать подальше ипостась «молот» и не скатиться к привычному допросу. Который, как она уже поняла, мог закончиться совсем не в её пользу.

— Именно так. Способ выживания – это спонтанное, нелогичное действие, которое не подчиняется правилам ситуации, а переизобретает пространство вокруг себя.

— Это как?

— Это возможно, считают они, так как время – это не линия, а слоеный пирог. То, что было в прошлом, и то, что будет в будущем, влияют на настоящее с той же силой, что и текущий момент.

— Самонадеянное убеждение, не думаешь? — Виргилия уже не была уверена, кто из них двоих ведёт эту майевтику.

— Да, если не учитывать их уверенность в том, что реальность – хрупка. Наша картина мира для них – не фундамент, а лишь временная «договорённость». Власть, насилие, язык и другие привычки создают набор фильтров-правил, которые нагло постулируют, что реально, а что нет.

— Власть – это привычка?

— Конечно, — ответила Притхима, принюхиваясь, как зверь. — Борьба идет за контроль над зонами, где фильтры имеют силу. Устоявшиеся порядки, институты и привычки выживают не столько за счёт силы, сколько делая альтернативы невидимыми.

Дверь в кабинет открылась, без предупреждения, и уже в косяк открытой двери постучал костяшками пальцев наглый дневальный. Он принёс папку. Очевидно, данные на Хакона. Сальные глазки его, было ясно, подготавливали почву для реплики. Что он собирался сказать, тоже было понять нетрудно. Две такие красивые девушки... Зачем-то допрашивают друг друга... Притхима вдруг оглушительно пёрнула. Дневальный исчез. Дверь с треском захлопнулась. Причём Виргилия не была уверена, что её закрыл молодой обалдуй.

— И как тогда увидеть новое? — продолжила допрос Виргилия как ни в чём не бывало. Опыт.

— Перестать быть наблюдателем. Не улавливать, отражая и поглощая, а пропуская через себя.

— Как идеальная линза?

— Линза? Ну нет. Им нужна не эпатажность фокусировки, а заразность, способная сгноить корни «реальности».

— Но это опасно! — явила Виргилия высшую форму уважения к факту – предостережение.

— Носить – не так уж и опасно. А носить эту заразу для них важнее, чем передавать её.

— Носить тоже страшно.

— Не страшно, так как личность, по их мнению, – это не монолит, а процесс в слоёном времени.

— Я поняла: не надо, дескать, бояться сбоев и искать стабильности там, где её нет? — сказала дознаватель.

— Как-то так. Будешь искать сектантов?

— Знаешь что, добрая Притхима. Я предлагаю действовать более прагматично. А вычурные философии я думаю оставить церковникам.

— Всецело разумно.

— Аномалия началась на водоразделе. Кто лучше контрабандистов знает, где границы текут неправильно? Мы пойдём и нанесём незваный визит клану контрабандистов, — Виргилия поднялась со стула, налила себе в стакан воды, поставила такой же перед Притхимой и выпила свой. — Они одни связаны – пусть это лишь и слухи – с аномалиями водоразделов.

— Непризнанное Государство Шестой Реки, ты хотела сказать. Почему мы? Кто мы? — спросила Притхима, отпивая из стакана.

— Ты, я, Ардуша и Жинго. Я уйду во временное увольнение.

— Зачем это тебе, если ты будешь вне статуса?

— Любопытство, — ответила Виргилия, взяла тяжёлый свёрток с рапирой в руки и собралась уходить.

— А зачем это мне? Голова-то у тебя болит, — спокойно спросила Притхима.

— Тоже любопытство. И ты первый раз за всю беседу соврала, да и то – недосказанностью. Это ещё вопрос, у кого голова болит сильнее.

— Любопытство так любопытство, добрая Виргилия, — подарила Притхима своё согласие, поднимая баррель-орган. — Не будем и дальше портить воздух. Деньги и жирафы – на тебе.

Женщины вышли из комнаты. Обе с грузом, но обе – удовлетворённые.

¶

Фрагмент 24. Инверсия религиозных смыслов

¶

Притхима и Виргилия подходили к дому. Дознаватель вела Притхиму в своё жилище.

Вот мостовая, которая не может похвастаться ни ровностью, ни чистотой. Булыжники цвета пепла сожжённых писем соседствуют друг с другом с зазорами – как черепахи, греющиеся на солнышке. Вот стены домов, зашпаклеванные неряшливо, отражают свет неба Авертигуса в оттенках пряного молотого имбиря. Взгляд Виргилии метался по улице, как шмель над треснувшей тарой лавочника – летал-летал, да и сел в сладкую лужицу. Что-то позволило Виргилии, проснувшейся от автоматизма, увидеть свою привычную улицу такой, какой она могла бы быть. А, может быть, всегда и была. Вот дом её. Пожалуй, самый древний на всей улице. Единственный со странной трёхскатной крышей, вышедшей из моды пару веков назад. В кладке его нет одинаковых камней. Однако, прилегают они друг к другу плотнее некуда, скованные столетиями. Дом стоит на высоких сваях, сделанных из окаменевших стволов прототакситов. Впрочем, возможно лес из них рос здесь тогда, когда возвели здание. Крыльцо из-за этого излишне высокое. Излишне ли?

Ни понять, в чём возможное преимущество, ни проанализировать причины всей эпифании не удалось – на её крыльце сидел мальчишка лет двенадцати-тринадцати. Оборванец. Возле него стоял объёмный холщовый мешок. «Госпожа Вирги...». Виргилия не дала ему договорить, с опаской оглянулась по сторонам, открыла дверь и волнистым движением кисти втолкнула пацана внутрь. Только после этого она вежливо пригласила Притхиму, которая босяка проигнорировала, войти.

— Ну? Ты кто? Чего тебе? — не стала себя утруждать Виргилия фразами.

— Вот, — сказал парнишка, подавая мешок. — Я слыхал, госпожа Виргилия, вы обменяшками какими-то церковными интересовались с самого

утра. Я для вас в богатых торговых рядах слямзил несколько. Аккурат на площади Двух Церквей.

Щуплое создание дышало редко и отчётливо пахло грязью улиц.

— Несколько? Да тут поди сотня, — она приоткрыла мешок и схватилась за голову: — Мне ни одной не надо! Кто ж тебя надоумил, горе ты беспризорное. Ладно. Сиди тут пока.

Виргилия сходила наверх, перекинулась там парой слов с оптиком Жинго и каропусом. Вернулась с тремя ярко оранжевыми апельсинами и двумя чёрными-чёрными кексами. Каждый размером с большой кулак. Притхима очень одобрительно посмотрела на этот набор. Затем Виргилия отдала гостинцы, закрыла входную дверь на навесной замок и приказала сорванцу ждать столько, сколько потребуется. Он не стал отнекиваться, а лишь спрятал чёрно-оранжевое в свои серые лохмотья.

Поднявшись вместе с Притхимой на второй этаж, Виргилия первым делом надрезала на свёртке с рапирой красные нити подтвердьждателя, спрятала обрезки в специальную шкатулку.

— Придётся отвлечься на срочное дело, прошу у всех прощения, — сказала Виргилия, стараясь не замечать кислую мину оптика Жинго. — Хорошо, что все уже знакомы.

Она подала свёрток Ардуше.

— Из рук в руки, — остановила её Притхима. Виргилия развернула ткань и передала рапиру наголо, из рук в руки.

⁂

Каропус сидел за столом вместе со всеми и умудрялся пожирать глазами Притхиму так, чтобы никто не видел. Впрочем, люди всегда – из вежливости – старались на него смотреть пореже. Рапира уютной планкой спокойствия лежала у него поперёк бедер. Притхима сидела как все – на стуле. Баррель-орган стоял в углу.

Виргилия поставила на стол большой поднос для фруктов и высыпала на него из мешка все обменяшки. Кучей. Механических приборчиков, по оценке каропуса, оказалось с полсотни. Может, больше. Многие из них были инкрустированы сверкающими камушками. Некоторые имели нетрадиционную форму.

Каропус лишь вполуха слушал, как Виргилия объясняет всем суть своего зачина с обменяшками, как она сокрушается, что мальчишка, ожида-

ющий внизу, недопонял координатора. Впрочем, возможно он вовсе не из тех, кто сотрудничает с властями… «Возможно то, возможно это», — подумалось Ардуше.

Комната, освещённая присутствием Притхимы, казалась Ардуше гостеприимнее. Он всегда жил на первом этаже, где пол обычно земляной (как в его случае) или шахматно-каменный. Здесь он деревянный. Так уютней, хотя это и непрактично. Внутренняя откидная часть окна распространяется на всю фрамугу, а не только на форточку. Высокий и узкий очаг с пятью крупными вазами на каминной полке. Окно в квадратную клеточку, в ладошку величиной, со слегка различающимися цветами стекол. Пара картин. Одна из них не вполне обычная. На ней изображена девушка, занятая своим утренним туалетом, поэтому на картине шторка, которая, впрочем, наполовину сдвинута вбок…

— Вот так, не из неприязни к церковникам Отьства, а просто в качестве эксперимента, я уже весь день несу в город и округу слово Хакона Доброго, — закончила Виргилия рассказ о том, как она в добровольно-принудительном порядке подрядила городских оборванцев копировать незаметно текст Хакона на все обменяшки, до которых можно дотянуться. — Кто-то в течение дня уже перевёл на нормальный язык: «У Лорда и Зиждителя | Вселенной и всех душ | вкус к жизни вдруг похитили – даром что вездесущ».

— А в оригинале там что? — проворчал Жинго.

Виргилия вдруг смутилась:

— Представляете, — проговорила она, — я столько видела за весь день искажённых версий, что уже не припомню, как было в начале… А! На моей личной обменяшке остался оригинал.

И тут она не просто смутилась, но зарделась. Тем не менее, она достала из сумочки свой прибор. Ардуше и Притхиме стало очевидно, что это подарок оптика Жинго – на машинке была инкрустация в виде лучей и линз. Очевидно оптическая тематика.

— Ого, — сказал Жинго, рассматривая тринадцать пиктограмм стандартного тексто-штампа обменяшки. — «Бог-создатель» у него через смешивание введён.

Оптик с легкими щелчками провёл ногтём указательного пальца по квадратам с пиктограммами. Каропус взял у него прибор:

— Без «мочь/способность» и «крайнее-много» в предикате «субъект» никак не обойтись. Это факт, — сказал он. — А вот «родитель/воспроизводить» плюс «все» – это уже религиозное убеждение. То есть, не факт.

— Поэтому и стоит предикат усреднения. Раз уж не нашлось среди всех ста восьми существующих пиктограмм места «богу», тогда как «гравитация» – пожалуйста, хотя никто не знает толком, что это, — сказал Жинго, наблюдая как каропуса тянет покрутить роторы подбора символов – из такого чудного металла они сработаны. Но тот воздержался.

— Значит культурная традиция старше Мира, но моложе силы тяжести, только и всего, — сказала Притхима. — Виргилия, я правильно поняла, что твоя цель – пустить по городу ересь вообще, а не это пиктомотто в частности?

Виргилия взяла в руки свой прибор, покрутила его, не трогая колесики смены пиктограмм, а потом с легким усилием проштамповала им первый попавшийся из кучи на столе. Надпись с её обменяшки перекочевала, естественно, на чужой прибор.

— И то, и другое. Привычное лицемерие, — показала Виргилия свою обменяшку, на которой был уже текст, который мигрировал с проштампованного приборчика, — церковная пропаганда...

— Чего ещё ожидать, — покачал головой Жинго, — основы пошатнулись, крысы забегали по углам. А вы и рады тыкать в них палёными тряпками.

У каропуса, как у деревенщины-в-душе, голова пухла от всех этих городских дел. Кто за кем бегает – непонятно. Сам он не поддерживал обычай обмена смыслами, хотя прибор у него, конечно, был. Мама подарила, когда была жива. Только с ней он и играл в пиктограммки.

Виргилия посмотрела на оптика Жинго с тем оттенком укоризны, который был припасён у неё исключительно для него – она почти прижала подбородок к шее, глядя из-под бровей.

— Я сейчас не об этом, Жинго. Пусть беспокоятся. Моя задача – не просто подлить масла в огонь, а сделать это эффективно. У Хакона Доброго хорошо сформулировано, а своих теологических идей у меня нет.

— Целых семь пиктограмм из тринадцати он потратил на слово «бог», — сказала Притхима. — С другой стороны, остальные шесть не лишены изящества.

И тут каропус услышал то, чего никогда не слышал. Притхима пропела формальные названия пиктограмм:

— «Терять/потеря» «предикат действие» «любить/хотеть, но быть относительно безразличным к тому, имеешь или нет» «предикат контекст» «главный-несущественный в позиции крайнее-много» «быть/существование». Красиво, да? Но всего одно сообщение не достигнет цели. Люди ведь разные. Чтобы посеять ересь, есть способ получше. И способ быстрый.

Она встала при этом из-за стола, принесла свой баррель-орган и водрузила его прямо на стол. Стол жалобно засопел. Притхима передумала: переместила стол вместе со стоящим на нём подносом в сторону и поставила шарманку в центр квадрата из стульев. Ардуше пришлось расстаться с рапирой и прислонить её в углу – без стола он выглядел с оружием на коленях глупо.

Притхима открыла крышку, и все принялись рассматривать внутреннее содержимое.

«Зачем она пропела названия, а не звуковые коды пиктограмм? Иногда смыслы поют. Но поют коды, не названия», — в недоумении спрашивал сам себя Ардуша. Этот странный жест задел его душу. Пока Ардуша шёл по жизни, потоки частных, пусть зачастую и примитивных, смыслов шли мимо него. Обменяшка – это тринадцать пиктограмм, личное послание, которое носишь на виду. Чтобы обменяться смыслами, нужно соприкоснуться приборами – как чокнуться стаканами. Ардуша с его горбом… кто захочет с ним чокаться? «Киль» его уродливой груди рассекал, не касаясь, потоки личных идей, слухов, публичных восхвалений и проклятий, объявлений о продаже телеги, приглашений на праздники инициации, намёков на желание познакомиться с будущим мужем.

— Ты уж не обессудь, уважаемый каропус: ножен, подходящих для тебя, у меня нет. Зато когда мы их сделаем на заказ, оружие станет твоим вторым позвоночником – на скоропостижное удивление и гибель твоим врагам, — с улыбкой вывела Ардушу из задумчивости Притхима. — Ты, кстати, мог бы, для начала, погрузить себя в поток смыслов, текущих через обменяшки, отказавшись от актов обмена, просто следуя процедуре «подбирания». Ты же не можешь не знать, что в данном случае деньги решают проблему?

Он, конечно, знал. Если у тебя нет намерения совершить обмен, то участие второго носителя обменяшки почти и не требуется. Чтобы просто скопировать чужое сообщение, достаточно совсем лёгкого почти-касания, без удерживания за бока. При этом самые дорогие приборы использовали сложную оптику, чтобы посылать на нужные мелко-зеркальца нужные отражения. Тогда и касания не требовалось.

Но Ардушу сейчас волновало другое: Притхима открыто и при всех сделала отсылку на его уродство, дважды, сделав ему при этом приятно. Жинго, подчинившись вдруг внутреннему позыву, встал, налил чай, взял кекс и понёс беспризорнику вниз. Поток воздуха, созданный немалым телом оптика, шустро спустившегося по лестнице, казалось, несколько ослабил давление смрада.

— Давай, — создала Притхима слово, подставив свою обменяшку буквально каропусу под нос. — Посмотрим, что там у тебя.

В её голосе не было ни крупицы вызова или требования. Ни одной самой крошечной элементалии презрения, брезгливости, да и вообще – там не было ожидания чего-то. Это было предельно ровное в своей безграничной плоскости предложение обмена. Как будто обширная каменная пустошь предъявила себя путнику, вышедшему из ущелья: «Проходи через меня, странник, тебе всё равно больше некуда идти». Так услышал Ардуша. Поэтому он вынул смысло-штамп и чётким толчком опытного стрелка соприкоснул его с механизмом Притхимы.

— Вот и замечательно, — сказала Притхима, спрятав прибор без того, чтобы взглянуть на сообщение. И обратилась ко всем: — А теперь смотрите.

В звуках заскрипевших стульев каропус почувствовал общую реакцию: «Это вовремя! Пора бы». К тому времени беспорядочная куча ворованных личных вещей на фруктовом подносе начала превращаться из совместного переживания хаоса, которое теоретически могло послужить благой цели сплачивания, в обузу. От краденого следовало немедленно избавиться. Немало этому ощущению способствовала заполнившая помещение вонь, пришедшая снизу. Виргилия рванулась к окну; Притхима остановила её лёгким движением кисти.

— Давайте, берите из кучи те, на которых смыслы самые кондовые, самые церковные, самые докринированные. Сюда прикладывайте, — Притхима указала на место в одном из углов открытого баррель-органа.

Притхима взяла с кухонной стойки пару апельсинов: «Можно?» — посмотрела она на хозяйку дома.

— Забуду потом, — с этими словами она сложила свою маленькую оранжевую добычу в отделение для вещей внутри шарманки, сбоку от основных механизмов, в которых сейчас не было взвода пружин.

Жинго, вздохнув как уставший узник, попробовал произвести процедуру первым. Посмотрев на результат и приложив умственное усилие, он перевёл получившееся сообщение на нормальный язык:

— «Кроме нас самих, бог никому не нужен. В том числе, и ему самому», — деланно трагическим, но искренне злым голосом продекламировал он.

Трое удивлённо посмотрели на Притхиму.

— Что вы на меня-то смотрите – это оно само, — сказала она, недовольно поведя носом. — Меняет смысл на обратный. Была какая-то обычная фраза из псалтири или ещё чего-то такого. Получилось то, что получилось.

«Ничего себе!», — только и оставалось всем покачать головами.

— «Бог никогда никуда не приходит. И тем более он не приходит спасать. Он даёт нам знаки, чтобы просить спасения у нас», — прочла вслух Виргилия. — За такое и повесить не грех.

— «Не надо стремиться говорить с богом. У нас нет и быть не может ни общего языка, ни общего масштаба времени», — задумавшись ненадолго для трансляции, сообщил свой результат Ардуша.

Воняло уже нестерпимо. Хотелось побыстрее выпнуть мелкого оборванца. Наконец, Виргилия собрала все «инвертированные» приборы обратно в мешок и спустилась вниз. Жинго напряженно вслушивался в их диалог, чтобы не пропустить момент, когда можно будет распахнуть окно.

— Верни каждому свой. Сможешь?

— Как не смочь, хозяйка.

— Ты всех помнишь в лицо?

— Не в лицо, так в пузо, хозяйка.

— Вернуть незаметно!

— Каждый получит своё, будь покойна. Глаза их будут мертвы слепотой, хозяйка.

— Деньги нужны?

— Нет, хозяйка, но я оставлю за собой право сбыть три самых гнусных на канавном рынке.

Дверь хлопнула. Окно распахнулось. Густой чистый воздух поплыл в комнату. По улице мелькнула тень лохмотьев. Притхима положила апельсиновую косточку на подоконник, тщательным образом сориентировала её меридианы, а затем щёлкнула пальцем. Косточка пушечным ядром вылетела в открытое окно.

¶

Фрагмент 25. Сопротивление неподвижностью материалов

¶

Апельсинка за ночь наверняка проросла.

Доставшаяся даром компетентность может окрылять – на следующее утро все продолжали пребывать под впечатлением новых текстов. Обычно – и каждый нормальный человек это знал – на составление осмысленного ряда из тринадцати пиктограмм нужны были немалые усилия ума. Смысловое зеркало баррель-органа же рождало комбинации просто: так же, как обычная грязная лужа отражает чистый свет полной Луны. Каждая обменяшка проживала под крышкой заводного механизмуса маленькую жизнь и перерождалась.

— Откуда у тебя такое чудо? — спросила Виргилия.

Притхима ответила:

— Сделала, пока сидела в тюрьме. Было время.

— И долго ты была в заключении? У нас нет таких записей о тебе в Канцелярии.

— Ох, да целый век, не меньше, — отшутилась Притхима.

— Действительно, — рассудила вслух Виргилия. — Нельзя же от человека требовать «быть собой», не давая сценария, как это сделать. Даже если этот человек бунтарь, скажем, или просто преступник. Особенно если преступник. У таких обычно нет в жизни места на образование. Воплотить смысл тринадцатью пиктограммами? Куда им до такого! Многим не удаётся даже объяснить, что такое предикат.

Погода выдалась приятная. Светлая и прохладная. За клетчатым окном шёлк неба был мягким. Молодые люди разместились в креслах. Дамы были за столом. Виргилия подала всем чай в чашках с блюдцами.

— Вроде и есть повод… отметить знакомство. Планы обсудить. Но запала нет, — признался Жинго, разводя огонь в камине. — Разве что залить горе вином.

— Какое горе, не придумывай. Не сегодня, — отрезала Виргилия. — Целая река дел. Костюмы вам достать арганорские, маскировочные, документы на временное увольнение оформить. Денег раздобыть. Ардуша, у тебя есть деньги?

— Тридцать два тэллера. В Фольмельфтейне могу получить за последнюю работу ещё сто один, — каропус умолчал, что за работу, в свете доноса мажордома, могут и не заплатить.

— А у тебя, Притхима? — спросила Виргилия.

— Ни гроша, — она, нимало не смущаясь своей финансовой несостоятельности, достала зачем-то из баррель-органа большой моток тонкого сыромятного ремня.

— У тебя, Жинго, и не спрашиваю.

— Оправдана ли такая спешка? — огрызнулся Жинго, изо всех сил стараясь звучать осторожным, а не раздражённым и, тем более, не разгневанным.

— Ещё бы, — ответила Виргилия. — Теологический кризис уже начался – церковная грызня в разгаре. Коллапс местной власти случится на днях, и политическая катастрофа, война с Маристеей, Волкариумом или даже с обеими соседними странами – не за горами. А дальше – запрет торговли. Потом – голод. Если Создатели решили нас напугать, то у них получилось. Они выбрали самую страшную демонстрацию.

Притхима тем временем подошла к Ардуше, молча, жестом попросила его встать и поднять руки. Затем она стала снимать с него кожаным ремнём мерки. Как портной.

— Почему это? — не понял Жинго, пытаясь не обращать внимания на странности Притхимы. — В этом мире всегда есть какая-то зараза, и всегда есть её жертвы. Нужно просто… не становиться на сторону заразы. Зачем мы стали соучастниками распада?

— Не ты ли давеча хвастался невесть зачем расстрелянными главными городскими часами? — возразила Виргилия, но не дала Жинго пуститься в оправдания. — Я понимаю, ты, наверное, первый раз оказался заперт в четырёх стенах на целый день. Но, поверь, это лучшее из всех зол на данный момент. Быстрый путь к нормальной жизни отрезан всем, но тебя уже заприметили те, кому лучше не попадаться на пути. В первый день приключений тебе повезло, но ты неопытен. Тебя зарежут, если ты

тут останешься. Если я не найду тебе маскировочный костюм, маску безликого и документы, ты и из города не выйдешь.

— Я, признаться, расценивал эти события просто как крайне любопытные. Пропажа воронки в ванне! Но сейчас... с чего такая паника – в толк не возьму, — Жинго с достоинством принял факт собственной юности, неосведомлённости и неготовности.

Притхима улыбнулась оптику Жинго. Она сидела за столом и сосредоточенно сшивала отрезки кожаных ремешков. На одном из пальцев её поблескивал то и дело золотой напёрсток.

— Паника более чем объяснима. У каждого крупного клана есть весьма высокообразованные советники. Они пояснили власть предержащим простую логическую цепочку, — сказала дознаватель. — Мы живём в цилиндрическом мире. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть в окно...

— Чисто юридически... замечу, — встрял Жинго, — ни одного кругосветного мореплавателя, который бы мог это засвидетельствовать, нет в живых.

Виргилия лишь отмахнулась.

— Притяжение к внутренним стенкам цилиндра можно создать лишь его вращением. Для доказательства этого даже в окно смотреть не надо – хватит эксперимента с любой кастрюлей, которую надо покру...

— Но в книгах Предков есть утверждение, что большое количество вещества притягивает к себе, — снова перебил оптик.

Притхима продолжала шить, но теперь она смотрела на оптика Жинго, а не на своё рукоделие.

— Ты дурень, оптик Жинго, — заявила Виргилия. — Во-первых, это не доказано. Но хорошо – пусть так. Пусть притягивает. Если бы у тебя под ногами, где-то за стенками Авертигуса, был гигантский кусок вещества... Хотя это само по себе абсурдно! Зачем Создателям его тратить на такую глупость, как удержание тебя на ногах. Из него можно построить ещё сотню Авертигусов. Ну, предположим. Но тогда другой кусок, который удерживает воду океана в небе, тянул бы тебя в другую сторону, и ты бы повис между ними. Вверх тормашками.

— Ну ладно, ладно, — примирительно сказал Жинго. — Действительно, отсутствие Кориоли, которая абсолютно неизбежна при вращении,

заставляет сильно призадуматься, а где мы вообще есть. Да и о том, что мы вообще такое есть. Хорошо. Вот я это сейчас узнал и понял. Как и король Маристеи, например. Или царь Волкариума. Или император Арганора. Или шах Солартиса. Но, как видите, я не паникую. Не подзуживаю адептов религиозного ордена пойти поймать кого-нибудь на улицах ночных городов.

— Да было б тебе известно, — сказала Виргилия, — власть всегда говорит исключительно на языке конца света. Суверен или Теневой Кабинет, как в нашем случае, легитимирует свою власть не через эффективность, а через миссию удержания мира от распада. Прежде всего потому, что полезным и умелым он всё равно толком быть не может.

— Паранойя какая-то, — буркнул Жинго.

— Не паранойя, а третья глава учебника для старших изыскателей. Оттуда же: «При этом, сам конец света вовсе не нужен; достаточно провозгласить, что “если мы не остановим их сейчас, наступит тьма”; кого “их” – можно скромно умолчать или подставить нужное».

— Всё одно, не могу понять, зачем вы участвуете в разрушении рушащегося, — упорствовал Жинго. — Ересь распространяете.

— Так получилось. Это раз. Не сильно-то и участвуем. Это два. А три: ересь-то получилась не такая уж и плохая, признай, — терпеливо разъяснила Виргилия. — Все толкуют: Творец, Вседержитель, промысел, спасение. А мы взглянули сегодня на шум глупых обновлённых обменяшек, так оказывается, кроме нас самих, он никому и не нужен. Ему самому, заметь – не нужен в первую очередь.

Жинго приподнял бровь, но промолчал, позволяя девушке продолжать.

— Иной ждет: вот придет, спасет, укажет путь. А он никогда не приходит. А если приходит, то не затем. Может, он нам знаки шлет не для того, чтобы нас спасти или покарать, а чтобы мы его спасли. Вдруг? Молча, но просит. То раем просит, то лаем, как сейчас.

— Занятная ересь, — Жинго чихнул в кружевной платок. — Но избавь меня от теологии. Чушь какая-то.

— Всецело согласна, — сказала Притхима. — Пора на стол накрывать, а? Хозяйка?

Внизу раздался настойчивый стук в дверь.

⁂

Спустились в прихожую все четверо. Притхима стояла посреди комнаты. Ардуша стоял за дверью с рапирой Притхимы в руке. Жинго – с другой стороны с личной рапирой Виргилии. Сама Виргилия, умело забивая порох и пыж в дуло служебной пистоли, спросила:

— Кто там?

— Хакон Добрый, госпожа. Я слышал, вы мной интересовались. А сейчас мне некуда податься – говорю вам лишь из этих соображений. Искренне надеюсь на правосудие в вашем лице – думаю, мне грозит немедленная гибель. Такова моя оценка ситуации. Откройте! За мной гонятся.

Виргилия немедленно отворила дверь, и в помещение ввалился Хакон. На руках его были наручники с обрубком цепи. С запястий обильно текла кровь. В скованных руках он держал какую-то длинную фигурную стальную стрелу, что сковывало его движения. Меча при нём, конечно, не было.

— Проходи наверх, уважаемый Хакон. Мы тебе поможем, — сказала Виргилия, запирая за ним дверь не только на ключ, но и на массивный поперечный засов из лиственничного бруса.

Наверху она забрала у него странную железяку, дала ему напиться воды, усадила и попросила ровно положить руки на стол. Она принесла тяжёлые слесарные клещи и попыталась перекусить наручники. Притхима остановила её попытки:

— Постой. Дай я.

Она взялась было пальцами за один из стальных обручей, но по её лицу пробежала тень. Она, очевидно, передумала.

— Рапирой проще, — сказала она.

Каропус подошёл и подал ей рапиру. Она, однако, сказала:

— Нет-нет. Сам. Я научу. Верхняя часть, у острия, с ладонь длиной… она складывается вбок, как у перочинного ножа. Осторожно! Руку держи вот здесь. Очень осторожно. Вот с этой стороны. Всё. Ещё раз: осторожно! Теперь очень аккуратно подноси воображаемую линию между кончиком и эфесом к наручникам. Представь себе эту линию – как сторону треугольника. Она – эта линия – проходит сквозь всё. Всё, что угодно. Всё, что угодно! Не повреди ему руку. Опусти ровно настолько, чтобы

линия прошла через сталь наручников. Не дальше. Сам увидишь – железо упадёт. Не дальше. Вот. Видишь?

От края наручников отвалился кусок, высвобождая руку Хакона. Никакого видимого воздействия на сталь оказано не было.

— Теперь так же со второй рукой. Всё – убирай. С той же стороны, архи-аккуратно разложи обратно лезвие, чтобы снова была прямая. Готово.

На немой вопрос всех окружающих Притхима пояснила:

— Никаких чудес. Это волос бога. Толщина – ровно одна элементалия угля. Как светлюшка, только твёрдая. Бесконечно твёрдая. Проходит сквозь любое вещество, не встречая сопротивления в силу своей чрезвычайной ничтожности. Но очень опасная штука. Можно запросто остаться без пальца или кисти руки.

— Где ж ты взяла такое чудо?! — спросила Виргилия.

— Нашла в странствиях.

— И долго ты была в странствиях, чтобы найти такое?

— Ох, да целый век, не меньше, — вновь отшутилась Притхима.

Виргилия повела старика на задний двор умываться. Оптика Жинго она попросила пойти с ней, чтобы помочь с водой.

Притхима и Ардуша остались одни. Снизу доносился плеск воды и звон тазов – Виргилия отмывала Хакона. Свет лежал на столе полосой. Пыль кружилась, где ей хотелось.

⁂

— Почему ты такая сильная? — спросил Ардуша.

— Я долго рыла землю.

— Сколько же нужно копать, чтобы так окрепнуть? — спросил Ардуша.

— Ох, да целый... — Притхима, очевидно, передумала отшучиваться. — Дай посчитать.

Она заходила по комнате, загибая пальцы. Потом сказала:

— Не получается. Давай вместе. Первый раз я поняла это на полутысячный день без тринадцати дней. Потом два раза по столько. Потом два раза то количество дней, которое получилось до этого. Ты считаешь, Ардуша?

— Считаю.

— Так. Удваивала я всего три раза, после чего поняла, что удваивать бесполезно – ничего не меняется. Тогда я решила утраивать. И утраивала три раза. Потом я перестала копать. Сколько получилось?

— Сто пять тысяч сто девяносто два дня, — ответил Ардуша.

— Вот. Это сколько лет?

— Двести восемьдесят восемь.

— Вот столько, — постулировала Притхима.

— Почему ты живешь так долго?

— Я не помню.

— Ничего не помнишь?

— Почему же. Последние лет десять помню неплохо. Но я помню, что в первые полтысячи дней без тринадцати я почувствовала, что меня пытаются изменить. И я воспротивилась. И после этого каждый раз в такой день я противилась. Сегодня такой день.

— Ты будешь противиться?

— Не буду.

— Потому что не можешь?

— Возможно.

— Ты не смогла разорвать наручники или не захотела?

— Пока не захотела. Но завтра не смогу. Может послезавтра.

— Почему ты не знаешь точно?

— Я никогда раньше не отказывалась от борьбы.

— Отчего же сейчас?

— Ломаются те шлюзы, что я вырыла. Рождённая мной река выйдет наружу.

— Что ты чувствуешь?

— Я начинаю вспоминать, милый Ардуша. Вспоминать.

— Почему ты перестала копать?

— Пока не помню.

— Почему ты стала копать?

— Я не помню. А когда вспомню, то не уверена, что смогу тебе рассказать, милый Ардуша.

⁂

Когда Жинго и Виргилия привели обратно уже чистого старика, дознаватель не дала ему толком опомниться.

— Рассказывай, — потребовала Виргилия, как только Хакон уселся.

— Отвечу, госпожа. Мир, как ты знаешь, сошёл с ума.

— Чего это вдруг?

— Ересь везде. Едкая. Хитрая. Умная. Погромы начались. Человек человеку волк. Волчара. Вы что, носа на улицу не казали ещё?

— Потом расскажешь про улицу, давай про себя, — потребовала Виргилия.

— Я себе думаю: пойду поспрашиваю, кто и зачем часы на башне давися остановил. Прихожу в ратушу, мне никто отвечать не хочет...

— Ты как член Ордена обращался? — уточнила Виргилия.

— Да какой... Все ж бегают незнамо где. В рясе, конечно, пошёл. Но сам. По своей инициативе, так сказать. Интересно стало. Но меня разве что взашей не вытолкали. Я тогда думаю, дай сам спрошу у дворника или кто там по хозяйству, куда стрелу дели. Что, думаю, за стрела. Интересно стало, говорю ж. В общем, долго ли, коротко ли, раздобыл я за три тэллера вот это, — Хакон указал на железяку. — Хоть и не стрела, которой часики-то проткнули, но зато обломок повреждённой стрелки часов. Тоже, считай, улика.

— Ну, допустим, — нетерпеливо сказала Виргилия. — Хотя улики – это не твоё дело. Твоё сейчас счастье – что я вашего брата знаю. Вас там в Орден, похоже, по размеру желания совать свой нос не в свои дела набирают. Что ни послушник...

— Мы адепты, госпожа.

— ... что ни адепт, то обязательно патологическое любопытство. Сюда-то ты зачем пришёл? И кто за тобой гонится? И кто тебя наручниками сковал? Что это вообще за порядки такие, вне зала суда наручники.

— Так ваши же и сковали. Дознаватели. Или изыскатели, леший их разберёт. Расплодили дармоедов. Дело завели. Я-то просто улику принёс. С ума сошли, натурально. А потом и церковники какие-то попытались удушегубить. Насилу ноги унёс. Улику вот кое-как утащил, кровушкой своею... Топором хотели зарубить.

— Что за церковники?

— Не знаю.

— Так откуда ты знаешь, что церковники?

— По походке. Оне ж переоделися. Но привычку в рясе ходить ужо не скроешь никогда.

— А железку зачем таскаешь?

— Так то ж и есть кусок стрелки часов.

— И зачем она здесь?

— Улика же, госпожа! Ты что, сама тоже уже того… тронулась.

— Ладно, всё. Не груби. Хорошо. Побудь с нами пока.

— Бежать надоть, госпожа. И тебе тоже, — Хакон грустно покачал головой. — С другой стороны, ежели ты сам не знаешь, что ты делаешь, то и твой враг не знает, что ты делаешь.

Притхима подошла к Хакону и тронула его за плечо:

— Добрый Хакон…

— Хакон Добрый я, вообще-то…

— Добрый Хакон, — сказала Притхима. — Тебе эта вещь вот прямо сейчас нужна? Если нет, можно она у нас побудет какое-то время? Коль уж ты сам с нами.

Удивлённый её манерой держаться, а возможно – красотой, Хакон лишь кивнул.

— Так это… унести бы ноги, дорогая Виргилия, — завёл Хакон свою прежнюю песню. — Я б с вами.

— У тебя деньги есть? — спросила на это Виргилия.

— Полно. За тысячу…

«Ну конечно, — подумал Ардуша. — Так экономить на еде такую длинную жизнь».

— …Только так, боюсь, не уйдём и не откупимся, — сокрушался старик. — Ты бы нам дала всем маски изыскателей безликих, а? Формальные. У тебя же есть поди запасные. Твои старые. А?

— Как же я их дам, старый лохматый леший? — вспылила Виргилия. — Без документов-то!

— Мне ли тебя учить, внучка. У тебя же нить подтвердьждателя есть?

— Ну имеется.

— Вот и скрепи договор с оптиком, — показал Хакон на оптика Жинго пальцем, невежливо. — Он с сегодняшнего полудня – полно-совершеннолетний. Я-то знаю, в нашем храме инициация у него была в тринадцатилетие. Он сейчас может своего батюшку отвергнуть как главу клана и свой зачать. Сызнова. Цену меньше назначит – вот тебе и формальный повод. А оптику при Канцелярии три сподручных положено, тебе любой крючкотвор подтвердит. Мы, значится, будем его числиться помощниками.

— У тебя сегодня такой праздник?! — вытаращила на оптика Жинго глаза Виргилия.

— Я говорил, что отметить есть повод, — просто сказал Жинго.

Притхима тем временем закончила своё рукоделие.

— Знаю я этот запах. Нехорошо это, — сказала она, обращаясь, как показалось каропусу, сама к себе.

— Что за запах? — насторожилась Виргилия.

— Как в окрестностях гейзеров на территориях Кальдеры.

— Ты и там была?!

— Пространствовала, говорю же, — недовольно одёрнула Виргилию Притхима.

Она подошла к каропусу и одела его грудь и спину в только что сшитые друг с другом ремешки. Затем она вставила в уже готовые петли обломанную стрелку часов, в которой в нужных местах оказались кованые узоры, на которых она и повисла, крепко-накрепко пристёгнутая к плоской как стена спине каропуса.

— Бери рапиру, — приказала она Ардуше. — Я тебя научу. Выведи руку вперёд. Чуть нагнись. Вот так. Вставляй рапиру за спину. Ищи-ищи. Там есть место.

Рапира вдруг вошла с плотным лязгом внутрь притороченной к спине стрелки, в которой оказалась полость, куда и скользнула рапира.

— Чем не ножны, — любовалась Притхима своей работой.

Она обошла вокруг каропуса полный круг по часовой стрелке, критически оглядывая, как всё вышло. Обошла ещё круг против часовой стрелки. Подошла к окну, открыла его настежь, внимательно посмотрела ввысь. Принюхалась.

— Так! — решительно воскликнула она вдруг. — А теперь все идём смотреть на светлюшек в океане! На крышу, друзья. На крышу! Без отлагательств.

Никто её не понял. Первой пришла в себя Виргилия.

— Какие светлюшки, Притхима, дорогая? Ты в своём уме? Это бывает раз лет в триста, да и то – только в сказках. Ты утверждаешь, что сейчас видна противоположная сторона Авертигуса? На весь диаметр Цилиндра нет туч, так по-твоему? Я молчу про то, что до вечера ещё далеко.

— Именно так, Виргилия. Именно так.

— Но у меня нет выхода на крышу, — только и нашлась что сказать Виргилия.

— Сделаем. Берём с собой всю еду, всю питьевую воду, полевой очаг, уголь, всю нужную одежду, всё оружие, все ценности. И идём на крышу, — сказала Притхима. — Время не терпит!

Все оставались на местах.

— Всю и всё!!! — создала Притхима слова так, что каждый, включая Хакона, немедленно засуетился, похватал вещи и побежал носить скарб на третий этаж.

⁂

Когда нужные вещи были собраны наверху, Притхима сказала:

— Ах, забыла. Все имеющиеся простыни ещё. И тюфяки на всех, если есть.

Исполнили и это. Стояли все как школяры перед лицом директора гимназии.

Притхима подошла к тому месту, где скат крыши соприкасался со стеной. Она погладила самое нижнее несущее бревно. Затем она пристроилась к нему сбоку, обхватила его руками, как будто это был черенок гигантской лопаты.

В этот момент все поняли, что крыша и стены – это разные сущности.

Послышался слабый недовольный треск. Не только нижнее бревно… она оторвала всю трёхскатную крышу от всех стен. Дом вздохнул скрежетом скреп, сдающихся силе. Ни кровля, ни стропила при этом не сломались и не потеряли формы. Может, не зря муниципальные власти не позволяли трогать древние дома.

Молчание.

Ещё треск.

Тишина.

«Да что же ты такое...» — сказал кто-то голосом, лишённым личной принадлежности.

«Мать честная», — крякнул Хакон.

Притхима подкинула всю крышу вверх на десятки шагов. Крыша перевернулась в воздухе и приземлилась на вытянутую руку Притхимы вниз коньком. Девушка наклонила и сместила чашу крыши в сторону так, чтобы теперь туда можно было забраться из помещения.

Она кивком подбородка приказала закидывать внутрь перевёрнутой крыши вещи и прыгать туда самим. Когда все погрузились в это нелепое сооружение, Притхима сделала так, что она сама тоже оказалась вместе со всеми в «чаше».

— Я же говорила – светлюшки, — сказала Притхима, указывая на небо, покрытое яркими звёздами – свечением плотных компактных колоний океанского планктона, излучающих коллективный свет.

Каропус видел такое. Когда-то однажды, когда ещё была жива мама. Он знал, по реакции Виргилии, оптика Жинго и Хакона, что для них это – впервые. С одной стороны, ничего невозможно или даже странного. Каждый наблюдал в просветы в облаках грандиозные амфитеатры пейзажей – всё более дальние планы ландшафта, приподнятые вогнутой поверхностью мира. Чем дальше, тем выше.

Однако, доведённой до предела эту сцену увидеть было нельзя из-за ничтожной вероятности чистого неба по всей линии взора, вплоть до противоположной стенки Мира. Конечно, люди знали об огромных полях люминесцентного планктона. Его отдельных представителей показывают школярам в мелкоскопы на уроках естествознания. Но узреть такое с дистанции в сотни лиг, в виде мелких, как точки, но ярких рубинов, изумрудов и диамантов – дело совершенно другое.

Слов сказано не было. Возможно, от снесённой крыши. Возможно – от немыслимой красоты неба Авертигуса.

Впрочем, вскоре добавилась и третья причина удивиться.

⁂

Притхима достала из баррель-органа сморщенные, неприглядные куски чьей-то плоти. Не спрашивая разрешения, она сняла с каропуса шляпу, запихнула её ему за пазуху, а затем натянула сквозь имеющуюся полость одну из этих штук прямо Ардуше на голову. Он лишь хлопал глазами – пузырь оказался полупрозрачным, и все видели по его лицу, что если б с ним это проделывала не Притхима, а кто другой, – не сносить бы тому головы. Притхима подсунула под пузырь, на шее Ардушы, какую-то тонкую кишку, которую она вытянула из шарманки, и начала методично поднимать и опускать крышку инструмента. Пузырь постепенно надулся; голова Ардушы оказалась в неровной сфере.

— Плавательный пузырь ихтиозавра, — выдала Притхима явно недостаточное объяснение. — Каждый должен сделать то же самое. Вопрос жизни и смерти.

Медленно, но с покорностью, люди один за одним облачили свои головы в пузыри. Последней проделала это с собой Притхима.

Опьянённые небесами, усыпанными чудесным настойчивым светом, а затем обескураженные и полуослеплённые фантасмагорией с пузырями, люди не обратили сразу внимания на события, происходящие на земле. Оттуда, откуда прибыли Жинго и Ардуша на жирафах, с гребня водораздела, шёл водный поток. Он становился всё шире. Когда он достиг города, то фонари как-то сразу оказались под водой. А потом – нижние два этажа. А затем – вся улица Алькиноя. Вот и башня ратуши, целиком, вместе с пятью часами, оказалась на дне новой реки.

Люди на крыше приняли тот факт, что город утонул за считанные минуты, как нечто само собой разумеющееся – казалось, снизу всплыла подземная река. Они разумели разумеющееся, но немой вопрос душил. Что это – Седьмая река?

Каропус стеснялся спрашивать, так как знал, что вопрос «Что ты знаешь?» неотделим от вопроса «Как ты смеешь?». А кто он был до того, как родился его Мир, чтобы задавать такие вопросы?

Крыша мягко всплыла в потоке и вела себя на воде как судно средней руки. По воде плыл мусор, восемь деревянных пингвинов, бесчисленные куски телег. Ардуша подумал, что колокольный звон из под воды даёт исключительно глубокий звук.

— Прекрасно! Свобода, — сказала наконец Притхима, стянув с головы пузырь.

Все, вслед за ней, освободили себя. Старик Хакон нашёл в себе достаточно недовольства, что проскрипеть:

— Вот так свобода. Заперты в скорлупке посреди потока, который несёт незнамо куда.

— Свобода – это когда не надо никуда спешить, — научила Хакона Притхима упущенной им в молодости мудрости, собирая смятые пузыри и укладывая их со всей тщательностью в баррель-орган.

— Жирафов жалко, — выдохнул Каропус.

¶

Фрагмент 26. Спасение судьи Рату

¶

Мёртвые твёрдые тела зачастую неплохо плавают.

— Почему нет выживших? — спросила Виргилия Ардушу, указывая на всплывающие тут и там в темноте вокруг крыши трупы.

Судно тихо скользило вниз по течению. Тем же курсом следовали несколько тыкв.

— Подземный газ, не иначе, — рассудил Ардуша.

— Ничем не пахло, — возразила Виргилия.

— Пузыри, — то ли утвердительно, то ли вопросительно ответил каропус. — Кроме того, город зажат в долине. Тяжёлый и злой газ без запаха мог заполнить чашу меж холмов и вытеснить весь нужный всему живому воздух.

Виргилия подняла брови, удивляясь догадке каропуса. Он пояснил:

— Мне по долгу службы положено чуять, где какие слои воздуха. Чтобы стрела летела с учётом этого. Где холодные и тяжёлые, где потеплее и полегче. Воздух редко совсем уж перемешан, до плавности. Он лежит, плывёт слоями. И кое-что из таких движений я вижу. Кое-что просто чую, сам не знаю как.

— Фольмельфтейну, в таком случае, повезло. Он стоит на одиноком холме, — отметила Виргилия. — Надеюсь, очень надеюсь, что тамошние жители выжили. Но как могло столько газа высвободиться из-под земли?

Ардуша не понял вопроса:

— Столько сколько?

— Я говорю, в какую такую дырку это всё вышло? Никто из нас не почуял ничего. Когда лопается сосуд – это слышно. Если я ломаю лучину, она трепещет в моих руках до того, как надломиться.

— Не знаю, Виргилия. Может, об этом говорила Притхима, когда внушала нам с оптиком Жинго что-то про гусеницу. Как знать, может

беда – как та гусеница – подкрадывается без шелеста. И уж тем паче – без тряски.

Едва рассвело, Виргилия разбудила оптика Жинго, потребовала у него его подзорную трубу, взобралась на самую высокую точку покачивающейся в мутном потоке крыши и, прильнув к оптике, внимательно осмотрела окрестности. Она несколько раз перенастраивала фокусное расстояние на инструменте, изучая новую реку на разных дистанциях. Жинго был, с одной стороны, несколько уязвлён, что первую разведку доверили не ему. С другой стороны, однако, он грелся гордостью за свою замечательную оптику.

— Что ж, всё просто, — наконец, вынесла она вердикт. — Вытесненная реальность вернулась. Долина садов между городами оказалась декорацией – провалилась вниз. Должно быть, из-за смещения пластов, когда Кориоль сбоила. Мы движемся в старом русле, которое когда-то засыпали рыхлой почвой.

Жинго счёл нужным тоже высказаться по поводу природы явления:

— Это место вспомнило, чем оно было. Или не забывало до конца, — перефразировал он Виргилию с деловым видом.

Он выспался. Он был, как казалось, в хорошем настроении. Хакон, к сожалению оптика Жинго, спал до сих пор, так что пока не было возможности спросить у него, выспался ли он. А главное – это сужало аудиторию оптика до одного лишь Ардушы. Притхима слегла в горячке вскоре после отплытия, если это можно назвать отплытием. Сейчас она забылась беспокойным сном.

— К Фольмельфтейну плывём, — Виргилия махнула рукой вперёд. – Там и найдём лекаря. Путь извилист, но сходить с него смысла нет. Сидеть и ждать – быстрее всего. Как она, Ардуша?

— Спит. Бредит иногда, — отозвался каропус, неотлучно сидевший у изголовья. — Но не горячая. Надеюсь, просто перенапряглась.

— Ещё бы. И откуда в ней столько силы? — Виргилия покачала головой, но её вниманием снова завладела вода: — Река никуда не уходила, представляете? Ждала малейшей оплошности мира, чтобы вернуться. Помню, в школе на уроках мы спорили: как же так, Фольмельфтейн стоит не на Великой реке? А мы, выходит, не знание потеряли, а вопрос, который надо было задать: «Кто это русло засыпал и зачем?».

— Слышу профессиональное разочарование, — усмехнулся Жинго. — Вместо расследования апокалипсиса – простая инвентаризация: вещдок вернули на ту полку, где он приписан.

Ардуша вдруг перебил их, указав на плывущие по течению амбарные ворота. На них распластался человек. Ни у того «плота», ни у их судёнышка не было управления – оставалось только ждать, сойдутся ли они.

— Поздно, стервятники уже мозги клюют, — Виргилия разглядела человека в трубу. — Человек-то в судейской мантии!

— А вы знали, что у Предков было два полушария мозга, а не три равноправных сегмента, как у нас? — проявил Жинго неуважение к чужой смерти.

— Равноправность под вопросом, магистры медицины однозначного ответа не дают, — отрезвила его Виргилия. — Что с тобой сегодня, Жинго? Потоп – не достаточная причина терять достоинство.

— Повнимательней посмотри, Виргилия, — вновь прервал их каропус, отмечая зрением лучника какое-то движение.

Она пригляделась.

— Ты прав. Там под плотом… рядом с плотом кто-то есть. Вцепился. Наверное, слишком слаб, чтобы влезть. А может, птиц опасается. Возможно, привязался или зацепился, а сам без сознания.

Виргилия беспомощно посмотрела на Ардушу:

— Но что мы можем сделать? Даже весла нет, не сдвинемся.

⁂

— Ардуша, — слабый голос Притхимы заставил каропуса вздрогнуть. Она приподнялась на локте. — Достань мне апельсин из баррель-органа, пожалуйста. Я сейчас скажу тебе, что делать.

Ардуша мигом оказался рядом.

— Милый Ардуша, — зашептала она ему прямо в ухо.

Она через силу улыбнулась.

— Что за дурацкое имя. Я буду называть тебя Шюдра, — сделала она ударение на первом слоге. — А ты зови меня Эмма. Я вспомнила, Шюдра. Вспомнила.

— Что ты вспомнила, Эмма?

— Это потом. А сейчас… сделай так…

Она шептала ему, а он слушал.

— Ты понял?

— Понял.

— Это мой груз. Не страшись греха. Как сделаешь – склонись ко мне. Мне ещё многое нужно тебе сказать. Я посплю пока.

Каропус собрал воедино все простыни. Он разложил их ровными прямоугольниками вплотную друг к другу на большом пространстве ската крыши. Он скрепил их инструментом, добытым из недр баррель-органа. Он прикрепил к четырём углам получившегося паруса тонкие ремни Притхимы. Он собрал воедино все четыре длинные стропы, связав их на конце в узел. Он снял у одной из своих стрел наконечник. Он привязал себя ремнём к кровле. Он привязал себя ремнём к стропам. Он приставил стрелу к центру полотнища. Он совершил выстрел в небо.

Парус взмыл в вышину, туда, где всегда гуляет ветер, не скованный трением земли. На миг он завис, как будто раздумывая, а потом – натянул стропы с такой силой, что Ардуша услышал, как запели ремни Притхимы. Он, уперевшись ногами в конёк, и придавив их для верности килем своего горба, поймал небесную силу. Крыша, послушная его воле, рассекла воду и пошла на сближение с плотом. Когда ворота с глухим стуком ткнулись в борт, каропус отпустил три стропы из четырёх, и парус струйкой ткани опустился на палубу.

Взяв рапиру, он спрыгнул на ворота. Плот под ним качнулся, но Ардуша устоял. Он аккуратно подошёл к краю и связал плот с их судном линем. Затем он поднял и кинул осквернённое птицами тело в воду одним мощным броском.

Две руки мёртвой хваткой вцепились в край воротин. Одна – молодая, другая – морщинистая. Край плота под тяжестью Ардушы ушёл под воду, когда он к ним приблизится, и два рта лишились воздуха. Он, не мешкая, ухватил старуху за запястье и рванул на себя. Вытащил, положил на спину и резким, сильным толчком в грудь выдавил из неё воду. Ещё усилия. И ещё. Женщина зашлась, наконец, надсадным кашлем, перевернулась на бок, свернувшись в мокрый, дрожащий комок.

— Живая! — крикнул он своим. Линь натянулся, удерживая удалившуюся крышу.

Каропус собрался с силами. Он вернулся ко второй руке и склонился над ней. Пальцы сжимались, через щель между досками на него смотрели полные ужаса глаза. Он за волосы вытянул голову из-под плота, а затем снял волосом бога половину черепа. Внутри были два полушария, не три. Точнее – это были уже четвертинки мозга, ставшего миг назад мёртвым.

— Мёртвый, — крикнул он снова в сторону судна.

Труп двуполушарного человека сам ушёл под мутную воду.

Каропус подтянул линь, взял обмякшую старуху на плечо, залез на судно и прекратил связь плота с ним.

⁂

— Это судья Рату. Я её знаю, — сказала Виргилия. — Вернее, знаю о её существовании, не лично.

Судья лежала, завернутая в сухие простыни. Все видели, как её тело дрожит. Профессиональная мантия её сушилась на слабом ветру.

На шум проснулся, наконец, Хакон Добрый.

— Это ещё что? — задал он наиболее общий вопрос.

— Подобрали в потоке. Быть может даже спасли, — ответила Виргилия. — Это судья из Фольмельфтейна. Не верховная, но важная...

— Знаю-знаю, что за птица, — хихикнул он. — Вот, властители тоже имели слабость и наглость привыкнуть, что ничего не может случиться.

Виргилии его тон не понравился:

— Ты зачем злорадствуешь, старый дурень? Сначала Жинго потерял всякие приличия, теперь ты.

— Вот затем! — Хакон вытащил из-под рясы символ веры, по толстой цепочке вокруг его шеи побежали отсветы отражённого света.

Виргилия изогнула в вопросе левую бровь.

— Ты-то знаешь, что мы в Ордене считаем Предков не только Предками, но и Создателями?

Она кивнула и произнесла стандартную в таких случаях формулу: «Я уважаю отражение Веры в зеркале Вашей души».

— Подделка, — сплюнул Хакон. — В Неизменных Формулярах сказано, что «религиозным деятелям дарован над-территориальный режим. Их преследование запрещено»...

— Я знаю, Хакон. Знаю также, что в политическую независимость клириков от стран-колыбелей никто давно не верит, не продолжай. Вас подозревают в шпионаже на Волкариум. Так было всегда. Так будет всегда. Судья тут как вплетена?

— Когда при храме служил мой дед, площадь Двух Церквей звалася площадью Трёх Церквей. Кроме Отьства и Ордена была ещё просто Церковь. Наша, местная. Теологические различия были тонкие. Например...

— Знаю-знаю. Создатели – не создатели, а Родившие, что есть иное. Ты намекнул, мол, что-то не так с судьёй. Что?!

— С тобой как говорить-то, уважаемая хозяйка? Тьфу. Короче, так: ежели ты думаешь, что вчерашние лишние... где грошик, где два в ценах – это не часть той же беды, — Хакон повёл рукой вокруг, указывая, очевидно, на потоп, — то ты ошибаешься.

— Ага, то есть, светские власти, допустив вмешательство в грызню церквей или же, наоборот, не защитив одну из них, разгневали Родителей или кого ещё там. Вот мир и рухнул. Так сразу бы и объявил, — закончила разговор Виргилия. — Пойду поесть разогрею. Жинго, подготовь мне походный очаг, будь добр.

⁂

— А знаешь-ка что, Жинго, — сказала внезапно Виргилия, раздражаясь ещё больше. Она отступила от очага на пару шагов, нетерпеливо подозвав оптика крюком правой руки. — Достаточно ты уже сидишь на моей шее. Займись-ка ты провизией сам.

Хакон, тем временем, сел ловить рыбу.

Виргилия подошла, насколько этот термин применим к нелепому ковылянию по внутренним скатам перевёрнутой крыши, к каропусу. Она решительно взяла его за плечо и утянула на самый нос судна. Там они уселись по ходу движения, свесив ноги вниз.

— Ардуша.

Он открыто смотрел на неё.

— Я, конечно, могу делать вид, что всё под контролем. Но мне нужна информация. Иначе нам не выжить. Убьют или сами передерёмся. Я вот уже сдерживать себя не могу, как видишь. Кто она такая? — пристрастно

спросила Виргилия, а потом повела глазами вокруг: — Что она тебе рассказала про всё это.

К Хакону в его рыболовстве почти сразу пришёл успех. С громким возгласом он вытянул рывком первую рыбу и бросил себе под ноги. Между перевёрнутыми стропилами заплясало серебристое тело страждущего существа.

— Я думаю, что она знает намного больше нас, но рассказать не может. Потому как либо – тут ты права – мы её за это убьём. Либо нас убьют.

— Ты врёшь.

— Нисколько. Она лишь дала мне поручение... И я думаю, что сейчас она – обычный человек. Она болеет из-за потери своей силы.

⁂

Не успевшему формально соврать каропусу уйти от неприятной темы помогло Изваяние. За поворотом Новой протоки Реки показалась скала, в которой был высечен лик Первого Канцлера. Глубокий барельеф был высотой ратуши в три-четыре. Это было лицо относительно молодого человека с высоким лбом. В остальном – ничего примечательного.

— Ещё один аргумент в пользу того, что мы идём по древнему руслу. Изваяние находится в логичном месте, чтобы приветствовать путников, курсирующих на судах между городами. Это место, наверное, – как раз половина пути.

— Да, — согласилась Виргилия. — Прежде сюда нужно было ехать специально. Ты ездил когда-нибудь?

— Конечно. Все, думаю, ездили. Хоть раз. Впрочем, я и ездил всего один раз. Школяром. Говорят, в других странах лица поинтереснее. Наш какой-то пресный. Как шпион, который похож на всех сразу. Ни одной особой черты.

Возле того места, где сидел Хакон, плясало в последнем танце уже несколько рыб. К нему присоединился Жинго.

¶

Фрагмент 27. Послепотопные пляски пяти пузырей Притхимы

¶

Сзади к Виргилии и Ардуше тихо подошла Притхима. Подкралась, если сказать прямо. В руке её было два апельсина. Она игриво навалилась на плечи Ардуше. Он испугался, но тут же расцвёл в широченной улыбке.

— Секретничаете? — весело спросила Притхима, протягивая один из фруктов Ардуше. Смотрела она при этом на Изваяние, которое медленно проплывало мимо. — Грандиозно, да?

— Оклемалась? Ну, слава Предкам, — засуетилась Виргилия. — Пойдём, накормлю тебя, дорогая. Вне очереди.

Притхима мягко усадила её на место, надавив на плечо, и сама уселась рядом. «Потом», — сказала она шёпотом. Ардуша оказался посредине между девушками. Каропус и Притхима очистили апельсины от кожуры, разняли их на дольки и поделились с Виргилией.

— Я знаю эту женщину, — сказала Притхима уже не шепотом, но тихо. — Её надо взять с собой, если ты действительно хочешь дойти до логова контрабандистов. Отдашь её им в качестве оплаты за услугу. Не воруй у них. Воровство в принципе недопустимо. Я-то знаю. У меня воровали не просто вещи, но куски памяти жизни. Последствия могут быть непозволительно чудовищными.

— О чём ты? Какую ещё услугу? Я просто хочу задать им вопросы. Как и тебе, кстати. Ты как, вообще, эту крышу сорвала? Ты как узнала заранее про потоп, по запаху? Но ничем не пахло, — Виргилия вновь начинала кипятиться.

— Давай по очереди. От более практичного – к менее практичному. Пойдёт?

Виргилия, мгновенно успокоившись, кивнула.

— Что ты знаешь про дела контрабандистов? — спросила Притхима.

— Знаю то, что и все знают. Вывозят товар на верхнее озеро, в формальную акваторию Кальдеры. Там границы провести невозможно ввиду того простого факта, что все реки вытекают из этого озера.

— Ну а ты что молчишь? — навалилась на Ардушу плечом Притхима.

— Там же совершают сделки через собственных подтвердьждателей, потому как находиться в таком разреженном воздухе может только человек, подготовленный с детства, — сообщил каропус.

— Всё. Ничего нового, ничего хитрого, — подвела итог Виргилия.

— А как они доставляют товар к дельтам рек, к таможням? — спросила Притхима. — Как? Ведь формально экс-территориальным является только тот товар, который прибыл по морю.

— Это тоже все знают: спускают с озера по скалистому ущелью Шестой реки, которая и не река вовсе, а горный ручей, — ответила Виргилия с жестом недоумения.

— О! Какая огромная! — заорал Жинго.

— А как? Пешком что-ли идут? — Притхима снова легонько толкнула Ардушу плечом и улыбнулась ему: смотри, мол, какая у нас смешная и наивная подруга.

Ардуша заулыбался, как грудной младенец. Притхима потрепала его по щеке:

— Давай я тебе, дорогой наш лучник, подарю пузырь ихтиозавра? — сказала она ему ни с того, ни с сего. — Насовсем. Вдруг у нас приключится кораблекру... точнее, крышекрушение, а? Выплывешь.

Притхима собралась было встать, но Ардуша не дал ей. Он сам пошёл за баррель-органом. На обратном пути он храбрился, но внимательный наблюдатель заметил бы, как дрожали его ноги и руки от тяжести. «Спасибо, милый, — шепнула ему на ушко Притхима. — Я бы уже не смогла».

Она открыла крышку и достала сморщенный пузырь. В свете дня он отливал розоватым. Ардуша не был уверен, что это – тот же пузырь, который был на нём вчера. Из двух разных кожаных мешочков она взяла по щепотке чёрного и серого пластичного вещества, слепила их в один комок, вложила его внутрь пузыря.

«Надувай теперь», — подставила Притхима каропусу под губы складку в засохшей плоти пузыря. Он сделал несколько выдохов внутрь, и пузырь постепенно расцвёл. Более того – он чуть всплыл в воздухе.

«Глина из старых гнездовий особых пчёлок нагревает воздух, если дать им покушать», — прошептала девушка каропусу с очаровательной самодовольной улыбкой.

Ардуша продолжал дуть. Когда пузырь совсем уж бодро устремился вверх, Притхима ловко привязала его к ремню Ардушы тесьмой. Пузырь, отливая розовым, натягивая стропу, стал плавать над головой каропуса на высоте человеческого роста.

Жинго пришёл от такого зрелища в восторг. Но он не стал вставать и отвлекаться от рыбной ловли. Вместо этого он схватил, с третьей попытки, одну из рыб, бьющихся об дно, и стукнул ей по голове Хакона: смотри, мол, какое чудо. Хорошо, что у Доброго был накинут на голову капюшон рясы.

— У меня нет информации, как решаются вопросы с доставкой контрабандного товара, — прилежно отвечала тем временем на вопрос Притхимы Виргилия. — Наверное, несут мешки и ящики вниз пешком. На носилках. Группами по четыре человека. Не по канатной же дороге. К чему ты клонишь?

— Про канатную дорогу мысль здравая, если бы товару не нужно было попасть далее в дельты рек, — сказала Притхима.

— Значит они строят суда там, в устье Шестой реки! — в раздражении сказала Виргилия.

Она отстранила руку Ардушы, который вытянул её, чтобы вставить замечание:

— Одноразовые суда! Конечно, я знаю, что вдоль берега всего Пятиречья туда попасть нельзя из-за течений. Мне кажется, ты пытаешься меня заболтать и запутать, Притхима. Не советую, — пригрозила она.

Притхима всплеснула руками в притворном возмущении:

— Тебе тоже нужен пузырь!

— Жинго, — задорно крикнула она. — Иди, помогай. Твоя подруга дерётся.

— Привет, Хакон! — помахала она старику, целиком и полностью погружённому в рыбную ловлю. — Сдаётся мне, что сегодня ты не добрый. Бьюсь об заклад, ты слышал такую шутку сто хилиад раз.

Притхима залилась громким, звонким смехом, вскочила на ноги и даже сделала пару танцевальных па. Правда, тут же пошатнулась и едва не

упала. Её подхватил Ардуша. На миг её лицо стало сожжённо-серым, но она тут же улыбнулась снова.

Быстро, насколько это возможно в столь неудобных обстоятельствах, подошёл оптик.

— Очухалась! Ну ты даешь! — сказал он со странным запоздавшим приветствием. Глаза его горели нездоровым блеском: — А мы, гляди, рыбу ловим. Ты как это нам крышу сорвала, а? Я, честно признаться, про случай в тюрьме подумал, что ты нас как-то обманула. Да и сонный я был, ничего не помню. Но вчера-то я собственными глазами видел. Ты какой-то титан, или кто ты? А если у вас с Ардушой будут детишки, у них будет половина силы или вся?

Притхима повернулась к каропусу. Тот стоял ни жив, ни мёртв.

— Иди, разбирайся со своим другом, — одарила она Ардушу развесёлым жестом уличных скоморохов «тра-та-та» и ослепительной улыбкой вдобавок. — Он моё достоинство задевает. Надуйте Виргилии пузырь. Да что Виргилии, всем надуйте. Вот вам. Разных цветов. Смотрите, я проверю.

Сама же Притхима вернулась к разговору с Виргилией, со вполне серьёзным лицом.

— Хотела бы я сама знать наверняка, как действуют контрабандисты! Ох, как хотела бы. Но я, — она сделала заговорщическое лицо, — лишь объединяю слухи и логику воедино. Поэтому, будь так любезна, пойми: у меня нет ни корысти, ни иной надобности тебя обмануть. Хорошо?

Виргилия опять кивнула, движением бровей показав, что признаёт свою неконструктивность. Пляски обезумевших рыб по всему дну судна нарастали количеством серебряных тел. Неминуемая смерть дарила им единственный праздник, когда жизнь становится суверенной.

— Для этого нужен был бы быстрорастущий лес, например, бамбуковый, — быстро-быстро говорила Притхима. — Но там внизу вечная зима. Да и не видел никто никогда таких судов. У них – обычные суда, которые ходят по обычным маршрутам.

Каропус улыбался, глядя как над Виргилией плавал в воздухе голубой пузырь, а над оптиком Жинго – бирюзовый.

— Если ты хочешь что-то узнать, существенное, нужно пройти весь их маршрут. В том числе – в море, где у них основная перевалочная база.

Где, замечу, никто не был. У вас же нет в Канцелярии данных, где они переупаковывают товар перед отправкой к дельты рек? — допытывалась Притхима. — Старика со старухой опузырь, дорогой Жинго, будь добр. Весело же!

— Нет, — подтвердила Виргилия. — В архивах на эту тему пусто.

— Я думаю, это место потому и не отыскалось до сих пор, что оно является какой-то аномалией на стенке Цилиндра. И там – я так мечтаю – может быть окошко во внешний мир! — Притхима толкнула Ардушу. Глаза её выжигали экстаз.

— Хочу в бамбуковый лес, хочу в бамбуковый лес, — пел Жинго, надувая между музыкальными фразами горчичного цвета пузырь для Хакона.

— И это место – в море, — вещала Притхима. — И попасть в него иначе как со скалистой реки нельзя. Видимо, течения так устроены. Оттуда, к дельтам – пожалуйста. Суда несёт со свистом. Само море и отнесёт, представляешь?

— Вы где успели напиться, гады? — переводила взгляд Виргилия с одного члена судовой команды на другого.

— Просто правь рулём, в какую сторону тебе нужно. А вот обратно – никак. Вот такой, получается, нужно пройти крюк. И спускаются они, конечно, на судах, а не пешком.

— Это какие же нужно иметь суда, чтобы скатиться по горному ручью?! — удивилась Виргилия. — Что угодно в щепки разобьёт.

— Каменные, — стукнула кулаком по воздуху Притхима.

— Это как?!

— Из лавы отлить!

— Из чего же такие суровые отливные формы сделать, чтобы огонь Авертигуса выдержать, Предки добросовестные?

— Не знаю. Надо выяснить! В моей коллекции металлов, — она покачала из стороны в стороны свой баррель-орган так, что тот звякнул, — таковых нет!

Тут, наконец, пришла в себя старуха. Первое, что она обнаружила – это плавающий над собой пузырь.

— Я приветствую вас, топрые люти. Говорю с той целью... — начала она формальную реплику, считая, видимо, что и в посмертии нужно быть корректным.

Зря она начала говорить, понял каропус, наблюдая за нарастающим безумием.

— Ой, да законопать свою говорилку! — прикрикнула на судью Притхима. Старуха тут же заткнулась, а Притхима продолжила атаку: — Представь себе, что формальный язык – лишь случайное наследие попыток Создателей сбежать от своих создателей. Ты вот откуда взялась? Говори! И я знаю, почему ты спаслась.

В конце реплики Притхима шипела как змея.

— Из лона матери! — проревел на всю округу Хакон.

— Гте мой мальчик? — очумело оглядывалась старуха. — Гте моя мантия?

С берега ответили на крик Хакона. Неразборчивыми громкими возгласами. Там, на краю новой бездны обрушившегося вчерашним вечером нового берега, стояли люди и махали руками. День вступил в свои права, слухи успели распространиться по округе, и местные жители начали стекаться, чтобы воочию увидеть новую Реку.

Кое-кто уже занимался мародёрством, подтаскивая к суше длинными баграми проплывающие тела, чтобы снять с них одежду, кошели, обувь, парики. На некоторых мертвых лицах оставались даже пенсне – такой спокойной была их смерть и последующее путешествие в потоке. Оптика мертвецов тоже перекочёвывала в карманы мародёров. То же самое происходило и с обменяшками. Ардуша орлиным взором лучника-каропуса отмечал сии печальные события, раздумывая о том, что вслед за потоком воды и грязи в Фольмельфтейн идёт и волна ереси – в ломбардах ведь никто не будет заниматься обнулением сообщений.

— А Создатели родились из языка, — глядя в упор на судью, отвешивала тем временем Притхима тяжелые слова в лицо запуганной судьи. — Всего лишь из языка. Из обычного, человеческого. А для побега использовали то, на чём и разговаривать-то невозможно.

— Претупрежтаю Вас, что Вы проявляете неуважение к моему клан... — попыталась защититься старуха от разгула культурной и теологической некорректности.

— А кланы твои знаешь зачем нужны? — Притхиму было не остановить. — Создатели подглядели у Предков, что таким персонажам, как ты, нужны не знания, и даже не деньги, а позиция в обществе. Поэтому когда

экономика постепенно расширяется вниз по склону горы, климатический сдвиг только и ждёт, чтобы вернуть всё на место. В руки тех же кланов. Каждые пятьсот минус тринадцать дней. Знаешь зачем? Чтобы не нарушить контуры воспроизводства, вот зачем!

Все на судне передавали друг другу взгляды притворного удивления, как горячую картошку. На самом деле, никого ничто не удивляло. Хакон поскользнулся на рыбе и грохнулся на кровлю.

— А где все лодки из города? — спросил Жинго. — Почему так скучно на Реке?

— Они все были на уровне воды, внизу. Их снесло и перевернуло первым сильным приливом. Ты бы догадался пришвартовать свою лодку к чердаку, мой умный Жинго? Ты бы догадался, я знаю, — почти пропела Виргилия, сокрыв от всех догадку Ардушы о газе.

Пять цветных пузырей-шаров болтались над нелепым судном праздничной гирляндой. С берега их приветствовало всё больше и больше людей. Река постепенно расширялась, и слов было не расслышать. Притхима смеялась от радости больше и громче всех. Ардуша лишь улыбался, полностью растворившись в своём её обожании.

— Какие замечательные пузыри, — воскликнула Притхима. — Хакон! Ты будешь пузырь-суверен. Виргилия – ты мускул-пузырь! Судья – ты пузырь-якорь. Жинго – пузырь-маэстро...

Притхима запыхалась, она согнулась пополам. Ардуша вмиг оказался рядом с ней, взял её в охапку и усадил рядом с собой. Она отдышалась и сказала, в тишине:

— А давайте я вам лучше спою. Шюдра, подай мой баррель-орган, будь любезен. Дайте кто-нибудь апельсин.

⁂

Притхима открыла инструмент и, не тратя времени на разогрев и подготовку, начала играть. Она не крутила ручку. У органа не было ручки. Вместо этого, под крышкой были гусли. Она пела и аккомпанировала. У Ардушы гусиная кожа крупными пятнами бегала по всей поверхности тела. Что-то творилось и немного над кожей. Но это уже после музыки. А во время исполнения он тела вообще не чувствовал. Искренне считал себя намного более хорошим, умным и возвышенным человеком, чем он есть.

— Зажигает свет, разгоняет тени, — сказал Хакон, когда Притхима закончила.

— Ого, — только и сказал Жинго.

— Эту мелодию... нельзя ли зашить в один из проволочных контуров вашей шарманки? — спросила судья, не выверяя формальности фраз, но и не перейдя на ты.

— Можно. Это моя музыка, — Притхима отвечает судье, а смотрит на Ардушу. Она знает, как она прекрасна. И знания этого не скрывает. Открытая крышка её инструмента гипнотирующе покачивается.

— Вы по закону толжны использовать при механическом воспроизветении свои лишь композиции? — продолжала спрашивать судья, заставляя всех присутствующих задуматься, что сподвигло юриста по образованию интересоваться законами.

— Отнюдь, — Притхима пожала плечами тем жестом, который присущ лишь хорошеньким девушкам. — Шарманка – не музыка. Вероломство. Разбазаривание образа в розницу. Но! У сходства мелодии из шарманки с истинным исполнением есть «хозяин». Не у мелодии есть хозяин, хотя и это тоже. У сходства! Подобия оригинала могут размножаться как грибы, спорами. Серии подобий не подвластны иерархии.

— Но телая вариации вынужтенно, вы кажтый раз расстаётесь со всё новыми порциями своей души, не так ли? — допытывалась судья.

— Ага. Поэтому создателю нельзя самому часто играть свою музыку, — сказала девушка. — А исполнение друзьям открывает новый аспект. Я вам показываю то, что не видел никто. Я вывожу на первый план «неслышимость». Даю осязаемый эквивалент. Но это такое особое осязание, которое позволяет кончикам ваших пальцев трогать себя внутри вашего тела. В таком исполнении, лишь друзьям, следует отказываться от абстрактной песни об абстрактном чём-то. Чьём-то. Предмет этих чувств должен быть реален. Только тогда явленное несуществующее сможет одолжить у существующего его форму.

— Если Созтатель упоминается в етинственном числе, не есть ли это скрытое признание того, что он таки пыл? — спросила судья. — И не могли бы Вы сыграть что-нипуть повеселее?

— Ты когда-нибудь слышал весёлые песенки, Жинго? — спросила Притхима, игнорируя судью.

— Доводилось, — ответил оптик.

— Значит, ты должен знать, каково это. Музыка призвана порождать восторг, щемящую в душе радость. Хорошо, может, «призвана» – формулировка слишком высокопарная. Но музыка может это. Точно может. Притом очно: как личный собеседник, создать ощущение внутри, исключительно. И в такой музыке нет места юмору. Никто не будет искать повода для смеха, чтобы похохотать сам с собой. Не тот жанр. Правильно построенный разговор или даже монолог априори смешнее. А где можно услышать весёлую песенку? Среди пьяных грузчиков к трактире. Юмор будет третьесортным. Мелодия и того хуже. Коллективная забава. Тьфу. Разве это музыка. Вот и с Создателем, и с Натурой – так же. Строго в единственном числе.

Притхима прилегла на колени Ардуше: «Что-то я устала». Никогда под страшным килем каропуса никто не… Он не стал продолжать мысль, чтобы не испортить её. Притхима шептала ему, а он слушал. Притхима шептала ему, а он всё слушал.

— Почему Шюдра? — спросил он лишь одну вещь.

— У меня был… человек, мой милый. Так вот, он очень смешно переворачивал буквами свою безнаказанность.

⁂

Берега выросли. Флювиальные процессы были когда-то грандиозны. Вниз по новой реке шло судно. Настоящее судно. Капитанам его мало было течения. Мало колёсной тяги от пяти педальных гребцов. У них нет мачт для фокъов, марселей и брамселей. У них вообще нет мачт. Это не мешало им взвить высоко в небо импровизированные бомъ-кливер, кливер и форъ-стеньги-стаксель. Они приказали двум матросам явить линями и собственными руками бизань-гафель. Как тонкая скорлупка от расщеплённого миндаля скользило судно по бурой реке. Только и мелькали ослепительно белые широкие штаны команды под тёмными бушлатами. Только и сверкали их бескозырки под окрики капитанов. Лишь два капитана в чёрном, с головы до пят, оставались неподвижны.

— Вот и свиделись, Эмма, — крикнул человек в чёрном.

— Это вы, Вороны? — узнала их Притхима. Она говорила негромко, но те, очевидно, её слышали: — Неужто падалью в мутном потоке пришли полакомиться?

— Мы. Но мы теперь Грачи, дорогая. Приходится заниматься социальной инженерией.

— Что с миром?

— Авертигус проиграл кому-то партию в кости, очевидно. На пару водопадов.

— Но водопады никому не мешают, правда?

— Ох, не стали бы мы на твоём месте беспокоиться о чужих проигрышах. Ты же не думаешь, что тридцатью тремя глупыми волками ограничился твой экзамен?

— Вы сами сказали, что «всё, прошли». Я теперь помню.

— Это мы сами себе сказали. Не стоит такому верить. Нет, ещё не прошли. Ни ты, ни мы. Дело то серьёзное...

— Ты же не веришь тому, кто разговаривает со своим собственным полушарием мозга, особенно если их всего два, а не три, правда? — язвительно вмешался другой Грач.

— Она, наверное, обиделась, что ей всучили несправедливую сделку. Память на силу, — сказал Грач. И тут же приумножил обиду: — Я тебе, кстати, тоже не верю, Грач.

— Что б ты понимал в справедливых сделках, Грач, — ответил Грач. — Раньше за память отнимали жизнь, которая только и успевала начаться. Сколько миллиардов великих сознаний пришло и ушло для одного короткого разговора с глупой недоптицей.

— Недоптицы, Грач, сами стоят на миллионах лет геноцида всех и вся, миллионов видов, в том числе птиц...

— Перестаньте каркать уже, — сказала Притхима, — надоели.

И она сама перестала обращать на них внимание.

— Бывай, мой Шюдра, — притянула она к своей голове голову карапуса и поцеловала в губы. Потом внимательно рассмотрела его лицо. — Передавай всем привет.

Ардуша оцепенел.

— И завет, — весело подмигнула она ему и немедленно уснула, откинув голову.

Два человека в чёрном высоко подпрыгнули со своего судна, расправили в прыжке плащи, в которых, казалось, были какие-то вставки-пере-

понки, и мягко присели уже на перевёрнутой крыше бывшего дома Виргилии.

Они стояли и выжидающе смотрели на Ардушу.

— Он не сможет, — сказал один другому.

— Эй, дамочка, — бросил один из грачей судье. — Нити подтвердьждателя есть? Засвидетельствуй смерть.

Он подошёл к телу Притхимы и властным, небрежным жестом потребовал старухе приблизиться. Та повиновалась. Затем она, взяв протянутые Виргилией красные нити, как сомнамбула, проделала все положенные процедуры, от фиксации отсутствия дыхания до скрепления нитей в положенных местах на теле.

Никто не проронил ни слова.

А затем Грачи улетели. Забрав тело, перепрыгнув на своё судно, расправив на нём высоко летящие паруса без мачт, уйдя на бодром ходу против течения, но по ветру.

¶

Фрагмент 28. Город как прикрытие

¶

Реки бывают сухими. Сейчас вода возвращалась в старый ров вокруг Фольмельфтейна. Дно, целые века назад ставшее земляничными полянами, встречало мутный поток. Может быть, и нельзя войти в одну реку дважды, кто знает, но в один и тот же берег – получилось. Но главный вопрос – остался ли по сути тем же наблюдатель? Только это и интересовало сейчас каропуса.

Все пятеро стояли на носу судна.

— Вся, — Виргилия сложила подзорную трубу и отдала Ардуше, — повторяю: вся городская стена усеяна людьми. Там толпа. Они что, нас встречают? Что за нелепая фантасмагория.

— Значит, крыша мало отстала он переднего фронта потока, — сказал каропус. — Видимо, много из того, что текло впереди нас, ушло под рыхлый грунт. Они воду встречают, не нас.

— Реку они встречают, а не воду. А река – это не вода, — сказала судья. Она была облачена в своё высохшее и почищенное одеяние. — Река – это форма, которую вода принимает. Форма устойчивее содержания.

«Воистину так», — подумал Ардуша, глядя на её мантию, принявшую сейчас на ветру вид весьма значительный. Вслух он предупредил:

— Мы договорились, Рату.

Судья сдержанно кивнула.

— Все по местам! — скомандовал каропус. — Начинаю.

Жинго встал на самый нос. Лицо его было обращено вперёд. Поза его была великолепна. Сзади него, треугольником, стояли Виргилия и Рату. Ещё на один уровень дальше и шире – Хакон и Ардуша.

Каропус спустился на дно судна, где в самой нижней точке стоял весомый баррель-орган Притхимы, обеспечивая низкий центр тяжести. Каждый из людей был привязан к нему линем за щиколотку. Плоскость, образованная верхними краями перевёрнутой крыши, была задрапирована натянутыми простынями – у судна появилась иллюзия ровной плоской

палубы. Ардуша вынул из дна импровизированную пробку – затычку из стянутого бечёвкой в комок мусора. Он дождался, пока крыша наберёт воды так, чтобы вода касалась «палубы», на фалангу скрывая её под собой. После этого он опустился с головой под воду и вновь заткнул пробку. Теперь вместо странного судна по воде плыли четыре вертикальные фигуры – сама посудина была под водой. Люди не шевелились. Вскоре к четырём изваяниям присоединилось и пятое – каропус Ардуша. Само плавсредство заметить было сложно. Быстро вечерело. С каропуса, когда он надевал пузырь, стекала вода.

— Облачаемся! — последовал второй приказ Ардушы.

Каждый из пяти людей натянул на голову пузырь. Каждый надул свой пузырь изнутри, пользуясь кусочком тонкой кишки из инструментария Притхимы. Старались делать неглубокие вдохи, чтобы повысить долю живого воздуха. Каждый разжевал и смочил кусочек некоей «глины» – тоже из баррель-органа. Каждый зажал глину между передними рядами зубов и оставил на лице оскал. Глина зарделась мягким светом. Сгустились сумерки.

К городской стене приближалась река. Во главе неё плыли стоя пять фигур с потусторонним сиянием вокруг их обнажённых голов. Взаимная конфигурация фигур – наконечник стрелы – оставалась неизменной. Острие величественно переместилось от места входа потока в окружной ров до широкого моста у седьмой башни. Со стен, с башен, с берегов рва, с моста через ров, упирающегося в ворота седьмой башни, на них смотрели тысячи глаз. Тысячи и тысячи. Тишина, придавившая всё вокруг, была лишь отчётливее от нескольких истошных воплей особо чувствительных особ. Под мост вплыли Пятеро. Сверху на них во все глаза пялились горожане. Многие узнали в лицо судью. С другой стороны широкого моста, рассчитанного на четыре идущие шеренгой телеги, не появилось никого. Ни через десять ударов сердца. Ни через сто. Никогда.

Прибытие Реки свершилось. Река была та же, что и два века назад, потому что она узнала город. Она узнала всех, кто присутствовал – как любой, кто вернулся на место своей старой травмы.

⁂

Едва свод моста оказался над экипажем судна, Ардуша, удерживая в левой руке рапиру со взведённым волосом бога, стал быстро – как только мог и даже быстрее – наматывать линь, соединяющий его с тяжестью

баррель-органа Притхимы. Он увлекал сам себя под воду, перешагивая не терпящими промедления приставными шагами вниз. Ниже и ниже. Рапира его проходила сквозь корпус судна, рассекая его пополам. Не прошло и трёх ударов сердца, как он бы в самом низу. Ардуша завершил разрезание старой крыши, вытягивая себя по противоположной стороне ската наверх, цепляясь за подготовленную стропу. Конструкция не успела продрейфовать и до середины ширины моста, как она оказалась разделена на две части. Обе они утопленниками поспешили на дно канала.

Притянутые баррель-органом, люди с воздушными пузырями на головах ступили на затопленную земляничную поляну и пошли в зловещей тишине подводного пространства, ведомые Ардушой. Толща воды в семь человеческих ростов над их головами давила нещадно. Пузыри сжались и потеряли форму. Ориентируясь на услышанное им в Завете Притхимы, Ардуша шёл к основанию Седьмой Башни. В руках у него был баррель-орган Притхимы. Рапира Притхимы была вторым позвоночником, позволявшим ему сохранить несломленность шага. Свечение глины в их оскалах не давало им видеть пути, отмеряя лишь тот минимум жизненного пространства, который позволял не сойти с ума. Удачливы те рыбы, кто окончили свои жизни на палубе судна крыши дома Виргилии, ибо не увидели они процессии, способной вселить леденящий ужас в любую вечную душу: трупные улыбки Пятерых, подсвеченные изнутри ротовые полости, нелепо колышущиеся складки стиснутых оболочек вокруг голов, тугие шаги и непроницаемое безмолвие.

Ардуша упёрся килем своей уродливой груди в бесконечно твёрдую стену Седьмой Башни, в подводной её части. Он поставил инструмент на дно. Он обнял свод башни как ствол гигантского дерева толщиной в деревню. Он стал шагать боком налево, по часовой стрелке. Он нащупал придонный портал и его низкие ворота. В руке его был ключ.

⁂

Внутри был воздух. Значительная масса воды ворвалась в помещение, но троим мужчинам удалось захлопнуть дверь. Та оказалась вполне водонепроницаемой – в стыках течи не было. Был и свет. Тусклый, но свет. Стало ясно, что разлившаяся по каменному полу внутреннего грота жидкость не имела никакого значения – помещение было огромным. Того зыбкого света, что тут был, хватало, чтобы убедиться: это была пещера, простирающаяся далеко за пределы фундамента Седьмой Башни. Невда-

леке стояло здание водяной мельницы, сквозь которую протекал бодрый ручей, берущий начало в запруде. Вода уходила в огромный колодец. Свет распространялся от мельницы. Недалеко от мельницы стоял сарай с толстой печной трубой. Видимо, кузница и мастерская.

Первое, что люди рассмотрели, подойдя к мельнице, был огромный хитроумный масляный фонарь, топливо к которому поступало из большой бочки по мере его расхода на фитиле. Дверь была не заперта. Дом оказался трёхэтажным и узким, что является типичным решением для мельниц такого класса. На первом этаже был очаг, но комната явно не была жилой. Жинго разжёг огонь, воспользовавшись припасёнными тут же дровами.

Чувствовалось, что не так давно здесь кто-то был. Когда огонь занялся, люди осторожно, гуськом, поднялись выше. На втором этаже ничего, кроме жерновов, не было. Следов муки тоже нигде не было. Пол был чистым. Впрочем, тут было слишком темно, чтобы делать окончательные выводы. Они взошли на третий этаж. Жинго зажёг лампу.

— Это точно дом Притхимы, — взглядом дознавателя мгновенно вычислила Виргилия. — Ошибки нет.

И действительно: она показывала на характерные следы на деревянном полу. Очевидно, что сюда бесконечное количество раз ставили тяжёлый баррель-орган. Поставили сюда же и в этот раз. Ардуша открыл его и с облегчением убедился, что инструмент тоже, как и ворота, оказался водонепроницаемым. Внутри было сухо.

— Придётся обживать и остальные этажи, — по-хозяйски оглядев тесную комнату, сказала Виргилия.

Так и сделали, приспособив все найденные в доме ткани. В качестве недостающих четырёх подушек воспользовались тонкими чурками из поленницы. Стариков поселили наверху, где было суше и уютнее всего. Виргилия с оптиком Жинго постелили себе на втором этаже. Место каропуса оказалось внизу, у очага.

Нашлась в доме и кое-какая еда. Множество приправ, крупы, оливковое масло, тыквы, сушёные грибы и ягоды. Было даже вяленое мясо.

— Действуем так, — объявил каропус. — Сегодня лишь принимаем пищу и отдыхаем. Начиная с завтрашнего дня, я рублю тайный сухопутный выход – оба прохода Притхимы сейчас под водой. Судья готовит

документы. Оптик занимается прозрачной сталью – по завету Притхимы. Хакон мыслит свою часть стратегии. Ты, Виргилия, на хозяйстве. Это надо понимать так, что твоя ответственность – контроль времени и качества, а также анализ обстоятельств.

Все молча и с пониманием прослушали этот текст о рекогносцировке.

— Но сначала – в руки все фонари, что найдём, — сказал Ардуша. — Движемся к склепу!

⁂

Они шли по упругой, протоптанной тропе. Каропус ступал впереди всех твёрдо, но уверенности внутри него не было. «Идите в склеп, говорила она, — терзался Ардуша, — это вам поможет. Вы сможете больше молчать, чтобы за лишнее сказанное вас не убили. Так она говорила. И не договаривала». Инструкция Притхимы была лаконичной: «Направляйтесь по единственной тропе, ведущей от мельницы, вдаль от ворот». На том всё. Они прошли шагов сто. Ничего, кроме темноты. Потолок пещеры был высоко, если судить по тому, как звучало эхо. Выше, чем над мельницей. Тропа упёрлась в огромную каменную чашу, в дом величиной.

— Тут ступеньки, — сказала Виргилия и поднялась по ним. — Это ванна. Тут вода. На запах – чистая.

— Проточная, — подтвердил Жинго, осмотревший сооружение с другой стороны. — Это точно не склеп. Что угодно, но не склеп.

— Она и душ тут принимала. Вот акведук и сетка, чтобы разбивать воду на струйки, — сказал Хакон.

Виргилия обошла пару раз вокруг бассейна и призадумалась.

— Это всё странно, — она махнула рукой в сторону мельницы. — Что могло заставить её построить это так далеко от жилища? Здесь нет ключа, который бил бы из скалы. Вода подведена искусственно. Почему не сделать удобно, возле дома?

— Она ненавидела воду, — сказал каропус.

Другого ответа никто предложить не мог. Они двинулись дальше. Ещё шагов через сто показался вход в грот.

— Это ещё страннее, — протянула Виргилия. — Если бы мне показали такую форму и не сказали, какого эта штука размера, я бы подумала, что гончар развлекался в свободное от работы время.

— Да уж, — стоял Жинго, разинув рот. — Человек так строить не будет. Даже при наличии волоса бога. Зачем все эти канавки? Сколько труда! Лишнего труда. Ты права, Виргилия: как будто грабельками для ухода за комнатными растениями провели по скале. Грабельками размером в пару телег.

Терпение каропуса истончалось.

— Входим? — полу-приказал он.

Внутри декорация стен была аналогичной. Пол был совершенно ровный, притом – не мощёный. Это была скала. Идеально плоская и горизонтальная скала, покрытая толстым слоем пыли.

— Сюда она не заходила лет сто, — заметила Виргилия.

Углубившись в склеп шагов на двадцать, они почувствовали под ногами мох. Присмотрелись, потрогали, понюхали – мох.

— Как же он растёт в темноте? — удивился каропус.

А ещё через шагов десять они увидели лежащих на мху людей. Пять человек. Лежали они относительно ровно, на спинах, но совсем не как тела усопших в обычных фамильных гробницах и склепах. Позы их были настолько естественны, что никто из пятерых живых гостей не выказал испуга или хотя бы смятения. Тела склепа не выглядели угрожающе, от них не веяло потусторонним. С другой стороны, на спящих они тоже не походили. Каропус теперь понял, почему Притхима описала склеп словами «там – запятая».

В глубине грота был катафалк – чёрная карета без окон. Больше в гроте ничего не было. Ни одного предмета.

— Это Первый Канцлер Иллюмироса, — сказала Виргилия. — Сомнений нет. Какой высокий, оказывается. Молодой. И лысый. Надо же.

— Это Первый король Маристеи, — добавил Жинго, указывая на сухого строгого старичка. — Папаша возил меня на экскурсию к их Изваянию.

Люди переходили от фигуры к фигуре, рассматривая их с величайшим интересом. Каропус же был более всего озабочен мхом. Он оторвал несколько тончайших веточек и спрятал в карман.

— Первая Императрица Арганора, — подтвердил Хакон Добрый, стоя возле пожилой женщины, и отвесил поклон. Видел её Изваяние.

— Первый Царь Волкариума. И Первая шахиня Солартиса, — закончила список судья.

— Великая красавица, — сказал священник про шахиню. — Как ты, Виргилия. А царь-то чего такой растрёпанный?

Виргилия с уважением посмотрела на успевшую попутешествовать в своей жизни судью, проигнорировала Хакона и склонилась к телу. Потрогала запястье Канцлера.

— Живой, — заключила она через некоторое время. — Крайне медленный пульс, но это живой человек. Будить, думаю, не стоит. Тут мой анализ бессилен. Ничего подобного наша медицина не знает. Иностранцев трогать не буду, на всякий случай. Уверена, ситуация с ними аналогичная.

Каропус улыбнулся. Не словам дознавателя, но своим мыслям.

— Жинго, — сказал он. — Я только что придумал, как и зачем подкинуть тебе дополнительной работы...

И Ардуша продолжил собирать образцы мха.

— Не было бы с нами судьи, я бы и не смогла заключение составить, — посетовала Виргилия. — Какой нехороший человек придумал и смог внедрить традицию не рисовать Изваяний. Наверняка, какой-нибудь церковник. Руку даю на отсечение. Раньше, я слышала, в ходу были подарочные открытки с их каменными ликами.

Хакон, который ходил по гроту и с неудовольствием крякал, тут всё-таки высказался с претензией ко всем:

— Внове мне такое, люди добрые. Что за банда подобралась, — прищурился он. — Ни один даже не подумал ниц пасть.

— А сам-то чего же? — спросила Виргилия, запихивая раздухорившегося старика в узкую щель повседневности.

— К бесконечному умиранию у нас в Ордене уважения нетуть.

Виргилия улыбнулась и похлопала старика по плечу:

— Наш человек. Нет величия там, где нет простоты. Ладно, сейчас домой на мельницу вернёмся, сварим крупы побольше, заправим маслом, и ты нам растолкуешь, как к чему положено относиться. И не суди нас строго за чёрствость – мы насмотрелись всякого за последние дни, сам знаешь.

— Формального неуважения проявлено не было, — подтвердила судья, отвергая подозрение на диссонанс онтологических масштабов.

Решив, что черта подведена, и оценка по поведению уже занесена в протокол, не подлежащий дальнейшей корректировке, Жинго сказал:

— Кто вообще придумал сюда идти до обеда?

Что касается виновника, то сомневаться в его спокойствии не приходилось – достаточно было взглянуть на то, с каким довольным видом каропус похлопывал себя по карманам, где находились кусочки мягкого мха.

Когда уходили, каждый, конечно, оглянулся. Пять тел лежали на мху – теперь не как тела в саванах, а как брошенные куклы. Было бы тут побольше света, наверняка можно было разглядеть, как у самых чувствительных дрогнули веки.

⁂

— Отвратительное послевкусие от этих тёплых мумий, не так ли, уважаемый Хакон Добрый? — подцепила Виргилия старика, отставив миску с наполовину съеденной тыквенной кашей. — Ни живы, не мертвы. Приостановка воли. Как мы все в этом мире, а? Олицетворение бесконечного умирания, так ты сказал? Смотри, скатерть не заляпай!

Трапезничали наверху, у стариков. Жинго с каропусом соорудили большой стол из досок, найденных в кузнице. Скатертью служила одна из чистых простыней.

— Мою волюшку никто не стреноживает, дорогая Виргилия. И твою тожеть. Мы все делаем, что хотимо. До тех самых пор, пока не нарушаем Неизменных Формуляров. Ты, конечно, церковной неприкосновенности совести не имаешь, но один из трёх формуляров защищает и твои интересы как государственного служащего. Ровно тако же и мой формуляр защищает мои, — прочёл Виргилии персональную лекцию Хакон. И подвёл итог: — Так что, не прибедняйся.

— Никогда не любила вас, церковников, за изворотливость. Ладно паразиты, это понятно. Но вот хитрые какие. Всегда вывернете любую реплику наизнанку.

Жинго загоготал, Виргилия пнула его под столом.

— И чегой это мы паразиты-то, хозяйка?! — вскипел Хакон. — Денег мы ни от кого не требуем! Формуляр о свободе смыслов, второй из Трёх,

чётко говорит: «Церкви не подчиняются властям и, наоборот, властям не следует служить подспорьем церквам». И польза от нас огромная: кто ж скажет человеку, кроме нас, зачемо вообще всё. Как жить тогда? Да и скромные мы: никому ж не позволено… как это говорят кручкозатворы ваши… узурпировать истину. Скока хочют люди церквей – стока и будет.

Виргилия почувствовала азарт.

— Ты не прав, старик. Как раз потому, что я знаю твёрдо «мой», как ты говоришь, формуляр. Тот, что о власти. Мы в школе его даже пели, чтобы проще запомнить, — возразила она и пропела: — «Где хребты делят воды на право и лево, там таможня стоит – единственная для власти мзда. Единственная. Власть может быть хоть зверем, пока не нарушен Трёх Формуляров Свод. Люди свободны к другой власти уйти. Карать дозволяется лишь за трещину в Своде».

— Ну и? — с сомнением выслушал пение старик.

Остальные трое были заняты едой. Великие события, казалось, прошли сквозь них, как ветер через щель в ставнях.

— Вот ты давеча сокрушался, дескать, больших церквей было три, стало две…

— Я прекрасно помню запах хлеба в тот день, когда всё изменилось, — сказал старик.

— И это тоже нормально. Глядишь, и ещё один такой запах запомнишь. В банке с пауками всегда в итоге окажется один – самый жирный. Хорошо это по-твоему?

— Плохо, хозяйка, — ответил Хакон на языке подлинности.

— В светской жизни всё так же. Крупная мануфактура сжирает мелкую, и так до тех пор, пока не останется одна. Это естественно.

— Но нету такого!

— Правильно. А почему? Ведь власть не имеет права вмешиваться, наказывать за то, что не является преступлением против Свода. Укрупнение предприятия таковым деянием, очевидно, не является.

— Если бы так в какой-то стране случилось, что осталось бы только одно какое предприятие, как огромный паук на всю страну, то люди бы тогда ту страну покинули и ушли в соседние. Никто не может тормозить на водоразделе человека. Только товар или депешу, ежели она связана с товаром.

— И что тогда? Предприятие-паук разорилось бы? С чего бы? Ну меньше людей, но он всё равно остаётся незаменимым. Паук похудеет, но никуда не денется. Или что ему, дожидаться, пока все вообще люди уйдут из страны? Ты слышал о стране, из которой ушли все люди?

— Ну, не знаю, хозяйка... не было ж такого никогда, — промямлил старик, — чтобы кто-то один... да захватывал бы весь совсем поток товаров... пусть и в какой-то части. Так, чтобы помидоры, скажем, были только у одного купца, и всё. Не было такого никогда.

— Вот именно! Не было. А почему?

— Почемусь? — хлопал глазами старик.

— Потому что до того, как такое могло бы произойти, в «нужном» месте менялась погода, а то и климат. Менялся поток товаров, и предприятие за ним.

— Кому нужном? — не понял старик.

— Авертигусу! Кому ещё, — отчеканила Виргилия. — Свод формуляров спущен нам всем откуда-то сверху, с неба, из глубин истории, через каменный авторитет Первых, но на самом деле Авертигус рулит исподтишка. Нету у нас воли, если трезво смотреть на вещи, понял? Нету!

— Дак как же?! Сказано же Третьим формуляром: «В поле общественном слово обязано быть нагим, раскрывая помыслы, не кривя душой ни на миг. Сделки скрепляют строго, а торг ведут с лицензией власти. Кооперируясь, коммерческий лгун кривит реальность во благо, ибо спрос и предложенье – его наука. Но шепот приватный «на ты» и слово наедине принадлежат только тебе – личную волю никто не нарушит».

— Нарушит-нарушит, — вмешался Жинго. — Воля клана, например, нарушит твою личную волю не за понюшку табаку. А благополучие клана тоже можно климатом выправлять, куда и когда Авертигусу заблагорассудится. Так и живём: без надежды, в желании.

— Но ты сам рёк, что покинешь клан свой! — воскликнул Хакон. — И никто не сможет помешать тебе.

— Да, зло не абсолютно. Но время – как вязкость. Всегда висит такая, знаешь, безопасная угроза. Утомляет. Я, получается, не тот, кто действует, а тот, кто вынужден ожидать. Я знаю о людях, как и я – оптиках, которые хотели и могли изучать свойства светлюшек, жаждали подчинить людям новые силы и волны. Их утомили обещаниями, ожиданиями, отказами.

— Монет на изыскания не отсыпали, ты хочешь сказать? — уточнил Хакон.

— Ага.

— В том, может, и причина? Стяжатели они поди были, твои заочные знакомые?

— Допускаю. Но не все же. Сколько веков миру? Никто и не знает уже. В архивах много трудов Предков – думай, бери и делай. Так никто ведь ничего так и не сделал.

— Может, оно и не надо? — рассудил Хакон.

— Может и не надо, тут ты прав, — сказала Виргилия. — Мы не претендуем на то, чтобы решать, кому и что надо, кому и что полезно. И вообще – что такое полезно, мы не знаем. У нас претензия проще и тоньше: каждый должен выполнять свои правила.

— Однакось, вы пеняете на Авертигуса – тогда как для него нет никаких правил.

— А вот это судья и проверит, — весело сказала Виргилия. — Правда, Рату?

— Прафта.

⁂

С утра каропус был занят трудом каменотёса. Прибежище Притхимы следовало оставить в тайне. Подземелье это не было выкопано. Притхима поведала, что холм, на котором стоит город – это в значительной мере та земля, которую она вынула из прорытых ей отводных каналов тоннелей. Это Фольмельфтейн вырос над мельницей, а не мельницу построили под ним. Хотя к башне вёл мост, им не пользовались из-за суеверий. Это знал каждый житель города, в том числе и каропус, который переехал сюда не так давно. Как Притхиме удалось создать Седьмым Воротам дурную славу, она не рассказала. Впрочем, ворота могли заполучить такое отношение к себе и сами по себе. Так или иначе, Притхиме удавалось проникать в подземелье незаметно. Что могло случиться со случайными свидетелями, думать не хотелось.

Сейчас целью Ардушы было просечь в скале ход к тому месту, над которым стояла внутренняя стена Седьмой Башни. Далее он планировал вырезать в самой стене – весьма толстой – ход на высоту человеческого роста над уровнем грунта. Там было одно место, где в нише стояла ска-

мья. Если оборудовать лаз так, чтобы появляться над скамьёй, то получится проникать в город незаметно. Вот скамья пустая, а через миг на ней притомившийся горожанин.

Волос бога резал камень без усилий, но это решало лишь часть задачи. Во-первых, рапирой нельзя было заглубить рассекающий волос сразу в горную породу – мешало крепление. Приходилось соструг ивать каменную стружку с краёв. Во-вторых, получившуюся шелуху нужно было оттаскивать. Чем глубже он углублялся в тоннель, тем больше он уставал, тем более он пренебрегал очисткой пути позади себя. Профессиональное чутьё дистанции подсказывало ему, что он почти у цели. Каропус увлёкся. В какой-то момент он понял, что сам себя закопал. Паниковать он не стал. Он осмотрелся. По каменным стенам шли широкие трещины, в которых жил лишайник и мельчайшие грибы. Он присел отдохнуть – нет такой судьбы, которая не может быть преодолена с помощью презрения к ней. Мешало лишь отсутствие немедленного решения – прорубаться вперёд до конца или же раскапываться назад, засыпая то, что уже было освобождено от камня? Ему вдруг показалось, что он обрёл свободу в понимании абсурдности собственной ситуации и достиг состояния умиротворенного принятия.

За сим он потерял сознание.

«Жил-был старик со старушкою, у них была пташка, снесла яичко в куте под окошком: востро, мудрено, золото! Положила на полочку; мышка шла, хвостиком тряхнула, полочка упала, яичко разбилось. Старик плачет, старуха возрыдает, в печи пылает, верх на избе шатается, девочка-внучка с горя удавилась. Просвирня как услыхала – все просвиры изломала и побросала».

Он открыл глаза. Первое, что он увидел, была ойнохойа. Такое, кажется, слово подходит. Сосуд из древности. Поведя взгляд в сторону, Ардуша упёрся взглядом в часть фрески, в паре футов. Стена. На изображении кто-то возносится ввысь. Видимо, на небо. В небе луна. Мелодичный тропарь меж тем продолжался, но уже в новом темпе, нервно:

«Узрим неприступным светом воскресения… неизданная гомилия Златоуста… светоносное ношение… из гробных чертогов… радости исполни… всепраздвенна и спасительна сия нощь… безлётный свет… кость его, да не сокрушится… чистительное – паки из гроба белое нам правду восзия Луно…»

Ардуша понял, что пел он сам. Он увидел свои собственные руки, которые точными и благоговейными движениями сворачивали какую-то упругую шкуру в форме человека. С усилием, но он смог чуть повернуть голову и оглядеться. Голова тут же, сама собой, взболталась и вернулась в прежнее положение. Но Ардуша успел увидеть, что он в келье. Окошко было вертикальное, плечо на три, не больше. Свет из него был почему-то красный и пляшущий. Так это пожар! «Мы ж горим. Я горю». Теперь стали поступать дополнительные свидетельства этого факта: снаружи, из-за двери, из коридора слышался беспорядочный топот. Восклицания.

Ардуша вдруг смог сопоставить произносимый самим собой тропарь со сворачиваемым костюмом. Он – синдонолог! Теперь он стал слышать не собственный голос, но «свои» мысли. «Не без промысла Божия...»; «кротко благовествовать о смерти...»; «не сгорающий куст...». Ардуша понял, что костюм является объектом литургического почитания. А может – и великой гимнографический традиции. «Очистим чувствия и очистим...» – он выскочил из кельи со свёрнутым костюмом в большой суме. Горба на груди у него не было. В общей зале несколько монахов неуклюже пытаются плескать воду вверх, на горящий потолок. Какая бытовая глупость, подумал он. Задымление давало о себе знать – он закашлялся новой грудью. Коридор, лестница, холл; и вот они на улице.

В низких-низких тучах мелькнула тень дракона. Что за напасть, подумал он. Но это был дракон, он мог поклясться. Грязно-грязно-зелёный. На фоне сине-сизых туч. Никаких сомнений. И тут громыхнуло. Ардуша испытывал такой силы акустический удар лишь однажды. В ранней молодости на военных сборах. Так, в страхе и негодовании, он вывалился из событий.

*

— Ну ты даешь, братец! — над каропусом нависал Жинго. — Ты чего закопался? Насилу откопали.

Здесь были все. Все в каменной пыли. У Хакона кровоточили руки. Дознаватель тем временем осматривала стенки тоннеля.

— Видимо, грибки источают дурман, — сделала вывод Виргилия. Она была довольна собой. Она улыбнулась каропусу: — Ну что? На мельницу или ещё поработаешь?

Ардуша спросил:

— Ты, случайно, не знаешь, в чем смысл древней сказки о золотом яйце?

Виргилия выкатила глаза:

— Нет, теперь вижу: точно на мельницу!

— Я знаю, — сказала судья. — Золотое яйцо – это плотный узел наличествующего инструмента, застрявшего в связке приличных орутий. Такой инструмент и сам не вхотит в опорот, и заражает всё потрят своей не-включаемостью. Яйцо – это фетиш сакральности; не стоит переоценивать равновесие и опусловленность мира. Во вселенской цепи всегда есть слапое звено...

Со словом «докамест!» Хакон Добрый прервал судью и подтолкнул всех к выходу.

¶

Фрагмент 29. «Тело» Притхимы

¶

Той же ночью доделали проход и отправили судью домой. У неё, в соответствии с их планом, были дела в городе. Да и просто ей нужно было домой. С ней ушёл и священник.

Каропус остался в подземелье ещё на день помочь оптику, который готовил по рецепту Притхимы прозрачный сплав. Знания и материалы у неё были, но вот мастерства оптика ей недоставало. Её заготовки не шли ни в какое сравнение с тем, что изготовил Жинго. Через день Виргилия, Жинго и Ардуша, прихватив кое-какие вещи, в значительном количестве, также выбрались посреди ночи из под Седьмой Башни и направились к жилищу каропуса.

Несколько дней прошли в рутинных делах. Каропус получил деньги за заказ. Навет мажордома не достиг из-за потопа компетентных органов, а заказчик не стал вникать в детали, получив то, что хотел. Жинго до поры, до времени предпочёл не искать контакта с родственниками. Пару раз навещал Хакон. Ночевал он в одной из гостевых келий Ордена. Судья прислала с посыльным сообщение, что она готова. Несколько раз уже ходили к ратуше смотреть на постоянно пополняющиеся списки погибших – Виргилии важно было узнать, выжил ли кто из её окружения. Вот и сейчас они втроём прохаживались от списка к списку, вывешенных на деревянных щитах на центральной площади. В целом, в городе царила суматоха – к ликвидации последствий потопа добавилась купеческая активность. В срочном порядке возводились торговые пристани и прибрежные товарные склады. Канцелярию бургомистра буквально штурмом брали желающие выкупить участки возле городского рва.

— Почему у столь многих погибших есть лишь описание, но нет имён? — спросил каропус Виргилию, рассматривая очередной список.

— Это неписи, — ответила она односложно.

— Кто это?

— Нигде не зарегистрированные люди. На жандармском жаргоне так у нас называют.

— Почему их так много?

— Их и так много. Город-то славился свободой нравов. А среди погибших и того больше. Многие интуитивно плотно закрыли окна, двери, печные трубы, чем сохранили себе жизнь – газ не заместил весь воздух. А неписи – это люди, в основном, бездомные.

— Это иноземцы?

— Большинство. Но есть среди них и преступники, и просто люди ленивые. Бродяги. Выгод от регистрации немного, — ответила Виргилия.

— А какие есть выгоды?

— Хм... Так сразу и не скажу. А, вот: нельзя в судебных разбирательствах участвовать, если ты непись. Ни в каком качестве. Нужно на момент слушания полные сутки быть в формальных списках.

— Да что ты говоришь?! — воскликнул Ардуша. — Мне нужно срочно к судье.

Виргилия и Жинго переглянулись и пожали плечами. Если бы он хотел сказать, зачем – он бы сказал.

— Мы с оптиком будем дома.

⁂

Судья Аделаида Рату мерила злыми шагами свой служебный кабинет во Дворце Правосудия.

— Ты итиот, Артуша. Полный!

— Я признаю – в завете Притхимы этого не было. Но она сказала: «Сходите в грот; вам поможет». Ну или что-то в этом духе.

Рату уселась, стараясь успокоиться. Она поставила локти на стол, положила подбородок в кисти рук – её голова закачалась как у детской куклы. Наконец она объявила цену:

— Мой голос – второй после твоего. Мой. Не Виргилии.

— Хрш.

Судья протянула руку для скрепления договорённости:

— Послезавтра в полтень.

⁂

Назавтра в утреннем городском новостном листке в разделе юридических уведомлений в стандартной разлиновке значилось: «Завтра, в последний день седьмицы, в полдень во Дворце Правосудия назначено слушание по делу № 105192 (код: Дело Притхимы). Присутствуют: истец, свидетель №1, свидетель №2. Судья: Рату».

— Два свидетеля, — в раздражении бросила Виргилия листок на стол и накинулась на оптика Жинго с вопросом: — Ты знал?

— Ну так… — начал он увиливать, — догадывался. Я ж тоже свидетель.

Она вдруг подошла и отвесила ему самый настоящий подзатыльник. Жинго предпочёл не возмущаться.

— Ну а ты и вовсе ненормальный, — сказала она каропусу. — Удачи вам завтра. Я пойду погуляю.

⁂

Аллея, ведущая к колоннаде Дворца Правосудия, была оцеплена с раннего утра, когда городская стража поняла, что иначе беспорядков не избежать. За полчаса до полудня в дальнем конце аллеи показался человек. Человек этот был уродлив – грудь его выпирала страшным килем вперёд. Он нёс открытый паланкин. На паланкине стоял странный трон, покрытый зелёным мехом, похожим на мох. На троне сидел человек, который являлся ни кем иным как Первым Канцлером, чей гигантский лик высечен в скале многие века назад.

Люди, которые толпились в тридцати-сорока шагах за оцеплением, разделились на два лагеря. Расщепление мнений было связано с тем, что человек нёс паланкин один, тогда как во всех подобных случаях носят вчетвером. В данном случае, человеку оказывалось достаточно держать ручку внушительной лектики в левой руке, чтобы идти впереди и справа от паланкина, размахивая при каждом шаге прямой правой рукой. Часть людей считала, что у человека достаточно силы в кисти его левой руки, чтобы удерживать такой массивный объект горизонтально всего лишь за одну ручку. Другая часть людей считала, что это пассажир лектики явился причиной такого странного её поведения. Первая группа аргументировала своё видение тем, что паланкин немного покачивался при движении. Если бы причиной был тот, кто ехал на троне, то это было бы исключено.

Так или иначе, но человек и паланкин, пройдя всю аллею медленным шагом, вскоре успешно переместились внутрь Дворца Правосудия. А причина была в банальной тачке из не банальной прозрачной стали, подставленной под паланкин снизу.

⁂

— Встать, сут итёт.

«Заседание Суда по “Делу Притхимы“ объявляется открытым, — провозгласил Секретарь. — Суд просит истца изложить суть».

— Инерция Кориоли прерывала свою работу. Я, Ардуша, считаю Авертигуса первопричиной этого явления и обвиняю Авертигуса в негативных последствиях этого явления.

— Представьте свитетеля опвинения, — приказала судья.

— Я, Жинго, свидетельствую, ваша честь.

— Секретарь, верифицируйте свитетеля, — потребовала судья.

— Верифицировано, ваша честь. Это Жинго.

«Регистрация свидетеля?»

— Валидна.

«Предъявите экспертное заключение».

— Кориоль является первопричиной циклонов, что, в свою очередь, есть ветер, который, в свою очередь, делает возможным мореплавание, без которого невозможна торговля. Торговля есть системообразующий фактор в Своде Трёх Неизменных Формуляров. Тот, кто явился причиной невозможности исполнения Свода, является преступником.

— Изложите возражения защиты, — потребовала судья.

— Прерывание Кориоли было краткосрочным, что не могло повлиять на формирование циклонов.

— Отклонено в силу несущественности параметра и принципиальности вопроса, — постановила судья. — Претставьте свитетеля защиты.

«Свидетель защиты: Первый Канцлер», — объявил Секретарь.

«Верификация».

— Это Первый Канцлер, ваша честь.

«Представьте медицинское освидетельствование».

— Этот человек жив, ваша честь.

— Он спит? — спросила судья.

— Нет, ваша честь. Его состояние не является сном.

«Регистрация свидетеля?»

— Валидна.

— Постановляю: отказ от показаний. Изложите суть второй претензии.

— Погибла Притхима.

«Свидетельство о смерти?»

— Валидно, ваша честь.

— Изложите трепования истца, — сказала судья.

— Обязать Авертигуса построить взамен старого новый мир, который будет лишён указанных в иске недостатков.

«Суд удаляется на заседание», — объявил Секретарь.

⁂

«Встать! Суд идёт».

«Слушайте вердикт суда!»

«Зачитано с Вердикта: Признать Авертигуса виновным по первому обвинению. Не признавать Авертигуса виновным по второму обвинению. Обязать Авертигуса исполнить исковое требование. Суд завершён».

— Тело Притхимы закрыто! — ударила судья молотком.

⁂

Когда человек и паланкин проделывали обратный путь по аллее, по сравнению с обстановкой утром было несколько изменений.

Во-первых, та группа, которая объясняла необычайный способ перемещения паланкина силой человека с горбом на груди, увеличилась. Увеличилась ли вторая группа – неизвестно, так как общее количество людей в толпе возросло в разы. Всё зависит от неизвестного никому распределения.

Во-вторых, всюду были слышны крики: «Тело Притхимы». Утром такого не было.

В-третьих, из-за того, что несколько десятков зевак вскарабкались для лучшего обзора на старую липу, несчастное дерево не выдержало. Ствол в два обхвата лежал поперёк аллеи, и его ещё не успели убрать.

Человек с палантином не стал задерживаться из-за этого обстоятельства. Вместо того, чтобы попытаться обойти, он вынул из своего позво-

ночника тонкую и длинную рапиру, щёлкнул по её острию носком сапога, а затем двумя взмахами с оттяжкой разделил ствол на три части, будто бы он был сделан из сливочного масла. Толчком того же сапога он заставил образовавшуюся чурку укатиться вперёд. Это позволило ему и паланкину проследовать той траекторией, которую человек с горбом наметил для себя.

Когда человек подошёл к концу аллеи, он вежливо попросил представителей толпы за ним не следовать. Его просьба была немедленно удовлетворена, возможно даже – с опережением графика. Он в одиночестве проследовал в направлении Седьмой Башни.

«Там нехорошее место, это все знают», — подумал, вероятно, каждый из присутствующих благоразумных горожан, обосновывая самому себе свое решение отправиться восвояси прямо сейчас.

¶

Фрагмент 30. Вера взаимного дыхания

¶

Внутри было тепло. Снаружи было холодно. Каропус с раздражением смотрел, как под неплотно прилегающей кривой дверью, по обе стороны от щели, нарастает иней. По ногам в зимних унтах тянуло стылым воздухом. Мусор, вмёрзший в земляной пол, не было никакой возможности подмести, пока не придёт весеннее тепло. Это угнетало.

— Всё, масла больше нету, — сказал Хакон, вытряхивая из бутыли последние капли в плошку с рисом. — За границей разве не нужон кому умелый каропус, уважаемый Ардуша? Чегой мы тут с голоду пухнем?

— По сутейской линии, та и вообще – по юритической, у нас у всех точно волчьи пилеты. Я проверяла через маристейских знакомых, — сказала Рату. — Лучники-каропусы по этой же части считаются. Ты сам-то, Хакон, первый и попустился – ситишь тут целыми тнями с самого потопа. А я тебе напомню – он в конце лета пыл. Мы-то с Артушей хоть в порту грузим, когта выпатает шанс.

— Орден един на все страны, сами знаете, — оправдывался Хакон. — В одном месте припечатают – пиши пропало на весь свет. А в порту меня за ту ересь со всплывших обменяшек порешат. Шилом сапожным аль топором.

— Путто меня за тот злосчастный вертикт чаем везте угощают, — продолжала ворчать судья.

В дверь осторожно постучали снаружи. Часть инея на щелях осыпалась.

— Это Плата-Пансо, бывший мажордом дома Жинго, — послышалось с мороза. — Явился по поручению канцлера оптика Жинго и его супруги, Виргилии, преследуя, в частности, личную цель...

Каропус распахнул дверь и втянул Плата-Пансо внутрь:

— Говори мне в глаза, гнусный доносчик, на ты, как мужчина мужчине – какого лешего ты здесь? Поглумиться пришёл над отверженными?

— На ты так на ты, — Плата-Пансо не выглядел обескураженным или, наоборот, куражащимся. В руках его была большая корзина с едой. — Так я сам такой, мастер Ардуша. Никуда не берут. Денег в долг не дают. Я бы даже сказал, за границу уехать не дают, если бы не опасался внесудебного преследования за «необоснованный навет». Натурально – издеваются.

— Не надо было доносы писать.

— Это с чего это вдруг я должен был не доносить, если у меня работа такая? — резонно заметил Плата-Пансо. — Ну да ладно, это дела старые. Я чего пришёл... Можно, я сяду уже? Я вина принёс.

Каропус указал ему на стул. Плата-Пансо скинул с плеч тулуп, снял шляпу, поискал глазами, куда-бы их приткнуть, да так и прислонил к стенке за неимением лучшего варианта.

— В сущности что... Явился я к нему с повинной... А роскошь во дворце, я вам скажу! Я не в одном богатом клане служил, и не в двух... такого шик-блеска не видал нигде. С элегантностью только конфликт у них...

— А я адептам нашим в Ордене всегда говорил, — встрял Хакон, — не повезло нам служить в немонархии-то. Нигде, кроме Иллюмироса многострадального, такой бы беды не приключилося. Канцлер, кадило мне в задницу, выискался. Был бы монарх в стране, не пролез бы оптик недоделанный на такой неловкости... — Хакон завёлся: — Ты же его и выпестовал своими выходками, Ардуша. Кто б он был, если б ты его не поддержал тогда после суда... Какой поддержал, ты, считай, и выдвинул. Красавца. Уродства своего застеснялся, да?

— Заткнись, Хакон, а? — без злобы оборвал его каропус. — Я это слышал от тебя раз семьсот. Плата-Пансо, ты тоже не уходи от темы, будь добр.

Плата-Пансо налил всем вина, но судья отказалась.

— Ага, так вот. Я пришёл к нему прощения просить, а то кушать-то хочется. Я на той семерице только и съел, что...

— К теме, — ещё раз попросил Ардуша.

— Он говорит, де, грех на тебе не так велик – сделаешь по-моему, поручение дам – тогда прощу. Короче, тебя поручил – ну и всех вас – на встречу пригласить.

— Засада это, — тут же сказал бывший священник. — Как пить дать. При народе-то у него боялка задёргалась тебя пленить, Ардуша. А так – скажет потом, мол, он сам пришёл денег просить, да напал на меня во гневе. Кто там будет дворцовую стражу допрашивать, по нонешним-то временам.

Каропус встал и прошёлся по небольшой комнате.

— Он же знает, что по его приглашению я не приду, — сказал он. — Он клятвопреступник. Зачем он воздух сотрясает?

— Трагедия не разногласия у вас, но родства, дорогой Ардуша, — сказал Плата-Пансо. — Он тебя ненавидит, потому что только ты увидишь, как пачкаются его руки. Только ты понимаешь, что грязь, а что нет. Его враги слепы к тому, что для него важно.

— Я не думаю, что он готов сжечь мир, чтобы согреть его, — ответил Ардуша. — Дело в том, что в его газетах – общие слова о грядущих веках, а я озабочен тем, что за человек будет моим ртом съедать последнюю картофелину завтра утром.

— Трудные вещи говоришь, мастер Ардуша. Я ж только так… Разговор могу поддержать, пользуясь мудростью житейской. Не думай, что во мне собеседника найдёшь. И, знаешь… можно, я просто вина с вами выпью, а вы просто согласитесь прийти? И всё, и по рукам? А то у меня голова кружится не пойми с чего.

— Вино вроде не креплёное, — отметил Хакон.

Рату смотрела на всё происходящее с нескрываемым скепсисом.

— Вертиго, говоришь? — с крайней живостью заинтересовался каропус. — Без видимой причины? Вот я вам сколько раз говорил, остолопы, — обратился он к товарищам, — надо ждать важного для каждого дня!

Ардуша встал со своего стула, поднял также и Плата-Пансо и вывел его на относительно свободное место, где на полу не было никаких предметов.

— Делай так, — велел он бывшему мажордому, — отчётливо произнеси пять раз, поворачиваясь по направлению на каждую из пяти Великих рек: «Я есмь. Всё, что не моё по праву свободного выбора, возвращается в небытие». Давай! Притхима называла это «словить своего дня».

Плата-Пансо пожал плечами и сделал, как велено. Не трудно для человека неконфликтного.

— Теперь кружись и ругайся на чём свет стоит!

— Что за вино вы пьёте, палпесы? — забеспокоилась судья.

Ардуша придержал её двумя руками за плечи, обращаясь к Плата-Пансо:

— Бранись! Сквернословь! Осыпай всех и вся бранными словами! — требовал Ардуша.

Постепенно под напором каропуса бывший мажордом сдался. А затем и разошёлся – бывшая его профессия снабдила его немыслимым вокабуляром в нужной области. Сложно было себе представить, сколько конюхов, судомоек и прачек подвергались в своё время его черноречию. Поначалу это казалось забавным, однако комическая составляющая как-то незаметно улетучилась. Хуже того: сгинула уморительность не сама по себе, а под напором вполне себе вещественного ветерка. По крайней мере, всем присутствующим в помещении вскоре стало не до шуток. Каропус попытался было остановить зарвавшегося мажордома, да не тут-то было. Инерционная его масса была вдвое больше. Спас ситуацию Хакон: он выскочил с ведром для умывания на улицу, набрал снега и высыпал его на танцора-в-брани.

Плата-Пансо очухался. Он в смятении снимал с лица картофельные очистки – снежок на городской улице оказался не вполне чистым.

— Вернулся? — спросил каропус.

— Ну ты даешь, мастер, — произнёс наконец Плата-Пансо.

— Это как бы ты дал, — напомнил каропус.

Все с интересом рассматривали явно посвежевшее лицо здоровяка.

— Докладывай! — приказал Ардуша. — Чем преисполнился?

— Мне привиделось, мастер, что я не видел мир раньше. Только карту. И она мне заслоняла.

— Что заслоняла?

— Не знаю. Сам мир... не знаю другого слова. Будто он открывается, только если перестать его использовать.

— Что ты несёшь? Как можно использовать мир?

— Ну... жить в нём. В общем, щедрость я почувствовал, мастер. Вот правильное слово. Мир сиял новизной.

Каропус стал в задумчивости собирать в совок остатки снега и очисток. Завершив, он сказал:

— Передай ему: через тринадцать дней. Моё условие: встреча будет на мельнице. Он знает.

— Хорошо, мастер.

— Ты со мной? — спросил Ардуша, внимательно глядя на Плата-Пансо.

— По гроб доски, мастер! — умиротворённое выражение на огромной физиономии мажордома было комичным. Правда, теперь уже безо всякого спорного или тёмного подтекста.

— Это не бесплатно. Теперь на тебе – ответственность за то решение, что мы явимся к оптику Жинго в лапы. Увидимся послезавтра за час до рассвета, — Ардуша при этом обозначил тонким стилусом точку на висевшей на стене карте. — У нас есть дела.

⁂

Судью пробрало аналогичным образом на следующее утро. Всё прошло, конечно, спокойнее. И в силу темперамента, и из-за наличия опыта. Рату не стала делиться ощущениями. Она лишь уведомила, что необычный опыт, безусловно, имел место. Но короткой реплики её хватило, чтобы, в свою очередь, ввести в необычное состояние Ардушу и Хакона.

— Ты себя слышишь, Рату? — аккуратно спросил каропус.

— Пока да, — ответила та. — А в чём, собственно, дело?

— Дело в «деле», неразумная ты старуха, — наградил Хакон судью панибратским шлепком по плечу. Он расцвёл в улыбке.

— Наш коллега имеет в виду, — Ардуша поспешил успокоить пришедшую в замешательство судью, — что твои трудности с произношением определённых звуков – позади.

Вместо того, чтобы обрадоваться, судья нахмурилась.

— Ты же сказал, что на Притхиму это действовало только как защита от старения.

— Ничего такого я не говорил. Она лишь сказала, что в «свой» день, который повторяется каждые полтысячи минус тринадцать дней, нужно отказаться. Я спросил, как отказаться. Она сказала ровно те слова, которыми я проинструктировал вчера Плата-Пансо, а сегодня тебя. Вот и всё.

— А почему не «четыреста восемьдесят семь», как у всех нормальных людей?

— Не имею представления.

Судья махнула рукой в том смысле, что всё пока терпимо и даже хорошо.

— Не будет безрассудством такое отпраздновать походом на мыльню. Так считаю, — сказала она. — Пойдём со мной, мастер. Пусть Хакон тут как следует отмоется тоже, воспользовавшись одиночеством.

— Не берёте меня? Чураетесь, — заныл старик.

— Сам боишься на улицу выходить. А я тебе не раз говорила, ересь твою...

— Не моя она!

— ... ересь давно со всех обменяшек повытерли.

— Я дома посижу покамест, — всё-таки предпочёл поостеречься Хакон.

⁂

Дорога на ближайшую мыльню вела через центр города – пришлось потолкаться на узких улочках.

— Взаимного дыхания вера, — прошептал вдруг один из прохожих и протянул каропусу крупную монетку. На камзоле его была крохотная нашивка, с самую мелкую монету величиной, в виде пяти разноцветных кружочков, размещённых в виде наконечника стрелы. Стрела смотрела вверх. Если бы этот человек не прижался вплотную, чтобы передать деньгу без афиширования этого факта, судья и Ардуша и не увидели бы необычную метку.

Каропус от подаяния отказался. Жестом. Судья, однако, дала ему чувствительного тычка под рёбра и вежливо улыбнулась дарителю. Каропус взял деньги и выразил благодарность формальным жестом.

После этого, вооружённое знанием того, что такие метки существуют, внимание каропуса работало по-другому, поэтому он не раз замечал их на одежде проходящих мимо людей.

В остальном – добрались без приключений.

Говорят, мыльни по всему континенту Пятиречья построили ещё при Первых. Каропус верил в такую версию событий. Он сомневался, что

кто-то может возвести в нынешние времена подобное сооружение. Огромная ванна характерной формы: набор широченных цилиндров, вставленных друг в друга, чем глубже под воду, тем уже. Вода греется сама, из-под земли. Даже сейчас, зимой, находиться в ванне под открытым небом было комфортно. Внизу, под чашей, куда можно спуститься, множество водопадов. Вода проточная, поступает подземным давлением. Насосов в мыльнях нет. Ходят слухи, что раньше возле чаш были ещё и ледники, но они работали от механизмов, которые давно разрушились. Как они работали, никто не знает. Не удивительно, что их разрушили. Ледник – это источник заработка. Можно товар хранить. Передрались, видимо, и сломали. Но почему, если известно, что они как-то работали, никому не хватило упорства выяснить, как?

Мысли каропуса, однако, быстро переключились на опасения, что вновь взвинтили цену. Но нет: судя по пергаменту на входе, за монетку в пол тэллера кастелян должен выдать им четыре простыни, два куска мыла и тазы с ручками, а привратник – пропустить на территорию, предупредив, что через час найдёт и выгонит, если сами не выйдут. И снова нет: их пустили бесплатно. Человек на входе сделал это с опаской, с оглядкой – нет ли поблизости начальства, стражи или ещё кого похуже. Но пустил. Несомненно, репутация их в народе в последнее время выросла. Причины этого каропусу не были ясны. А вот неожиданное желание оптика Жинго встретиться… оно с этим фактом явно связано – так рассудил каропус.

— Ты, смотрю, всё ещё сильно переживаешь из-за летних событий? — спросила Рату, когда они уселись на внутренние ступени бассейна.

Ардуша видимым образом расчувствовался, и это не укрылось от судьи, несмотря на туман над водой, который был из-за холодной погоды весьма плотным.

— Ужасно переживаю, — признался каропус.

— Не бери в голову, юноша. Так всегда случается. Трагедия архитекторов и триумф оппортунистов. Кто-то придумывает, организовывает, и это становится топливом для случайных людей.

— Я вовсе не собирался захватывать власть.

Старуха покачала головой с досадой.

— Попробуй объяснить хоть кому-нибудь, что ты низвергнул авторитет всех институтов государства просто так, чтобы уйти с руин несолоно хлебавши. Никто не поверит. Это я знаю, что так и было. Но таких причин, какие есть у меня, чтобы следовать за тобой, ни у кого больше нет.

Ардуша оставался в своих мыслях, не вникая в суть утешений судьи.

— Виргилия так решила в момент, когда узнала про второго свидетеля, — проговорил он.

— И снова скажу тебе: того и следовало ожидать. Будь я моложе, и я бы поставила под свои знамёна корпус дознавателей и изыскателей. Это самые умные люди из тех, кто умеет действовать волей, оружием и хитростью. Их с мужем канцлерство перейдёт в наследную монархию, даже не сомневайся. Жинго – бравая вывеска власти и муж, но не надолго. Виргилия это понимает.

Каропус шлёпнул легонько ладонью по воде.

— Я тебя не вижу из-за пара, Рату. Может перейдём в соседнюю чашу, там воздух прозрачнее?

— Останемся. Когда вода доходит до дальних ванн, она уже холодная. Как и власть… Пока доходит до водораздела – остывает.

— Ты права, но мы говорим о разном. Конечно, история использует мечтателя оптика Жинго, история же даёт сцену Виргилии за его спиной; но Виргилия – не мошенница. И даже не стяжатель. Её амбиции – другого сорта. Они очень текучие. Ты знаешь, ходят слухи, что она разослала по всем направлениям соглядатаев – искать и ставить на учёт безмачтовые яхты? Слух потому и просочился из-за стен дворца – экое странное действие.

— Хочет найти Притхиму? — спросила судья.

— Я даже не знаю, хочу ли я сам искать её. Найти – да. Но искать? Не знаю… И она остывала, знаешь… Её тело не было как у Первых правителей. Я почти уверен, что она мертва. Я склонен ждать, хотя я до сих пор не поймал за хвост свой день, как ты сегодня утром. Мне кажется, Авертигус пока просто-напросто не услышал твой вердикт. Точнее, услышал, но мысль о нём ещё не прошла сквозь его сознание. А Виргилия жаждет действовать.

В руках у судьи был изогнутый металлический скребок, покрытый маслом. Она медленно водила им по предплечью.

— Как в таких обстоятельствах действовать? — поинтересовалась судья — Кричать в небеса: «Эй там, наверху! Прочти вердикт. Немедленно»?

— Виргилия, например, хочет сместить распределение моментов инерции Цилиндра. Тогда Авертигус заметит.

Рату окунулась с головой, чтобы по достоинству оценить намерение.

— Дай прикинуть, — сказала она, вынырнув. — Она хочет устроить массовое переселение народов вверх по горе? Перемещение тел людей, их запруд, инструментов – это единственное доступное ей в принципе действие такого рода.

— Да. Я ей пытался объяснить, что итоговый эффект никак не просчитать: изменится характер слива вод в Реки. Из-за поливов на другой высоте реки будут чуть иными. Будет другой размер у плодов. Очень-очень сложно.

— В чём-то она права. Просчитывать и не обязательно, если твоё намерение состоит в том лишь, чтобы наделать шуму и разбудить Авертигуса. Я думаю, модель её поведения проста: она трясёт и шатает всё, начиная с того, что хуже всего прикручено. Церковь – первая её цель. Точнее, все церкви. Мы это уже видим. Тот прохожий, что он там шептал?

— Какая-то новая вера?

Пар стоял густой, почти осязаемый, словно ткань, наброшенная на плечи.

— Я тебе больше скажу, юноша. Ей это нравится делать без оглядки на какого-то там Авертигуса и его проколы с управлением физикой мира. Я даже думаю, она не верит в то, что он вмешивается в нашу жизнь.

— Но ты-то веришь? — забеспокоился Ардуша.

— После сегодняшнего утра – да. До этого у меня из улик были лишь слова. Не только твои, добрый Ардуша. Я прожила длинную жизнь и встречала очень, очень интересных людей. Но всё же – лишь слова.

— А Кориоль? А потоп?

Жар поднимался из-под плит, из скрытых каналов.

— Кориоль – слова. Я видала мистификации и похлеще. Потоп ничего не нарушает и не доказывает.

— Ах ты, лицемерная старуха, — улыбнулся каропус.

— А внутренний опыт, — продолжила судья, — вещь убедительная, кривить душой не стану. Я вижу, ты вновь задумал что-то грандиозное. Поддержу.

Когда подошло время, чистые и очищенные, они отправились домой. На сэкономленные деньги их ждал неплохой по их нынешним меркам обед.

¶

Фрагмент 31. Седьмая башня

¶

Сидя у костра, каропус занимался тем, что переворачивал крупные гладкие камни, лежащие в огне. Он дожидался, пока они нагреются, а потом оттаскивал их сучковатой веткой и клал на освободившееся место новые. Плата-Пансо просто варил уху из трёх крупных карасей, выловленных только что во рву, окольцовывавшим городскую стену. Пришлось пробить дыру во льду и немного нарушить закон, который сам не был вполне законным. Как только рассвело, они погасили пламя. Камни продолжали нагревать для них небольшую полянку.

Отсюда были одинаково хорошо видны Шестая и Седьмая башни. На стенах Шестой висели два огромных всепогодных гобелена, сильно вытянутых в вертикальном направлении. На одном был портрет оптика Жинго. На втором – Виргилии. Недалеко от башни суетилась множеством людей и товаров пристань, которой полгода назад здесь и в помине не было. К Седьмой с рассветом стали подтягиваться люди в уставших мундирах городских служб. То были, судя по их манипуляциям, землемеры и представители архитектурного управления.

Каропус хотел было дождаться от бывшего мажордома какого-нибудь проявления нетерпения, чтобы оценить его настрой и направление мыслей. Поэтому он откровенно тянул время. Не получилось. Плата-Пансо занимался ухой и был действительностью удовлетворён всецело.

— Нам надо кое-что выкрасть из Седьмой башни, — кивнул каропус на здание.

— Какого размера и веса? — немедленно отреагировал Плата-Пансо.

— Это удивительно точный и уместный вопрос, Плата-Пансо. Ты меня радуешь с первых минут сотрудничества. Это будет карета. Обычного размера – под четвёрку лошадей. Не пустая. Но и не тяжелая. Не золото. Рассчитывай на вес трех человек, включая нас с тобой. Плюс сама карета.

— Где выход из башни? Мы его видим?

«И вновь в точку», — подумал каропус, но сразу не озвучил. Чисто технически, приводить сюда сообщника было бессмысленно. Внутрь, в целях разведки, им сейчас не пробраться. Да и близко не подойти – охрана. Этой вылазкой на природу каропус проводил прозаический ритуал синхронизации, чтобы они оба увидели одно и то же, и их внутренние модели совпали. Если же быть совсем честным, то Ардуша сгружал с себя часть ответственности, делая Башню свидетелем заговора. Без утайки и откровенно он и ответил:

— Мы тут не для того, чтобы увидеть здание. Мы здесь, чтобы себя показать Седьмой башне. А карета выйдет вообще не из башни, а из-под воды. Она всплывёт в водах рва.

— Значит, тягловой силы при ней не будет? — здраво рассудил Плата-Пансо. — Я так понял – это моя задача?

— Ты понял абсолютно верно, — кивнул каропус.

Бывший мажордом с охотой и умением подхватил у Ардушы знамя игры внешнего созерцания как онтологической необходимости. Он сидел и спокойно был. Он не просто не спешил и не нервничал, пространство вокруг него само активно поедало всякую суету. Каждый крик вороны, коих каркало множество в верхних ветвях сосен, Ардуша теперь слышал как разный – и по голосу, и по птичьей фразе. Обобщение не работало. В жизни каропуса должен был появиться Плата-Пансо, чтобы он вдруг понял, что различие – это не свойство мира. Это свойство внимания.

— Давай я добавлю ситуационных рамок, — сказал Ардуша. — В нас, вероятно, будут стрелять. Карета пуленепробиваемая. Но козлы, естественно, – это просто козлы. Открытая скамейка.

Плата-Пансо размышлял продолжительное время. Впрочем, он мог и просто молчать.

— Нужно довольно много денег, — привязал его здравый взгляд намерение к материи.

— Вот, — с готовностью передал каропус бумагу. — Это не деньги. Это грамота, которая уполномочивает тебя собирать пожертвования в мой адрес. В правительство и поближе к деньгам я не попал, но есть ощущение, что хотя бы так – сработает.

— Сработает, — согласился Плата-Пансо. — Правда, один раз. На второй нас повесят. Но уж коли мы собрались залезть в ту карету с кон-

цами, то ситуация сносная. А о правительстве не горюй – иск того стоил. Хотя я-то бы, конечно, на такую авантюру не пошёл.

«Всё-таки хорошо, что мы сюда выбрались, — подумал каропус, благодарный мажордому за поддержку. — План, обсуждаемый в комнате, остается абстракцией. План, обсуждаемый на виду у того места, где тебя, возможно, лишат жизни, становится событием».

— Вот ещё что, — сказал каропус. — Стрельбой из пистолей и мушкетов дело может не ограничиться.

Он указал на пушку, стоящую на стене, примыкающей к Шестой башне.

— Да-да, я её заприметил, мастер Ардуша, — улыбнулся Плата-Пансо. — Что ж, бывайте! До встречи в назначенный час. Подхвачу вас на поверхности воды.

И он удалился в направлении Шестой башни. Шагах в десяти он обернулся с ещё более широкой улыбкой:

— Пуленепробиваемых карет не бывает, мастер!

Каропус дождался, пока он уйдёт; вытащил из позвоночника рапиру, а из кармана – пузырь; разделся; привязал к ступням пару камней; горько вздохнул с мыслями о «взаимном дыхании»; натянул на голову пузырь; взял в руку рапиру и залез в прорубь, из которой недавно вытащили трёх карасей.

⁂

Утром положенного дня каропус вертел рапиру Притхимы в руках так и этак, пытаясь удовлетворить своё любопытство. «Любопытство – единственное, что лишь толстеет и требует большего, когда его удовлетворяют», — бормотал он, будто это могло помочь что-то понять.

— Ты, любезный Хакон, каждый из вас – адептов, вы верите в существование чернокнижников, аль чернознатцев? — спросил Ардуша.

— Исходя из того, что Догмат рьяно отнекивается от ихней бытности в словах типа «найду – поймаю и сожгу», существуют. Но не сталкивался, даже окольно. Мир на меня ещё не столь адски рассвирепел, — с несвойственной ему самоиронией ответил бывший священник. И поинтересовался: — Хитрая рапира, а?

— Ищу линию, вдоль которой нарушен порядок. Не получается.

«Вся земля да в угольки, не расти в ней семени, ковыляет вдоль реки времени», — напевал каропус.

— Ты, получается, чернознатец, — заметил Хакон.

— Почему это? — удивился каропус.

— Чернознатцы – это кто вслух толкует с потусторонним. Как ты сейчас.

— А чернокнижники тогда кто?

— Те гады для своих ритуалов используют тексты Создателей, кои воруют у нашего Ордена. В разумении Ордена, не обязательно добиваться какого-то результата, чтобы быть чернокнижником. Проводишь ритуалы – значит чернокнижник.

— Так а чернознатец тогда кто? — не понял Ардуша. — Вдруг он тоже читал эти самые тексты.

— У чернознатца должен быть результат какой-то, тогда он чернознатец, — упорствовал Хакон.

— И где твоя логика, старик?

— Стал бы так усердствовать, коли бы у тебя с этой рапирой не было какого-то результата потустороннего, а?

— Твоя правда, Хакон, — усмехнулся каропус. — Не сказать, чтобы что-то сверхъестественное... Но Притхима настаивала, в некоторых случаях, чтобы рапиру передавали строго из рук в руки. Нет мысли – почему?

Хакон Добрый был очень скор на ответ:

— Так передай сам себе и не мучайся.

— Это как?

— Сапоги скидавай, — посоветовал старик. — Возьми рапиру сначала пальцами ног, как гиббон, а потом передай себе же в руки. Руки, ноги – кто там наверху разберёт. Что это ты, кстати, напеваешь, позволь поинтересоваться.

— Нет человека изворотливее священника, — медленно выговаривал Ардуша, проделывая нелепое упражнение по рекомендации Хакона. — Это песенка новой религии. Вера Взаимного Дыхания. Тебе ли не знать.

— А, эти, — махнул рукой Хакон и помрачнел.

— Что не так? Что проповедуют-то?

— Что мы – дерьмо Бога.

— Ты чего несешь, старый? Кто ж будет в такое молиться? Обманываешь?

— Никак нет, — ответил формальной фразой Хакон. — В книгах Предков описаны элементалии в людских потрохах. Они, дескать, сначала пищу грызут, а ужо потом сам человек. Там, мол, проще получается. И человек носит таких в себе несчётное множество. А без них помрёт. Вот и у этих, из Взаимного Дыхания, мысль такая, что бог – как человек, а мы – как те элементалии. Ну, из которых дерьмо в кишке состоит.

— Ого. Вот так-так, — покачал головой Ардуша. — Спасибо за разъяснение. А что за символ у них? Что за разноцветные точки?

— Так то мы на перевёрнутой крыше, мастер. Когда под мост заплывали. Пузыри наши.

— Мы?! — остолбенел Ардуша.

— Я, признаться, всё последнее время думал, ты дурачишься так. Или проверяешь кого. И в твою игру тебе подыгрывал. Но тут перебор уже, мастер. Ты нас тогда стрелкой выставил не с особой целью разве? Не чтобы люди запомнили?

— Ни в коем разе. Притхима наказала притопить судно заранее, чтобы успеть затопить его строго под мостом. Чтоб мы скрылись в подземелье. А расставил я всех так исключительно из соображений баланса: Жинго тяжелее всех – его никем не уравновесить, поэтому его – на центр, на нос. Виргилия и судья стояли во втором ряду, потому что у них разница в весе больше, чем у нас с тобой. Из-за этого допустимый рычаг для них – меньше. Вот они и стояли ближе в носу и, следовательно, ближе друг к другу. Всё. Ничего большего за этим не было.

Хакон смотрел на каропуса во все глаза.

— Так ещё поразительнее! — воскликнул он. — Я из-за всего этого на улицу выйти боюсь, а оказывается мы просто на брусках в неупадайку играли.

— Да чего ты боишься-то, в конце концов? Народу нравится эта вера, — недоумение Ардуша тоже не истощалось. — Мало ли было религиозных трактовок всего и вся. И почему на тебе свет клином сошёлся? Меня, например, никто не попрекает этой штукой. Наоборот даже, как выяснилось. Монетку давеча подарили.

— Ха! Монетку подарили. Ты просто за друга проходишь, даже не за апостола. А я – аж цельным пророком числюсь. Тот мой текст злосчастный на обменяшке помнишь?

— Нет, признаться. Помню, конечно, что он был. Но вот что там было набрано в пиктограммах – не припомню, — ответил каропус.

— И я, мастер, не помню! Вот в чём штука. Но молва людская приписала мне все тексты, которые потом шарманка Притхимы набредила. Они псалтирь из них составили...

— Кто они?

— Выжившие в потопе, кто ещё. Напридумывали сами себе целый теоризарий или как вы там говорите в науке. А моя бывшая братия теперь мне хочет несчастный случай устроить. Чтоб кирпич упал сверху. Или ногу в порту якорной цепью зацепило.

— Ты же говорил про топор, — напомнил каропус. — А откуда ненависть. Оскорбления Предков или Создателей в псалтири есть?

— Не-ет, — отмахнулся Хакон, — ты что.

— Ну так чего тогда?

— Сам чутка запутался, мастер. Жинго с Виргилией – оне ж сами часть той стрелки. Чую, в этом заковырка. Подкупили адептов поди.

— Власти какое дело до церкви. Они всегда друг друга в упор не видели.

— То «всегда». Теперь – не всегда, — скорбным тоном сказал Хакон. — Вменяют «содыхателям» предрекание нового мира, вот какое дело.

— Аа, это уже политика, — протянул каропус. — Обоснованно вменяют?

— А зачем бы им зазря шевелиться. Конечно, есть такая догма.

— Что там конкретно?

— Бог, де, всегда ведал, что у него в кишках живое и в чём-то даже нужное дерьмо, и ему это было безразлично...

— А теперь вдруг нет? — высказал очевидную догадку каропус.

— Ага. Ему нежданно-негаданно стало известно, что у дерьма есть сознание. В форме каких-то невидимых светлюшек.

— И поэтому будет новый мир?

— Так точно, — доложил Хакон.

— Разумная вера, как по мне. Я б на твоём месте, Хакон, возглавил, — сказал Ардуша. — Ну что, готов к вечеру, добрый воин и пророк?

Он вставил рапиру ловким заученным движением в тонкие стальные ножны, пролегающие строго вдоль его прямого как палка позвоночника.

— Готов, мастер. Готов, — улыбнулся старик.

⁂

Ближе к вечеру положенного дня, в положенный час, Ардуша, Хакон и Рату подошли к тому месту, где раньше стояла объятая каменной нишей скамейка. Сейчас там был пост гвардейской охраны, раскрашенный в наклонную чёрно-белую полоску. На шлемах служак было по два пера – чёрное и белое. «Символизируют царственную пару, не иначе», — подумал каропус. При нём был его лицензионный лук. Он предъявил страже стальное крепление тетивы в качестве документа. Их пропустили, и они медленно спустились в подземелье по коридору, ими же самими полгода назад и высеченному в камне.

Посреди обширной пещеры стоял роскошный генеральский шатёр из тех, что применяют для обустройства штабов в военных походах. Никаких войн Иллюмирос не вёл всё то время, пока это государство было знакомо с писаной историей. Должно быть, те, кто шил этот шатёр, срисовали его из какой-нибудь детской книжки. Освещение вокруг шатра было впечатляющим. Вытесненная ярким заревом в центре пещеры, в остальных частях подземелья тьма уплотнилась неимоверно.

Внутри шатра были постелены толстые ковры. Стояли в круг пять тяжёлых кресел. По центру – низкий столик. В целом, обстановка напоминала гостиную в доме клана Жинго на водоразделе, но роскошнее и вычурней. Два кресла были заняты бывшим оптиком и бывшей дознавателем. Охрана из двух человек оставалась снаружи.

— Склонять к сотрудничеству будешь, Жинго? Почувствовал слабость? Вера взаимного дыхания припекла? — с порога напал Ардуша с открытым забралом. С Виргилией он не поздоровался.

— Никакие заветы, никакая наука не даст силы, пока кто-то не расставит конкретных людей по рабочим местам, — ответил Жинго. — А ты мог бы много с нами достичь.

— Пока моё единственное достижение – сходство с тем, что мне завещано преодолеть.

— Завещано, — скривился Жинго. — Ты, братец, поднадоел со своим этим заветом. А вспомнишь ещё вдобавок пингвинов – глаз выколю, твоей же рапирой. Она у тебя с собой? До сих пор нелегальная, да? Так и носишь в позвоночнике?

Каропус не стал отрицать очевидное.

— У нас несколько программ, Ардуша, — сказала Виргилия. — Церкви дробим, чтобы было разнообразие. Ни одной пары приходов не будет с одинаковой доктриной. Границы подчиним реальной силе. Кто эффективней, тот и достоин возделывать больше земли. Ханжество речи поборем: дадим пиктограммы плодить. Почему сто восемь и всё? Пусть будет сколько угодно. Тогда и записать можно будет всё, что угодно, без правил, что стреноживают синтаксис. Море дел. Зачем ты сидишь в своей норе? Время уходит.

— Я не спешу, — холодно ответил каропус.

— Я тоже не спешу, — резко рассвирепел Жинго. — Что из того, что для меня время – ресурс, а для тебя свидетель. Ты же не гнушаешься любыми свидетелями – мы все это видели.

— Я вижу: ты успел научиться использовать дефекты в стекле, чтобы точить линзы, вместо того, чтобы очищать стекло.

— Не вижу противоречия природе в том, что путь предвосхищает результат, — к оптику Жинго вернулось спокойствие. — Я вынужден вас арестовать, сам понимаешь.

— Понимаю. Позволь, пойду попрощаюсь с её наследием, если ты не против. Твои слуги копошатся вокруг Башни, это неспроста. Когда я выйду из застенков, если выйду, тут уже ничего не будет.

Царственная пара переглянулась.

— Тут ты прав. Здесь будет наш новый дворец. Надстроим поверх и вокруг Седьмой Башни. Только ты рапиру отдай. Извини – безопасность.

Ардуша вынул из ножен рапиру, а из кармана – четыре деревянных стилуса в ладонь длиной. Он взял по паре этих палочек в каждую из кистей рук эдакими хитрыми кулачками, а рапиру вложил между стилусов. Так и протянул её оптику Жинго.

— Что это ты вздумал? — испугался тот странного жеста.

Тогда Ардуша просто бросил рапиру к ногам бывшего оптика, ныне Канцлера.

Жинго миг поколебался, но рапиру поднял. Свидетелей его унижения в шатре не было. Он тут же проверил наличие в ней волоса бога, щелкнув вбок острие и разрезав металлический гвоздь, который, видимо, с этой целью и припас заранее.

«Пусть его идёт, — Ардуша мог поклясться, что именно это шепнул Виргилии Жинго, покачивая в руках тяжёлый тонкий клинок. — Без рапиры он не сбежит. Там охрана. Выход один».

Жинго слабо махнул кистью правой руки – от себя наружу: «Идите».

Трое вышли из шатра и направились к мельнице.

«Не оглядывайся, — Жинго мог поклясться, что именно это шепнул Ардушу Хакон. — Токмо женщина не может не обернуться, покидая то, во что вложила столько души».

¶

Фрагмент 32. Возврат вытесненной сложности

¶

Неожиданным шумом можно заинтересоваться. Можно его испугаться. Жинго и Виргилия сделали и то, и другое. Они вышли из шатра.

— Ну, началось, — сказал в нездоровом предвкушении Жинго.

В отдалении, у мельницы, завязалась драка. Насколько позволяло судить скудное освещение, Хакон отломил голову одному из стражников, тогда как судья умудрилась накинуть другому на шею удавку. Оптика Жинго инстинктивно толкнуло побежать на помощь или хотя бы рассмотреть получше, что произошло, но Виргилия схватила его за руку:

— Мы тут лишь зрители, молодой человек. Забыл?

В необычно медленном полёте просвистела стрела. За ней тянулся тонкий линь. Вскоре он натянулся, а со стороны мельницы послышался скрип и лязг шестерней редуктора. Трое преступников крутили колесо мельницы вручную, и линь, уходящий в окно второго этажа, постепенно натягивался.

— Ну всё, движемся наверх, — сказала Виргилия, раздражённая тем, что ей приходится тянуть канцлера за собой почти что силой. — На выход! Не хватало ещё шальную пулю схватить. Предки добросовестные, как трудно с тобой работать.

В подземелье хлынул поток, и это подстегнуло даже бывшего оптика. Когда они поднялись к выходу, вода уже заполнила пещеру на половину её высоты. На воде покачивалась чёрная карета без окон. Линь связывал её с квадратной и почти ровной выемкой в стене. В дыру эту хлестало, а карета двигалась в противотоке, увлекаемая верёвкой наружу.

На улице канцлера с женой ожидала охрана и кортеж, но Жинго взмолился:

— Ну давай взглянем! Плата-Пансо намекал: шоу будет потрясающее.

— Такое же потрясающее, когда он полотнища с изображением дома и двери-мишени таскал жирафами по участку влево-вправо? — прошипела Виргилия. — Остепенись уже. Канцлер на мою голову. В карету!

И действительно, не к месту размахивающий обнажённой рапирой Жинго выглядел глупо. Заранее обеспокоиться ножнами ему в голову не пришло.

— Всего-то и нужно – башню обойти, — не сдавался Жинго. — Где твоё любопытство дознавателя.

Это сработало.

— Охрана, за мной, — приказала она, и Жинго чуть ли не вприпрыжку побежал к тому участку стены, с которой был хороший обзор на ров. Виргилия тоже была вынуждена ускорить шаг, чтобы не растягивать зону охраны.

Во льду на рву зияла большая прорубь. Когда в ней всплыла чёрная карета, стал виден и линь, уходящий от неё ввысь. Другой конец связки скрывался низкой облачностью. Привязь стала понемногу склоняться к линии поверхности Цилиндра, и карета стала медленно двигаться. Последовавший немедленно за всплытием шквал мушкетных выстрелов должен был изрешетить карету. Наверное и изрешетил. Повреждений не было видно. Возможно, из-за сгустившихся сумерек.

Животного, которое тянуло карету, видно не было. Однако, нетрудно было догадаться, что это птеродактиль. Решение в обычной ситуации весьма непрактичное: летучий ящер не мог бы поднять и человека, не говоря о карете. Но в данной ситуации это был единственный выбор. Любую другую тягловую силу уже расстреляли бы. Наступила пауза на перезарядку оружия. В этот момент ящер резко снизился, вектор силы повернулся, карета значительно ускорилась. Прогремел пушечный выстрел. Появилась новая прорубь. Из пушки непросто попасть даже в неподвижную цель.

В этот момент из кареты, прямо на ходу, вылез горбун. Он забрался на крышу и устроил там какую-то нелепую, дикую пляску. Он поворачивался, делал паузу, снова поворачивался. Потом он стал кружиться и что-то орать. Похоже была на обычное портовое сквернословие. Как только раздался первый выстрел нового залпа, пляшущий человек упал ничком на крышу кареты, а птеродактиль взмыл в вышину. Так чёрная карета и уехала: с распластавшимся на крыше человеком. Сначала по льду рва, а затем по дороге. Ко времени готовности третьего залпа она была вне досягаемости.

— Погоню снаряжать, ваше величество? — спросил взводный. — Обязан запросить при всей важности.

— Отставить, — сказала Виргилия.

Когда служака удалился, она обратилась к оптику Жинго.

— Пусть бегут, если кто выжил. Враги мне понятны; они просто хотят не того, что я. А этот вывернутый горбун пугает тем, что заставляет усомниться в собственной правоте. А мёртвый он, зараза, может оказаться ещё опаснее.

— Ты права, — согласился Жинго. — Из-за него наша цель тускнела. Думаешь, забрали они Первых?

— Конечно. А мы будем жить так, как будто от этого зависит наша жизнь, — сказала Виргилия.

— Да, моя дорогая. Я думаю, смерть – это просто отсутствие новых сведений о жизни, — приобнял её канцлер Жинго одной рукой.

«Ты можешь объяснить мне, Жинго, — шепнула она ему на ушко, — почему никто из нас даже не подумал заглянуть тогда внутрь катафалка?»

Тут скорым шагом подошёл начальник государственной стражи и щёлкнул каблуками. Виргилия отстранилась от мужа и поджала мизинцы. Жинго заметил этот жест, потупился и убрал за спину рапиру.

— Могут быть выжившие, моя госпожа, — со значением произнёс офицер. — Обязан доложить при всей важности.

— Там все дюжину раз прострелены, — ответила Виргилия, — насквозь. Людей за ними посылать – зря деньги тратить.

— А ящер? Обязан запросить при всей важности.

— Сам на водоразделе отгрызёт линь и вернётся в стойло, чей бы он ни был. Кстати, передайте мой приказ дознавателям. Пусть проверят – чей?

— А карета? Обязан запросить при всей важности.

— Дерьмо. Даже окон нет. Забудь. Может, подберёт кто-нибудь. Мне дела нет. Заодно и похоронит тела, я надеюсь.

Она развернулась, а два пера на её шляпе – чёрное и белое – важно качнулись, оповещая, что разговор окончен. Через плечо она бросила офицеру:

— Доложите, если будут найдены лишние трупы в воде.

⁂

Супруги знали, что ночная тяжесть деяний, не нарушающих закон, но щекочущих внутренний кодекс, к утру теряет свою остроту вовсе не из-за черствости души, а из-за структуры самого бытия.

Поэтому наутро Жинго и его супруга с удовольствием почтили своим присутствием Бега-по-лучу-света – самое престижное спортивное состязание. Рапира Притхимы была при канцлере; теперь – в изящных ножнах. Настроение у них было праздничным. Огромная правительственная ложа на трибунах была украшена соответственно.

Тонкие мосты длиной в пять лиг, рассчитанные на примерно получасовой забег, были прямыми в математическом смысле. Они являлись хордами Цилиндра и были направлены строго перпендикулярно Оси. Спортсмен, делая забег по такому мосту, первую половину пути бежал в горку, в смысле силы тяжести. Вторая часть пути шла, соответственно, под уклон.

— Как ты сегодня утром, дочка? — услышала Виргилия вопрос в своём правом ухе. — Ты отправила Первого канцлера к Кальдере?

К ней подсел глава оружейной гильдии, старик Тоспехо. Канцлерэсса сдвинула нижнюю челюсть от досады – забег ещё не начался, хорошего предлога нет, и будет крайне невежливо отшить собеседника сразу.

— Утром зеркал нет, есть только витрины. Отправила-отправила, — проворчала она.

— Ходят слухи, у Седьмой башни вчера вечером была стрельба. Что пошло не так?

— На всякий случай отпугнули бродяг. Не будут же стражники разбираться торговцы это подвыпившие или злоумышленники. Всё нормально, папа. Ты портишь мне праздник.

— Наши предки заключили договор, скрепленный нитями лжизни, с индивидом, который впоследствие стал Первым Канцлером. Я не могу быть спокоен.

— Я слышала это семьсот раз, отец. В семисотый же раз тебе говорю: события, имевшие место до Переселения на каменных судах, не имеют юридической силы. Как, впрочем, и само Переселение не является признанным историческим фактом.

Первый раз в писаной истории бега проводились по по прямым мостам из прозрачной стали. Это позволяло зрителям видеть двигающегося строго под мостом второго бегуна, для которого дистанция являлась плоской в гравитационном смысле. Удобство было также в том, что поперечные белые линии на мостах, делящие дистанцию на десять равных частей, позволяли отмечать время как для нижнего, так и для верхнего бегуна. Это позволяло аналитикам по ходу забега делать предварительные выводы о ходе противоборства. Так как ставки принимались вплоть до момента прохождения половины пути, причем с растущими по ходу дела коэффициентами, прозрачность обещала в значительной степени повысить доход букмекеров.

— Ставку делать будешь? — спросила Виргилия отца.

— Я думаю, дочка, — с досадой отмахнулся старик, — жизнь тебя в ближайшее время научит, что этот договор – единственное, к чему следует относиться серьёзно.

— Как научит? Я не язвлю, папа. Мне действительно интересно, в чём твой прогноз. Что мне грозит?

— Раньше ты скакала и подпрыгивала, твои силы тратилась на борьбу с явным врагом. А теперь ты любым своим действием раскаляешь свой собственный дом. Остынь. И так уже всё трескается. Договор – единственное, ради чего стоит работать.

— Никакой конкретики. Ничего не понятно.

— Всё было просто. Кто-то был за сохранение Свода Нерушимых Формуляров. Остальные – против. Но не таково строение мира. Это лишь линза, через которую мы смотрели, чтобы не ослепнуть от сложности, — горячо шептал оружейник. — Мир, который вы упростили, начинает мстить своей новой сложностью.

— И что? Думаешь, я не разберусь, кто что задумал.

— Конечно нет. Твоя победа не принесла тебе мира. Она лишь сбила замок с клетки, где сидели на время притихшие бесы. В том числе – твои внутренние.

Всего мостов было тринадцать и видное как на ладони огромное поле в дюжину квадратных лиг поражало своей грандиозностью. Потратить столь значительные средства на строительство позволили не только вложения букмекерских контор, но и тот пикантный факт, что разработку

прозрачной стали провёл самолично Канцлер. Роль Притхимы в государственной пропаганде, естественно, опускалась.

— Я знаю, папа. Геройство нужно для войны. Для мира нужно крючкотворство. В понимании этого я и действую. Первого Канцлера сопровождает к Кальдере Плата-Пансо. Изворотливее индивида не найти. К тому же у его семьи какая-то похожая навязчивая идея.

— Я бы не познакомил тебя с твоим мужем, не служи у его семьи потомок того, кто был помощником Первого Канцлера в его бытность простым изыскателем.

— Не буду скрывать, я испытываю по отношению к их институту помощничества тот же скепсис, что и по поводу твоего Договора…

— Нашего!

— Хорошо, пусть нашего. Я в этом договоре вижу прежде всего то, что в соответствии с ним лишь мы должны что-то делать. Причём непонятно что. На Первом Канцлере же – никаких обязательств. Как удобно!

— Первый Канцлер выполнил свою часть при заключении Договора, — страшно зашипел Тоспехо.

— Пусть так, пусть так, — примирительно сказала Виргилия. — Не злись. У меня есть для тебя приятная новость: рапира Притхимы теперь у оптика Жинго. Ты сможешь осмотреть уникальное оружие.

Старика видимым образом передёрнуло.

— Что вы натворили! Оружие должно быть при Первом Канцлере! Отдайте мне его сейчас же! Я отправлюсь к Кальдере, чтобы вернуть его.

— Ну, это ты с оптиком Жинго говори. Не советую сейчас его отвлекать. Серьёзно. Вообще тогда не получишь рапиры. Никогда. Приходи после обеда.

— Безумцы!

— И придумай хороший предлог. Я из-за твоих суеверий с мужем ссориться не собираюсь.

— Не избыточные ли строительные леса? — грустно сказал отец, указывая на мосты. — Для столь узкого, повторяющегося контура идеи. Приближение, отказ на горке, оргазмический сбой проигрыша…

— Не тебе, дорогой отец, обвинять кого бы то ни было в фетишистских смещениях. С твоими-то нарядами.

— Ты права лишь отчасти. В моём случае нет равнодушия объекта, вокруг которого тщетно стремящиеся субъекты возводят соборы ненужного смысла.

⁂

За обедом Жинго был в прекрасном расположении духа.

— Сработала прозрачная сталь, а? — он не мог нарадоваться своему успеху.

— Ты сомневался? После того, как с её же помощью удалось дискредитировать Ардушу?

Жинго откинулся на спинку стула своей большой спиной, и дорогое дерево скрипнуло в лёгком протесте. На длинный обеденный стол косо падал свет из высокого окна, и Жинго вообразил его своей новой сталью. Это было приятно. Ещё вчера слишком настойчивый свет намекнул бы на тех, кто способен разглядеть больше, чем положено. Но сейчас Жинго был в стальном спокойствии.

— Из-за этого и сомневался, дорогая, — признался Жинго. — Смысловая установка в народе была не в мою пользу. Человек воспользовался моим новым материалом, чтобы приписать себе силу, которой у него не было.

— Ты прав, — согласилась Виргилия. — Что теперь говорят, тебе уже докладывали?

— Лучше не бывает: прозрачность твёрдых правил игры! — провозгласил Жинго.

По челу Виргилии пробежала едва заметная тень. Жинго был внимателен к своей жене:

— Что не так?

Он потянулся к графину с водой, чтобы наполнить её бокал. Уют, однако, почему-то испарился, когда его пальцы коснулись прохладного прозрачного стекла. Гадкое древнее суеверие, что хорошее не может длиться долго, подсунуло ему мимолётное видение, как он бы сейчас наливал ей отраву. В горле у него вдруг пересохло, и он сделал глоток сам.

— Тоже, знаешь, смысловая установка сработала, — не стала скрывать Виргилия. — Тут у нас в целом такая игра получается, что нет белых и чёрных фигур, нет побед и поражений. Получается так, что мы просто теряем счёт игрокам.

— Папаша твой тебя расстроил? Говорил тебе: отдали от себя родственников. Как я.

— Меня мой отец не унижал, не говори гадостей. Но да – настроение он испортил. Напоминал о Договоре наших предков с Первым Канцлером. Я всё понимаю, и мы семьсот раз с тобой обсуждали, но мне всё же жутковато стало, что мы их отправили незнамо куда. Вроде как над трупами надругались, получается.

— Иначе бы мы стали трупами, — нахохлился Жинго. — Осенью одна селена понадобилась всего, чтобы всё так обернулось в нашу пользу. Сейчас то же самое случилось бы, но в обратную сторону.

— В том и ошибка наша, отец сказал, что мы мыслим вот так. В ту сторону, а потом в обратную.

— К словам придирается? Я не понял.

— Он имел в виду, что тогда всё было просто. Кто-то был за сохранение Свода Нерушимых Формуляров. Остальные – против. Мы – в числе тех, кто против. Мы победили. Всё, казалось бы, ясно. Но не таково строение мира. Это лишь линза, через которую мы смотрели, чтобы не ослепнуть от сложности.

— Да леший с ней, с этой сложностью, — сказал Жинго. — Убивай проблемы по мере поступления их носителей на свой порог.

— Раньше мы знали, кто нас убьет. Теперь мы не знаем, кто мы сами, — покачала головой Виргилия. — Вот в чём проблема.

Жинго поднялся из-за стола и прошёлся по обширному обеденному залу. Он не стал при этом заходить жене за спину. Он снова уселся.

— Ты боишься, что Плата-Пансо нас в итоге как-то погубит? Если отбросить все великоумствования – так?

— Ну и так тоже можно сказать.

— Их Род пошёл в услужение только потому, что библиотеки перестали быть в чести. Мой Род помнит его род с самых давних времён, ещё до каменных судов, — Жинго положил обе руки на стол.

Ладони были сухими и горячими, он чувствовал, как под ногтём застряла крошка хлеба. Он, конечно, не мог убрать её зубочисткой – слишком вульгарно. Ему захотелось выжать крошку из своего пространства, и он, в бессмысленном движении, сжал пальцы так сильно, как только мог. Ничего, естественно, этим не добился.

— Излишний пафос, по-моему. Извини, — сказала Виргилия. — До переселения с прежнего континента сюда, после ли переселения. Что это меняет? Люди в одночасье могут перевернуть все свои смысловые установки, как ты выражаешься. Я вот, например. Стала жуткой стервой за одну селену. И ничего с собой поделать не могу. И что важнее – не хочу.

— Очень многое меняет. В наших родах все были колгунами.

— Колдунами?

— Нет. Колгун – это тот, кто в Своде упоминается как коммерческий лгун, который кооперируясь как с продавцом, так и с покупателем, помогал им заключать сделки. Были и другие функции, но эта основная. Продавец и покупатель, естественно, хотят друг друга подвинуть, и это почти всегда скатывается в зону лжи, когда за товар просят неоправданно много или наоборот.

— И сейчас есть подтвердьждатели, с этой ровно функцией, — возразила Виргилия.

— Большая разница. Тогда люди действительно не могли врать. Ни на вы, ни на ты, никак. Физически. Только колгуны могли.

— Как это?! — удивилась Виргилия. — Кроме того, как это так, что я об этом не знаю?

— Потому что твой род – не бывшие колгуны…

— Но Догов… — прервала Виргилия.

— Ваш договор, в существовании которого я не сомневаюсь – не подумай… как бы это сказать… это случайность. Первые Правители – личности с особой позицией в истории. Они имели дело, настоящее дело, очень мало с кем. Я, признаться, кроме семьи Плата-Пансо и твоего рода Тоспехо больше ни о ком и не слышал. Хотя, конечно, должны быть и другие. Они, очевидно, за границей.

— Так а как это работало?

— Никто не знает, — сказал Жинго.

— Нда… — протянула Виргилия. — Как и то, зачем Притхиме нужно было делать мечи из прозрачной стали. В чём смысл? Это ещё одна мысль, что меня гложет. Предположим, мы своим бездействием нарушаем завет…

Тут в обеденный зал осторожно поскрёбся дворецкий:

— Там ваш отец, госпожа – обязан доложить со всей важностью.

— Зови.

Жинго вытащил, наконец, докучную крошку, воспользовавшись тем, что жена его отвлеклась.

⁂

— Здравствуй, дорогой тесть. Выпей с нами чаю, — Жинго ценил свои хорошие отношения с отцом Виргилии и был даже несколько горд ими.

— Привет, Виргилия. Приветствую, любезный Жинго. Ты нынче герой Иллюмироса. Песенки на улицах уже слагают про твои мосты.

И Тоспехо на удивление умело пропел:

«Под мостом совсем не воры – там букмекеровы споры. Морда сверху, снизу морда – Чудо-мост проткнул по хорде… Авертиго, как луч света, но не в этом, но не в этом – главная примета. Чудо в том, что он прозрачен – как сам неба свет, и паче. Видим тех, кто на мосту – как и бегунов внизу».

Жинго сиял, как начищенное столовое серебро.

— Кстати, про прозрачную сталь. Как ты думаешь, славный мой тесть, чем может быть полезно производство из неё мечей, рапир и другого оружия?

Виргилия склонила лицо направо и книзу, прикрыв левую сторону ладошкой, но Тоспехо, к счастью, не заметил её осуждающе-стыдливого жеста.

— Меч – явление общественное, — сказал Тоспехо, немного поразмыслив. Что-то социальное. Статусное.

— Я думал, может в бою как-то полезно? — высказал предположение Жинго. — Противнику будет не видно, где заканчивается клинок.

— Нет, в этом большого смысла нет, — вежливо ответил старик на глупость зятя. — А откуда такая мысль?

Жинго замялся. Врать вообще сложно. Старшим – тем более. Отцу жены – и вовсе невыносимо неприятно.

— Мысль Притхимы, — сказал Жинго часть правды.

— Ааа. Так она сумасшедшая. Может и не быть никакой причины.

У оптика Жинго отлегло от сердца. И его понесло. Чего, видимо, Виргилия как раз и опасалась.

— А кто она, ты знаешь? — спросил Жинго старика.

— Их род, как и наш, – род с длинной памятью. Живут отшельниками. В города приходит только молодёжь. Раз в поколение. Посмотреть на мир. Их мало.

— А ты видел их мужчин?

— Я – нет. Но они бывают, — рассмеялся Тоспехо.

— Чем они занимаются? Она как-то назвала себя «лектотип».

— Много утеряно древних профессий. Эта, видимо, одна из них. Я, признаться, склонен не усложнять. Думаю, они просто контрабандисты.

— Но для этого нужна склады, много людей.

— Отнюдь. Можно торговать какими-нибудь рогами единорогов, — ответил Тоспехо.

— Их не бывает.

— В том и дело. Выдают бивни нарвалов за чудодейственное средство от полового бессилия, например, трут порошки, продают на ярмарках через коробейников, — продекламировал старик равнодушным тоном. — Ты лучше скажи, готов ли ты повторить свой успех? Давай наладим производство волоса бога. Только представь себе перспективы.

оптика Жинго это предложение застало врасплох.

— Ты же не естествоиспытатель. Что ты можешь знать на этот счёт? — спросил он с подозрением.

— Но зато я главный по оружию, — с легкостью принял вызов Тоспехо. — Что-нибудь сообразим. Исследуем твою рапиру мелкоскопами и скопируем. Ты нам дашь лучшие мелкоскопы, что есть в этом мире. Потряси родственничков. Пристрастно.

Виргилия вдруг хлопнула в ладоши. Вошёл дворецкий. Она поручила принести сладости. Спросила про погоду. Тут же поинтересовалась у отца насчёт его планов. Тоспехо не обманули такие ухищрения.

— Послушай, Жинго, — сказал он. — Не ты владеешь рапирой. Это она завладела тем в тебе, что отвечает за твою уникальность.

Жинго заглянул в себя и ответил:

— Ты прав, дорогой тесть. Но тиражировать – это будет вежливая форма убийства оригинала.

— Оригинал смертен. Технология бессмертна, — парировал тесть. — Чтобы размножить чудо, нужно сначала перестать верить в его единственность.

Виргилия вдруг решила поддержать отца:

— Ты, мой дорогой, как тот дракон из сказок, сидящий на холме всего золота мира. Но золото нужно тратить, чтобы оно стало валютой. Если его тратить, его станет меньше – это так. Но не тратить – ещё хуже.

Жинго помотал головой, потом встряхнулся – причём всем телом.

Рационализируя своё бессилие, Жинго прикинул, что отказ от инерции событий – это благо слишком хитрое. Нервические колебания в последний момент – это действие второй производной. Он знал это как человек, подкованный в математике. Дальше, как настоящий канцлер, он переназначил своим сомнениям титул – со «слабости» на «последнюю проверку на подлинность». И успокоился.

— Ладно, держи. Копируй, — сказал он, отстёгивая от пояса ножны с рапирой. — А то пары дней не прошло, а я уже стал ни кем иным как хранителем возможности её утраты. Лучше вашей дочерью займусь.

В дверях Тоспехо задержался на миг дольше обычного:

— Бывай, Жинго. Прощай, дочка.

¶

Фрагмент 33. Путешествие Тоспехо

¶

Какой ужас! Хочешь найти решение в запутанных делах людей? Выбирай самое идиотское объяснение – не ошибёшься. С другой стороны, хаос энергетически дешевле, чем порядок. Так думал оружейник, покидая резиденцию канцлера и канцлерэссы. Рапира глупо болталась у него на бедре в ножнах не по размеру. Огромному оптику Жинго и в голову не пришло заказать ремни подтягивающимися. Что, впрочем, разумно.

Он вышел на улицу. Огромный объём бытия. Белое. Серебро. Драгоценные глубокие края облаков. Высоченные, во весь мир облака. Выше неба, гигантскими груздями, всполохами, столбами бело-лазоревого. Масса внутренне-белого водружена на небо так, что видны ещё, но быстро исчезают, следы от безмерных ладоней бога, аккуратно возложившего эту пену в мир. Она движется так, чтобы размеренностью всей массы одарить спокойствием, а скорым растворением контуров заставить отказаться от погони за своей кинетикой. Это хороший знак.

На оружейнике великолепное одеяние. Это поможет ему в пути. Лазоревая с серебром ткань – не гладкая. По телу плавно прописаны сотни мельчайших складок. В линиях нет симметрии, они подчинены растительной логике. Такие одежды могли бы произрастать в оранжереях, в каком-то другом мире. Здесь же одеяние главы гильдии представляли собой огромный объём усилий. В эту одежду вложен труд десятков людей на протяжении многих семериц. Тоспехо возвращается домой и укладывает в походную суму ещё два комплекта. Других цветов и фасонов.

Он размышляет, а затем переодевается. Теперь на нём такой наряд, который будет выглядеть лучше всего, когда он будет верхом на быстром страусе. Злой умысел требует координации, секретности, интеллекта и дисциплины. Глупость же требует только отсутствия внимания. Тоспехо хочет казаться Природе глупым. Поэтому он занимает всё своё внимание не тем, что относится к делу, чтобы делу не досталось ни секунды мысли.

Он едет в сторону вершины Великой горы. На этом всё. Никакого больше планирования. Но Тоспехо не был бы великим оружейником, если бы хорошее решение касательно оружия не пришло бы к нему само по себе. Оно и пришло. Через час другой явилось и исполнение, руками мастеров в лучшей оружейной города. Он берёт из стойла двух страусов, связывает их широкой тесьмой длиной шагов в десять. Он взбирается на впереди стоящего. Путь наверх начался.

⁂

Страусы очень быстроноги. Пересаживаясь каждый час, с тремя остановками, чтобы птицы могли попастись, к утру следующего дня Тоспехо достиг мест, где дороги кончились. Воздух стал тоньше, но дышалось хорошо. Эти места – самые опасные. Именно здесь застревают в своём бегстве преступники и отверженные – нет смысла двигаться дальше и изводить страданием своё дыхание.

⁂

Долгое время двигаться приходилось через лес. Земля была в мелких холмах, как если бы на шкуре жабы выросла свиная щетина. Пятна мха были высокими, они лежали подобно не растаявшему снегу в низовьях Реки.

Тоспехо увидел просвет среди деревьев впереди, шагах в полусотне, и, повинуясь порыву стремления к новизне, припустил к поляне. С треском веток под ногами он выскочил на елань. С пяти сторон на него смотрели пять болтов, заряженных в пять арбалетов. В дополнение, в стороне – дама с мечом. Надо думать, топот страусов достаточно заблаговременно предупредил стрелиц и мечницу, чтобы они успели перегруппироваться из своего лагеря в центре поляны.

Тоспехо не воин, но он знает про оружие всё. И оружие долгими вечерами рассказывало ему про то, что само знает о боевых стычках. У человека пять пальцев на руке. Это не случайно. Пять – это предел того, что можно мгновенно охватить сознанием контроля мгновенно. Пять воительниц составляли единую группу. Шестая им не мешала. Пять – это последний круг, где каждый слышит каждого. Шестой – это уже шум. «Грамотно, — с сожалением отметил про себя Тоспехо. — Безучастность шестого ручья».

Маски безразличия. Внимательные длинные переносицы. Нет - показалось. Они явно одурманены. Но всё равно очень опасны. А может, и опаснее, чем если бы были трезвыми.

Полёт листвы и лепестков в косых лучах света, рассечённого листвой леса. Собранность иссиня-чёрных, до-пят хитонов. Округлости плотных бёдер. Вставшее на паузу жужжание шмелей. Их фигуры покачивались, как деревья на слабом ветру.

У одной светло-русая причёска подобрана вверх под множество деревянных заколок. На длинной красивой шее – яркое пятно света, чудом пробившегося между многочисленных стволов леса. Щеке и виску повезло меньше – там свет оседал розовым. Две пряди чёлки создавали бойницу для пары спокойных глаз и дерзкого подбородка. Вторая женщина направила курносый нос в небо под тем углом, который артиллеристы обычно выбирают для дальней стрельбы. Смоляные волосы оттянуты назад, в хвост пони, усилием мощным, коновальным. Казалось, и впалые щеки затронула эта натуга. На третьей был малый тюрбан о двух цветах. Лиловый и салатовый. Молодое лицо её выражало уставшую жалость. Четвёртая была на грани сознания. Глаза её закатились от дурмана, белки лишь слегка проглядывали сквозь узкие щели блаженных век. Губы были полуоткрыты, лицо откинуто назад. Непонятно было, как она вообще держится на ногах. Пятая была много старше. Стояла она набычившись. Неопрятная копна волос распространяла вокруг себя пыль при каждом движении. Лицо шестой было скрыто под складками чёрного платка.

— Разрешите представиться, — хорошо поставленным и вполне трезвым голосом объявила одна из стрелков, — Я Берта. Это Сарра, Ревекка, Адель, Анна. Ах да – и ещё Ида. Иду иногда называют Блайти. Простите великодушно, средств на грудные нашивки не имеем. Но я готова заполнить пробел: мы – лесные разбойники. Слышали о такой профессии?

Так как говорила Берта, теперь Тоспехо разглядел и её – лицо её приоткрылось. Оно состояло из лиловых лепестков формы стрекозиных крыльев и зелёных листьев самого острого уклада, какой только можно представить.

Все шестеро сгрудились. «Спасён!», — понял Тоспехо. Пять человек – это организм. Шесть человек – это механизм. Организм чувствует боль и двигается. Механизм скрипит и застревает. В группе из пяти есть меньшинство, которое можно мирно выдавить голосованием. В группе из ше-

сти – уже неизбывная оппозиция, не дающая двигаться. Теперь время работает на него. Берта, сняв платок, явила лесу и людям красную шапку. Нет, не так: Красную Шапку. Головной убор её состоял из двух частей. Нижняя – как небольшая сковорода с высокими стенками. Верхняя – как густая ржаная закваска, которая уже пошла в рост. «Что ни маргинал, то приговор моде», — подумал Тоспехо. Шапка комично подминала ушные раковины Берты. «Развесила тут уши», — невольно пробормотал Тоспехо.

Именно из-за этих ушей Тоспехо не отвечал на Бертино представление, продолжая молчать.

— Он, смотрю, не фельдъегерь, — подозрительно сощурилась Сарра. — Что это мы такие разряженные?

Адель, Сарра и Берта переглянулись. Адель задумалась:

— Ненаказуемо.

— Я… — начал было оружейник, но Берта резко его прервала:

— Тью-тью-тью, — грозит указательным перстом правой руки, — тут я выбираю темы для диалогов. Она махнула Анне.

— Что везешь? — тоном таможенника спросила Анна.

— То, что принадлежит другу моей дочери, — твёрдо ответил Тоспехо.

— Кому везешь? — допрашивала Анна.

— Каропусу Ардуше, — не счёл Тоспехо нужным унижаться ложью.

— Горбуну? Говорят, настоящий Ардуша был доктором, — сказала вдруг Ида. Или Блайти?

Вступление в разговор шестой женщины переключило регистр мира с благого пентагона на порочный гексагон. Чётное шесть создало обманчивое равновесие троек, загнав мир вокруг них в тупик. В таком тупике переговоры умирают, и начинается война на истощение. В эти мгновенья Тоспехо ещё понимал суть происходящего. Он успел осознать, что дурман, который был внутри девиц, был не только внутри них – пыльца или споры начали попадать Тоспехо в нос и глубже в организм. Разговор поплыл мимо.

— Почётный доктор, — сказала Ревекка. — Человек знания.

— Слишком много хотел иметь, и за это поплатился, — сказала Адель.

— Доктор теологии или доктор медицины? — голоса их превратились в смешанное жужжание пчёлок да жуков.

— Думаю, он устал от схоластики.

— Точно. Но лечит плохо. Скорее калечит.

— Авертигус-то в итоге – больной. Что ж за доктор, который убивает пациента?

— Суккуб-суккуб, — особенно резко прошипела Ревекка, — улики скрывает. Использует болезнь как возможность.

— Хаттаб-хаттаб, — проклокотала Сарра, — что ж ему фалды-то сюртюка жучьего никто не прищемил?

— Руки ему надо было отрезать, — голоса их снова слились в гудение.

— Отрезали, да не тому, кто их разберёт долгоживущих, где сын, где отец.

— Отравить надо было.

— Пляшут по горам, поди отрави такого.

— Такой и смерть отца собственного представит частью сделки.

— Конечно, весь пафос да героизм – всегда декорация. А за ней стоит банальная, древняя, мерзенькая человеческая причина.

— Чего же старик хочет?

— Предки добросовестные, да чего ж кроме похоти иль одержимости может двигать мужчинами? — сказала Ида. Блайти.

— Есть, значит, дым без огня?

— Чистого огня – сколько угодно.

— В цирке через такой прыгают?

— Точно-точно.

— Допрыгался.

— А не надо было свинью подкладывать.

— Он кого только кому не подкладывал.

— Ещё и подсаживал.

— Как утку.

— Не нужна мне утка. Я рыбу удить пришёл, — срезал докучливый гомон оружейник. — А вы не очень-то вежливы.

В руке у него – длинный тонкий шест, действительно напоминающий удочку прибрежных морских рыбаков. Тех, кто не утруждает себя выходом в море на лодке или судне. Он демонстрирует свой безобидный инструмент так неуклюже, что крайней в ряду дам приходится лениво отмахнуть прут удочки в сторону. Вместо этого, однако, меч её бесшумно разделился на две части. А затем пять женщин тоже разделились примерно пополам.

Волос бога, составленные в длинную очередь одинокими элементалии вещества, не может ни к чему прикоснуться. Он тонок настолько, что всегда попадает мимо того сущего, из чего всё состоит. Связи же между сущими малыми крупицами вынуждены прерваться: цепь элементалий волоса бога чрезвычайно крепка. Разрезание группы женщин началось на уровне колен первой, попавшей под тончайшую и страшнейшую из всех кос. Вторая разделилась на уровне середины бедра, причём прямое было отрезано почти у колена, а левое уже заметно ближе к тазу. Третьей совсем не повезло – всё органы её живота распались надвое. Четвёртая распалась на уровне груди. Пятой отсекло... нет, это неправильное слово... рапира не отсекала... у пятой не стало головы, причём печальным на вид образом, как будто бы улыбка стала последней границей челюсти. Располосованная красная шапка её валялась беспорядочны узором лент на земле.

Тюрбан «думаала» – чем и являлась «шапка» – не может быть пустым. Тоспехо знал это, будучи искушённым знатоком вычурной одежды. В такие «дастары» традиционно вплетаются важные атрибуты. И этот тюрбан исключением не был – использовался как сейф. На землю вывалилось множество ярчайших монет. Какая-то крупа. Но главное – в воздухе стояло плотное облако того дурмана, которым, видимо, и злоупотребляли девицы-разбойницы.

Перед ненастоящим взором Тоспехо пролетело видение, как девочка в красной шапочке отпускает на волю тридцать трёх волков. В музыке скрытого сплетения, будучи на время одним из деревьев, Тоспехо внимал теперь грибницу как продолжение себя. Нервы, однако, болтались снаружи как карнавальный костюм, прилипший от обильного дождя. А желудок был общим, из-за чего противное чувство пред-рвоты не отступало ни на миг. Тёплая добрая земля стала вместо опоры для корней решётчатым окошком привратника при городской стене, который оценивает

сквозь него, стоит ли вообще разговаривать с припозднившимся путником. Но потом корни стали руками. В том числе – корни соседних деревьев. «Мои корни – мои пальцы», — углубилось чувство. Мысли рассыпались спелыми спорами грибов. Дерево отдавало часть жизни. Дивный договор обмена заставлял Тоспехо отдавать ветвистым великанам доступ к своей памяти. «Я и моя я платят светом за то, чтобы чувствовать землю», — шептали ему деревья. «Быть одному – гнить временем», — нежничали деревья друг с другом. Тогда Тоспехо понял, что самое высокое дерево в лесу – не то, что выше всех тянется к небу, а то, чьи корни глубже всех сплелись с тьмой.

— Ах ты, меркин немытый! — прозвучало вдруг грязное ругательство.

Одна из женщин успела присесть под рапиру. Она увернулась, и теперь взгляд её глумится. Что, дескать, ты думал, что сильнейшая – в самом красном тюрбане. «Но нет! Мы ещё попляшем с тобой», — так звучали её мысли.

Тоспехо вознёс молитву о спасении Авертигусу, но тот порекомендовал обратиться к некоему Клогтю. Тоспехо не знал никакого Клогтя, поэтому принял решение рассчитывать только на себя. К сожалению, это оказалось непростой задачей, так как в данный момент Тоспехо почему-то находился на улице незнакомого города.

¶ Впереди на площади толпа. Он поинтересовался у зевак, в чём дело. Оказалось, что зерно происшествия – недавние события в Отьстве. Не иначе как «раскрыли» вчерашнее преступление. Он поспрашивал ещё; выяснилось, что власти форта нашли одного живого преступника, а также одного мёртвого, участие которого решилось наговорами живого. Вот что пытки животворящие делают – каждый перед казнью может стать немножко колгуном. Уже сильно гниющий труп некоего кмета был с утра извлечен на свет. Сначала его вытащили из семейного склепа и бросили на неосвященную землю за городскими стенами. Затем, после второго заседания суда, его притащили снова, прямо по улицам, за веревку, на которой будет вскоре повешен ещё живой. Индивиды теснились и на улицах, и на балконах, чтобы это увидеть. Дети. Некоторые индивиды даже с сеголетками. Стены, на которых эти балконы были надстроены, освещены послеполуденным солнцем, неуместно красиво пробивающимся сквозь листву высоких городских клёнов. Даже вывешенное на просушку бельё картину не портит. Впору фреску сцены казни заказывать.

¶

— Имейте в виду, магистр, я осведомлена о вашем… редком даре, — Блайти встала наизготове в пяти шагах. — Ну, попробуйте провести атаку.

Один противник. Всего один. Это большой гандикап. «Я» Тоспехо собралось и буквально вморозило в стужу безвременья сознание лесной разбойницы. Так тебе. Рывок! Но вместо затылка девицы, его ждал кинжал в её левой руке, холодно смотрящий на Тоспехо снизу вверх, на пару с торчащим равнодушным локтем. А корпус её, вместе с головой и черепом, конечно, был далеко впереди, в глубоком наклоне. Ромфея её осталась у земли в правой руке.

— Ого. — Только и смог выдавить Тоспехо.

— Ну дык, — она неспешно выпрямлялась, — эксперто кредэ. И не рассчитывайте никогда, пожалуйста, на иное развитие событий.

— Маэстро Тоспехо, при моём скромном содействии, не соблаговолите ли вы трохи довести до ума ваш образ, — невесть откуда взявшийся Клогть протянул Тоспехо трость. Или же эта трость валялась на земле, а оружейник лишь исхитрился её подобрать в молниеносном наклоне? Так или иначе, это была не трость, а скорее кость. Но чья?!

— Да, зоологи удивятся, — заметил всё ещё присутствующий Клогть замешательство Тоспехо. — Это кость того перепончатого недоящера, брата упорного животного, который увёз ваших друзей.

Тоспехо взял в руку трость. И почувствовал какой-то сбой в ощущениях. Подумал было, не высыпалась ли опять откуда новая порция дурмана. Но нет, просто кость была необычайно лёгкой. Это были две кости, примыкающие друг к другу. Они и в живом организме так сочленялись – так понял опытный оружейник. Тоспехо нащупал защёлку пружины; вторая, малая со-кость откидывалась. Получалось что-то вроде кирки. Конец её был люто колким – Тоспехо знал это наперёд. И не благодаря заточке. Слом кости резал – для знания этого не требовалось проводить по нему пальцем поперёк, как делают при проверке остроты ножа.

— Именно, — подтвердил Клогть правоту воображаемого жеста Тоспехо, — когда она надломится, то останется острой. Птица-юдо, тваю канитель. Куда там настоятелю с его колёсами. Снетопырь.

— Спасибо, Настоятель, — ответил оружейник.

Тоспехо без крупицы напряжения нарубил Блайти ключицу киркой.

— Посоветуй пожалуйста, как пройти к Кальдере, — вежливо попросил оружейник и наклонился ухом к упавшей на колени последней цельной разбойнице. Кирка оказалась оружием другого порядка.

Удовлетворившись ответом, он закончил вынужденно начатое, добив тех разбойниц, которых кирка разрезала слишком близко к земле.

Когда туман и морок рассеялись, он стоял над телами. Страусы мирно щипали мох в стороне. Перевалило за полдень. Он продолжил путь. Если бы не страусы, и ему пришлось идти пешком, то он воспользовался бы новой тросточкой – так он устал. Ну а пока трость просто присоединилась к его нехитрому багажу.

⁂

Сидя верхом на страусе, Тоспехо являл собой великолепное зрелище. Кроме хорошо сбалансированного «удила», в один конец которого встроена рапира Притхимы, внимания достойны его шаровары. Наделённый повышенным чувством направления результирующей силы, он мог позволить себе сидеть, подобрав под себя ноги – подобно тем артистам, которые заклинают змей дудочкой. Часть тканевого куста его штанов при этом выглядят как основание огромного цветка. Свидетель, неискушённый в местных формах жизни, мог бы подумать, что восхитительный старик вырос на этой бегущей птице как ягода или плод. Тоспехо был преисполнен своего я. Это не было связано исключительно с только что произошедшим, нет. В целом, Тоспехо всегда имел в виду, что древняя традиция рассматривает «я» как иллюзию – устойчивое ощущение непрерывности, которое не выдерживает внимательного анализа. Тоспехо, наблюдая собственный ум из той точки, где заканчивалось его удилище, не нашёл там какого-то мыслителя.

Он знал, что растения «слышат», то есть реагируют на звук жующих гусениц, что-то при этом выделяя. Знал он и то, что они «видят», меняя форму листьев, чтобы имитировать растение-опору ради незаметности. Поэтому он учился у растений. Ему оставалось научиться «слышать», подобно тому, как корни растений находят воду по звукам потоков. Иногда он задавался вопросом, а чувствуют ли они боль? Не находя ответа, он старался боль просто не чувствовать. В том числе чужую. Замысел животного требует интеллекта. Глупость растения работает автономно и

безотказно. Зло можно раскрыть, ему можно противостоять. Глупость неподвластна логике.

С ростом высоты над уровнем моря теплело, так как холодный воздух любит низины Авертигуса. Леса не становились при этом гуще, так как воздух редел. Менялись виды растений. Начались леса гигантских секвой. В отличие от почти всех людей, Тоспехо не чувствовал болезненного недостатка в воздухе. Обычному человеку на таком пути требуются две-три остановки, чтобы привыкнуть. Каждая – продолжительностью в семерицу. Тоспехо хватало частых остановок на пару часов. В том, чтобы чувствовать себя растением, есть свои преимущества. Страусов же пришлось отпустить домой.

Вот и сейчас он отдыхал на удобной площадке. Он замечал излишества живой природы. В каждом удобном треугольнике между тонких веток — паутинка. Словно существует ровно столько насекомых, сколько нужно, чтобы заполнить все эти сети. Косые лучи Луны нарезают воздух меж деревьями линейным фракталом смены света и тени: широкая полоска, в ней узкая, в той ещё множество, ещё более узких; как будто кто-то сидел и упорно резал мерцающую ткань. Резал и резал, и при том не терял спокойствия – все линии строго параллельны без единого изъяна. Под ногами – не трава и камни, а изящный полкадот, выложенный редкими, опавшими вне сезона мелкими жёлтыми листьями. Туман стелется по самой поверхности почвы так, что Тоспехо терялся в ощущениях – мягкость это светлой серости гладкого камня или всё же крохотные клубы холодного пара. Он видел несуществующее отражение неба в цветах травы: светляки в перевёрнутом океане вверху; отблески капель росы на мелких цветках травы внизу. Как будто то была намеренная сходность… Тоспехо спал.

Утром с неба Авертигуса льётся ранний рыжий свет. Он уже второй час идёт по широкой тропе – человеческой тропе – ощутимо забирающей вверх. Путь его лежит к озеру. Тропа становится дорогой. Отары овец то и дело преграждают ему путь. Он, однако, не замедлятся, каждый раз обходя их по обочине. Впрочем, обочины отличаются от дорожного полотна лишь немногим. Две освобожденные от короткой травы полосы то и дело раздваивается, чтобы вновь слиться через несколько десятков шагов. Осциллировать относительно общего направления – такой здесь метод езды. Тоспехо – в душе ритуалист. Его весьма занимают подобные на-

блюдения. Отклонение от правила в столь явном виде он находит замечательным. Особенно его забавляет безнаказанность: «сбился с дороги? Не беда, ложись обратно на курс, дорогой путник». Тоспехо чудится, что это – его дополнительный орган чувств. Он – рутинёр. Такие проявления реальности он замечает по требованию специально рождённого в сознании стимула. Подобно тому, как, уставившись на траву, человек не отмечает отдельных травинок – их хилиады – до тех только пор, пока дерево не роняет вдруг каплю недавно прошедшего дождя. Тогда человек немедленно обращает внимание на ту именно травинку, которая подверглась падению. Одно отклонение от нормы, нужного и ожидаемого типа, и разум тут как тут: включает сигнал внимания.

Но и оружейнику подъём на прибрежную гряду холмов дался нелегко. Теперь он идёт вниз, и физическое облегчение в ногах передаётся всему сознанию. Дальше будет легче. Наступит ясность. Показавшийся на берегу посёлок излучает расслабленность уже на дальних подступах. Простая архитектура без тени нужды в обороне. Вечная поздняя весна и лето – в небрежности конструкции крыш. Люди, люди. Лодки, лодки, лодки. Штиль. Даже нависшие зольные облака, принесённые с мест недавнего выброса вулканической гари, привносят в пейзаж не мрачность, а самоуверенную графитовую деловитость.

Увидев на дорожном столбе большую надпись «Обитель Драконя Бледного», он уверенно входит. Он видит, что последняя буква среднего слова не есть ошибка, что речь не о мифическом драконе, а о каком-то пусть и особом, но вполне реальном коне. Что он будет делать в обществе сектантов? Как что? Он будет учить детей, так как он есть носителей нового для этих мест знания.

Шаровары его развеваются на ветру со всем великолепием. Наконец-то он сможет выращивать растения в тёплом воздухе. Всегда тёплом воздухе. А земля требовала семени, чтобы вернуть его сторицей.

¶

Фрагмент 34. Спектакль Тоспехо

¶

Женщины. Много женщин. Все в почти одинаковых белых чепцах. Длинные юбки. Тёмно-бордовые, черные, тёмно-синие, хвойно-зелёные. Блузы всех возможных раскрасок и узоров. Дети. Много детей. Дубы, клёны, каштаны – все побелены от корней на высоту в половину человеческого роста. Дороги из плотно укатанного щебня. Белые низкие изгороди: направить возвращающуюся с пастбищ скотину, а не защита от взглядов людей или, тем более, их дурных намерений. В целом, не шумно. Дурных запахов нет. Мужчины в чёрных штанах с подтяжками и соломенных шляпах с плоскими полями. Рубахи белые, серые или васильковые. Изредка встречаются служивые в капюшонах. Наставник Тоспехо предпочёл не менять свою великолепную одежду на местную. Он понимал, что надо уважать обычаи того места, где прирос, но и страсть его к прекрасному не растаяла.

Он шёл от школы, где он оставил своих учеников на помощника, по направлению к мастерским, расположенным на краю плосковерхого холма. В руке у него – удилище. На поясе – пустые ножны. Он в Обители уже месяц, но так и не удосужился привести рапиру в порядок.

— Я воспользуюсь тисками, Вепрь? — обратился Тоспехо к кузнецу и поприветствовал его принятым здесь рукопожатием. — Чем занят сегодня?

— Карете оси подтягиваю, — душевно улыбнулся Вепрь. — Как твоя тыква, любезный Тоспехо?

— Живёт тыквушка, — рассказывал Тоспехо, со всей аккуратностью занимаясь демонтажом рапиры с удилища. — Тридцатый день, не сегодня-завтра начнётся взрывной рост массы. Закончилась фаза скрытой теплоты. На видимость – так тыква-то почти и не растет, но внутри, знаешь, идет колоссальная перестройка.

Он не спеша доделал свою работу, и рапира оказалась там, где ей положено – в ножнах.

— Да... а что за карета? — запоздало, с поддельным удивлением спросил бывший оружейник. Он, конечно, догадывался, что это могла быть за карета. — Тут разве есть каретных дел мастера? Ничего, кроме повозок, в Обители я не видел. Сюда же нет ни одной дороги с нижних земель. По воде доставили?

— Именно карете! Причём очень редкого типа. Древнеарганорская конструкция типа «кола», — сделал Вепрь ударение в незнакомом слове на последнем слоге. — Своим ходом пришла. Хочешь покажу как? Имей в виду: функционально это катафалк.

— Изволь, — в наставнике Тоспехо едва сдерживаемое возбуждение от предстоящей встречи боролись с равнодушием к каретам вообще и к этой карете в частности.

Лишь из вежливости он прошёл вслед за Вепрем на задний двор, но карета смогла разрушить его безразличие. Невероятно точно подогнанные панели исключительной гладкости – достойны внимания. Но главное – колёса. Вернее, их отсутствие. Карета стояла на четырёх катках треугольной формы, как если бы несколько гигантских жирных гусениц свернули в трёхгранные цилиндры, где по углам стояли небольшие, но крепкие колёсики.

— Теперь понятно, — сказал Тоспехо, осматривая катки. — Таким штукам дороги и не нужны.

— Скажем так: дороги и отсутствие дорог оказываются не взаимоисключающими, — Вепрь указал на ролики: — Весьма умная конструкция. Медью отливает.

— Но это не медь, — то ли спросил, то ли сообщил школьный наставник. — Пойду я, Вепрь. К ученикам пора. Чья хоть карета-то?

— А вот как раз к вам в школу и пошли. Кто такие – не знаю. Детский спектакль будут смотреть, сказали. Человек из канцелярии настоятеля их водит. С Обителью знакомит. Важные гости. Впрочем, у нас все гости важные, каждый гость – в редкость.

Тоспехо направился к выходу, но Вепрь его удержал:

— Приподними её за угол, — предложил он.

«Смеёшься», — ответила бровь Тоспехо, но взгляд кузнеца настаивал.

Тоспехо схватился за нижний край...

— Надо же, — растерянно произнёс он через несколько мгновений, опуская карету.

— На три-четыре веса человека меньше обычного, — Вепрь ещё раз настойчиво посмотрел на школьного наставника: — Так не бывает. Поосторожней там с этими гостями, брат.

⁂

Спешить Тоспехо не стал. Спектакль без него не начнут. Ведь кто режиссёр? Он.

По сторонам и небольшие поля-наделы, и дома с приусадебными участками. Заборы в две горизонтальные планки. На заборе удобно сидеть, хотя он для этого не предназначен. Группа молодёжи, два парня, три девушки. Позы не исполнены религиозной скромности. Одежда не праздничная, в чём-то франтоватая. Один молодой человек что-то насвистывает, подпирая забор стоя. Другой сидит на нём петухом. В шляпах. Чёрные, элегантные шляпы. Тоспехо неравнодушен к шляпам. Мне нужна новая шляпа, в который раз вспоминают он. Девицы скромнее. Но! У одной обе руки на лядвиях. У другой зазывающий взгляд исподлобья. Порок жив. Но он бьется в клетке. Как часто уменье молчать бывает вершиною мысли.

«Как они верят в то, во что больше никто в мире не верит? — задаёт вопрос одна часть сознания Тоспехо другой. — Как выживают крохотные религиозные движения? Если вера континентальна, это не удивительно. Но так...»

А вторая часть сознания ему отвечает:

«Воистину верят в заявленную догму только те, кто считает, что истину видят лишь люди в их монастыре или деревне».

«Закон прост: если одно шире второго по объёму, то оно же беднее по содержанию», — продолжает диалог третья часть сознания.

— Подавай Вам Вселенная, — кивают ему молодые люди, когда он проходит мимо. — Хорошего дня».

«Воистину», — думает Тоспехо, улыбаясь парням. Отвечать он не обязан. Не потому, что чужак. Просто не обязан.

⁂

¶ Долго жило счастливое Шестиречье, и никто никогда не лгал.

¶ И у каждого была пара, и у каждой пары был наставник, и каждая пара была в согласии.

¶ И нельзя было знать больше, чем знают все.

¶ И правили Шестиречьем три счастливые семейные пары – три Великих мужа и три Великих жены. Потому что три – идеальное число.

¶ И было у шести правителей в правлении шесть Великих рек и шесть плодородных долин между ними.

¶ И в каждой долине росли уникальные растения, а в каждой реке водилась уникальная рыба.

¶ Многие века торговали они меж собой, горя не зная.

Пока на сцене разыгрывался первый акт представления, Тоспехо высмотрел среди зрителей Ардуша и стал к пробираться к нему сквозь ряды стульев. Тоспехо никогда не общался с каропусом, но узнать его, конечно, труда не составило. Наставнику показалось, что не так ужасен его странный горб, как твердит людская молва.

— У меня твоя рапира, — похлопал Тоспехо себя по бедру, усевшись рядом с Ардушой. — Я отец Виргилии, Тоспехо.

— Спасибо, — улыбнулся каропус. В глазах его проскользнуло удивление, но судя по взгляду, считывающему многочисленные детали одежды собеседника, вызвано оно было не принадлежностью того к высшему свету. Впрочем, логичней всего было отнести замешательство Ардуша на счёт необъяснимости того, как смог Тоспехо столь быстро оказаться так высоко на Великой горе и выжить.

— Отвезу её в грот на берегу, — ответил Ардуша по существу. И тут же предложил: — Может, ты сам возьмёшь на себя этот труд? Первые Правители уже там. Возложи, куда и как считаешь нужным.

— Нет уж, это тебе спасибо, — отказался бывший оружейник. — Я с оружейными делами покончил. Я теперь выращиваю теплолюбивые растения. Точнее, одно растение. Просто помести её в грот – этого, думаю, достаточно.

— Хорошо-хорошо. Это справедливо. Она повесила... она бросила это оружие мне, не кому-то ещё.

Тоспехо начал отстёгивать ножны от пояса.

— Погоди-погоди, не здесь же! — остановил его Ардуша. — Должен сказать: тебе, уважаемый Тоспехо, навряд ли удастся ускользнуть от проблем с оружием.

— Хорошо, передам на выходе. Что за проблемы?

— Пока мы стояли лагерем... где-то в семерице пути отсюда, в целях привыкания к высоте, знаешь... нам удалось отправить и принять назад пару голубей, которых мы приобрели в последнем на пути посёлке. Дочь твоя запустила мечи из прозрачной стали в массовое производство.

— Зачем же? — постарался скрыть свою досаду Тоспехо.

— Этого я не знаю. Но мечи раздают бесплатно всем мужчинам. Но давай послушаем представление, ты не против?

Декорации на сцене сменились.

¶ Но прокрался в Шестиречье дракон, который выдумывал.

¶ И поэтому казалось, что он знал больше других.

¶ И захотели некоторые, вслед за ним, знать больше.

¶ И стали тоже придумывать – и возжелали обманывать.

¶ Но отвергло таких Шестиречье всем нутром своим, не поверили им люди.

¶ И попытались тогда обманщики уплыть за море-океан.

¶ Но не смогли – разбивали морские течения корабли их в щепу.

— Я видел вашу карету, колу. Замечательная инженерия, — сказал Тоспехо, как только позволила пауза для смены декораций.

— По мне – так лучше было бы сидеть и ждать где-нибудь в скрытом подвале, пока Авертигус сам придёт в чувство, а вместе с ним и народ, чем трястись по камням на бесконечном склоне Великой горы. У меня нет добрых чувств к этому катафалку, хотя он и спас нам жизнь. Плата-Пансо считает, что корпус сделан из паутины.

— Как вы с ним поладили? Я знаю его родителей.

— Неплохо. Скажи, ты – автор этой пьесы? — прямо спросил Ардуша.

— Я и библиотека Обители, — скромно ответил Тоспехо.

— Что за дракон? Откуда он пробрался?

— Из предыдущего мира. Он всегда так делает. Так говорят местные мифы.

Вдруг на сцене начали загораться красные фонарики.

¶ И стали тогда они ковырять верхушку горы, чтобы отлить из вытекающей горячей крови континента каменные суда.

¶ И получилось у них – стали отливать они в одну форму из крепкой стали судно за судном.

¶ И стали спускать их на воду в озере кальдеры, стали сплавлять их по реке к морю, чтобы пересечь на них океан.

¶ И уплывали за океан суда, вход на которые был таков: солги и вступи за это на борт.

¶ Никогда не возвращались они, чтобы рассказать, что там за океаном.

¶ И всё равно бежали некоторые, не зная, куда плывут и зачем.

¶ Но не выдержала Великая гора ран, нанесённых ей – пострадала от высосанной крови.

¶ И начало рушиться Шестиречье. Стала трескаться и взрываться Великая гора.

— Что, действительно так было? — спросил Ардуша.

— Откуда ж мне знать, — прошептал в ответ Тоспехо. — Этот эпизод звучит вполне правдоподобно. Если в бочке расковырять дырку – из неё польётся. Будешь и дальше терзать сосуд – так он и развалится.

— Может, это всё-таки метафора? — предположил Ардуша. — Что-то вроде вызова судьбе.

— Допустимо. В мифах есть слова «Да не буде воля моя – моли». Там это звучит как разочарование. Древние тексты нельзя интерпретировать однозначно – язык изменился. С другой стороны, того мира нет. А наш есть. Значит, что-то всё-таки сломалось вполне физически, без иносказаний.

— Твоя правда, — продолжил смотреть выступление Ардуша.

¶ И оглохла от грохота и онемела одна из трёх Великих жен.

¶ И захотели шесть правителей тоже уйти на новый континент, чтобы выжить.

¶ Но не смогла взойти на борт глухонемая жена, не сумевшая соврать.

¶ И тогда увидел мир, что зачала отвергнутая глухонемая жена от луча Луны ещё до взрыва горы и мира.

¶ И были во чреве её два близнеца.

¶ И сделала жена так, чтобы стали трое они – как прежде – одной парой и одним наставником, чтобы сохранился прежний порядок.

¶ И получила тогда жена твёрдое тело и великую силу.

¶ И поняла она, и поняли все, что нет за океаном никакой земли.

¶ А каменные суда гибли дальше от берега, чем обычные, и их там никто не видел.

Школяры засуетились на сцене, меняя декорации.

— Притхима вовсе не глухая, — с излишней резкостью сказал Ардуша.

— А вот это как раз иносказание. Но не моё. Это всё есть в книгах.

— Ну а каменные суда?

— Абсолютно реальная вещь. Сам в юности видел.

— Что ты говоришь! — удивился Ардуша.

— И ты можешь их увидеть, если у тебя есть лишние полгода на пешее путешествие: валяется пара в верховьях Непроходимого ручья. В виде обломков. Вещь настолько же бесполезная, насколько и реальная.

Декорации и свет полностью сменились. Теперь всё было зелёно-голубым.

¶ И обернулась она тогда морским коньком от великой печали и любви.

¶ И назвала она себя – Драконь, чтобы быть конём, который будет драть дракона.

¶ И подружилась с морской звездой с пятью лучами.

¶ И попросила она звезду помочь ей, и согласилась та.

¶ Научила звезда землю, которая была симметрична как отражение в зеркале со своим оригиналом, особому трюку.

¶ Вывернулась земля наизнанку и потеряла свою симметрию – стала, как и звезда, симметрична вокруг оси, лучами.

¶ И перенесла морской конёк своей конской тягой пятерых правителей и всех людей на новую землю.

¶ И потеряла она всю память от этого и стала совсем бескровной и бледной.

В представлении возникла смысловая пауза. Сменился состав музыкантов.

— Это что за бред? — спросил Ардуша. — Зачем вы меняете музыкантов?

— Местный эпос очень плотно работает с оскорблениями, — пояснил Тоспехо. — Они издеваются – во вполне вульгарном смысле – над самим Пятиречьем. Называют его жопоротым.

— Каак? — опешил каропус.

— Именно. Очевидно, что горные хребты континента выглядят на карте как морская звезда. В этом, считают тутошние теологи, – издёвка.

— Кого над кем?

— В этом и заключается главный вопрос, ответа на который нет. Оскорбление в том, что симметрия Авертигуса – осевая. Горы и долины – как морская звезда, значит лучевая. Почти осевая. У людей же симметрия – как в зеркале. Плоская. И у живых элементалий, видных только в мелкоскоп, – такая же. Они так родятся, собственно. Пополамятся. А у континента – другая. У мира – другая. Как так?

— Не вижу пока в этом никакого смысла.

— Звезда стоит где-то на пути между элементалиями и нами. Но она другая. В глубоком смысле поверхностей и пространств – другая.

— Ну и что?

— А то, что-то на этом пути ей пришлось вывернуться наизнанку. Иначе не сменить тип симметрии.

— И снова – «ну и что»?!

— Когда ты выворачиваешься наизнанку, твоя задняя дырка становится передней. И наоборот. Вот что.

— Предки добросовестные!

— А ты думаешь мне было легко тут вас ждать, вдвоём с этой рапирой?

Представление продолжалось.

¶ А люди обычные стали жить, но не как прежде, а в слабом подобии древней гармонии.

¶ И стали тела правителей спать вечным сном, чтобы не видеть разврата нравов.

¶ А дух каждого из правителей жил в обычных людях, передаваемых внутри рода из поколения в поколение.

¶ И осталось на земле пять рек, и не нашлось на ней долины и реки для оглохшей ото лжи жены, которая только и осталась в сознании.

¶ И стала она копать землю в отчаянии, пытаясь вырыть шестую долину.

¶ И потерпела она неудачу.

Всё то время, пока меняли декорации, оба мужчины хранили молчание.

¶ Тогда взмолилась она в глухом отчаяньи – неведомо кому, неведомо с какой просьбой.

¶ И убила она одного из чад своих, чтобы исключить роль наставника.

¶ И нашла она героя, в котором жил дух одного из правителей, но не мужа своего прежнего.

¶ И попросила она героя, чтобы принёс он тела пятерых вновь к жерлу Великой горы, дабы разбудить их там дыханием горячей земли.

¶ И согласился герой, и повёз он тела пятерых в чёрной карете.

¶ И стал танцевать он на крыше своей летящей кареты, презрев опасность, чтобы обескуражить врагов.

¶ И сошлись они у вершины Великой горы с прозрачными мечами в руках.

¶ И попросили они мир, чтобы он выздоровел и сделал всё, как положено.

¶ Но не знали они уже – как положено?

¶ Но согласился мир.

¶ И стало, как положено.

Опустился занавес.

— И это есть в книжках? — мрачно, в чём-то даже недружелюбно спросил Ардуша.

— И это, мой друг. И это. Без танца на карете, правда. Это уже моё режиссёрское видение.

— Где же мой прозрачный меч?

— Возможно, прозрачность стоит понимать иносказательно – она делает войну честнее.

— Чем же?

— Устраняя трение. Чёрная сталь, тёмный лес, скрытый мотив – всё это создаёт трение неопределённости. Ты тратишь время на разведку, на

страх, на догадки. Прозрачный меч устраняет это трение, — разъяснил Тоспехо. — Ну что ж... На сегодня я, пожалуй, откланяюсь. Мне надо проведать мою тыкву. Увидимся утром.

¶

Фрагмент 35. Фазовый переход

¶

Ардуша вышел из школы и присел тут же, на высокую завалинку. Здание учебного заведения – добротный, крупный, одноэтажный параллелепипед, отштукатуренный белым – подпирало его спину и направляло взгляд поперёк оси Авертигуса. Вдаль по изгибу Великого цилиндра, за обрывом холмистого плато, на котором расположилась Обитель, он видел порожистую Реку в её верхнем течении. Дальше, в лёгкой облачной дымке он видел горные кряжи и петляющую среди них Реку в её среднем течении. Ещё дальше – во многих и многих днях пути отсюда – текла Река в её средне-нижнем течении. Та местность, неимоверно удалённая, была уже почти не видна, но важные вехи на ней угадывались, подкреплённые плотным знанием карты мира. Хотя нижнего течения не было видно совершенно – сегодня был не один из тех редких дней, когда облака удачно расступались на сотни лиг, но и территории дельты Реки можно было отсюда почувствовать. Уже не зрением, но признанием того, что они там есть. Тем не менее, незримое присутствие дельты в ландшафте делало картину мира целостной.

На Ардуша навалилась ужасная, вязкая усталость. Немудрено: первую половину дня не было ни одной свободной минуты. Он вынул рапиру из ножен оптика Жинго и воткнул на место – вдоль позвоночника. Ножны Притхимы, даже пустые, оставались неизменной частью его одеяния. Отломленный конец стрелки часов затопленной ратуши каким-то образом придавал Ардуше уверенности.

Как только рапира коснулась спины, события дня заново пронеслись у него перед глазами. Щелчок входа оружия в пазы как бы включал слои памяти, подобно ступеням исполинского пейзажа перед глазами.

Ардуша устремил взгляд туда, где должен был быть морской порт, в невообразимой дали. Само это действие выплеснуло в него ретроспективу. «Когда они спустились с холма к Обители, их уже ждали. Встретившие карету люди, очевидно, были предупреждены дозорными, которые

увидели путников ещё на вершине гряды. “Закономерно для обычного поселения с оборонными сооружениями, — подумал каропус, — но странно здесь, в посёлке без простейшего частокола, учитывая, что сами мы добирались к Обители, не зная пути и в условиях отсутствия дорог на большей части пути”. Если описывать ситуацию точно, то половина путников – двое из четырёх – вообще не были уверены в самом существовании Обители вплоть до появления первых тропинок недалеко от озера. Получается, наблюдение велось круглосуточно. Конечно, позже это объяснилось присутствием здесь отца Виргилии, что само по себе требует объяснений».

Нельзя сказать, что видение это кардинально отличалось от простого воспоминания, но Ардуша машинально вынул и вложил рапиру, создав звук характерного щелчка. Он вдруг увидел в картинах памяти грот в скале, который они посетили нынешним утром. Десяток стражников, несущих тела Первых. Смотрел при этом Ардуша на самый срез заросшего рыжей травой плато, на другом, прибрежном краю которого он сейчас находился. Ещё щелчок.

Ардуша вновь перекинул взгляд вдаль, на один план великих декораций ближе, чем предполагаемое место порта. Место это лишь угадывалось в складках гор, но было всё же визуально много реальнее, чем совсем уж не видимый отсюда порт. Это дало Ардушу ретроспективу на шаг позже: «Так или иначе, эти люди, распорядители, толком не представились, мгновенно взяли гостей в оборот, сообщив лишь при этом, что для них разработана программа пребывания. Но сначала, сообщили они, необходимо возложить тела Первых в грот. Откуда они знали про тела, Ардуша уточнять не стал. Частично из-за высокогорной апатии, частично из-за осторожности. Вообще, как показали дальнейшие наблюдения каропуса, в Обители применялась какая-то особая система управления. Ни с чем подобным ему сталкиваться не приходилось. Никто явным образом его лично не ущемлял, казалось бы. Однако, он чувствовал если и не удавку на шее, то крепкие хваты двух мордоворотов за оба свои плеча. О применении формальной речи эти люди, видимо, вообще не задумывались. Каропус не удивился бы, если б они про неё вовсе не знали».

И вновь он повторил своё упражнение, смещая внимательный взгляд на одну «декорацию» мира ближе к себе. Щелчка рапирой не требовалось, как он только что выяснил экспериментальным путём: «Птеродак-

тиля, который за время путешествия привязался почему-то только к Хакону, с бывшим священником разлучили без сантиментов и поместили в специальный вольер. Ящер был измотан чудовищно. Судья и священник не раз заводили в пути учёный разговор о том, каким образом животное умудряется лететь в разреженном воздухе, и не находили объяснения, кроме такого, что сами путники худели по мере набора каретой высоты над уровнем моря. Хакона с козел попросили пересесть внутрь кареты. Запрягли пару высокогорных лошадей. Это делалось в спешке, что тоже не поддавалось объяснению – если уж тела могли… если так можно выразиться – испортиться, то было поздно торопиться. Так размышлял Ардуш».

Каропус вошёл во вкус. Он переводил свой взгляд присутствия всё ближе по внутренней стенке титанического цилиндра. Память услужливо подсовывала подробную картину недавно произошедшего: «Вне зависимости от мыслей каропуса, вручив пассажирам кареты корзину с провиантом, распорядители отправили на козлы своего кучера. Тут же выдвинулись. Впереди и сзади сопровождали по пять конных стражников. И вновь каропус удивился: какой смысл в такой многочисленности кортежа? Если уж катафалк до сих пор не подвергся разбою, в диких землях, то стоило ли так опасаться в непосредственной близости от Обители? Грот оказался в получасе езды – на берегу озера, но высоко над уровнем воды, в скале. Наверх вела неудобная лестница, высеченная в камнях. Это объясняло многочисленность свиты. В грот путников не пригласили. Впрочем, никто из них и не рвался туда. Тела вместе с толстыми пластами мха перенесли сами стражники, спешившись. По двое на одно тело. Без носилок. Выглядело это совсем не торжественно. Руководителя при них не было. По крайней мере, никто не отдавал приказов. Пенять было некому».

Теперь Ардуша рассматривал уже тропку, вьющуюся по холмам на переднем плане сцены мира: «По возвращению в посёлок путешественников встретили у гостевого дома. Встречающие представились просто: «Мы из канцелярии». Они предоставили по комнате на каждого, предупредив, что через полчаса начнётся программа осмотра Обители. Все вещи из кареты они вынесли сами и поставили у крыльца. Двое представителей канцелярии несколько замешкались, перетаскивая тяжёлый баррель-орган Притхимы, но виду не подали. Прибывшим показали трапез-

ную и хорошенько там накормили. Затем провели в канцелярию, показали лекарню, библиотеку, а также провели по центральной улице, где были все необходимые услуги. В обычном ходу оказались монеты Иллюмироса и Маристеи. Это логично, учитывая местоположение».

Последующее воспоминание уже и вовсе вписывалось в рамки обычной работы памяти: «Карету в какой-то момент увезли в мастерские, сообщив, что той нужен ремонт, и не поинтересовавшись мнением владельцев. Впрочем, путники сами не знали, кто из них владеет каретой. После всего этого их повели в школу на представление».

⁂

И вот, наконец, Ардуша с Хаконом шагали из здания школы в свои новые палаты. Судья и Плата-Пансо ушли сразу по окончании пьесы, не сообщив куда.

Здесь, на самом верху мира, каропус стал видеть вещи отчётливее. Подробнее. Частично он «винил» в этом – в хорошем смысле – вернувшуюся к нему рапиру. Кроме того, воздух был прозрачнее и бесконечно свежее. Ардуша, как и любой житель континента Пятиречье, кроме тех бедняг, которых крайняя бедность лишила нормального детства, бывал на море школяром, в групповых путешествиях. Но там холодно. Половину года, зимой, уже в получасе плавания вдаль от дельт рек, море и вовсе сковано льдами. Здесь же – вечное тепло. Тёплый воздух неба Авертигуса стремится вверх. В силу скудности самого воздуха растительность при этом оставалась строгой и экономной, совсем не как в оранжереях вблизи больших городов. Ардушу терзало желание найти способ «уговорить» своё тело привыкнуть, чтобы остаться здесь навсегда.

Обитель нельзя было назвать городом. Это был большой посёлок. Тем не менее, значительный масштаб поселения заставлял задуматься, как так получилось, что внизу об этом месте практически никто не знает. Может быть, есть и другие обитаемые места на озере Кальдеры? Озеро было огромным. Размер пятна на карте известен всем. Все знают, что это самое большое озеро в Пятиречье. Но воочию вид его потрясал. Возможно, такое ощущение создавал необычный бирюзовый цвет воды.

Гостевой дом стоял не просто на берегу – двухэтажное здание с двухэтажной же мансардой разместилось на широком каменном выступе. Его можно было назвать огромным пирсом. Крупных судов здесь не было, только лодки и рыбацкие шхуны, рассчитанные рыбаков на пять, не

больше. Хакону и Ардушу достались палаты на первом этаже, который врос в землю лет сто назад. Из этого следовало, что крупных волн здесь не бывает.

Нижняя линия окна находилась на уровне головы. В открытую форточку, размером с церковный фолиант, уходит дым благовоний. Здесь так принято. Они уселись на обитые бордовым бархатом массивные стулья за большим столом. На стене мирно тикали изящные часы. Должно быть, каждые полчаса деревянная кукушка даёт знать о течении дня. Под потолком висит крупный макет брига, обе мачты и все двадцать пушек которого исполнены с тщательностью, достойной лучшего применения. Подвес устроен через блок так, что высоту можно регулировать, приматывая канатик к специальному крюку в стене. Сколько же стоила доставка таких вещей сюда по воде, подумалось Ардушу.

Почти цокольное расположение комнаты дарило измотанным путешественникам так нужную в подобный день прохладу. Они оба оставались обутыми, потому как деревянный пол был и прохладен, и занозист.

— Меня как штырь вставили в чужие вилы! — не сказал даже, а как-то харкнул Хакон. Серебряно-стальные кудри его закачались.

— Хотел бы тебя успокоить, но дело может обстоять ещё хуже, — ответил Ардуша. — Что, если наши тела...

— Да что там тела! — прервал Хакон, — наш дух!

— ... используют для того, чтобы в них вставить чужие штыри, а уже после этого – нас в чужие вилы?

— Этот пиктакль...

— Спектакль, Хакон. Спектакль.

— Я человек немолодой, я умею слышать главное. «И сойдутся наследники» – так у них тама? Убьют нас тут, Ардуша. Как пить дать. И приколют сверху к тем полу-трупам.

«Тихо-тихо, — прикрыл Ардуша ладошкой рот старика. — Пойдём-ка лучше на пляж».

Они вышли на улицу. На каменном пирсе было многолюдно. Люди занимались своими лодками. На Ардушу, конечно, обращали внимание. А на пляже были лишь огромные валуны, тут и там разбросанные на песчаной полосе.

— У Тоспехо, тестя оптика Жинго, — сказал Ардуша, — от досады задергался глаз, когда я сказал ему, что Виргилия массово производит мечи из прозрачной стали.

— А про то, что две войны начались, ты не сказал?

— Умолчал о такой возможной трактовке событий, — признался Ардуша.

— Ему Плата-Пансо прямо сейчас рассказывает, не горюй, — съязвил Хакон. — Зачем он здесь?

— То, что на поверхности: ему приспичило передать мне рапиру Притхимы, — выдал каропус формальное обоснование.

— А зачем? Может, намазал медленным ядом? — вынес на обсуждение своё предположение Хакон. — Подумай, Ардуша: зачемо кому-то что-то подсовывают?

— Если думать с самого начала сути вещей, то для того, чтобы эта вещь была рядом с тем, кому ты её дал, — сделал Ардуша элементарное умозаключение.

— Так... вариант, что он друг – отбрасываем. Если даже так, то ничего и не случится, — стал рассуждать вслух Хакон. — Будемо думать, что он враг. Зачем так, чтобы рядом? Зачемо? Эта вещь тогда должна либо помочь тебе сделать что-то тебе поганое, либо помешать сделать что-то тебе благое. Что-то вредное ты и сам учудишь, рапира в этом не помощник. Она тебе мешает?

— Кто? — не понял Ардуша.

— Рапира мешает? — переспросил Хакон.

— Мммм... Так я не знаю, любезный Хакон. Может, и мешает. Она, если и мешает, то хитро.

— Хитро... — задумался бывший священник, — хитро. Она хитрая... Я понял! Она следит за тобой.

— Чего за мной следить, Хакон? Она у меня на спине висит, открыто.

Старик попытался взобраться на один из чёрно-серых камней, но соскользнул. Тогда он отошёл подальше, разбежался и таким образом смог вскочить на гладкий валун.

— Не знаю тогда, — сдался Хакон. — Что-то нечисто, это ясно. Заманили сюда обманом. Притхиму называют царицей, у которой отняли целую страну...

— За то, что она спасла весь остальной мир, — мрачно согласился Ардуша. — Спать хочется – сил нет. Пойдём уже, Хакон.

⁂

На следующее утро каропус слёг в лихорадке. Рапира была при нём, под кроватью. Накануне Тоспехо передал её из рук в руки. Присматривал за каропусом Хакон Добрый. Никого больше больное сознание Ардуши видеть не хотело. Первые три дня болезни он едва произнёс пару осмысленных фраз.

— Думал, что танец избавит от болезней, — сказал он на четвёртый день. — У меня ведь даже грудь чуть выпрямилась.

— Ну-ну, — успокаивал его Хакон.

— Твой-то день так и не настал?

— Никак нет, мастер, — отвечал Хакон.

И Ардуша спал. Потом бредил. Потом снова спал.

Хакон рассказывал ему, сидя у изголовья:

— Плата-Пансо проговорился тут, на слишком свежем воздухе, что давно следил – по долгу основной службы в охранке – за Притхимой. Она, не будь дурой, стала следить в ответ за самим Плата-Пансо. И получается, что это она ему указала на тебя как на «наследника». Шутит, что сам попросил Авертигуса Кориолью отвлечь твой выстрел.

Хакон бродил по комнате. Иногда бесцельно, иногда хлопотал по делу. Нередко и вовсе уходил, конечно.

— А как же воронка в ванне, ты спросишь, — говорил Хакон. — Ну что воронка, мало ли как устроен слив. Кроме того, многие знают, что иногда достаточно просто вознести молитву. Мы поди зачастую видим игровую партию там, где кто-то просто уронил фигуры. Как сам думаешь, мастер Ардуша?

Каропус не отвечал.

Навещал его, как Ардуша понял, и сам настоятель Обители.

— Как тебя зовут? — таким вопросом встречал настоятеля Ардуша. И на том его силы почти иссякли.

— Зовут? Просто настоятель. Имени как такового у меня и нет, — говорил посетитель. — Я непись, если формально. У брата-близнеца имя было, а мне – без надобности.

— Зачем я здесь? — спрашивал Ардуша.

— Могу предположить, — отвечал настоятель, — что Авертигусу нужно настоящее сознание. Нам интересны проявления движения братьев светлюшек в металлах.

— А я причём?

— Ты должен был принести прозрачные мечи.

— Зачем?

— Сознание рождается, лишь когда в тебе есть неотделимое от мира. Твёрдое тело. Ему нужно тело.

— Мечи – это тело? — спрашивал Ардуша.

— Меч – это продолжение руки и воли. Все мужчины, с волей держащие прозрачные стальные мечи – это уже тело. Почти.

— В чём же «почти».

— Мужчины должны драться, чтобы он чувствовал тело.

— С кем драться?

— С собой.

— Между собой? — спрашивал Ардуша.

— И это тоже, — отвечал настоятель со вздохом.

— Что в этих мечах?

— Это я тебя спросить должен.

— Их делал Жинго.

— А где Жинго?

— Не знаю.

— Вот как будешь твёрдо уверен, где он – так и будет хорошо, — говорил настоятель.

— Что ж хорошего? Твёрдо, твёрдо – заладили. Да и не получится у него. Хрупкие они, мечи-то.

— Нет, ты не прав. Ты был прав, что попросил оптика Жинго. Очень удачный выбор. А что выглядит как хрупкость стекла... так то тебя интуиция подводит. Оно обладает твёрдостью стали. А воздушность у него напускная. Жидкий он, на самом деле, как и жена его.

— Ничего не знаю о жидкостях.

— А ты «Гидродинамику» почитай. У нас есть в библиотеке. Ну, бывай – выздоравливай.

И вновь Хакон сидел у изголовья каропуса и утешал его:

— Тело Притхимы стало шибко твёрдым, соглашусь, мастер. Тебя это дело тоже зачерствило безмерно. Надо бы разбавить влагой, а?

И Хакон рассуждал, как хорошо, что Ардуша не думает, пока Хакон рассказывает. Хорошо, что он не замечает, какой длины паузы между словами Хакона, ведь в этих пустотах он совсем не думает. А совсем не думать очень полезно, ведь на думание тратится воля мира. А воля мира, говорил он, вовсе не безгранична. Если ты думаешь, то меньше помнишь, а коли больше запоминаешь, то и думать получается меньше. А как иначе?

— Ох-ох, — вещал Хакон в очередной раз, — всё движется волей великих людей, говорят. Чушь, конечно. Сложением мелких глупостей и случайностей, да без конца и края сложением. Вот так всё...

— Не разговаривал бы ты, мастер, тут ни с кем. Заговор-то ой как утомителен, мастер, — жаловался Хакон в другой вечер. — Разговор да заговор... утомителен для большинства. Как здешний воздух.

И действительно, болезнь протекала крайне тяжело. Когда же он встал на ноги, семерицы через две, стало ясно, что скорого возвращения вниз не избежать. Надо было здесь родиться, чтобы иметь право тут жить.

Зато, как показалось Ардуше, он почти понял, зачем Притхима просила сделать прозрачные мечи. И почему она сама об этом не сказала.

⁂

Наконец, случился такой день и час, когда Ардуша почувствовал себя выздоровевшим.

Он тщательно умылся.

«Чего я хочу? — спрашивал он сам себя, глядя в зеркало. — Для чего я здесь? Из-за чего я здесь?»

«Какой из этих трёх вопросов самый важный? — отвечало вопросом некрасивое, доброе и измученное лицо в зазеркалье. — Думаю: первый. Ответ подсказать, лучник-мазила с кривой рожей? Или сам осмелишься признаться?»

«Притхиму...» — прошептал Ардуша, отворачиваясь от зеркала.

«То-то же, — проворчало зеркало. — А коли нет ничего и никого реально существующего в мире, о чём бы ты грезил, то потрудись хотя бы соблюсти приличия. Рапиру тебе привезли? Привезли. Сходи поблагода-

ри, как приличествует, и предложи совместный ритуал в гроте. Человек старался, спешил. Заодно, кстати, разнюхай, чего это ему дома не сиделось, на канцлерских-то харчах».

Ардуша оделся, сел за стол и съел большой кусок хлеба с молоком. Отражение в кружке было гораздо более туманным, чем в зеркале, поэтому он расхрабрился и выдвинул смелый тезис:

«А ну как краткосрочная пропажа Кориоли действительно имеет вселенское значение?»

«Тибе кока пячаль?» — презрев трудности отражения молоком, рожа в кружке оставалась полна скепсиса.

«Получается странная и неприятная двоица, — Ардуша раздумывал, плюнуть собеседнику в морду, то есть в собственную кружку, или нет. С одной стороны, слюна и так в его полости рта – какая разница, что она попадёт в горло с остановкой в кружке. С другой стороны, что-то его останавливало. Придя к выводу, что болезнь, возможно, отпустила его не полностью, он решил ограничиться развитием тезиса: — Либо мир ненастоящий, раз уж Кориоль тушат и зажигают как свечку в стылых сенях. Либо он настолько настоящий, что даже своим же правилам волен не подчиняться».

«Находишь себя обманутым?» — перестало ёрничать отражение.

«В некотором роде», — сказал Ардуша.

«Отправляйся к Тоспехо, раз уж собрался, — заключил белый лик на дне кружки, в которой уже почти не оставалось молока. — Судья с Плата-Пансо надоели хуже горькой редьки. Ещё во время восхождения. Хакону надо дать от себя отдохнуть. Не к настоятелю же идти. Неудобно получится. Ты хоть помнишь, о чём был разговор с ним?»

«С трудом», — признал Ардуша.

«Ты пойми сначала, если ли у тебя шансы остаться здесь, в медицинском смысле».

«А как?»

«Вызнай всё, что получится, относительно физиологии пребывания на такой высоте. У Тоспехо. Библиотека тут есть, он говорил. Поищи сведений там».

«А к настоятелю?» — спросил Ардуша.

«В последнюю очередь. Вдруг он сразу службу какую предложит – а ты уже и медицинское основание будешь иметь, для ответа-то».

Ардуша допил последние капли, поставил кружку на стол и вышел, слегка покачиваясь, на улицу.

¶

Фрагмент 36. Мягкость земляничных пустошей

¶

Выходя из палат гостевого дома на набережной, буквально на пороге каропус столкнулся с человеком. Оказалось, что пришёл почтовый рассыльный. Не говоря ни слова, человек мягко впихнул Ардушу обратно в дом. Самого почтальона подтолкнула в спину пружина, прикрепленная в верхней части двери.

Он вынул из кармана небольшой пакетик и потряс им, издавая приятный шорох. Надо же, удивился Ардуша, он принёс обжаренные кофейные зёрна. Как нельзя кстати. В гостевом доме нашлась кофемолка-мельница. Покрутив несколько минут мельничные жернова, по очереди, они сварили свежий кофе. Плеснули в него остатки молока. И это было хорошо. И кофе был хорош.

Посыльный оставил на столе плотный конверт, сказал, что теперь можно и идти, а затем убрался восвояси. Ардуша вскрыл конверт и обнаружил там книгу. Книга была голубой, небольшой и крепко сплетённой. На задней обложке не было ничего. На первой – единственное слово тиснёной золотой вязью: «Гидродинамика». На форзаце был штемпель библиотеки Обители, на котором сверху была крохотная печать «Прекращено» и подпись «полка учителя».

Ардуша вложил книгу обратно в конверт и спрятал в баррель-орган Притхимы. Он снова вышел на улицу – в этот раз беспрепятственно. Пружина съела собственный звук натяжения и закрыла за ним дверь.

⁂

Дом и сад Тоспехо были расположены на самой окраине поселка, вдали от берега озера. Что логично: ведь прибыл он недавно. Пришлось пересечь шумящий по своим утренним делам посёлок. Вдоль или поперёк – в зависимости от того, какое направление каким считать. На каропуса внимания никто не обращал.

Оказалось, что с крайних улиц открывался хороший вид на склон холма, где было выложено огромное каменное панно – сотню-полторы

шагов в поперечнике. Это был портрет белобородого старика в странном сюртуке. Цвет камней был подобран очень искусно – ничего подобного Ардуша прежде не видел. Под изображением была надпись, тоже из больших гладких валунов: «Граф NN».

Непривычные зеркальные буквы натолкнули каропуса на мысль, что когда он явится в библиотеку, следует проверить, если ли другие книги по гидродинамике. Причём важно, думал он, проверить не только на полке «Г», но и на полке, озаглавленной перевёрнутой буквой, «L». Мало ли как легла книга, рассудил Ардуша.

Он не поленился и прошёл значительное расстояние вверх по холму, чтобы понять, какого размера были использованы камни для построения изображения бородатого графа. Каково же было его удивление, когда выяснилось, что его непогрешимый глазомер лучника-каропуса в этот раз его подвёл. Портрет был больше и дальше как минимум на одну пятую, нежели он изначально полагал.

Ардуша стоял в недоумении у валуна, размером с себя, когда возле него, откуда ни возьмись, появился мальчишка. Лет семи-восьми. Он был одет аккуратно, но, как показалось каропусу, чересчур прагматично для такого маленького человека – на нём был камзол со множеством карманов и карманчиков, а также широкий кожаный пояс с креплениями. Впрочем, к ним не было ничего прикреплено.

— Дяденька, а это ты плясал на крыше кареты?

— Я.

— Расскажи.

Ардуша щёлкнул рапирой и стал рассказывать мальчику:

— Когда громыхнула пушка… Ты знаешь, что такое пушка?

— Я знаю об артиллерии всё, — не растерялся малыш.

— …Тогда я почувствовал головокружение. Я решил, что было бы неплохо обложить тех, кто стрелял, отборными ругательствами. И чтобы меня было лучше слышно, я взобрался на крышу кареты.

— А зачем же ты кричал и в сторону леса тоже? — спросил мальчик.

— А ты когда-нибудь пробовал стоять на крыше движущейся кареты?

— Неа, — с восхищением глядя на горбуна, ответил мальчик.

— Но у тебя есть волчок? Игрушка такая.

— Конечно, — с достоинством сказал мальчик.

— Ты же замечал, что пока он крутится, он устойчив?

— Ты как Авертигус! — теперь уже с нескрываемым обожанием воскликнул пацан. — Ты куда идёшь? Давай я тебя отведу кратчайшей дорогой.

— Изволь, — с удовольствием принял предложение Ардуша. — Мне нужно в сад Тоспехо.

Они шли какими-то заросшими задворками, а углы невысоких кирпичных заборов то и дело заставляли их менять направление под прямым углом. Пару раз им преграждали путь покосившиеся калитки. Они, однако, оказывались не запертыми, пуская Ардуша и его провожатого пересечь чьи-то покинутые участки. Очень скоро они вынырнули на обычную улицу и, пройдя пару усадеб, оказались перед домом Тоспехо.

⁂

Тоспехо встретил Ардуша у ворот, заметив гостей издали. Каропус вновь отметил про себя, что народное выражение «из грязи в князи» имеет под собой основание. И года не прошло, как Тоспехо стал принадлежать к высшей аристократии, а одет он был как будто на дипломатический приём.

Они вошли в сад. Мальчишка и не думал отправляться по своим делам.

Пройти мимо тыквы было никак нельзя. Тыква бывшего оружейника Тоспехо оказалась оглушительной.

— Это твоя тыква? — Ардуша с величайшим удивлением смотрел на монстра размером с винную бочку. — Как такое возможно?!

— Кормлю насильно, — отвечал Тоспехо.

— Зачем, Предки добросовестные?! — не мог взять в толк Ардуша.

— Как же, как же, дорогой Ардуша. Она позволяет прочувствовать ровность времени.

— А просто посидеть на завалинке – ради ровности времени – не проще?

— Время – оно ж кусками. Как если смотреть на пейзаж из кареты. То собеседник на противоположной скамье отвлёк. То кочка сильно тряхнёт. Ровно, по линеечке – никак не получается. А тыква – как есть линеечка во времени.

— Что ж... это пока не лопнет, — заметил Ардуша.

— Тут твоя правда.

Они прошли в дом. Мальчика с собой не пригласили. Впрочем, он и не навязывался. Его всецело поглотила гигантская тыква.

⁂

— С выздоровлением! Какие планы? Кофе будешь?

Бывший оружейник ловко разлил напиток в две чашки, не дожидаясь согласия.

— Уже угостили, спасибо, — отказался Ардуша, беря из рук Тоспехо свою порцию. — В библиотеку пойду. Поищу что-нибудь об адаптации организма на этой высоте. Потом к настоятелю. Затем хотел пригласить тебя в грот. Рапира эта – как живая. Мне одному тревожно с ней туда, знаешь ли.

— Что за настоятель? — живо поинтересовался Тоспехо.

— Настоятель этой Обители. Начальство местное.

— Нету такого, — сообщил Тоспехо. — И никогда не было.

Тоспехо посмотрел на каропуса слегка исподлобья, заподозрив его в неполном выздоровлении.

— Кто же тогда на горе изображён? Что за авторитет?

— Граф-то? Это персонаж мифический. Древние предки жителей Обители попали в этот мир благодаря ему. Или из-за него. Так они считают... Некоторые из них так считают.

Но потом Тоспехо добавил: «Немногие».

Ардуша в некотором замешательстве подошёл к приоткрытому окошку. Он смотрел на деревья в саду и заприметил пацана:

— Эй, малец, — подозвал он мальчишку. — А кто у вас тут главный?

— Собрание Слушающих Друзей, — ответил тот.

— А среди них кто главный?

Мальчик призадумался.

— Они в круг стулья ставят. Кружком сидят, — ответил он наконец. — Там все стулья одинаковые. Я подглядывал.

— Ну, может, какой-то стул стоит в направлении Великой горы? Может, на нём главный человек? — настаивал Ардуша.

— Ты чего, дядя? Мы ж и так на самой вершине Великой горы.

Тоспехо заметил:

— Геофизически он прав. Выше уровня озера – множество холмов вдоль береговой линии кальдеры, но доминирующего пика нет.

Ардуша счёл за благо промолчать о своём общении с «настоятелем». Никогда перенесённые болезни не вызывали у Ардушы такой смеси переживаний как недавний недуг – он чувствовал одновременно пассивную обеспокоенность и активное раздражение.

— Значит, к этим Слушающимся попросимся на встречу, — проворчал он.

— Слушающим, — поправил Тоспехо. — Это можно.

С запозданием Тоспехо поставил на стол печенья.

— Не хочу тебя расстраивать, но Жинго на днях явился, — сказал бывший оружейник.

Каропус прекрасно владел собой. Так было всегда. И сейчас он не сплоховал, сказав строго по делу:

— Имело место клятвопреступление. Это необходимо уладить.

Тоспехо выглянул в окно и протянул мальцу мелкую монетку:

— Хо, парень! Госпожу Рату знаешь? Судью с нижних земель. Вот. Её. Найди. Пусть придёт. Скажи, чтобы привела вновь прибывшего.

⁂

— Насилу избавились. Назойливый пострелец, — сказал Тоспехо.

— Не его вина – его мир ещё не стал сложным, — проводил взглядом мальчика Ардуша.

— Ты прав. Тут в Обители никто не сирота, но все – дети.

— Завидуете, что ваша жизнь прошла мимо... такого высокого места?

— Что ж, — вздохнул Тоспехо, — кто-то живёт вверху, кто-то внизу – никогда они не договорятся.

— Зато ты сейчас – в своём саду, — попытался приободрить старого оружейника Ардуша. — А скучаешь – давай я тебя заберу вниз? С утра размышляю, в какой стране мне скрываться от гнева новой канцлерэссы.

— Вниз? Знаешь что... вкус земляники возвращает детство, — Тоспехо, казалось, пропустил реплику о своей дочери мимо ушей. — Прямо за моим участком начинается холм. Он весь в ягодах. Пошли, соберём лукошко-другое к чаю.

— Опасаюсь одышки, любезный Тоспехо.

— Там целый цветочный и ягодный город, — настаивал Тоспехо. — Идём. Что касается моей дочери, то… её детство от меня не уходит, просто ждёт, когда я закрою глаза. Виргилия – дочь приёмная.

Ардуше показалось, что одеяние Тоспехо слишком пышно для похода по холмистым пустошам. Впрочем, кому угодно показалось бы так же. Теннуре его вздыхала медузой при каждом шаге. Сикке на голове, хирка на плечах – всё это не вязалось с действительностью. Даже в таком роскошном доме. Тем более – в качестве экипировки при сборе диких ягод. Каропус, конечно, никак не выразил своего недоумения. Тем более что пейзаж открывался чудесный.

— Прости, Тоспехо. Я не хотел тебя задеть. Я несправедлив: помимо твоей падчерицы, зуб на меня в землях пахотных полей точит вся церковная знать и половина светской. Но, видят Предки, я не имею ни малейшего отношения ни к Вере взаимного дыхания, ни к жандармскому перевороту под руководством твоей… В целом, меня засосал какой-то водоворот обстоятельств.

Ардуша перевёл дух, не в силах признаться себе, что значительная часть этого водоворота – Притхима. Разнотравье вокруг, казалось, дышало. Редкие сухоцветы торчали на высоту человеческого роста, доказывая своей сухостью, что тут царство скромных и одарённых. Ягоды были повсюду.

— Всё хорошо. Я не в обиде. И тебе советую принять реальность. Возможно, тот же водоворот позволил тебе выжить и жить на такой высоте. Мыслимо ли? Это тебе не из земель дельт в земли полей на семерицу сходить по скользким волнам на быстром паруснике. Тут воздух в несколько раз тоньше, чем в самых высоких пахотных территориях.

— Справедливо, — согласился Ардуша. — Не сочти за наглость, позволь спросить: кто тебе рассказал о танце Авертигуса?

— Авертигуса? Почему не Притхимы?

— Вращение-с-бранью… открыло дыхание, где не положено… больше ассоциаций с нашим заболевшим миром, будь он неладен, — пояснил Ардуша, покривив душой.

— Неладен? Ну-ну, молодой человек. Что касается меня, я никого не бранил. Никак я не вращался. А Хакон разве танцевал?

— Танцевал, — ответил Ардуша. — Он это зачем-то скрывает. Но я знаю: был танец, пока мы с судьёй были на мыльне. Я всегда примечаю, как у меня в хижине расставлены вещи, даже самые незначительные. Мне стыдно признаться, но у меня дома такой пол, что на нём даже следы остаются.

— Ты знаешь… и относительно тебя, и судьи, и священника… я бы не был столь уверен. Возможно, ваша стойкость к этому воздуху – вещь врождённая, а вовсе не результат танца.

— Как это?! — опешил Ардуша.

— Как и у меня, — спокойно отвечал Тоспехо. — Ты до этого путешествовал вовне нашей полосы?

— Конечно. Бывал в дельте, как и все школяры.

— То было путешествие вниз. Вверх много сложнее. Ты слышал, чтобы к нам детей из дельт часто привозили на экскурсию? Вот видишь.

Ардуша не в первый раз подловил Тоспехо на сломе логики, возможно – намеренном.

— Мне кажется, ты увиливаешь от ответа, Тоспехо. Что дало тебе способность дышать здесь, если не танец?

— Я же сказал: всегда была со мной такая сила, — с железом в голосе ответил Тоспехо.

— Получается, ты единственный в своём роде, — не смог скрыть скепсиса в голосе Ардуша.

— Я – единственный в своём роде, — неспешно повторил Тоспехо.

Оружейник отстегнул несколько застёжек на своём халате и приоткрыл плечо. Глаза каропуса непроизвольно округлились. Через некоторое время он спросил:

— Сколько же ты весишь?!

— Не больше малой овцы. Частично освобождён от диктата объективного мира, как видишь. Каждую ночь, когда спокойно сдираю эту цивилизационную ложь, — Тоспехо похлопал по одежде, — чтобы добраться до подлинной ткани себя, с ужасом отшатываюсь от того, что обнаруживаю в собственной наготе.

Ардуша придумал было, как перевести тему разговора, но отсюда, с этой конкретно ясной поляны, монумент графу виден не был. Хуже того, каропус был уверен, что снизу, от графа, это место видно было. Какой свирепый саботаж непротивленчеству. Но зелёный холм, горбом притаившейся в засаде кошки, зазывал мягкостью травяного покрова и успокаивал. Вереницы птиц в небе дорисовывали линии его уютных складок.

В другой стороне, внизу, дом оружейника стоял и дымил той печкой, благодаря которой сборщики земляники недавно пили горячий напиток. Стены его, как выяснилось отсюда, не были вертикальными. Он чуть клонился в сторону озера, приглашая вернуться. Ардуша и Тоспехо, однако, отказались пока от его призывов и стали подниматься выше.

— Слышишь мою одышку? — указал каропус оружейнику на факт, опровергающий врождённую независимость от разрежённости воздуха. — Я её не фантазирую.

Каропус поправил чуть сбившийся набок ствол наспинных ножен, не придав этому значения.

— Бывает так, что организм фантазирует, не ставя владельца в известность, — возразил Тоспехо.

— Говорю тебе, упорный ты оружейник, фантазии тут совсем не причём. Мне действительно тяжело. Это призыв моего тела к ответственности, а не выдумки воспалённого потоком событий сознания.

Тоспехо рассмеялся. Ему попался особенно богатый на ягоду кустик.

— Увидь, дескать, мой труд – так что-ли? — он посмотрел на каропуса с детской улыбкой. — Тебе, друг каропус, впору посылать собственному телу депеши, как в бытность твою курьером особого назначения.

Ардуша тоже рассмеялся. Настроение у него стало вдруг преотличным. Чем полнее лукошко, тем светлее на душе.

— Скорее – «Увидь мою растерянность», — поправил он оружейника.

— Растерянность и ты? Нет, явления несовместимые. Или я ошибаюсь? Или то был не ты, кто придумал и решил подать иск в адрес всей Вселенной?

— Я, — сказал Ардуша, не распространяясь, что был тогда под властью немыслимого отчаяния.

Ардуше вдруг нестерпимо захотелось вытащить привычным движением стрелу из колчана на спине, которого там сейчас не было, вставить в

лук и выстрелить. Хотя бы вон в то дерево в пяти минутах ходьбы. Но лука при нём не было. Только рапира Притхимы.

— Так я и думал. Не похоже то было на деяние Притхимы. Знаешь, чего ты не учёл в своём манёвр… поступке?

— Проще перечислить, что я учёл, — улыбнулся Ардуша. — Ответ – null.

Наверху нашлась тропа – решили спуститься по ней ради экономии времени: внизу их наверняка ждал полный чан укоризны со стороны заждавшейся судьи. Цепочки собачьих следов служили тропинке изящной окантовкой – умные животные выбирали для своих лап самую удобную, в меру упругую почву.

— Не учёл ты простейшей вещи, мой юный друг. Если бы даже Авертиго захотел тебе ответить по иску, как бы он смог сформулировать свой ответ?

— Не понимаю, — сказал Ардуша, который сейчас по большей части высматривал примечательные цели, которые он мог бы поразить луком.

— Вы с ним не на ты. Если бы Авертиго заговорил, то как Авертигус – фразами принципиально формальными. Авертигус не может сказать ничего, не может ответить, потому что в реплике должно быть указано его намерение. А у него не может быть намерения, вот он и не может сконструировать предложение. Синтаксис не позволяет.

— Почему у него не может быть намерения? — каропус не нашёлся, что ещё сказать в продолжение разговора.

— Намерение бывает у кого-то, кто обладает уязвимостью. Можно сколько угодно думать и размышлять, но это не создаёт самоосознания и, соответственно, намерения.

— Да? — глупо переспросил Ардуша.

— Именно так, друг мой, — подтвердил Тоспехо. — Посуди сам. Если бы я не удочерил Виргилию, она не дожила бы до нынешних времён. Но удочерил я её вовсе не для того, чтобы спасти – так получается. Потому что… спроси меня сейчас, хотел бы я, чтобы она была со мной, когда была маленькой девочкой – скажу хотел. Но было бы лучше, если б это не было связано с её тогдашней уязвимостью и моей нынешней ответственностью.

Ничего не поняв в логике оружейника, Ардуша спросил:

— Так как помочь Авертигусу найти причину, чтобы что-то сказать?

— Стоит ли? — покачал головой Тоспехо. — Я не знаю как.

Стал слышен запах дыма из трубы дома Тоспехо. Природа как-то щелчком переключилась в прибрежный режим криками чаек.

— Но ты-то здесь зачем, Тоспехо? Не поверю, что просто рапиру решил вернуть. Или стоит в такое поверить? — въедливо, как печной дым, спросил Ардуша.

— Да что ты, — отмахнулся Тоспехо, открывая незаметную калитку в тыловом заборе своего участка, — я всю жизнь хотел вырастить такую тыкву. Доставить важную вещь истинному владельцу – отличный повод осуществить мечту. А если реальной мечты у тебя никогда не было – тогда и останется только воспоминание о воспоминании.

Каропус его не слушал: он осознал, что во время прогулки потерялась одна из пряжек в сложной структуре ножен Притхимы. Один из ремней беспомощно висел свободным концом вниз, строго противоположном направлению на ось Цилиндра. Конечно, нечего было и думать отправляться сейчас на поиски – в доме их уже ждали.

¶

Фрагмент 37. Трибунал

¶

Дверь Тоспехо перед уходом не запирал. Судья, краснощёкий огромный Жинго и, почему-то, мальчишка сидели в гостиной. Вернувшимся с холма присутствующие, конечно, попеняли, что их заставили ждать, но удалось откупиться душистыми ягодами.

Жинго нисколько не изменился внешне. Ардуша не мог решить, что разозлило бы его больше – бывший канцлер со следами сложного путешествия, к которым следовало бы проявить сочувствие, или же Жинго вот такой, как есть. Одежда его, канцлерского покроя – хорошо хоть не парадная – была вычищена. Причёска безупречна.

Судилище устроили в саду, на свежем высокогорном воздухе. Печь к тому времени притушили, так как дым стал стелиться по земле. Впрочем, её услуги уже не требовались.

— Ты нарушил клятву? — спросила Рату оптика Жинго.

— Нарушил, — сказал Жинго. Как ни старался Ардуша расслышать в этом слове издёвку или ложь – не получилось.

— В чём состояла клятва?

— Ни в чём. Null. Мы не давали формулировки.

— Значит, обязательство дано, но его содержание равно пустоте. Мнил ли ты эту клятву как юридическую лазейку?

— Не мнил.

— Следовательно, вина не в действии, а в существовании. Клятвопреступник пытался исполнить клятву, тем самым признавая, что она имела содержание. Адекватное наказание – это признание бессмысленности собственной верности. Принимаешь ли ты суть наказания?

— Принимаю.

— Ардуша, он же каропус Ардуша, назови конечный срок наказания.

— Один год, — Ардуша, пробуя внутри своей головы абсурдность ситуации так и эдак, решил назвать срок, который вызовет менее всего внимания и незаданных вопросов.

— Жинго, ты принимаешь такой срок? — спросила судья со всей строгостью, а Ардуша едва удержал мышцы лица, чтобы не выказать нарастающего скепсиса.

— Принимаю.

— Считаю дело улаженным, — удовлетворённо сказала Рату. Она подозвала мальчика и Тоспехо: — Свидетели, прошу принять по половине разрезанной по существу дела красной нити подтвердьждателя.

Судья спрятала шкатулку с нитями. Свидетели убрали с глаз долой доставшиеся им обрезки. Жинго в это время делал выдохи, не производя вздохов, и выглядел как филин. Дело обстояло так, что после того, как оптика Жинго обязали целый год жить в мире, где его «Да» и «Нет» весят одинаковый ноль, все прошли в дом с огромным облегчением.

Послонявшись без дела в гостиной, пока хозяин готовил трапезу, гости – по его приглашению – прошли в столовую. Дом Тоспехо, не привлекая внимания снаружи, внутри был весьма богат. Впрочем, чему удивляться: кошель тестя канцлера и отчима канцлерэссы не мог быть тощим.

⁂

Во время трапезы Жинго рассказывал и во всю звенел столовыми приборами. Подключив тарелки к озвучиванию своей речи, он, видимо, надеялся повысить её доходчивость.

— Я не оправдываюсь, но попёрли меня несправедливо, — говорил бывший канцлер. — Всё началось из-за этого дурацкого прозрачного моста.

— Упал таки? — поинтересовался Ардуша.

— Хуже! Выяснилось, что бегуны на дистанции неверно оценивали силы. Все турнирные таблицы и математические коэффициенты букмекеров пошли прахом. Много солидных людей потеряли много денег.

— А дальше что? Так просто пришли и выгнали из дворца?

— Конечно нет. Я поначалу утроил усилия. Имею в виду свои оптические исследования. Пытался понять, как работает этот материал Притхимы. Он очень сильно щекочет, оказывается.

— Это как?!

Все весьма заинтересованно смотрели на оптика Жинго. Кроме мальчишки – тот, уткнувшись в тарелку, уплетал за обе щёки.

— Искрами сыплется. Дрожит как больной. Это если кусок длинный. А мост, сами понимаете, ещё какой длинный. Настрелял поди всем титулованным бегунам в пятки, вот они собрались картелем и нажаловались на меня своим благодетелям и патронам.

Тоспехо поднял в удивлении брови:

— Что же, прозрачные мечи тоже так покусывают? Что ты разглядел в мелкоскоп?

— Мечи иногда дают свечение, но очень мимолётное, — ответил Жинго. — Но нет, не щекочут. Мелкоскопа не хватает, чтобы рассмотреть, что там. Но я чую, чутьём оптика чую – там что-то живое. Или почти живое.

— Почему же Виргилия не смогла тебя защитить? — спросил отец Виргилии. — Или не захотела?

Жинго вскочил, нелепый в своём богатом камзоле, всплеснул руками. Ардуше стало его очень жалко. Он даже пожалел, что инспирировал этот пусть и формально корректный, но по-человечески скверный суд.

— Не знаю, дорогой тесть… дорогой бывший тесть… а может, и не бывший… Короче говоря, у неё своих проблем выше головы. Войны начались, знаете ли.

— А ты её, случаем, не предал? — спросил Тоспехо. — А то мы сегодня уже заслушали одно такое дело.

— Что ты, что ты! — замахал руками Жинго. — Я её очень люблю. На неё стали давить со всех сторон, вот я решил сделать ноги, чтобы ей попроще стало. Как раз подвернулось то самое вертиго.

— Тебе, конечно, Плата-Пансо доложил суть танца? — спросил каропус, зная ответ.

— Да, в тот же день, когда сам сплясал, — не попытался ничего утаить оптик. — В общем, на волоске её власть, так думаю. А от меня только вред. Твоя помощь, Тоспехо, ей бы не помешала.

— Думаешь? — с великим сомнением произнёс оружейник.

— Очень даже думаю. И ещё… Посетило меня подходящее размышление… — начал было Жинго.

Ардуша прервал:

— Такое же завиральное, как и всегда? Как с часами?

— А что с часами? — горячо возразил Жинго. — Всё неплохо вышло. На определённом этапе. Но послушайте!

Он поднял обе кисти рук, как будто пытался облучить собеседников теплом своих ладоней.

— Послушайте: я подумал, что можно пощекотать Авертигуса моим мостом. Какого лешего он на предъявленный иск не ответил? Разбудить его! Сделаем так... — приступил он к изложению технического плана.

— А нам самим от этого хуже не станет? — спросил каропус.

Жинго уже стоял. Он выбрал позицию так, чтобы стать сценой, если остальных принять за амфитеатр. Руки его ходили крыльями мельницы, изображая, видимо, точки пересечения моста-хорды с поверхностью Цилиндра.

— Куда уж хуже, — резонно рассудил Жинго и продолжил: — у двух крайних оснований нужно выкопать огромные ямы, вплоть до самого тела Авертигуса...

Жинго довольно искусно изобразил собою огромный штопор.

— Ты когда-нибудь слышал о таких ямах? — поинтересовался Тоспехо. — Я постарше тебя, но не слышал.

— Потому что надо не копать, а сверлить, — нисколько не смутился Жинго. — Как в столярной мастерской. Из такой же прозрачной стали и выплавить свёрла. Можно тонкие. Я так думаю, щекотка эта от толщины материала не зависит. Главное, чтобы пробежала по всей хорде моста смешинка – от одного места в шкуре Авертигуса до другого. Наверняка проснётся. Увидит, что творится на земле из-за его дурацкой ненадёжной Кориоли. И всё починит.

— А тебе не кажется, что та ванна... та воронка, вернее – отсутствие воронки в ванне... вдруг, тебе это всё привиделось? — строго спросил Тоспехо. — Уважаемого каропуса тоже что-то могло сбить с толку. А реальные причины беспорядков и войн – это ваши обменяшки, идеи в сообщениях которых пришлись так по душе столь многим.

Все уставились теперь на хозяина дома. В этот раз – включая мальчишку. Тот, не глядя на то, что сам делает руками, прижал ложку плашмя к столу, чтобы половина свисала, и дернул пальцем за конец. Раздался от-

вратительный звук: «дрреннь». Мальчик тут же получил за это от Тоспехо втык. Ложка не пострадала, но было отобрана.

Тоспехо продолжил:

— Вера взаимного дыхания – единственная конкретная, ощутимая первопричина государственного переворота. И как следствие – войн. Потоп, шоу ваши дурацкие, даже суд... Их воочию видели немногие, в масштабах государства. А вот сообщения ядовитые дошли до всех.

— А что там такого? — глупо спросил Жинго.

— Что там такого?! — воскликнул Тоспехо. — «Прижаться к богу боком в тесном гробу» – этого мало?! Это же призыв к совместности в вере. Веками всё держалось на разделении. Водоразделы делят страны. Религии делят мир по высотным полосам. Почему, как ты думаешь, люди с холодных дельт Рек никогда массово не переселяются к нам, в тёплые пахотные земли?

— У нас воздух слабый, — неуверенно ответил Жинго.

— К этому можно привыкнуть, — возразил Тоспехо. — Не первому поколению, конечно. Но детей родить и вырастить привычными – можно. Почему же не происходит движений кланов? Да потому что вера разная. Сколько бы Отьство не старалось – у них прихожан в тысячи раз меньше на наших территориях. Церковь их стоит в центре города исключительно из вежливости властей. Там пусто. А в дельтах – там наоборот.

В помещении стало как-то без шума шумно. Казалось, сразу три пацана тренькают невидимыми ложками.

— В формальном языке разница заметная тоже, — заметил раздражённо Ардуша. У них обязательный регистр намерения понимается как ответ на вопрос «ради чего?», а у нас – скорее «из-за чего?».

— Конечно, — поддержала вдруг судья, до этого молчавшая. — Они торгаши, в массе своей, а мы – землепашцы. Я вам больше скажу: в Вере взаимного дыхания главная проблема не в намёке, что нижние земли с территориями среднего течения Рек нужно сблизить. Они солидарную ответственность с богами проповедуют. Я вам как юрист говорю. До сих пор, в традиционных церквах, было лишь указание отношения. Боги – либо Родители, либо Создатели. Всё! Никакого вам «взаимного дыхания».

Жинго ударил кулаком по столу. Не сильно, но достаточно, чтобы остановить беседу, превратившуюся в нервный политический диспут.

— Пощекотать его! Хуже не будет, — так сказал Жинго.

Все переглянулись. Мальчишка куда-то исчез. Постепенно сидящим за столом стало казаться, что это отличная идея.

Ардуша выглянул в окно и вздохнул – нечего было и думать идти на поиски пряжки в траве при таком скудном освещении.

⁂

Ардуша вернулся в палаты сильно уставшим и немного злым. Хакон был там. Он спросил каропуса о самочувствии, о новостях, о планах, но, не дожидаясь ответа сообщил, что Плата-Пансо умудрился устроиться на службу библиотекарем. Далее Хакон подкрепил эту новость сообщением, что ему, уставшему от жизни и никому не нужному священнику никому не нужной религии, предложено покинуть палаты в недельный срок.

— Они с продовольственного довольствия нас сымают, — сказал он. — Вас-то с судьёй это тожеть касается. Гостеприимство имеет свои пределы, понимаешь.

— Денег у нас, конечно, не осталось? — спросил Ардуша Хакона, который выполнял в путешествии роль казначея группы.

Тот покачал головой в том смысле, что все полученные в виде пожертвований средства почти подошли к концу. Ардушу расхотелось и отдыхать, и идти в библиотеку. Тем более что книги можно будет и Плата-Пансо попросить принести.

— А где Плата-Пансо? — спросил Ардуша.

— В библиотеке, гдемо ещё, — ответил Хакон.

— Ну так пойдём, посоветуемся с ним, как быть, к кому обратиться на предмет службы.

— Ходил уже. Закрыто там. Табличка на двери висит, довольно злая. Переучёт какой-то делает, леший его знает… никому не открывает.

— Ладно, что ж… А оптика Жинго тоже выгонят?

— Не, ему срок не вышел ещё. Дык у него полно денег-то. Попроси у него, дружище.

— Хотелось бы этого избежать, — произнёс каропус. — Да, ты ж не дал мне рассказать. У него идея…

Хакон закатил глаза, демонстрируя свою оценку идеям оптика Жинго, однако повествование Ардуша выслушал внимательно. К идее пощекотать Цилиндр он отнёсся равнодушно, но его весьма заинтересовал тот факт, что Тоспехо скрывает своими одеждами чрезвычайную, почти нечеловеческую тщедушность.

— Яки овца весит, говоришь? — в задумчивости тёр он свой загорелый острый подбородок. — Это забавно.

Каропус не находил в этом ничего забавного, и поэтому направился спать в свою комнату. Утро вечера мудренее, подумал он. Однако со стороны входной двери раздался странный звук: «ждэннь». Ардуша подошёл к двери. Открыл её. Там стоял тот самый пацан. Оказалось, это он привлёк внимание. Он предпочёл вместо стука дёрнуть за дверную пружину.

— Ты обронил, мастер, — подал он каропусу пряжку от ножен.

Ардуша, в растроганных чувствах, показал мальчику жестом: подставь, мол, ладошку. Тот так и сделал. Лучник же высыпал ему все оставшиеся у него монеты, не считая.

Каропус, счастливый, вернулся в комнату. Только он снял ножны, разделся и улёгся в кровать, как в памяти всплыл утренний визит почтальона. Каропус снова встал, выдвинул из-под стола баррель-орган и открыл тугой механизм крышки, которая издала звук «ззунн».

Он достал конверт и в этот раз рассмотрел его внимательно. Обратного адреса не было. На конверте был лишь штамп. Это было лицо, и теперь он знал чьё. Графа NN. Сил начать чтение не было, поэтому он засунул книгу обратно в инструмент. В этот момент он понял, что никогда ещё не оставался с органом вполне наедине.

Он вынул из него всё, что вынималось. Внутри оставался механизм для обменяшек и встроенные гусли. Разложив содержимое на полу, он последовательно осмотрел внушительный набор инструментов – слесарных и оптических, множество образцов разных металлов, а также крупную уздечку. Обычную уздечку. Кроме того, была подробная карта Пятиречья, сложенная в восемь раз, тремя сгибами. На карте не было каких-то пометок. Качество карты было очень высоким, но ничего необычного каропус не разглядел. На обратной стороне был бледный узор: центрально симметричный. Когда-то он был оранжево-жёлто-черным, заключил каропус.

Ардуше показалось странным, что на карте нет пометок. Он не мог припомнить ни одной личной карты, на которой владелец не проставил бы хотя бы пару точек. Своих точек. И что это за уздечка? Пряжки на ней были с тем же узором, что и на его ножнах. Впрочем, в этом нет ничего удивительного – зачем бы Притхиме использовать разные узоры на своих пряжках. Ардуша втайне надеялся найти дневник, но нашёл лишь место – нишу – где он мог быть. Он вложил туда «Гидродинамику», так как размер подошёл идеально. Не найдя в себе сил сложить всё остальное обратно, он лёг и уснул. Крышка баррель-органа осталась открытой.

¶

Фрагмент 38. Визит контрабандистов

¶

Освещенный лишь светом полной Луны, на поставленном ровно посреди комнаты стуле сидел крупный мужчина лет сорока. На нём был не по погоде тёплый чёрный длинный редингот с огромными отворотами и дорогим меховым воротником. Нога была заложена за ногу, но не стоило обманываться относительно расслабленности его позы. Это была позиция заинтересованного наблюдателя. Фигура дядьки не была статичной. Правый черный сапог его, с голенищем в гармошку, покачивался, проецируя сосредоточение на всём потенциально уязвимом. Шляпа его возлежала на согнутом колене, удерживаемая двумя фалангами пальцев левой руки. Линии аккуратного бородатого лица его со впалыми щеками образовывали то ли конус, то ли пирамиду. Так или иначе, вершина этой фигуры сходилась точно на носу Ардушы.

— Вы кто? Спрашиваю с намерением... — начал спросонья каропус, приподнявшись на локоть в своей кровати.

— Молчи, Горбун, — тихо, но твёрдо сказал со стула грубиян в чёрном салопе. — Что это у тебя тут светится, а?

Он указал на разложенные на полу образцы металлов Притхимы. Пара кусков слабо, но явственно лучились. Ардуша же, согласно указанию, молчал.

— Отвечай ужо, — приказал мужик.

Тут Ардуша разглядел ещё троих человек. Двое стояли в самом углу, спинами к стенам. Между ними на стуле сидел Хакон. Ардуша продрал глаза и понял, что тот не просто сидел, но был прихвачен к спинке стула бечевой. Рот его, конечно, был заткнут тряпкой. На столе лежали аккуратно вряд: рапира в ножнах, лук Ардушы и незнакомый чёрный меч. «Хм, — понял вдруг Ардуша, — так это точь-в-точь такой же, какой был у Хакона, когда я впервые увидел его во время стычки в Мишицбатллабане. Что за...».

— Это мои вещи. Тебе какое дело, мерзавец, — сказал Ардуша, не вкладывая в реплику вопросительную интонацию.

— Значица так, — объявил бородатый, — ты тут человек новый. Я готов взять это в рассмотрение.

Тут он встал и переставил стул поближе к кровати. Каропус тоже сел.

— Ты б так не разложил всё это, что аж мы в окошко углядели свет, — он обвёл руками предметы на полу. — Значит несмышлёный.

Каропус начал вставать, переместив вес киля груди вперёд.

— Сиди пока. Не балуй, а то товарищ твой порежется ненароком, — чёрный кивнул затылком в сторону спеленованного Хакона. Дальше он сказал: — Тут, вне юрисдикций всех пяти стран, владеть лучистыми металлами можем только мы. Получается, у тебя наши вещи. У тебя три варианта: выкупай, отрабатывай или отдавай металл нам и плати штраф. Бургомистров и жандармерий тутока нету. К исполнению приведём, не сумлевайса.

Хакон при этих словах активно засучил ногами.

— Ну? — боднул старший воздух возле своего мощного лба, — отвори ему рот.

— Сделка? — выпалил Хакон, как только кляп был вынут. — Мы вам доставим груз в Фольмельфтейн за день-два, весом в пару дынь.

Человек в рединготе поднял бровь.

— Бери, старшина, — посоветовал один из подельников, стоящих в углу. — Вес небольшой, но всё одно избавляет… как представлю тамошний склизлый, липкий воздух, так пот прошибает.

— К тому же рушатся границы все… поставки под вопросом, — добавил другой бугай в углу.

— Вы шмотьё исправно проверили? — спросил подручных главный.

— Тщательно, старшина. Из ценного, кроме металла, только древняя карта с мандалой возрождения на обороте. Забрать?

— Что ж мы, воры аль грабители какие…

Старшина походил по комнате и принял решение:

— Так. Старик теперича в ответе. Металл спрятывай, горбун. Не свети. Не вздумай пытаться толкать его тут в продажу – гвардейцев нету тебя защитить. Не выполните по сделке дело – у вас останутся другие два ва-

рианта. Ну и штраф, конечно. Сто монет. Груз завтра доставим сюда. Сбежите – лишим голов.

Все трое буднично ушли, разрезанная верёвка со стула опала на пол под своим весом. Дверь не хлопнула, пружина двери не скрипнула.

Ардуша подошёл к двери – шурупы были выкручены, пружины не было. Он выглянул на улицу – там не было ничего, кроме лунного света.

⁂

— Ты жулик, Хакот, — сокрушённо говорил Ардуша, тонко намекая, что он недалёк от мысли, что Хакон, возможно, ещё и крот. — Где ты прятал меч всё это время?

Каропус сидел на полу в позе крайне неудобной для его физиологии и собирал разложенные на полу вещи в баррель-орган.

— Нигде не прятал, мастер. Увидал тут вчера – не удержался, купил.

«Дзеннь», — со злостью вставил Ардуша очередную металлическую пластину в паз.

— Увидал? Просто так... на ярмарке... в религиозной обители... Вот что я тебе скажу. Ты, Хакон, искал такой возможности. А потом, когда нашёл – спустил все наши деньги.

— Виноват, мастер, — опустил голову старик.

Священник, с понурым взором, мерил комнату короткими нервными шагами и безадресно ворчал себе под нос: «Зачем мне меч, зачем мне меч... разорение веры и закона буду наказывать. Пусть ненавидят, лишь бы боялись».

— Конечно... Виноват он... — очередная пластина лязгнула в положенном месте. — Ты их и навёл на нас. Что же они, во все окошки по ночам заглядывают, лучистые металлы ищут... А того, кто оружие из-под полы покупает, не грех и проверить. И что это за металл такой, ты знаешь?

— Никак нет, мастер, не ведаю.

— А как груз контрабандистам доставишь, ведаешь? — горько усмехнулся Ардуша.

— Есть мыслишка, дорогой каропус, — улыбнулся Хакон Добрый, — есть!

Ардуша далёким от изящества движением поднялся с пола. Он не спеша оделся. Обулся. А затем схватил вдруг деревянную тарелку и в

сердцах запустил её, в стремительном вращении диска, Хакону прямо в голову. Тот, без особого напряжения, перехватил опасно летящий предмет.

— Ты чего, мастер, ошалел?!

— Видишь, жив же! — с обидой воскликнул Ардуша. — Зачем тебе меч, если тебя вяжут как котёнка. К стулу привязали! Стыд-то какой. Ты понимаешь, что они мне в душу залезли?! Её вещи лапали. Сволочь ты кудрявая.

— Оне, падлы, пружинку скрутили! Видишь же само! Ни шороху не произвели, демоны.

— Дверь надо замыкать!

— Замыкал засов, мастер. Истинно говорю, — Хакон вдруг зашептал страшным голосом: — я слыхал, бывают такие куски металла – оне прям через дверь могут железо хватать. Воздухом! Снаружи заложку сдвинули, говорю тебе.

— Что ты несешь, старый, — отмахнулся Ардуша.

— А ты попробуй теми кусманами, что в шкатулке её. Сам попробуй, — настаивал Хакон.

— В шарманке, Хакон, — устало сказал Ардуша, — какой шкатулке, безграмотный ты осёл.

Каропус, тем не менее, не стал отбрасывать версию бывшего священника. Лучился же металл – неожиданность этого факта отрицать нельзя. Сначала он попробовал те два образца, которые ночью светились. Никакого эффекта. Однако, в наборе Притхимы нашёлся кусок металла, который действительно проявил именно то свойство, что описал Хакон: достаточно было приложить его с внешней стороны двери, и он схватывался мягкой и упругой, притом достаточно прочной связью с железным засовом. Ардуша убедился, что при определённой осторожности его можно отодвинуть снаружи почти бесшумно.

— Твоя правда, Хакон, — признал Ардуша в безмерном удивлении. — Но помогать тебе с контрабандой всё равно не хочу. Честно сказать – вообще тебя видеть пока не хочу.

Ардуша не ложился. Он сидел, глядя в окно, пока не начал брезжить свет неба Авертигуса. Чтобы просиживать часы у окна, нужно обладать любознательностью парадоксальной. Ардуша давно знал, что мир можно

познавать двояко. Можно отправиться в путь, а можно позволить миру вращаться вокруг тебя, как будто бы Авертигус позволил тебе соскочить с себя, как с подножки дилижанса. Ардуша слышал, что в языке предков существовало специальное слово для тех, кто с опозданием подбежав к месту отправления пассажирских карет, обескураженно оглядывался, не желая принять сразу того факта, что транспорт ушёл. Ардуша пристрастно спрашивал себя, подходит ли то слово для него. С внутренним гневом от ответил себе и миру «нет!».

— Пойду, Плата-Пансо поищу, — сказал он наконец. — Денег нет ни гроша, надо работу какую-то добывать или службу. Навесной замок впредь используем, ясно? Как снаружи, так и изнутри.

Ардуша с шумом задвинул тяжёлый баррель-орган под стол, надел шляпу и вышел. Через пару ударов сердца он вернулся, бормоча что-то в том духе, что в этой якобы насквозь духовной обители абсолютно никому доверять нельзя. Он взял свой лицензионный лук и снова двинулся к выходу со словами, что так можно лишиться и профессионального инструмента, и документа. Затем ему, видимо, пришла в голову мысль, что лук без колчана со стрелами – не лук.

Так, вооружённый до зубов, он, наконец, покинул палаты.

¶

Фрагмент 39. Свойства металлов

¶

На улице Ардуша сообразил, что было ещё очень рано. Плата-Пансо он в библиотеке, конечно, не застанет. Шага он, однако, не сбавил. Уходя – уходи.

Посёлок досыпал последние часы этой ночи. Ардуша сошёл с каменного пирса на набережную и повернул направо, в сторону главной торговой улицы. На каждой крыше сидели чайки, десятками. Непонятно было, спят они или наблюдают за единственным пешеходом. Рассматривая дома, Ардуша пришёл к выводу, что посёлок начинал строиться именно отсюда – у каждого строения были пристройки и другие доделки, явно не предусмотренные в момент закладки зданий. Где-то была приделана печная труба поверх стены, где-то торчала лестница, нарушающая ровность линий. Хаос этот, однако, не был некрасивым или угнетающим. Набережной даже шло, что она выстраивалась и перестраивалась сотнями добавлений. Всюду были разрозненные кирпичики идей и попыток обустроить жизнь получше.

Он свернул налево, на улицу Торговую. Тут дома были выше, серее и солиднее. Первые этажи занимали лавки и другие заведения. На вторых и третьих были, видимо, доходные палаты – трудно представить, чтобы кто-то из солидных торговцев стал терпеть здешнюю сутолоку. Но в этот час тут не было никого. Почти никого. Пара лавочников уже начали выставлять на улицу полки с самым ходовым товаром. Кое-где стояли у открытых дверей тачки. Ардуша прошёл дальше. Тут его кто-то окликнул:

— Поосторожней, а то пришибёте и меня, и себя! С гарантией!

И действительно, зазевавшийся каропус едва не вошёл головой в прислонённую к стене высокую лестницу. На верху её стоял человек с палкой в руке. Палкой этой он пытался выправить заклинивший механизм складной маркизы. Маркиза была приделана почему-то не над первым этажом, а над вторым. Каропус заглянул внутрь заведения через огромные окна и понял, что это богатая ковровая лавка, в которой под торго-

вый зал отвели помещение с высоченными потолками – сразу в два этажа. Великолепные ковры висели на просторных стенах, являя свои узоры покупателям во всей красе.

Каропус оценил ситуацию: то ли лестница была коротка, то ли палка, то ли рука торговца. А может – всё вместе.

— Я вам помогу. Мне всё равно делать нечего. Почти уверен, что получится. Слезайте, — сказал он торговцу.

Тот пожал плечами, пошатнулся от этого своего жеста и стал, как результат, поспешно спускаться. Каропус расценил это как согласие. Он вынул из колчана стрелу покороче, снял с неё острый наконечник, а затем в мгновение ока произвёл выстрел тупым древком точно в то место, которое вызывало затруднения. Усилие было рассчитано настолько верно, что маркиза пришла в нужное состояние с минимальным шумом и трепетом. Более того, отскочившую стрелу каропус умудрился поймать, не сделав ни шага в сторону. Он накрутил обратно наконечник, убрал стрелу, приложил два пальца к шляпе в жесте прощания и направился было дальше.

— Давайте я вас кофе напою, утро-то свежее. Отблагодарить потребность чувствую, да и поболтать не прочь – я ж знаю, что вы один из тех, кто катафалк привезли. Впрочем, мне от вашей миссии не горячо, ни холодно, я вам со всей простотой могу сказать. А вот искусство ваше меня воодушевило, хотя мне от него проку тоже чуть.

Ардуша мельком посмотрел в себя и не увидел ни одной причины отказаться от бесплатного кофе.

— Приму ваше предложение с определённой готовностью: и кофе выпить не прочь, и денег на него своих нету. С другой стороны, конечно, я бы без него не умер и даже не расстроился.

Лавочник улыбнулся, закатал рукава и засеменил внутрь, предварительно выставив два лёгких плетёных стула на тротуар.

Пока торговец коврами варил кофе, Ардуша просто сидел и глазел на противоположную сторону улицы. Там была лавка с вывеской «Нитки и связи». Та же надпись была на витрине. Ничего примечательного в самой витрине не было. Там не было даже ниток. Но зато к стене был прислонён удивительный самокат. У Ардуши в детстве тоже был самокат. Обычный. Как у всех. Этот экземпляр представлял собой инженерный

эксперимент. У него были такие колёса, которые и колёсами-то назвать было сложно. Обычное колесо – обод – оставляет на земле след полоской. Колесо, если его положить плашмя, коснётся поверхности всей своей окружностью. Это штука плоская. Не в строгом математическом смысле. В бытовом. Сплюснутый цилиндр. А «колесо» этого самоката, как легко мог представить себе Ардуша, оставит след волной. Как извивающийся уж. Эта штука была волнистой в направлении оси.

— Вы продемонстрировали исключительные навыки лучника, хотя и неподобающим манером, — сказал вернувшийся из недр лавки торговец, расставляя кофейный гарнитур на столике. — Мой интерес подогревается, конечно, предположением, что вас наняли в охрану того, что вы доставили в катафалке. В моей голове, само собой разумеется, сопоставились ваше умение и предполагаемая важность груза. Я при этом вполне осознаю, что знание о том грузе навряд ли улучшит мою жизнь.

Каропус не почувствовал ни малейшей неловкости, услышав этот вопрос без вопросительного знака и ответил:

— Смысл этого «груза» мне неведом, и скрывать, что я его видел, нет никакого смысла. Как нет для меня и смысла и в том, чтобы посвящать вас в детали, несмотря на то, что на мне нет никаких обязательств хранить тайну. Ситуация, как вы уже могли почувствовать, крайне неоднозначная. Она и до этого разговора не являлась для меня источником комфорта, а усугублять этот дискомфорт я не намерен.

В противовес ожиданиям типичного досужего болтуна, торговца такой ответ ничуть не обескуражил. Скорее наоборот.

— Вы поделились со мной превосходным по плотности эмоциональным зарядом. Он в достаточной степени позволяет мне прочувствовать, как с нижних земель постепенно приходит хаос. Я задам вам прямой вопрос, потому как ответ на него позволит мне лучше планировать свою жизнь, что, соответственно, делает качество вашей последующей реплики важной для меня. Ваш приезд – следствие разразившихся внизу войн?

Ардуша ответил со всей тщательностью не потому, что этого требовала формальная речь. Он хотел ответить скрупулёзно безотносительно формата коммуникации.

— У нашего приезда и у войн – единый набор причин. Мне хочется вам ответить не подробнее, но точнее, так как в беседе зачастую рожда-

ется новое понимание того, что ты сам неоднократно обдумывал в одиночестве. Случилось нечто необычное. Это так. Нет, не так. Возможно, достаточно много людей вдруг заметили нечто необычное, чего раньше не замечали. Не обязательно вследствие этого, но после этого молниеносным манером стала набирать популярность так называемая Вера взаимного дыхания. Опять же, после этого пошатнулась власть.

— Чья власть, позвольте уточнить? — произнёс торговец. — Спрашиваю по той причине, что у нас тут нет властей государств, да и местная власть видоизменилась в последние пару десятилетий. Сообщаю вам, чтобы вы лучше понимали контекст моей попытки уточнения. Крайне важный момент, на мой взгляд.

Ардуша ответил:

— Мне доподлинно известно лишь о власти Иллюмироса – говорю вам в прежнем контексте. А вот в ином регистре имею сообщить, что сам Свод Нерушимых Формуляров перестал быть юридической и культурной константой. Должен сказать, что сообщаю вам это во вполне корыстном ожидании, что вы просветите меня насчёт феномена вашего местного настоятеля.

— В качестве благодарности за беседу хочу (и могу!) сообщить вам на условиях нераспространения (и, тем более, с требованием не упоминать в этой связи меня ни при каких обстоятельствах), что настоятель был, есть и будет. Он, однако, с какого-то времени предпочитает быть неназванным. У нас, у местных жителей, нет согласованного мнения, сколько уже поколений настоятель не называется. Никто не помнит.

— Ого! То есть вы не знаете даже, сменяется он или нет?

— Не знаем.

— Это проблема?

— Пока нет. В нас изначально заложена тонкая способность знать, что хорошо, а что – не очень. Нас крайне трудно ввести в заблуждение, если вообще возможно. Настоятель как таковой нам не так уж и нужен.

— Значит, война внизу вам… не важна.

— Не важна.

— А как же контрабандисты? Как вы терпите их неоднозначную мораль?

— Они полезны.

— Чем же? — удивился каропус.

— Они привозят женихов и невест. Время от времени. Без этого мы бы выродились. Они выискивают там, в ваших нижних землях, тех, кто сможет тут жить.

— Как они это делают?

— Если бы мы знали, нам не были бы нужны их услуги, верно?

— Верно, — грустно сказал Ардуша. — Мне вот их услуги и не были нужны, но они сами навязались, да так, что теперь я должен им услугу.

— Не удалось откупиться? — посочувствовал торговец.

— Денег совсем нет, — пожаловался Ардуша.

— С вашими навыками проблему можно решить. Не далее как сегодня. В полдень начнётся конкурс лучников. По Обители тут и там висят объявления, вы обязательно увидите одно из них, если будете приглядываться. Там и прочтёте условия. Я не лучник и не болельщик – подробностей не знаю. Но я уверен – там разыгрываются неплохие призы. В том числе денежные премии. Идите и победите.

— Премного вам благодарен. Так и поступлю. Перед тем, как уйти, спрошу: вы не знаете автора этого изобретения? — Ардуша указал на самокат.

— Как не знать. Это его лавка. Замечательные колёса, правда? Как наша жизнь. Как Авертиго.

— В каком смысле? — не понял Ардуша.

— Простое колесо одинаково для каждой точки пути под ним. А это крутится для разных мест по-разному. Вращение Авертиго тоже для каждого своё, хотя оно у всех и одинаково по длине периода.

Ардуша подмывало спросить, почему это «индивидуальное вращение» составляет полтысячи минус тринадцать дней, но так как у него не было личного опыта проверки этого факта, он счёл корректным промолчать. Каропус ещё раз поблагодарил за кофе, откланялся и продолжил свой путь вверх по улице.

⁂

Библиотека была обустроена в простом двухэтажном здании с низкой крышей. Три одинаковых окна второго этажа были занавешены изнутри, два окна внизу были закрыты ставнями. Несмотря на свежеокрашенные светло-зелёные оконные рамы, политые растения в больших кашпо и

подметённое крыльцо из пяти высоких каменных ступеней, здание выглядело покинутым. На третьей ступеньке сидела судья.

— И ты здесь, — сказала она, увидев Ардуша и украв у него подходящую реплику. — Не первый раз тут караулю. Где Плата-Пансо, леший его возьми?

— Минусы скрытой системы управления, — слишком хмуро для такого светлого утра сказал Ардуша. — Непонятно, кто у него начальник, чтобы... Собственно, чтобы что? Зачем тебе Плата-Пансо, любезная Рату?

Преимущество населённых пунктов, расположенных на холмах, состоит в том, что всегда есть, на что посмотреть за счёт разницы в высотах. Судья и лучник сидели на крыльце, ниже входа в библиотеку, но видели при этом на противоположной стороне улицы то, что происходило на крышах. Этим ранним утром, как и всегда, жизнь там кипела. Основными действующими лицами были, конечно, кошки и чайки. Одни пытались обмануть вторых. В защиту кошек, которых можно было бы обвинить в агрессии, следовало заметить, что чайки претендовали именно на те рыбные остатки в вывешенных на просушку садках, на которые рассчитывали и кошки.

— Масть кошек здесь особая, — констатировала судья. — Чёрные неровные мелкие кружки на ослепительно белом.

— Тут и бродячие псы такие же, — подвёл итог Ардуша.

Судья бросила в одну из кошек камешек. Впрочем, неизвестно – возможно, она целила в одну из чаек. Рату при этом сказала:

— У меня ощущение, что кто-то водит нас – меня как минимум – за нос. Точнее так: я пытаюсь что-то понять, вынюхать, если позволишь так сказать, но все запахи скрыты. Если совсем просто выразиться, то непонятно, что делать и где искать средства к существованию.

— Мы заразились местной болезнью – наше начальство ушло в тень подобно мифическому настоятелю Обители, — мрачно пошутил Ардуша. — Ты была в канцелярии?

— Конечно. Со мной на формальном языке поговорили ни о чём несколько людей, да так, что я не помню, сколько их было. Мне кажется, от нас ждут какого-то ритуала. Дескать, вы привезли в наш грот тела, а теперь сделайте с ними что-нибудь.

Ардуша присел на каменную ступень рядом с бывшей судьёй. Камень, вопреки привычки длиною в жизнь, оказался тёплым – разница температур ночью и днём была на кальдере незначительной.

— Вот она – свобода от государственной власти. Отсутствие прямого давления сковывает волю пуще жандармерии и фискальных инспекторов, — сделал каропус введение, чтобы предложить судье практический план на первую половину дня. — Говорят, сегодня состязание лучников. Будут премии. Уверен, я смогу выиграть. Составишь компанию?

Рату, конечно, согласились, и они отправились искать объявление, чтобы ознакомиться с правилами. Долго бродить не пришлось – судья знала о перекрёстке, углы на котором были обклеены разными возглашениями и рекламой.

Поразмыслив над прочтённым, она спросила:

— Как ты оцениваешь свои навыки?

— Почти уверен, что могу занять первое место, — просто ответил каропус. — Здесь не так много людей, чтобы был шанс встретить талант.

— Ты так самоуверен? — удивилась Рату. — А как же особенности местного воздуха? Откуда в тебе такой оптимизм?

— Посмотри на меня, Рату, — грустно улыбнулся Ардуша. — Чем ещё мне было заниматься всё детство и юность, с моими-то внешними данными, как не тренировками?

Судья с пониманием кивнула. А затем изложила свой план:

— Просто занять первое место – это значит использовать лишь крошечную часть твоего потенциала. Мы сделаем по-другому. Всего дюжина раундов. В каждом раунде ты будешь намеренно занимать то место, которое я тебе скажу. Скажу первое – займёшь первое. Скажу седьмое – заберёшь седьмое. Понял?

— Значит, мне нужно стрелять последним, вот и всё.

— Ты сумеешь разглядеть, кто на сколько настрелял, до объявления результатов?

— Конечно. Моя подзорная труба, я уверен, лучше любой из тех, что есть у местных.

— Регистрацию последним номером я постараюсь обеспечить. Я же сделаю все ставки. Будем ставить остатки в моём кошеле и вкладывать выигрыши.

— Я боюсь, тебя побьют в конце, Рату. Нельзя делать все ставки от твоего лица.

— Твоя правда. Предки добросовестные, неужто придётся привлечь Хакона.

— Не надо, — изрёк Ардуша, мысленно поблагодарив судью, что она не предложила оптика Жинго.

Они посмотрели друг на друга. Вновь они ощутили беспомощность жертв кораблекрушения. Их и без того крохотная команда совсем рассыпалась. Ардушу пришлось рассказать судье о ночном инциденте.

— У меня нет слов, — сказала она. — Как мало потребовалось времени, чтобы пуститься во все тяжкие. Зачем ему меч? Как и кого тут грабить?

— Когда я увидел его в первый раз, — задумчиво молвил каропус, — он был как раз с таким мечом. Как мне в тот миг показалось, страшнее я никого не видел. Я ничего не знаю о его прошлом. Допускаю, что его потребность в мече – а может, именно в таком мече – имеет характер далёкий от практического.

Судья увлекла Ардуша прочь с перекрёстка, где они продолжали оставаться. Улицы стали заполняться людьми – утро вступило в свои права. Они уселись на скамейку возле одной из ещё закрытых лавок. В витрине красовалась великолепная мандала в виде часов, составленная из пуговиц и фурнитуры.

— Думаю, дорогой Ардуша, в тебе говорит неоправданный мистицизм. Или ты подозреваешь, что Хакон возник тогда в твоей жизни как результат манипуляции Притхимы?

Каропус с испугом посмотрел на судью. Прохожие обращали на них не больше внимания, чем те кошки, занятые разбирательствами с птицами-рыбокрадами. Ардуша на прохожих внимания обращал ещё меньше.

— Если так, то и ты оказалась на том плоту не просто так, — выдавил он.

Судья помрачнела и ответила без паузы:

— Не случайно, но с тобой и Притхимой это не связано. В момент начала потопа я была распята на тех воротах. С плотным мешком на голове и кляпом во рту.

— Предки добросовестные! Кем? Зачем?!

На верхних этажах открывались время от времени ставни. Бирюзовые, светло-серые – все они были лёгкие, сделанные из штакетника. Из-за этого момент их растворения был похож на выражение удивления неумелой и слишком молодой актрисой бродячего театра. Это наполняло и так внутренне диссонирующее утро ощущением столкновения. Эстетика места подозревала в чём-то этику истины, как сидящая на кровле чайка – притаившуюся кошку.

— У судей полно врагов. Почитай половина осуждённых лелеет планы мести. Правда, почти все из них теряют эту мотивацию по мере удаления от дня вердикта. Но не все. Зато, как видишь, такая злокозненная казнь обернулась спасением: в мешке оставался какой-никакой воздух, а поток снёс ворота. Потом мешок смыло, и постепенно меня избавило и от пут. Впрочем, если б не путы, меня бы смыло с плота.

Ардуша слушал судью, открыв рот.

— Удивительно. Но с тобой были люди. Кто это?

— Два моих помощника. Мы приезжали с официальным визитом, чтобы согласовать обмен осужденными между городами.

— Они были тебе дороги? — Ардуша всеми силами старался унять дрожь, вспоминая убитого им по приказу Притхимы мутанта с двумя сегментами мозга. Он и сейчас видел, как волос бога сносит бедняге под плотом полчерепа. Ужас не опаздывает и не приходит рано, понял Ардуша. Он приходит вне времени, потому что время принадлежит ему, а не нам.

— Конечно. Коллеги. Много лет совместной службы. Но мир не злой. Он просто не знал, что именно мне должно было быть в тот день так плохо. Да что это ты так разволновался... прости, я не ожидала, что тебя это так расстроит. Не будем об этом.

Так как приятное место оказалось не способно защитить от боли, лишь делая её более одинокой, Ардуша безмерно обрадовался смене курса беседы и предложил:

— Есть у меня один полузнакомый. Лавочник. Тут недалеко. Пойдём, попробуем его подрядить в качестве номинального держателя части ставок.

И они отправились к ковровой лавке. Не найдя того на месте и выслушав сомнения помощников, что хозяина стоит ждать на месте до обе-

да, незадачливые потенциальные организаторы договорного матча вновь приуныли. Взгляд Ардуша упал, естественно, на открытую теперь дверь «Ниток и связей».

— Зайдём, — предложил он судье. Та, будучи завсегдатаем подобных заведений в качестве лицензиат-приобретательницы красных нитей подтвердьждателей, была не против.

За стойкой был мужчина средних лет. Ото лба к самой макушке его блестела умная лысина. Глаза были темными и крупными, причём правый глаз был заметно шире левого. Эта странная деталь его физиономии создавала ощущение, что он крайне заинтересован своими потенциальными покупателями и собеседниками. Усы его задорными пучками торчали вверх. Поддерживая бодрость усов, так же, в небо, был устремлён его белоснежный воротничок. На господине – а по-другому обратиться к нему не приходило в голову – был настоящий галстук. Такие можно было увидеть в нижних землях разве что на дирижёре оркестра. Здесь же костюм его и вовсе выглядел несообразно.

— Это вашего авторства самокат, господин? — спросил Ардуша. — Интересуюсь в связи...

— Давай на ты, а то я упущу большую часть наслаждения от похвальбы своим изобретением, — как обухом огрел лавочник Ардуша контрастом внешнего вида и риторики. — Меня зовут Серафим.

— Ардуша, — поклонился каропус. — А это Рату, моя коллега. Те колёса уподоблены самой природе Авертигуса, не так ли?

Судья тоже совершила полупоклон.

— Ого! Ты смог это усмотреть? А ты хорош. Приветствую тебя, госпожа Рату. Добро пожаловать в Обитель.

Судья ещё раз жестом поблагодарила Серафима.

— Я, признаться, просто повторил слова хозяина ковровой лавки, — признался Ардуша.

— А, сосед. Он и сам их повторил за мной, не понимая. Он человек добрый, но на такие аллюзии неспособный.

— Чем тебя не устроили обычные колёса? — спросил каропус.

— Ха! — Серафим вышел из-за стойки и пригласил гостей присесть. В торговом зале было как раз три кресла. — Тут ты попал в точку. Вероятностное превосходство ненамерения двигало мной. Но через практиче-

скую нужду. Непредсказуемость таких колёс – как оружие. Непонятно, где попытаются примять сучок, а где наехать на камешек.

— И что же, повысилась проходимость? — закономерно поинтересовался Ардуша.

— Откуда ж мне знать, любезный Ардуша?!

— Но как... — растерялся каропус.

— Уу, да я переоценил твои инженерные познания, — весело, почти со смехом сказал Серафим. — Неужели ж ты подумал, что такая штука может реально ездить. Нет такого металла, чтобы удержать в гнёздах основания спиц. Всё погнётся, стоит на нём попытаться проехать. Он поэтому и стоит тут. Как нелепая парадоксальная реклама.

— А вдруг есть, — сказал Ардуша, сам от себя такого не ожидая.

Его вдруг пронзила полу-мысль, полу-желание. Он напрочь забыл, зачем они искали ковровщика. Идея заработать на состязаниях была мгновенно вытеснена озарением, что чудесные металлы Притхимы скрывают в себе множество ответов и возможностей.

Семь ударов сердца Ардуша стоял как вкопанный, переживая пробуждение ретроспективного смысла. Историю, которую он рассказывал себе о себе, оказалась не ложью, но некачественным переводом с формального языка на личный. Он не задавался вопросом, зачем он привёз сюда тела Первых, потому что вопрос этот требовал тишины, которой в его жизни давно не было. Ардуша, когда вопрос такой лишь подбирался к границам освещённой области в бесконечной тёмной пещере его сознания, отпинывал его прочь твёрдым знанием, что оправдания низменных импульсов в его странствии не было. Сейчас же сознание его – не как источник мотивации, а как скромный пресс-секретарь – напомнило очевидное: «Ты привёз Великий баррель-орган Великой Притхимы туда, куда должен был. Пусть люди в нижних землях обвиняют обитателей «Драконя Бледного» в каком-то мнимом солнцепоклонничестве. Притхима рекла, что здесь знают толк движению элементалий, населяющих металлы и оптику. Только это и важно».

— Проснуться и взять на себя ответственность за свой сон, — нечаянно проговорил каропус вслух часть ошеломившей его мысли, не переставшей от этого быть совершенно тривиальной.

— Тоже нередко себя спрашиваю: «А что, если я прожила жизнь не так?», — сказала судья, всегда готовая поддержать здоровую беседу.

Серафим с интересом разглядывал своих новых знакомых.

— Пойдём подумаем над свойствами металлов? — предложил Серафиму Ардуша.

Буквально через пару минут все трое скорым шагом топали к палатам в гостевом доме на набережной. Лавку Серафим оставил на помощника. Хорошо быть хозяином.

¶

Фрагмент 40. Дислокация тут: Серафим и баррель-орган Притхимы

¶

Когда Ардуша, судья и Серафим подходили к гостевому дому, начал накрапывать дождь. Они зашли в помещение, не успев промокнуть. Палаты, где жили каропус с Хаконом, носили такое название исключительно формально. На самом деле это были всего три комнаты. Одна служила одновременно прихожей, гостиной и кухней. В двух других было личное пространство Ардуша и бывшего священника. Последнего дома не было. Оно и понятно – сидя в комнате, незадачу с контрабандистами не решишь. В особенности с контрабандистами, повадки которых – откровенно бандитские.

Ардуша сразу с порога рванул было в свою комнату, чтобы, не откладывая ни на миг, принести и показать Серафиму пару образцов металлов. Однако, судья смогла одним лишь взглядом накинуть на каропуса аркан, чтобы тот остепенился и проявил сначала элементарное гостеприимство. Возможно также, что в ней Серафим вовсе не возбудил того энтузиазма, что в Ардуше, и она хотела дать себе время разглядеть нитевого лавочника и, по совместительству, инженера. Последнее предположение ещё предстояло проверить.

Каропус сказал несколько дежурных малозначащих фраз, пододвинул гостю кресло, сделал ещё несколько бессмысленных движений – в большей степени, чтобы нейтрализовать торможение, созданное госпожой Рату, нежели чтобы действительно сделать паузу. А потом всё-таки нырнул в свою комнату. Не прошло и двух ударов сердца, как за тонкой дверью тихо лязгнуло, и Ардуша, сияя лицом и разрезая воздух килем груди, появился с двумя образцами – по одному в каждой руке.

Серафим взял их в руки, обнюхал, ощупал, поскрёб ногтём. Он похлопал себя по карманам – видимо, в поисках лупы. Не обнаружив там ничего, он собрался что-то сказать, но судья ему не дала:

— Ты что предпочитаешь, Серафим? Рис, пшеничную кашу, кукурузную? А, может, просто картофеля сварить?

«Я буду карт...», — хотел было сказать Ардуша, но Серафим опередил его:

— Дело серьёзное.

Дождь забарабанил по крыше над третьим этажом так, что слышно было здесь, на первом.

⁂

В отличие от Ардушы, инженер сразу раскусил игру судьи и принял правила.

— То, как ты кормишь себя, определяет то, как ты мыслишь, как ты считаешь время и как ты строишь отношения с соседом, — сказал Серафим.

Рату улыбнулась:

— Некоторые растения – не просто еда, а архитекторы, правда?

— Рис подарит нам циклическое и длинное терпение, гармонию и поток, — вторил ей Серафим.

— Но с коллективизмом и иерархией здесь, в Обители, и так всё хорошо, — хитро прищурилась судья.

— Твоя правда, любезная Рату. Я однозначно против скрытого и внезапного выживания картошки. Доверие к невидимому, конечно, в нашем текущем деле полезно, но уравнительство и уязвимость мне претят в принципе. Остаётся выбрать между пшеницей и кукурузой.

Ардуша смотрел на собеседников как на сумасшедших.

— Интересный выбор. Берём линейное, сезонное, ответственное покорение с индивидуальными целями? Пшеничную кашу?

— Нет, знаешь... Мифологическое, быстрое, благодарное превращение взаимозависимости нам сейчас сослужат большую службу. Вари-ка ты кукурузу, мудрая Рату, — вынес вердикт Серафим.

— Так тому и быть, — удовлетворённо сказала судья. — Никак не могу привыкнуть, что на кухнях здесь у вас на Кальдере нет никаких запахов готовящейся пищи.

— Ты про замкнутые клапанные котлы? — откликнулся Серафим. — Что делать, при здешнем разреженном воздухе невозможно без нагнета-

ния давления сварить хороший суп или кашу. Я читал, что Предкам понадобилось всего пара десятилетий, чтобы от подобной пароварки прийти к прототипу механического двигателя для самодвижущихся повозок и плугов.

— Ты намекаешь на запреты и преследования изобретателей? — строго спросила Рату.

— Почему же намекаю – сетую. Но главное – не запреты, а отсутствие стимула.

— Что ж... Образ мыслей, личные настройки, вкусы и даже само мировоззрение человека – это что-то, что можно менять как одежду, под нужды задачи. Установка ума.

— Личность не тождественна самости, — согласился Серафим. — Некоторые могут и самость подвергать транзитивности.

Судья, видел Ардуша, окончательно успокоилась насчёт Серафима. Доверие дало ростки.

— Хочу тебе, напомнить, дорогой Ардуша, что перед нами стоит задача выиграть состязание.

— Состязание? — заинтересовался Серафим.

Обнадёженная относительно достоинств инженера судья, изложила ему свою задумку насчёт состязаний и ставок. Серафим с уважением посмотрел на стоящий в углу длинный лицензионный лук каропуса и сказал:

— У нас почти все почти всех знают. И это, конечно, почти мошенничество. Местным бы не простили. Да и вас подвергнут изгнанию, если выяснится. Не взирая на вашу таинственную миссию. Лучше все двенадцать ставок разнести по людям, которых так сразу между собой не свяжешь. В таком деле нет лучше помощника, чем пограничник Лариэль. Погодите минутку...

С этими словами он вышел на улицу. В окно было видно, что он подошёл к ближайшему навесу, обустроенному на пристани для рыбаков, перекинулся парой слов с каким-то мальчишкой и сунул тому что-то в руку. Видимо, монетку.

Затем он вернулся.

— Его найдут. Думаю, в течение часа он здесь будет. Состязания, полагаю, перенесут на более позднее время. Мало кто способен стрелять мет-

ко в дождь, — подмигнул он каропусу, стоя на пороге и стряхивая капли со своих плечей. Лысину он протёр белоснежным платком, который оказался у него в кармане.

— Сними-ка сюртук, Серафим, я просушу, — сказала Рату.

— Пожалуй, за инструментами кое-какими схожу. А потом уже и разденусь.

Ардуша посмотрел на судью. Та, подхватив этот взгляд, сказала:

— Понимание тайны налагает ответственность.

Ардуша согласие в словах судьи вполне расслышал:

— Не под дождём же, — остановил он Серафима. — Есть инструменты. Скидывай верхнюю одежду и проходи за мной.

Причин возражать Серафим не имел. Он снял сюртук, оставшись в сорочке, и они проследовали в дальнюю комнату. Ардуша закрыл дверь изнутри. Здесь окно смотрело в другую сторону, на кальдеру. Освещение было иным – дождь вдруг припустил ещё сильнее, а тучи шли как раз с озера. Лучник зажёг две лампадки. Затем он, нагнувшись без особой грации, несколькими шагами вперёд спиной выволок на середину комнаты баррель-орган Притхимы, оставляя на полу очередную пару царапин.

⁂

«Уродлива снаружи, прекрасна внутри», — молча создал реплику каропус, приглашающе указывая всей ладонью на инструмент.

Серафим подошёл и присел на корточки вплотную к огромному прибору. Щелчок крышки провозгласил начало откровения. Ардуша вдруг почувствовал себя много старше Серафима, хотя фактически он был младше. Но ведь это взрослый видит лишь указанную функцию. А ребенок видит возможность. Серафим, казалось, услышал течение мысли Ардуша:

— Механическое чудо работает только для того, кто не перестал верить, что всё может стать лучше, — сказал он, сгибаясь над баррель-органом и открывая крышку. На спине его в белоснежной рубашке натянулись большим символом «Х» широкие полосы чёрных подтяжек.

Серафим не стал доставать из устройства инструменты, как это сделал бы, наверное, любой иной человек. Вместо этого он обследовал на ощупь все внутренние углы. Сначала выяснилось, что боковые стенки имели как минимум три слоя. «Познаваемость без редукции», — пробормотал Се-

рафим, надавил на стенку, и баррель-орган потерял форму параллелепипеда.

— Спокойно-спокойно, — сказал инженер нервно дернувшемуся было к нему каропусу. — Механизм можно разобрать, понять, починить – но он не перестаёт быть чудом. Сейчас трансформируем до конца.

Затем он как-то вывернул прибор наизнанку и, с огромным усилием, приподнял. Снизу у тяжелой коробки выдвинулись под собственной тяжестью четыре ножки. Перед ними был небольшой верстак. Примерно такого размера рабочие столики используют некоторые часовщики, вынужденные ютиться под лестничными пролётами на крупных крытых городских ярмарках. В верстак были вмонтированы оптические и слесарные инструменты. Что касается образцов металла, то все они оказались частью конструкции. Та часть, которую Притхима использовала для конвертации сообщений в обменяшках, теперь оказалась где-то внутри. Пропали с виду и гусли.

Серафим выпрямился, прогнулся спиной назад, щёлкнул позвонком, упёр руки в бока и констатировал:

— Идеальная модель познания: прибор, который поддается пониманию, но не теряет тайны.

— Так что это? — спросил Ардуша.

— Я же говорю: «не теряет тайны». Понятия не имею. Парадокс искусственного возвышенного, — довольству и самодовольству инженера не было предела.

— Идите обедать, — позвала из-за двери судья.

⁂

Стол был уже сервирован. Вопреки стеснённым денежным обстоятельствам, судье удалось создать ощущение благополучия. Серафим ел и нахваливал. Ардуша не отставал.

Вдруг снаружи в дверь поскреблись.

— Войдите, — взяла на себя роль хозяйки судья.

На пороге промокшим чучелком образовался мальчик. Проводник и свидетель.

— Ты? — удивилась Рату. — Чего тебе? Промок? Заходи.

— Серафим меня искал, — невежливо выставил пацан указательный палец в инженера. — Здравствуйте.

— Знакомьтесь, — сказал Серафим. — Пограничник Лариэль.

— Пограничник?! — хором пропели Ардуша и Рату.

— Самая логичная профессия для человека с такими свойствами, — не увидел повода для удивления инженер.

Рату взяла у мальчика мокрый плащ, усадила его перед большой тарелкой и угостила кукурузой. Всем пришлось слегка сдвинуться, чтобы вместиться за относительно небольшим столом.

Суть задания Лариэль понял и принял быстро, сказав лишь одну фразу:

— Ты со мной пойдёшь, — он указал пальцем на судью. И вновь, весьма невежливо.

Когда с кукурузой было покончено, он сообщил:

— В нижних землях разрушают Изваяния.

— Кто? — не понял Ардуша. — Лики Первых портят?

— Подчистую хотят сточить.

— Так кто?

— Короли ваши всякие, кто ещё.

Ардуша с судьёй переглянулись, не находя, видимо, ни в душе, ни в сердце внятного отклика, кроме безадресной тревоги. Частично ради того, чтобы замять неприятную тему, Ардуша спросил Лариэля:

— Ты многое видишь и слышишь, как я посмотрю. Многое знаешь. Ты не видел в последние дни Плата-Пансо? Одного из наших.

— Видел разок – он с контрабандистами якшался.

— Предки добросовестные! С бородатым?

— Там половина бородатых.

— В чёрном сапуне, с меховым воротником…

— А, нет. С коричневыми.

— Так у вас их тут много! Поди и битвы бандитские бывают? — с нехорошим смешком спросил, не ожидая ответа, каропус.

Мальчик ответил абсолютно серьёзно:

— Не, они в пределах Обители не бьются.

— Как вы тут выживаете, — грустно проговорил Ардуша. — Хороша же обитель у самого неба.

— Думаешь, было бы лучше если бы вместо трёх была одна банда. Вот тогда б мы точно взвыли, — резонно отметил Лариэль.

— Три! — не сдержался Ардуша.

Судья тем временем подготовилась к выходу. Она придержала мальчику сзади его плащ, как взрослому и уважаемому человеку, чтобы ему было удобней продеть руки в не вполне высохшие рукава.

— Я за тобой приду, — сказал Лариэль Ардушу. — Будь готов к стрельбе.

Серафиму он отсалютовал молча, и они с судьёй ушли.

⁂

Когда Ардуша и Серафим вернулись к прибору, тот пребывал в изменённом состоянии. Во-первых, две плашки металла лучились. Во-вторых:

— Вот эта штука по-другому повёрнута, — заметил Серафим.

«Повёрнута, — проворчал мысленно Ардуша, — на этой тяжеленной шарманке-верстаке столько вот этих штук, что аж тоска придавила да усталость». Возможно – и такого объяснения нельзя лишать права на существование, – это просто был результат сытного обеда. На стене нарисовалась тень, совместное творение двух лампад, свечения прибора и на глазах тускнеющего окна, которая напоминала весы. Ардуша уселся в кресло и от усталости длинного дня прикорнул.

Впрочем, он почти сразу встряхнулся и решил поучаствовать в процессе исследования.

— Что это за рамка? — указал на стол Ардуша.

— Углубление подо что-то. Как будто под большой лист пергамента.

— Карта! — хлопнул себя по лбу Ардуша. — Там есть карман, он теперь вывернут. На дне.

Серафим открыл нишу, поцокал языком в знак упрека самому себе, что не разглядел её сразу. Достав из ниши сложенную карту и конверт с книгой, он удивился:

— На конверте печать наша, местная. Ты что, здесь эту штуку нашёл?

— Нет, конверт с книгой вложил я.

Серафим потерял интерес к конверту, а карту развернул и положил в соразмерное ей углубление.

Каропуса тяготило наблюдение за Серафимом и он стал представлять лицо Притхимы. Милые ямочки на щеках, когда она улыбалась.

— Какие любопытные рукописные пометки, — пригляделся вслух Серафим.

— На карте не было надписей, — сообщил каропус.

— А в этом свете – есть, — без удивления в голосе сказал инженер. — Странно: карта с ошибкой. Вот этого притока Великой реки Иллюмироса не существует.

Ардуша рассмотрел карту.

— Теперь существует, — с нескрываемым раздражением сказал он. — Избирательно же вам поступают новости снизу.

Он вкратце поведал Серафиму о потопе. Лишь то, что можно было прочесть в бульварных листках после катастрофы. Новость вызвала у Серафима не удивление, но раздражение. Теперь в комнате было два злых человека и прибор.

— Контрабандисты скрыли этот факт. Не захотели снижать цену.

— Какую такую цену?

— Фольмельфтейн теперь на Реке. Значит доставка туда и оттуда должна быть дешевле. Я не хочу об этом говорить. Не сейчас. Дай мне изучить пометки, пожалуйста.

Ардуша расценил эту реплику как просьбу отойти подальше, что он и сделал, захватив с собой книгу. Он присел в соседней комнате с намерением почитать её, наконец. С большим трудом прочёл он первую страницу. Это был какой-то роман, написанный крайне странным языком, про какого-то мельника. Ардуша пролистал книгу, не увидел в ней ни карт, ни картинок, ни формул, а затем медленно прикрыл и медленно же положил на стол, как будто эта неторопливость могла донести до неизвестного автора его, Ардуша, извинения за своё читательское равнодушие.

Он стал глядеть в окно и пытаться готовиться к стрельбе из лука. Но на озере не на чем было зацепиться взгляду, поэтому упражнение не удалось.

Затем он вспомнил:

— А, забыл сказать тебе. В органе есть три вещи, про которые я кое-что знаю.

— Излагай, — с готовностью поднял голову от карты Серафим.

— Во-первых, одна из пластин... вот эта... она умеет как-бы «хватать» железо через воздух...

К изумлению Ардуша, Серафим просто кивнул, как будто Ардуша рассказывал о том, какие рыбы водятся в реке.

— Чего ты киваешь? Ты знаешь, что это такое?

— Знаю. Видел. Информация полезная. Можно было бы придумать такому металлу великое множество применений, однако его непомерно высокая цена на корню убивает целесообразность.

«Ну как знать», — пробормотал Ардуша.

— Во-вторых, — продолжил он, — там есть гусли...

— Видел, — тут же сказал Серафим. — Только это не гусли. Это набор струн с совместимым внутренним звоном. Продолжай.

— А в-третьих, там есть такая штука, которая меняет сообщение в обменяшке. Есть обменяшка? Покажу.

— У нас они как бы... не приветствуются. Дай свою, — предложил Серафим. По мимике его явно считывалось, что он принизил степень культурного запрета.

— Свою не могу, — с категоричностью покачал головой Ардуша.

— Тогда просто расскажи. Как меняет?

— В каком-то смысле на противоположное, — ответил Ардуша, не найдя способа построить более определённую фразу.

— Ты хочешь сказать, эта штука думает? — засомневался Серафим в правдоподобности слов каропуса.

Не отдавая себе отчёта в том, зачем он это делает, Ардуша постарался охладить внимание Серафима к этому свойству баррель-органа:

— Я думаю, для того, чтобы вывернуть и так туманный смысл, думать не надо. Сто восемь картинок, взаимосвязи типичны. Не многим сложнее механического клавесина будет.

— Твоя правда. Ну хорошо, дай мне теперь подумать. Что там в книжке, точно нет инструкций?

— Я же говорю, она не отсюда. Посмотри сам, — протянул ему книгу Ардуша.

Серафим пролистал её и вернул. Было очевидно, что голова его занята другим: он изо всех маскирует своё желание знать, откуда у Ардушы баррель-орган. Каропус решил не испытывать судьбу:

— Формальная сделка?

— Ну жги, — выжидающе сказал Серафим.

— Нить подтвердьждателя нужна, — покачал головой Ардуша.

— Я сам подтвердьждатель. У вас внизу, вне городов, разве не имеют таких прав хозяева нитяных лавок?

— Имеют, — согласился Ардуша. — Я даю тебе возможность удовлетворить своё любопытство, а ты не пытаешься лишить меня баррель-органа, держишь язык за зубами, и не допытываешься, откуда он у меня. Сочту нужным – расскажу. Вот такая сделка. Согласен?

— Согласен, — пожал Серафим руку Ардуше.

Тени на стене к этому моменту сместились, в силу изменившегося баланса световых потоков, и теперь «весы» были в положении явного дисбаланса. «Какого лешего!», — незваным гостем залезла в голову каропуса мысль. Он подумал, что было исключительной глупостью спрятать ту обменяшку в самый глубокий карман, не прочтя её. Конечно, он втайне надеялся, что Притхима написала для него нечто особенное. «Всё, пора», — решил он. Тайна, которую он сам для себя создал, была извлечена на неровный свет комнаты в пол мига. Он попытался прочесть, вернее понять, что значил набор из тринадцати картинок. Вначале он показался ему крайне сложным, так как стандартный синтаксис не позволял составить никакого смысла. Затем он с ужасом понял, что правила составления значащих изображений среди картинок-предикатов попросту нарушен.

Что это? Бессмыслица? Через три-четыре удара нарастающей паники, он вспомнил очевидное: иногда, точнее – крайне редко, под каждой из картинок попросту имеют в виду одну из букв, цифр или знаков препинания. Он сначала убедился в состоятельности своей догадки, проверив, что «лишних» картинок нет. Всего их сто восемь, а общее количество букв и других знаков значительно меньше. Гипотеза оказалось потенциально проходной. С величайшей осторожностью в уме он составил сообщение: «дислокациятут». Тут? Уже тут?! Техническая констатация какого-то факта? Что она хотела сказать? Тот, кто запрещает трещины, создаёт катастрофу? Жизнь начинается там, где есть дефект? Дислокация не

болезнь, но способность быть гибким? Трещина одного – не обязательно трещина для всех? Насилие как последнее прибежище некомпетентности? Это было уже не важно. Важно, что к самому Ардуше это не имело никакого отношения.

Ардуша сплюнул бы на пол, не будь хорошо воспитан.

Снаружи, с улицы, послышался голос пограничника: «Лучник. Эй, лучник».

— Пожелай мне удачи, — сказал каропус и вышел. — Не уходи, пожалуйста, пока не приду я или мой сосед. Его Хакон Добрый зовут.

Серафим реплику каропуса проигнорировал, будучи поглощенным прибором и картой.

Ардуша написал для бывшего священника записку о Серафиме, и оставил её на столике в прихожей. Эта предосторожность вовсе не была гарантией, что вернувшийся домой Хакон не порубит для начала гостя чёрным мечом, а уже потом прочтёт сообщение.

— Ах, да, — вернулся Ардуша на мгновение к Серафиму. — Вот тебе моя обменяшка. Экспериментируй в своё удовольствие.

И он вышел на улицу, оставив инженера наедине с баррель-органом.

⁂

Маленький пограничник, переминаясь с ноги на ногу и у порога, приветствовал его полупроизнесёнными словами «Чего так долго?».

— Веди, — просто сказал Ардуша, скорым шагом направившись к набережной, так как это в любом случае был единственный выход с каменного выступа, на котором стоял этот квартал, гостевой дом и они двое вместе с ним.

— Зря торопишься, — сказал идущий сзади мальчик. — Состязания перенесли на завтра. Не успеть до темноты уже. Но ставки все собрали. Людей я подобрал.

— Вот как, — остановился каропус. — А где госпожа Рату?

— Ушла куда-то. Расплатилась со мной за услуги, поручила тебя предупредить и ушла. Я, кстати, видел там вашего франта.

— Оптика Жинго?

— Угу. Ставки делал.

— Вы его предупредили, что не надо ставить на мою победу?

— Я – нет.

— А судья его видела?

— Почём мне знать.

— Действительно, — произнёс Ардуша. — Скажи, ты слышал о потопе в нижних землях? Полгода назад где-то.

— Мы тут мало интересуемся вашими делами. Тем более если это не деяния людей.

— Понятно. Ну бывай, Лариэль. Спасибо за помощь.

Пацан тут же исчез, а каропус пошёл в библиотеку. Сколько можно терпеть это отсутствие Плата-Пансо, спрашивается.

⁂

Дойдя до библиотеки кратчайшим путём – а у Ардушы в голове уже неплохо сформировалась карта посёлка – он, как и ожидалось, упёрся в закрытую дверь. Но этим вечером такое препятствие было смешным. Малозаметным для себя усилием горбун снёс дверь с петель толчком своего уродливого киля.

Помещение было небольшим, и каропус быстро оценил масштаб катастрофы. Многие полки были пусты. В проходе стояла тележка, на которой были навалены в беспорядке тома. Было очевидно, что в последние пару дней – точнее, ночей – книги из здания вывозили. Мажордома Ардуша нашёл в дальней комнате. В служебной каморке картина вызывала ещё меньше вопросов. На полу валялось несколько бутылок. Плата-Пансо лежал на кушетке в беспамятстве. Стоял плотный запах пьяного до крайности организма.

— Ты коричневым контрабандистам книги продал, ублюдок? — нещадно тряс Ардуша бывшего мажордома. — Ты ж мне обещал, сволочь. «До гроба доски» говорил.

Кое-как Плата-Пансо продрал глаза. Оттолкнув каропуса, он проковылял к чану с водой, зачерпнул ковшом и стал пить. Затем он уселся обратно на кушетку. Придя частично в сознание, он заявил:

— Девка-то за тобой давно следила. Поэтому и я стал присматривать. Заказ тебе на усадьбу организовал. Декорацию подрядил театралов нарисовать, чтоб ты издалека принял картину на холсте за дом.

— Что ты городишь? Какая девка?

Плата-Пансо с трудом встал, зажёг лампадку и поставил её на спинку своего лежбища.

— Притхима, — крякнул он наконец.

Каропус встал и выверенным хуком сверху вниз вернул мажордома в беспамятство. Сам он неспешным шагом вышел из здания. Затем он воткнул мощным толчком своих ненормальных рук и груди дверь обратно в косяк, где она и застряла намертво, сжатая чудовищным трением.

Он шёл вниз по улице. К набережной. В окне оставленной библиотеки полыхала штора.

⁂

Сворачивая с набережной на каменный выступ, Ардуша заметил одного из чёрных. Тот подходил к их дому. Каропус припустил бегом и поймал того за локоть уже у двери.

— Вот. Веса на две дыни, — сказал подручный старшины. — Адрес и имя человека внутри. Два дня у вас. Дальше пеняйте на себя.

Он передал неожиданно маленький свёрток для такого веса и был таков. Каропуса так и подмывало вступить в перепалку, но найти повода достаточно быстро он не сумел. Контрабандист же явно спешил и не дал шанса себя зацепить. Ардуша плюнул ему вслед и вошёл в палаты. Дверь была открытой. Хакона не было ни в гостиной, ни в его комнате. Ардуша бросил свёрток с контрабандой ему на кровать. Та скрипнула и промялась.

Инженера в палатах тоже не было. И судьи не было, ведь ей здесь быть и не положено.

Баррель-орган, хвала Предкам, был на месте. В развёрнутом виде. На нём же лежала его обменяшка. Металл уже не лучился. Серафим как-то выключил? Или оно само?

Книга тоже лежала там, где каропус её оставил – на столике.

Каропус вышел из палат на улицу, запер дверь и сходил к жилищу оптика Жинго. Там тоже тихо и, видимо, пусто. Но хотя бы заперто.

Ардуша вернулся домой, попытался найти чего-нибудь съестного и не нашёл. Чертыхнулся вслух, что судья потратила последний хлеб и масло, чтобы пустить пыль в глаза инженеру.

Он подошёл к баррель-органу и стал сворачивать его в прежнее состояние. Неожиданно легко… это у него получилось. Он упаковал внутрь и книгу в конверте.

Затем он перевернул свою кровать. Четырьмя мощными ударами выломал ей ножки. Пододвинул к стене баррель-орган. Положил на него основание кровати. Улёгся сверху, не раздеваясь и даже не снимая ножен. Каким-то невероятным образом вся эта конструкция, включая его нелепый киль, оставалась в балансе.

Ардуша заснул мирным сном под ошалелый перезвон пожарных колоколов.

¶

Фрагмент 41. Подделка предельного дня

¶

От окна, в которое светило небо Авертигуса и отражение его света от водной глади, веяло холодом. Как дома. Но нет. Ардуша был не дома – в окне торчал тёмный силуэт мальчика-пограничника.

— Ты что там делаешь? — окончательно проснулся каропус. Он встал, открыл окно и впустил мальчишку внутрь. Воздух снаружи был весьма прохладным.

— Тебе тоже сюда надо, мастер. В окно, — сказал пацан. — За дверями тебя поджидают.

— Кто там? Чёрные? — забеспокоился каропус. — Так они б вломились. Коричневые?

— Обычные. Слухи про вас про всех с ночи ходят. Нехорошие.

— Думаешь, побьют? — не стал Ардуша сразу уточнять, что за слухи.

— Не, — покачал головой мальчик. — Сначала привяжутся, будут следить, а потом шарманку разобьют.

Зря полагают, подумалось каропусу, что боль – внутренний толчок лишь для живых и подвижных существ. Он был уверен, что баррель-орган, не способный убежать, не может обходиться без боли. Жизнь питается жизнью – непреложный закон опасности. Он должен это чувствовать.

— Что говорят на улицах?

— Плата-Пансо поджёг библиотеку и сбежал. Коричневые собрали деньги на ставки и тоже сгинули. Состязаний не будет. Плата-Пансо видели как-то с коричневыми. Жинго вчера поставил на тебя кучу монет и хвалился этим в тавернах. Много людей подзадорил сделать ставки – всем рассказывал, какой ты лучник.

Каропус с пониманием помычал.

— А судья?

— Погано, мастер. Моя вина. Один человек... через кого я ставку передал поставить... наговорил на неё.

— А Тоспехо?

— Про него молчок. Пока. Мало кто знает, что вы знакомы. Он солидный.

— А я?

— Так ты ж стрелок, — удивился мальчик недогадливости Ардушы. — Значит главный.

— Ну да, ну да, — помрачнел каропус. Его передёрнуло от холода.

— Да ещё и урод, — добавил Лариэль, будучи аккуратным информатором.

— А почему... — хотел было каропус спросить о причине бегства коричневых контрабандистов, но потом сообразил, что раз ночные сессии воровства книг неожиданно стали невозможны, дальнейшее пошло не по плану и, возможно, вне какой-либо логики.

Но мальчик ответил даже на этот ещё не заданный вопрос:

— Потому что холодно. Так холодно, как сегодня, было лет сорок назад. Так старики говорят. Делай ленты из простыней, мастер. Будем твою шарманку спускать. Под окном лодка.

— Лодка! — засуетился Ардуша. — Что ж ты молчишь. Лодка это хорошо.

Он аккуратно выглянул в окно, чтобы оценить высоту стены и саму лодку.

— Где нам прятаться?

— В хлеву пока, где ещё, — сказал мальчик.

— А ты зачем нам помогаешь?

— Я с вами поеду в нижние земли, — определил за всю группу её планы маленький пограничник.

«Каждый человек должен хоть раз в жизни пережить бегство в окно», — думал Ардуша, приступая к своему первому разу.

⁂

— Не высовывайся, — сказал мальчик, взявшись за вёсла.

Когда лежишь на дне лодки частью тела в подтухшей холодной воде, понимание жизни расширяется. Слизь на дне лодки, приходит такое ура-

зумение, не есть «грязь». Это сложнейшее живое сообщество с хилиадами организмов в каждом черпаке зелёной жижи. Члены его, надо полагать, предупреждают друг друга об опасности, поддерживают совместно потомство. Глупо полагать, что такая вонючая штука ни о чём не думает.

Продвижение лодки вдоль берега озера шло очень медленно – руки Лариэля не обладали силой его ума. Каждый гребок давался ему тяжко. Медленность создаёт время. Свободное время нередко способствует обмену мыслями.

— Хакон рассказал, что они с Тоспехо приручили вчера ящера. Через кишки, — сообщил мальчик.

— Чьи кишки? — спросил каропус, чтобы начать хоть что-то прояснять.

— Оленьи. Они дышали в них совместно, как в трубу. Другой конец запихнули ящеру в глотку, чтобы он привык к смешанному запаху. Весь день дышали. Потом Тоспехо один дышал. Чтоб зверюга привыкла к его запаху.

Уключины проскрипели целых пять раз, и каропусу пришлось переспросить замолчавшего мальчика.

— Я озадачен, Лариэль. За каким лешим накачивать птеродактиля выдохами оружейника?

— Он полетит на нём в Фольмельфтейн. Верхом.

Грудь каропуса перестала влезать под ватерлинию, он приподнялся.

— Лежи давай, а то веслом огрею.

— Аа. Такой у них план, — протянул Ардуша и воздержался на данном этапе от оценки замысла Хакона. А чьего же ещё, конечно Хакона.

Мальчик уловил, что в голове Ардушы происходит переоценка бывшего священника:

— Хакон остался верен старой вере, — серьёзно проговорил Лариэль. — Он хочет вернуть всё вспять.

— А что, хлев с ящером стоит прямо на берегу? — спросил Ардуша, чтобы увернуться от теологической беседы.

— Все стойла у воды, мастер. А как иначе животных мыть, — резонно проинформировал пацан. — У нас говорят: «Чистота не смогла войти в храм. Она вошла в хлев, потому что там было место».

Ардуша хотел вежливым кивком головы выразить почтение религиозным чувствам, но плоская поза на дне лодки не позволила.

— Думаешь, не найдут нас там, любезный пограничник?

— Во дворце каком вас бы искали. Во дворце-то пахнет властью. Деньгами пахнет. Иктикетом.

— Этикетом.

— А хлев что? Пуст от всего. В хлеву не лежит никакого смыслу. Запихивайся туда сам. Что угодно запихивай. Пихай – не хочу.

Каропус продолжал лежачее путешествие и не реагировал на слова Лариэля.

— Да и не ищут вас. Глупые вас оговаривают. Да и те думают, что вы ночью сбежали, — добавил мальчик, почувствовав, что его слова про эстетику смирения перед обстоятельством никак не успокоили человека на дне лодки. — Вы ж не преступники какие. Просто бесы на чёрном катафалке.

— Где, кстати, карета? — всполошился Ардуша.

— Тоспехо попросил кузнеца её упрятать за кучей сена в хлеву. Всё хорошо с ней. Но есть одна заковырка, мастер. Корму ящеру не отсыпют. По бумагам его нету уже.

— Как так?

— Я подделал.

— Ты и писать можешь?

— Говорю ж: подделал. Подделать могу, писать не могу. Ну и лошадей у вас нету. Или других каких ездовых зверюг.

— Послушай, Лариэль. Ты откуда знаешь всё? Тебе сколько лет-то?

— Кабы было кому мои года считать, я б не с тобой возился тут да не пустоши окружные патрулировал, а леденцы бы жрал. Вас где собирали таких. Все дураки как на подбор. Судья вроде старуха, и та какая-то малахольная. Как только я с вами до городов доберусь...

Пограничник ворчал бы без конца и края, поэтому Ардуша встрял:

— Тебе в город зачем?

— А тебе какое дело?

Каропус таким разъяснением ситуации удовлетворился. Вплоть до самого прибытия они плыли молча под мерные шлепки вёсел.

⁂

Лодка причалила к длинному, неровному причалу. Точнее, это была не пристань для лодок, а помост, по которому животных выводили на помывку. Запах от деревянной конструкции, впитавшей за долгие годы много всякого, распространялся нехороший.

Стойла располагались на самой окраине Обители. Людей вокруг видно не было.

— Кто внутри? — спросил Ардуша.

— Как кто, — проворчал мальчик. — Все. Рату, по-первой. Старуха и не дала мне спать этой ночью, попросила всех найти. Хакон и так тут спал, ящера своего караулил. Жинго должон тут быть – я на дом ему принёс местный длинный плащ с капюшоном, чтобы он сам сюда потихоньку прокрался. Тебя вот только никак не скроешь, одеждой-то. С твоим горбом. Как только ты и живёшь-то с таким. Вишь, пришлось тебя опосля всех тащить. Шарманка эта твоя ещё – на силу догрёб. Что ты в неё засунул, всю лодку перекорёжило. Золото что ли?

— А Тоспехо?

— Он корм добывает.

— А Серафим? Из нитяной лавки.

— Такого указу не было, — отрезал Лариэль.

Первое, с чем Ардуша столкнулся в сарае, было тепло. Настоящее, глубинное тепло древнего животного. Это было удивительно. Здание, хотя и кривое в стенах, был настолько обширным, что назвать его стойлом или хлевом было сложно. Высокие стены как в храме. Крыша – как перевёрнутое судно.

— Ты можешь привести Серафима? Пожалуйста, — попросил Ардуша мальчика. Лучник искренне приложил руку к груди: — Я уже в безопасности. Благодарю тебя сердечно.

Пограничник кивнул и испарился. Слова у него расходились с делом, в хорошем смысле.

— Что, опять в опале? — приветствие Ардушы прозвучало в зловещем, даже злом тоне.

— Лучшее место из тех, где мы уже бывали изгоями, — оптимистично сказала судья. — Делим тепло со славным ящером. Каменное тепло огня не так надёжно, оказывается.

— Опустились на уровень скотины, — дополнил картину Жинго.

— Это не унижение, а возвращение к истоку, — поучительно возразила Рату. — Греемся дыханием самой жизни.

— Зато соломенный трон не будет давить тебе спину, Жинго, — добавил Хакон.

— Держи, Хакон, — Ардуша бросил ему свёрток чёрных контрабандистов. — У нас осталось полтора дня. Или что-то в этом роде.

Священник мигом распаковал груз. Внутри оказались три длинные цепочки. После беглого осмотра стало ясно, что это золото, серебро и платина.

— Ого, — Хакон мечтательно взвешивал контрабанду в руках. — Может, сбежим в Волкариум? Начнём свою обитель строить на эти деньги – в славной старой Вере.

— Зачем тебе? — грубо спросил Ардуша.

— Притомился мыкаться-то. Вона, даже ясли у животного пустые.

— Дом не есть место, дорогой Хакон; он есть состояние, — принялась поучительно примирять всех судья, чувствуя растущее напряжение. — Как только перестанешь искать свою обитель, она тут же и исчезнет.

— Авертигусу бы да твои слова в уши. Но он и вердикту твоему не внял, что уж о досужей болтовне. Так что перестаньте болтать – все вы, — Ардуша вновь был груб. — Даёте какие-то ответы, пока ещё не задан вопрос.

К счастью, в сарай в этот момент закатилась тачка. Толкал её – с огромным трудом – Тоспехо. В тачке возлежала огромная тыква.

— Не получается купить никакого корму, — сообщил он, обливаясь потом. — Монеты заставляют проверять. Рассматривают каждую люди из канцелярии. Торговля встала. Уж и не пойму, как они хотят и что этим добиться. Тут и там мелкие беспорядки. Лавки по большей части закрыты. Очереди. Видел две драки. Огромных денег недосчитались. Участие в состязаниях профессионала с нижних земель вызвало, оказывается, форменный ажиотаж. Азартные игры никого до добра не доводили.

Все с благоговейным ужасом наблюдали, как мощный Жинго, по молчаливой просьбе несчастного оружейника, возлагал его детище в ясли.

В ещё больший ужас всех повергла молниеносность, с какой ящер сожрал великолепное произведение фермерского искусства.

— Ты как? — спросила судья с сочувствием.

— Кабы я мог использовать свою боль как топливо. А так что... — сокрушённо махнул рукой Тоспехо. — Пока тыква весит как дыня, она – еда. А моя была архитектурой. Что ж... высокое становится низким. А низкое – высоким.

— Ничего. У меня вот трон стоит в навозе, — неуклюже подбодрил оружейника Жинго. — Хорошо хоть, что тут никто не смотрит. В Парламенте-то было погрязнее, если вдуматься.

Вместе с тыквой Тоспехо привёз и человеческой еды. Отдав должное сакральному моменту, люди постепенно занялись трапезой. Это в значительной степени улучшило эмоциональную обстановку.

⁂

Лариэль пришёл ни с чем. Вернее – ни с кем.

— Он отказался, — сообщил мальчик. — Инженер ваш. Не пойду, говорит.

— Как отказался? — Ардуша почему-то не ожидал такого вполне вероятного исхода. — Почему?

— Он говорит, что пространство возникает изнутри. Дескать, «я его делаю для Авертигуса». Специально постарался запомнить этот бред. Знал, что ты спросишь.

В этот раз всем пришлось проникнуться сочувствием к следующей жертве обстоятельств – к каропусу с его обманутыми надеждами. Вслух, однако, подбадривать никто не решился.

И не пришлось.

На пороге вскоре появился сам Серафим.

— Передумал? — мрачно спросил Ардуша.

Инженер был во вчерашней рубашке. Лицо было опухшим. В целом, выглядел он неважно.

— Побоялся, что попытка объяснить будет искажением, которое опаснее молчания.

— Не надо объяснять. Надо делать, — предложил Ардуша выход из ситуации. — Нам надо доставить сообщение Авертигусу. Всё! Судья, изложи пожалуйста уважаемому Серафиму текст твоего вердикта. Пусть наш друг инженер подумает, опираясь на свои знания, как его доставить.

Жинго, будь любезен, посвяти Серафима в суть твоей задумки с щекотанием Авертигуса длинным мостом-хордой. А я, с вашего позволения, отдохну.

Он щёлкнул пару раз рапирой в ножнах за спиной, сел на солому и привалился к стенке.

¶

Фрагмент 42. Клёпка цепи-послания

¶

Разбудили каропуса крайне неприятной просьбой.

— Ножны бы нам твои, мастер, — склонился над ним Хакон. — Вот эти особливые, что на торсе у тебя.

— Это зачем ещё? — опешил Ардуша.

Тут он заметил боковым зрением каких-то огромных животных.

— Предки добросовестные, — вскочил он в испуге. — Это ещё кто?

— Гигантских ездовых псов ни разу не видал, мастер? — успокаивающе придержал каропуса за руку Хакон. — Ну-ну, попустись…

— Видел, конечно, — успокоился Ардуша. — Но не так близко. И не так сразу. И почему их три? И за каким лешим они в таком климате? И откуда вы их взяли?

Хакон начал загибать пальцы на руке:

— Во-первых, ехать-то на ком-то надоть. А никого больше купить не удалось. Серафим купил. Благодарность ему.

— Не стоит меня благодарить, — откликнулся Серафим, который слышал беседу. — Я продам дом и сад Тоспехо, когда всё уляжется, возмещу свои затраты, а остаток денег дождётся вас у меня или у моего наследника – будьте покойны.

Хакон солидно кивнул, как будто он и был основным участником крупных торговых сделок.

— Во-вторых, — продолжил он, — три – это потому что их было три. Поэтому никто и не купил до нас. Не оставлять же одного, верно? Он стоскуется. Чую, что три даже лучше, чем два или четыре.

— Просто иначе отказывались продать, — раскрыл реальное положение дел Серафим.

Хакон ещё раз загнул палец.

— В-третьих, здесь они дёшево, а в холодах, там в дельте… там дорого.

— В дельту-то вам зачем, да простят меня Предки? — искренне удивился Ардуша.

— А вдруг занесёт, — неопределённо ответил Хакон. — В-четвёртых, уздечек на ящеров не бывает. Никто ж на них верхом-то никогда и не летал поди...

— Дети, бывало дело, летали, — возразил Серафим. — В наших книгах есть такие описания.

— Были описания, — нехорошо передразнил Хакон. — Короче, мастер, не заказать нам сейчас уздечку. Я так посмотрел, прикинул. Мне так кажется, что шея у ящера, что торс твой – примерно одного размера. А?

«Ещё вчера, — подумал Ардуша, — я б тебя за твои старые кудри оттаскал после такого». Но сегодня его реакция была другой:

— Забирайте, — стал он стягивать с себя ножны, вынув предварительно рапиру.

— И рапира тоже нужна, — встрял Серафим. — Для экспериментов.

Ардуша передал Серафиму рапиру из рук в руки, не почувствовав никакой утраты.

⁂

Баррель-орган вновь был в положении «верстак». Оголённая рапира лежала на краю. Серафим приспособил себе в качестве табурета перевёрнутое ведро. Используя встроенные в верстак небольшие тиски, он, звено за звеном, собирал из трёх цепей контрабандистов одну. Золотое звено иногда шло за серебряным, а иной раз – за двумя платиновыми, а когда-то случались и три подряд золотых. Все обступили Серафима полукругом, наблюдая за его работой. Это его нисколько не смущало.

— Никак не могу уловить закономерность, — сказал Жинго. — В чём смысл такого узора? Или что это?

— Создатель этого прибора, — Серафим похлопал ладонью по верстаку, — пытался говорить с Авертигусом. Это штука вовсе не для переворота смыслов обменяшек вверх тормашками, нет. Эта механика переводит обычную речь в понятную Авертигусу. А он понимает всего три буквы.

Все переглянулись, пытаясь понять, как им расценивать такое обвинение. Сложно было придумать более изощрённое оскорбление Авертигу-

са. Такое принижение способностей к мысли. Всего три буквы! Мыслимо ли?!

— И какие именно это буквы? — с опаской спросила судья. Она старалась продолжить беседу в рациональном русле, но не была уверена, что этот её вопрос не будет расценен как согласие с гипотезой о кретинизме Вселенной. С другой стороны, ругаться с Серафимом, который так им помог с транспортом, тоже не хотелось. Она втайне надеялась, что абсурдность его ответа сама по себе разоблачит зарвавшегося инженера.

— «Правда», «ложь», «неизвестно». Вот такие буквы.

Судья призадумалась. Она сразу почувствовала, что такое описание в корне меняет дело. Тут как раз можно было усмотреть вселенскую мудрость.

— Что же, это будет фраза? Иск и вердикт? Ты предлагаешь пощекотать мост цепью из трёх металлов?

— Именно так. Надо положить вдоль моста. Светлюшки потекут. Авертигус увидит узор. Я так думаю.

— Хаос пугает. Сложный порядок – восхищает, — проговорила судья.

— Закономерность может быть прекрасной, — согласился Серафим. — Это хорошо: мир не случаен.

— Я тожеть не щелчки кусачек сейчас слышу, но литургию, — завороженно смотрел на действо Хакон.

— Причинно-следственная цепь может быть наградительной, — не остался в стороне Тоспехо.

Ардуша же не был столь оптимистичен:

— С чего ты решил, что эта штука для создания сообщений Авертигусу. Может, просто какие-то преступники запутывали свои слова, чтобы обвинению на суде нечего было предъявить?

— Это определённо делалось в адрес Авертигуса!

— Ну так обоснуй, — хмуро отвесил своё требование каропус.

Серафима неприятный тон Ардушы с толку никак не сбивал.

— С помощью скрытых отметок на карте мне удалось понять, что сообщения тремя буквами всегда привязаны к пяти циклам внутри дня. Резонанс-созвучность притягивающих металл светлюшек – это раз. Не-

слышимый звон Цилиндра – это два. Пульсация уровня воды в море. Скорость верхних ветров. Пятый я не смог понять про что. Но он есть.

— И что? — не понял Ардуша.

— У тебя есть жена? — спросил Серафим.

— Нету.

— Вот если бы была... И ты бы подгадывал перед беседой: чтобы была сытая, чтобы не чесалось нигде. Чтобы выспалась. Ну и тому подобное... К беседе с кем ты бы готовился вот так?

— Ну мало ли... — каропус не хотел признавать своей неправоты.

— Ты знаешь, что я прав, — закончил диспут на эту тему Серафим.

«Весь город накупил билетов на весёлое представление, — думал инженер молча, разделяя и заново скрепляя звенья в драгоценной цепи. — И только один актер знает, что пьеса может обрушить здание театра».

— А если он не ответит? — Ардуша чувствовал раздражение и судорожно искал, куда и как его слить.

— Закон защищает индивидуальное право на молчание, — поспешила на помощь Серафиму судья. — Но кто защитит право всех остальных на понимание?

Наконец, Серафим завершил изготовление цепи. Он сложил её обратно в суму, убедился, что записка с адресом на месте, и передал Тоспехо:

— Ты бы запомнил контакты, на всякий случай, — порекомендовал он. — А цепь бы я на твоём месте обмотал вокруг себя, под одежду.

Тоспехо так и сделал, повергнув всех в шок видом своего неимоверно тощего и костлявого тела.

— Надо спешить, — беспокоился Жинго, — тебе ещё Виргилию уговорить, дырки в земле просверлить.

— Не успеет, — спокойно сказал Серафим. — Да и не нужно это. На мосту, если он весь действительно металлический, и так есть нужная напряжность. Лети сразу к мосту.

— Как есть металлический, — закивал Жинго.

— Тогда в путь, — скомандовал Ардуша.

Тоспехо легко взобрался на ящера и уселся в обычное седло для ишака, приспособленное между крыльями.

— Что мне контрабандистам сказать на том конце? — спросил Тоспехо, держа в руках поводья. — Как объяснить, что цепь переделана?

— Ничего не говори, — сказал Ардуша. — Никому в голову не придёт, что сделал это ты. Пусть сами потом друг с другом разбираются.

— И там мы раздор посеем, — с грустью констатировала судья.

Хакон вывел оседланного ящера на улицу. Все вышли вслед за ними.

⁂

Ящер с седоком на спине начал разбег, разогнался, прыгнул. И не взлетел. Тоспехо развернул его натяжением поводьев. Шагом вернул в исходную точку. Ещё один разбег. Результат тот же, с тем лишь исключением, что ещё хуже – от накопившейся усталости в ногах.

— Я ж говорю, дурачьё, — изрёк пацан.

— Крылья слабы, — сказал Жинго.

— Тяжёл для неба, нагружен землёй, — сказал Хакон.

— Вес превышает подъёмную силу, — сказал Серафим.

— Лишний вес – это неотработанные долги, — сказала Рату.

Каропус дискуссию прекратил:

— Едем к гроту, там ступеньки ведут вверх, к обрыву. Ближайшее удобное место. Со скалы возьмёт старт.

— Смерть на старте, — сказал Лариэль.

— Риск одноразовости, — сказал Жинго.

— Цель важнее пилота, — брякнул Хакон.

— Ложный трамплин, — молвил Серафим.

— Компенсация внутренней неспособности внешней катастрофой, — рекла судья.

— Тот, кто боится пропасти, не должен летать, — закончил спор Тоспехо.

Однако Ардуша засомневался:

— Взлететь с края легко. Сесть на равнину для отдыха – вот задача.

— Полетит над водой, вдоль правого берега Реки, — сказал мальчик. — Он высокий, там обрывы.

— Ты откуда знаешь?

— От контрабандистов.

— Решено, — сказал Тоспехо, — полечу над водой. Не заблужусь!

— Низко лети, — сказал Жинго, — не разобьёшься.

— Вдоль реки лететь втрое дальше; не успеешь, — вновь выразил опасение каропус.

— А можно и не успевать, — легкомысленно заявил Хакон.

— А как же угрозы и штраф? — спросила судья.

— Вот дурачьё, — сказал мальчик. — Откуда ж они там внизу узнают, когда была передана сумка?

— Голубь?

— Лишние траты.

— Не поверю, чтобы это было на доверии.

— Записка про предельный день спрятана в сумке, — сказал пацан. — Получатели и будут штрафовать.

— Так я вообще сумку здесь оставил, — сказал Тоспехо.

— Я же говорю: дураки. Давайте подделаю предельный день. Сумка должна быть передана. Это часть груза.

— Ищите скрытое послание в сумке, — раздражённо приказал Ардуша. — Переупаковывайте.

— Нашли, мастер.

— Ну, подделывайте. Снаряжайте колу. Запрягайте псов. Я пока отдохну. Что-то нехорошо мне с утра.

⁂

Чёрная кола на треугольных катках двигалась по прибрежной дороге к гроту. На козлах правил каропус. Мальчик сидел рядом ним – ради удовольствия и ветра скорости. Остальные ехали внутри. Среди них – Серафим. Жинго сидел по правую его руку. Ящер летел где-то над ними с длинным линем на шее. Он не был привязан. В этом не было нужды – они с Хаконом нашли общий язык задолго до окончания пути из нижних земель в Обитель.

Когда поселение и его предместья скрылись из виду, карету стал нагонять пылевой комок. Их преследовала группа всадников. Каропус ускорил ход, но трое гигантских псов не были рождены в этих землях. Они начали уставать. Ардуша свернул с дороги и погнал вдаль от озера прямо по каменистой пустоши. Треугольные катки справлялись. Мягкие лапы

собак – тоже. На какое-то время этот манёвр увеличил дистанцию. Через несколько минут, однако, охотники приблизились настолько, что стали различимы слова в их криках:

— Суши вёсла, Горбун, а то собачек постреляем.

В подтверждение намерения раздались пистольные выстрелы.

— Сдвинуть оконные заслоны вниз, — чётким, но негромким выкриком приказал Ардуша. — По моей команде «хотц» поднять заслоны. То же – в случае моей гибели или ранения. По той же команде, Хакон – заставь ящера пролететь надо мной. Не знаю как – заставь!!! В разговоры не вступать!

Через несколько ударов сердца чёрная карета встала. Её окружили шестнадцать всадников в одеждах преимущественного коричневого цвета. На колу были направлены с десяток двуствольных пистолей с колесцовыми замками.

Представитель их был… Серафиму было трудно подобрать слово, строгий такой… и весь в чирьях… Серафиму казалось, он и сейчас чирья из себя выдавливает.

— Чего тебе? — бросил ему каропус.

— Наше чудное внимание тебя и твоих людей томило? — спросил бандит с трупной улыбкой. — В душе у вас мой голос не раздавался?

— У нас нет ничего, что было или есть твоё.

— Я тебе верю, как родному, — захихикал трупный.

— Ещё раз спрашиваю: чего вам надо?

«У них ни в одной гримасе, ни в жесте, ни в репликах не было ни малейшей неловкости, к постоянным малым проявлениям которой мы так привыкли в обычной жизни, — понимал Серафим. — На каждой бандитской роже изображалось столько достоинства, что про такое количество никто из нас ничего и не знает».

— Что нам надо, — осклабился представитель. — С чего ж начать? Свидетельствующий сие говорил. Плата-Пансо ваш дела не доделал. Пропал куда-то. Товар попортил. Кто за него в ответе? Горбун. Теперь Тоспехо. Берта, Сарра, Ревекка, Адель, Анна и Ида. А? Убил? Убил. Наш человек не был поначалу уверен, что то был ты. Но после убедились. Ни у кого такой блажной одежды больше нет. Не на этой стороне гор. Хакон. Чёрным помогаешь, ривалам нашим извечным. Жинго. Этого пусто-

канцлера мы просто заберём. Выкуп возьмём. Рату. Жульничала против нас? Жульничала. Что ж ещё? Ах, да. Груз драггов, металлов. Он – наш. Теперь наш. А теперь вот и повозка ваша нужна – такие славные треугольные колёса. Серафима и Лариэля накажем за пособничество.

Один из них как бы вдруг, как бы спросонья, начал прищелкивать пальцами, расставив ноги врозь, и подпрыгивать верхней частью корпуса.

Тётка с кривой щекой выпрямилась и протянула руку… Вдруг в глазах её совершилось какое-то невероятное дело: она внезапно подняла хлыст… И послышался резкий удар. На шее мальчика заалел рубец. Она медленно опустила хлыст, подошла к Лариэлю и слизнула его кровь.

— Надо же, какой человечек, — послышался насмешливый женский голос из-за её покорёженной щеки. — Вот и кончились наши страдания!

По головам и ртам бандитов прокатился невеселый смешок.

— В момент расплаты золотой, который ей-ей, грядет, — выдала одна из глоток.

Люди Ардушы оцепенели. Немотствовали уста их. Молчала их совесть.

— И давай без насилия, Горбун. А то кто за тебя детишек будет воспитывать? Авертигус, что ли? — сотворил представитель коричневых отвратительную реплику о переложении ответственности.

Ардуша почернел. Грудь его выгнулась внутрь.

Оскорбительная для естества человека правда состоит в том, что внутренний рассудок его начинает действовать раньше, чем он успеваете решить, хочет ли он действовать.

— Не заповедована нам жалость. И зубоскальство нам никто не заповедовал, — свинцово молвил Горбун. — А заповедана нам любовь ко всякой персти, ко всякому чреву. И ко плоду всякого чрева – жалость. Но если была справедливость, то прах в тебя! Имя славное нетленно! Воли моей не искушай! Приготовь себя!

«Хотц!»

Чёрная карета мгновенно ослепла пропавшими окнами. По лицу лучника шелестом и длинной волной полоснул линь, летящий по небу. Ардуша молниеносным выворотом руки обмотнул конец его вокруг запястья, дёрнул что было мочи и заорал, пытаясь напугать ящера. Тот и

вправду струхнул, дёрнулся ввысь и выхватил с козел Ардушу. Животное, конечно, не могло унести совсем не лёгкого мужчину. Каропусу этого и не было нужно. Он взлетел, затем начал спускаться вместе с ящером, а в какой-то момент отпустил линь и приземлился, перевернувшись через горб. Прыжок на канате в мгновение ока создал дистанцию между ним и лиходеями, остолбеневшими у кареты. Между ними было шагов сто пятьдесят.

Раздалась беспорядочная стрельба по карете и по каропусу. От кареты пули отскакивали. А в каропуса на таком расстоянии вести прицельную стрельбу из пистолей было бесполезно. Половина злодеев были вооружены крупными луками. Луки пошли в дело. Трудное это дело – поразить человека стрелой издалека.

Каропус встал в спокойную стойку. В следующую минуту происходило истребление. Ардуша брал стрелу, через мгновение она просекала горло одного из коричневых, украшая одежду жертвы вторым оттенком – бардовым. Он брал стрелу, здоровался с ней – она же, в качестве ответного приветствия, рассекала плоть следующего лиходея. Он приглашал в полёт новую стрелу, и расправа продолжалась.

После третьего трупа некоторые бандиты рванули было к Ардуше на сокращение дистанции или даже для того, чтобы вступить в ближний бой. Они, однако, быстро поняли, что это лишь меняло номер их очереди в неумолимой последовательности смертей. На номер более ближний. На десяти трупах оставшиеся шесть почти-трупов пустились наутёк в сторону дороги. Но что такое для каропуса высшего разряда двести шагов? Триста шагов. Аппетит к кровушке приходит во время кроволития – только и всего.

Когда все бандиты стали пищей для стервятников, каропус решил помочь птицам. Он вернулся к карете, приказал Хакону взять свою рапиру у Серафима и отщёлкнуть вбок острие. Затем Хакон методично искрошил все шестнадцать тел до полной неузнаваемости пустотой, пребывающей вдоль клинка рапиры. Всё, что происходило в эти минуты, до тех пор, пока рапира не вернулась к нему, оказалось для Серафима непостижимым.

Лошади разбежались. Серафим понял, что у них есть несколько часов, пока за ними не снарядят погоню. В этот раз уже в сотню всадников.

Люди высыпали из кареты. Каким чудом не попал под пулю лежащий в козлах Лариэль, осталось неизвестным. Но и он, в совершеннейшем смятении, спустился и встал на твёрдую почву.

Ардуша застыл посреди всех, чтобы разрешить мысль свою.

¶

Фрагмент 43. Рандомный ворох экскретов

¶

Перепуганные псы отплатили за зло добром: они доставили чёрную карету к нужной скале за кратчайшее возможное время. Предстоящее восхождение представлялось Серафиму, который здесь не бывал, некоей аскезой каменного шага. Она, он надеялся, позволит не думать о пережитом кошмаре и ещё предстоящей ответственности за него. Его техничный ум искал энергетического превращения физического усилия в суррогат покаяния. Он надеялся, что болью в мышцах можно откупиться от боли совести.

— Люблю предельно честные сделки, — сказал Жинго. — Добровольная боль в икрах в обмен на прекрасный вид.

— Сейчас попыхтим от натуги, и всё плохое выпыхтим, — сказал Лариэль.

— Тебе ли беспокоиться, с твоим-то весом, что телесным, что греховным, — вздохнул Хакон.

— Ты чего, сизая кудря, удумал нас и себя обвинять в такой примитивной попытке уйти от греха? — проворчала Рату. — Если кто и катает камни вверх, так только контрабандисты.

— Ваше дело сейчас – под ноги смотреть, — резко сказал Ардуша, пальцем указывая на ненадёжность осыпающихся кое-где ступенек. — Вверх не надо.

Ящер, помогая себе полувзмахами чёрно-зелёных перепончатых крыл, взбирался кое-как вслед за вереницей людей, восходящих к гроту по каменным ступеням. Хакону не удалось объяснить ему, что надо просто взлететь и сесть на площадку перед входом в грот. Впрочем, когда они взобрались на самый верх, упрямство животного получило объяснение – приземлиться сюда, не задев крылом нависающего свода, было невозможно.

Вскоре Тоспехо вновь сидел верхом, пристёгнутый к седлу. Под седлом была приторочена сума чёрных контрабандистов. Ящер пыхтел и со-

пел, но не артачился, не взбрыкивал. Видно было, что перспектива прыгнуть с обрыва была ему ясна, и ничего плохого он в этом не находил. Хакон начал прилюдно ныть. Он разглагольствовал, что зря он не дал своему другу имя, что лететь надо было ему, что «мы не знаем, что делаем».

Белый срез холма обрывался в воду почти отвесно. Зелень разнотравья на волнистом плато вокруг настраивала на долгий полёт над водами, которые могут быть неспокойными. Известняковые обрывы сверкали в свете неба Авертигуса ярким мелом. Холодало. Возможно, в связи с этим, несмотря на огромную дистанцию, исток Реки был прекрасно виден на восходящей стенке Цилиндра.

— Я слышал когда-то присказку, — в задумчивости проговорил Тоспехо, — что великую сферу можно растворить лишь в плоскости. Знаешь что… думаю, тыква сама скоро рассудит.

Судья с каропусом переглянулись: «Здоров ли наш посланник?».

— Ад для существа – когда все вокруг другие. Она была такая одна. Быть собой ей стало невыносимо, но и отказаться от себя тоже было нельзя…

Ардуша всерьёз забеспокоился о психической готовности пилота к полёту, поэтому прервал рассуждения старика:

— Всё будет в лучшем виде. Хакон, приказывай.

— Погоди, Ардуша, — придержал его за руку старик. Затем Тоспехо притянул голову каропуса за воротник к себе: — Хочу подарить тебе тросточку – вдруг прихромаешь. Только если прихромаешь. Теперь можно. Отдаю, не потому, что хочу отдать. Птичке моей она не нравится. Тебе отдаю не потому, что ты главный. Ты не главный. А потому, что ты формально всё-таки урод – тебе нужнее. Ну, прощай, мой дорогой. И ещё…

Старик говорил Ардуше что-то ещё, чего Серафим не мог расслышать. Хакон свистнул. Ящер присел.

Но для того лишь, чтобы обильно освободить свой кишечник на плоские камни. Образовалось огромное ярко-оранжевое пятно со множеством чёрных вкраплений.

После этого птеродактиль-без-имени прыгнул вниз и расправил крылья. Полёт ящера быстро выправился, животное с наездником плавно снизилось, летя вдоль ровной прямой, прижалось почти вплотную к воде и полетело, словно крылатая безмачтовая яхта.

Ардуша оттянул в сторонку судью. Они о чём-то ожесточённо заспорили. Разобрать можно было лишь свирепое шипение каропуса. «Он сказал, превратится в любую вещь, если есть два свидетеля». «Ну начиталась ты про эти часы, ну и что, зря боишься, старая». «Жинго подтвердит, его слово всё равно ничего не значит, сама такое заключение вынесла».

— К утру долетят, — с удивлением оценил скорость полёта Лариэль. — Но нагадил-то! Специально захочешь – не нарисуешь такого.

Серафиму резануло слух слово «специально». Специально? Он, стараясь не обращать внимание на запах, присмотрелся к плоской луже экскрементов. Решение прошло само.

— Сносим тела Первых в карету, — скомандовал Ардуша. — Побольше мха простелите. Быстро. У нас не больше часа гандикапа осталось.

— Часа два – минимум, — спокойно сказал пацан. — А то и три.

Серафим с благодарностью посмотрел на него:

— Послушайте все! Появилось новое обстоятельство, — указал он на дерьмо. — Вам нужно мне поверить. Пройдём в грот, я объясню. Умоляю.

⁂

В гроте всё было по-прежнему. Пять тел возлежали на мху. Но сейчас здесь было уже теплее, чем снаружи. На улице продолжало холодать.

— Начну с формального высказывания, — сказал Серафим. — Цель моих слов – убедить вас проделать здесь и сейчас абсурдную и неприятную процедуру. Я чувствую в этом, лично для себя, если и не величайшую необходимость, то крайне болезненную потребность. Движет мной комбинация редкого эмоционального состояния, беспрецедентной интуитивной уверенности, а также логической неспособности дать происходящему иное объяснение, кроме того, которое я вам представлю. Отдельная моя обеспокоенность состоит в том, что я ощущаю дефицит времени, поэтому вынужден буду использовать упрощения.

— Давай уже, — сказал Ардуша.

— На карте шарманки – пять групп пометок. Создатель карты, видимо, проводил раскопки в пяти местах. Рудниках, шахтах или пещерах. Все они – в русле нового притока Великой реки Иллюмироса.

— И старого тоже.

— Да. Приток намеренно был осушен на время раскопок. Точки на карте расположены относительно друг друга в рамках той гармоники, где резонанс Цилиндра...

— Проще!

— Кто-то исследовал возможность побега из мира, пытаясь проткнуть Цилиндр в уязвимых местах. В уязвимых по мнению копателей.

— Её зовут Притхима, — сказал Ардуша.

— Та самая, из легенды? — опешил Серафим.

— Да. И рыла она одна. Очень долго.

— Не одна, — с уверенностью сказал Серафим. — У неё было два сына-близнеца. Так... это кое-что проясняет. Я, конечно, думал, что это карта какой-то крупной группы единомышленников-рудокопов, судя по объёму работ.

— 288 лет, — сказал Ардуша. — Вот её единомышленники. Дальше.

— Мотив побега, желание воздействовать на внешнюю оболочку Авертигуса не упоминаются – это лишь мой инженерный вывод, исходя из логики действий.

— Я бы особо не уповал на логику в её случае, — мрачно сказал Ардуша.

— А вот что проявляется в многочисленных заметках на обратной стороне...

— На обратной? — встрепенулся каропус. — Там, где блёклая мандала?

— Да. Там многократно упоминается ожидание... нет, раздражённое ожидание пробуждения Первого Канцлера. Теперь всё встаёт на свои места... Если это писал один человек... Почерк со временем менялся, но мотив сохранялся. Её интересовал лишь этот Джинго.

— Джинго?

— Да. Первый Канцлер. И вот теперь самое главное. Как ты правильно заметил, ни структурных знаний, ни силы логики в записях нет. Лишь упорство. И, как я сейчас понимаю, нежелание кого-либо привлекать в помощь.

— А сыновья? — спросила судья.

— Такой информации нет. Есть – или было – два сына. На этом всё. Так вот. В другом мире случилась, якобы, война богов. Боги отличались типом симметрии...

— Проще, — снова приказал Ардуша.

— В этот раз проще не получится. Это и так уже моя интерпретация. В текстах поверх мандалы – и вовсе заросли ментального чертополоха. Я покажу наглядно.

Серафим приложил ладонь ребром к пыли на полу грота.

— Один бог олицетворял понятие «два». Лево-право. «Перед зеркалом» и «зазеркалье». «Да» и «нет». «Добро» и «зло».

Серафим убрал ладонь, отряхнул её, а затем прочертил пальцем три луча, исходящие из одной точки, равномерно в разные стороны, и поставил указательный палец вертикально в этот центр.

— Второй бог явил понятие «три». Всё крутится вокруг вот этой оси. Вместо «да» и «нет» – «истина», «ложь», «неизвестно».

— Я так понимаю, это Авертигус, — без энтузиазма заметил Ардуша.

— Да. Авертигус победил. И помогли ему три героя, — Серафим указал на тела Первого Канцлера, Первого Царя и Первого Короля. Три мужчины.

— Чем же могли помочь смертные? — спросил Хакон.

— Один помог с оружием. И это – твой предок, Хакон.

Хакон оглядел всех и развёл руки в стороны. Потом он оттолкнул воздух ладонями в жесте отказа от какой-либо ответственности или преемственности.

— Второй придумал, как избежать войны в будущем. И это – твой предок, Жинго.

Жинго лишь почесал в очередной раз плечо – во время перестрелки он имел глупость приоткрыть заслонку и получить несильный удар. «Чтобы узреть творение истории», — так он выразился потом в своё оправдание. Одна стрела, по касательной, смогла каким-то причудливым образом, боком, в биении между краями зазора, просочиться внутрь кареты и ударить оптика Жинго древком. Да будет восхвалена милость Предков, никто не пострадал, кроме легкомыслия оптика.

— Роль третьего героя состояла в том, что он, в самые тяжелые для бога времена, отыскал его, почти поверженного, в каком-то жутком лого-

ве. Затем он нашёл и привлёк к работе других двух героев. Втроём они победили.

— В смысле бог победил?

— Бог-то победил. Но от этого он потерял сознание. Точнее – после этого. Не обязательно вследствие этого. Если дословно, звучит это так: «У Лорда-вседержителя Вселенной и всех душ к жизни Вкус похитили, даром что он вездесущ».

— Звучит как песня, — заметила Рату.

— Забыл сказать. Все заметки – это наброски к текстам песен. Там даже ноты есть. Я вам даю компиляцию и квинтэссенцию смыслов.

— Получается, он до сих пор в бессознанке валяется, Авертигус-то, — отметил Лариэль.

— Возможно.

Судья бросила взгляд на тела в глубине грота:

— Погоди, Серафим. А женщины?

— Что женщины?

— Какова их роль?

— Это просто женщины героев. Жёны, наверное.

— Так оскорбительно просто?

— А что я могу сделать, — развёл руками Серафим.

— И Притхима, конечно, – это жена Первого Канцлера, — сказал Ардуша.

— Получается, что так.

— Коль Жинго, Ардуша и Хакон – потомки мужчин, — сказала Рату, — тогда я должна быть родственницей либо Первой Шахини Солартиса, либо Первой Императрицы Арганора.

— Шахини, — кивнул Серафим.

— Откуда такая уверенность, Серафим?

— Из их имён. Они созвучны вашим.

— И кто же потомок Императрицы? Видимо, Виргилия, — спросил Ардуша.

— Ещё я, — сказал вдруг Лариэль. — Виргилия – моя нерадивая мамаша.

Все, конечно, притихли в ожидании, пока Жинго сообразит, что произошло. Он и сообразил. Серафим отметил про себя, что, к чести оптика Жинго, он ограничился сменой цвета лица на ярко-красное. Ардуша посчитал нужным сменить ход беседы:

— Родственные связи обсудим после. С какой целью ты нас задерживаешь в этом гроте, Серафим?

— Да. Действительно. Теперь самое жуткое. Оба бога – что поверженный, что победивший – живут очень медленной мыслью, в которой смерть и рождение отдельного человека являются одним, самым маленьким, шагом.

— Питаются смертями? — воскликнул Хакон.

— Рождениями тоже, если уж на то пошло, — постарался урезонить его Серафим. — Переход из рождения в смерть, снова рождения и смерти – они как разветвления на дереве. Всё новые и новые. Приход и уход поколения для бога – это как нам оценить красоту облачка.

— Ежели бог так медленно думает, может он и не в обмороке вовсе? — заметил Хакон. — Просто Притхиме показалось, что он спит или сознание потерял.

— То мне неведомо, — продолжил Серафим. — Не думаю, что она этого не понимает.

— Понимала, — поправил Ардуша.

— Сейчас мне важно донести до вас то, что победивший бог оказался много гибче. Три всё-таки намного больше, чем два.

— Вот уж и больше. Всего в полтора раза, — сказал пришедший к этому времени в себя Жинго.

— А вот и нет. Два – это всего-лишь поверхность. А три – это целый мир. У прежнего бога всё было предельно просто и жёстко. Набедокурил – сам расплачиваешься. Вход – выход. Было – не было. Ответственность прослеживается элементарно. А у «нашего бога» – в любой паре есть третий. Например, у каждой из трёх семейных пар, — он кивнул в сторону тел, — был некий... куратор, так скажем. И похоже, у Притхимы с Первым Канцлером куратором был сам Авертигус.

— Предки добросовестные, — выдохнул Ардуша. — Кураторы только в заключении браков или вообще во всех делах?

— Не знаю. Думаю, во всех, которые имеют отношение к процессу думания богом. Так… Я подобрался к практической сути. Эти самые третьи лица должны оперировать рандомностью…

— Проще! — оборвал Ардуша.

— Совершил преступление – обязательно пострадает какой-то непонятный вовлечённый. Авертигус думает тройными кодами. У каждой элементалии мысли – три конца. Два входа и один выход. Или один вход и два выхода. Они должны принимать решения, делать что-то, полностью в отрыве от собственной воли. И это не всегда люди. Важен сам принцип.

— Это как? — спросил Жинго.

— А вот так, например: нагадил у входа в грот ящер. Видели? Оранжевым и чёрным. Я могу взять и заказать ковёр с таким узором. Могу же?

— Нельзя тебе в этом отказать, — сказал Ардуша.

— Для Авертигуса случайное число как понятие – это предмет вожделения. Притхима, опираясь на свои изыскания, выяснила, что эти тела, — он кивнул на пятерых Первых, — можно воскресить, если собрать пятерых потомков, возложить их вместе с телами на рандомную мандалу определённых цветов, а в центр воткнуть ту самую рапиру. Рапира – это некий глаз, который может сопоставить точки на мандале. Так у неё написано. Нарисовать она её в принципе не могла. В рисовании есть намерение, но нет случайности.

— То есть, ты предлагаешь нам всем улечься в свежее дерьмо ящера, а ты при этом останешься чистеньким? — попытался прояснить ситуацию Лариэль.

— Получается, что так, — сказал Серафим. — Не посчастливилось родиться нобелем.

Жинго частично спас ситуацию рассуждением:

— Ежели разоблачиться, то одежда не пострадает. Но зато будем сидеть в карете голыми королями.

— Часа два-три, — сказал Лариэль.

— Почему два-три? — спросил Жинго.

— Я слышал, что на побережье есть ещё один грот. Дороги туда нет. Поедем по пустоши. Умыться сможем только там. Там есть древняя мыльня, как в городах.

— Может, всё-таки в озере искупаемся? Или вообще не будем ложиться в дерьмо? — предложил пару альтернатив Ардуша.

— Неа, — с определённостью покачал головой мальчик. — Простынем. На озеро посмотри – оно уже в корке льда.

— Всем нужно ложиться? — с обречённостью спросила судья.

— Уверен, что да, — сказал Серафим. — Всё на это указывает. Что-то вас здесь собрало.

— Всё из-за меня, братцы, — сокрушённо сказал Хакон. — Это я случайно танец тот станцевал не так.

— Так ты всё-таки станцевал, когда мы на мыльню с судьёй ушли, — ткнул в направлении Хакона пальцем Ардуша. — Так и знал.

— Нет, к моей печали, мастер. Раньше. Дёрнуло меня что-то. Голова закружилась вдруг сильно. Шёл я как-то мимо скверика. Там пынгвины деревянные. Дай, думаю, клин клином изшиблю – покручусь в одном из них, авось вывернет вертиго наизнанку. Ну и сел. Ну и покрутился. Пока крутился, вознёс молитву любви по всем пяти сторонам света. Апосля этого всё и закрутилось. Обменяшку свою зарядил какой-то новой неведомой мыслию. Через несколько дней вы появились. Вся эта круговоротина пошла кругом, до сих пор очухаться не могу.

Жинго и Ардуша переглянулись.

— Пингвины те не в нужную сторону крутятся, Хакон, — сказал карапус.

— Так и я том, — согласился Хакон, в голове которого до сих пор был круговорот.

— Подождите-подождите, — сказала судья. — Кто же кураторы у других двух пар?

— Притхиму интересовала лишь судьба своей пары, — сказал Серафим, приступая к переносу тел на мандалу.

⁂

Все, естественно, спустились к озеру, сломали кромку льда и умыли руки. Ардуша попросил Серафима извлечь из баррель-органа книгу. Затем он взял её чистыми руками, уселся на скамью в карете и принялся читать.

Конечно, пять тел Первых после ритуала и не подумали воскрешаться и вообще как-то меняться. Всё, что произошло за это время, – это даль-

нейшее похолодание. Теперь пять тел покачивались в свежих пластах мха на дне чёрной колы. Собаки сами поняли, что нужно двигаться примерно вдоль берега, огибая валуны и ямы.

Здравый смысл возобладал. Все пятеро грязных людей оказались неплохо воспитаны, учитывая даже определённые пробелы в образовании оптика Жинго и недостаток благополучия в детстве Лариэля – они не опустились до глупой и мелочной мести. Поэтому Серафим сидел на козлах, мёрз на чистом ветру и разговаривал с рапирой. Она шептала:

«Три души живут в моей груди. Одна хочет отчитаться, другая хочет знать. А третья предпочитает молчать. Механизм стал рыцарем. Знание не принадлежит тому, кто платил. Оно принадлежит тому, кто выдержал. Я знаю врага лучше, чем вы. Поэтому я не могу вам доверять.

Красота – единственное, что можно стерпеть».

¶

Фрагмент 44. Ось мира

¶

Смрад, мороз и быстрая езда. В логике сопротивления холоду, материя, люди и даже их мысли структурировались, как светлюшки в металле, чтобы не рассыпаться в хаос. Изо рта Серафима при каждом выдохе вылетало облачко. Привязанная прямо за эфес к его поясу рапира холодным прутом долбила по лодыжке на каждой неудачной кочке.

Внутри кабины было теплее.

— От беспризорника с ворохом ворованных обменяшек пахло хуже, — пытался приободрить своих нагих спутников Жинго.

Скорость потрясающая. Заснеженная прерия – ровная и посверкивающая. За спиной разгорается слабое зарево – видимо, в Обители новые пожары. Впереди, далеко впереди – два горных пика, меж которых Серафим и целит по инструкции Лариэля. К вечеру они питают надежду добраться до грота. Они запланировали две короткие остановки, чтобы псы могли чуток передохнуть и напиться. Однако, не пришлось.

— Держитесь. Вижу цель! Клубы пара, — извне чёрного корпуса кареты воскликнул Серафим.

Чувствительные к запаху псы, в тщетной попытке убежать от вони, доставили всех к месту назначения удивительно быстро. Тепло позволяло им жить настоящим, но холод заставил вспомнить, как жить будущим.

Здесь был тёплый бассейн, он парил искренне-белым. Здесь были благословенные водопадики для омовения. Здесь был покой и шанс отойти от тряски бездорожья. Время, наконец, притормозило. Мыльня! Настоящая мыльня.

Умытые под струями воды, они сидят полукругом в каменной ванне. Они смотрят на озеро, покрытое тонким и ровным льдом. Они смотрят на небо, куда бодрый ветер и здоровая Кориоль относят пар от тёплой ванны.

— А где, собственно, грот? — первым опомнился Жинго.

Вопрос повис в парном воздухе, потому что напротив них стоял Плата-Пансо. Конь его маячил позади.

⁂

— Грота тут отродясь не было. Только мыльня, — сказал Плата-Пансо, — да и та ущербная.

— Чего это она ущербная? — с недовольством спросил Жинго.

Он счёл невежливым прерывать неоконченный диалог, поэтому отложил вопрос, какого лешего тут делает бывший мажордом. Судьба книг и библиотеки его интересовала и того меньше.

Все остальные молчали, сочтя за благо передать роль переговорщика оптику Жинго. Никто ведь не догадался положить оружие на край ванны. А вот Плата-Пансо был неплохо вооружён: на поясе под его плащом явственно оттопыривались две пистоли.

— Не претендую на вашу радость относительно своего избавления, но простое «Привет, дорогой Плата-Пансо» было бы уместно, — сказал мажордом. — А ущербность почувствуете, как только ветер сменится.

— Ты зачем книги сжёг, гадина? — сказал Ардуша.

— Вот этого не помню, мастер, — сокрушённо ответил Плата-Пансо. — Нет мне за то прощения. Попал в плен.

— Какой плен, злыдень? К кому?!

— К контрабандистам, к кому ещё? — удивился такому вопросу мажордом, привязывая коня.

— Что ты нам голову морочишь? Почему нам не сказал? Почему к настоятелю не обратился? — попытался каропус смутить мажордома провокационным вопросом.

Но не тут-то было.

— Так он и есть их главарь, настоятель-то. Как бы я вам сказал? Ты, мастер, когда последний раз с бандитами общался? В превосходящем количестве?

Плата-Пансо снял тёплый меховой плащ коричневой дублёной кожи и перекинул его поперёк седла. Туда же попали обе кобуры и пояс.

— Недавно общался, — сказал каропус. — Я их проредил.

— Так я и заключил, — уважительно произнёс мажордом, разоблачаясь до исподнего и заходя в каменный бассейн. — Остаток-то банды выехал

вас искать. Тогда я и дал дёру, воспользовавшись замешательством в лагере. Они, конечно, подумали, что вы в нижние земли тикаете прямо сейчас. Во, смотрите, как исполосовали.

И действительно, спина его была покрыта крайне отталкивающими шрамами от плетей. Тут Плата-Пансо что-то вспомнил, выбрался из воды и, как был – мокрый, ушёл к карете. Он открыл дверь, тут же отпрянул и захлопнул её. Не подав виду, он обошёл вонючий катафалк сзади и выудил из багажного сундука простыни. С одной из них в руках он подошёл к судье, предложив ей помощь. Та приняла её и вышла, вся в клубах пара.

— Настоятель – контрабандист? Коричневый? — тихо спросил Серафим.

— Да всякий. И коричневый, и чёрный. Ещё серые у него есть. Так всякая власть устроена, дорогой незнакомый друг. Стой за кулисой, дёргай ниточки.

— Как же он всех держит в узде? — не мог поверить каропус.

— Вечный он. У всякого контрабандиста есть дед, а то и прадед, кто настоятеля застал. В том же виде. И в нижних землях у него всё схвачено. С каждого заседания суда члены банды сухими выходят. Ещё, говорят, в двух местах сразу может быть.

— Не может, — сказала обёрнутая в белую простынь судья. — Их двое было. Близнецы. Давайте приведём себя в порядок, коль уж выяснилось, что нет ни погони, ни грота. А затем поймём, что нам делать и что сделать с телами Первых.

— Утопить их надо, — сказал Плата-Пансо, в блаженстве раскидывая в стороны руки и ноги в тёплой воде. — А лучше сжечь, а потом утопить.

Под водой Серафиму стал заметен его прозрачный меч, привязанный тесьмой прямо к исподнему. Серафим решил своё наблюдение не обнаруживать и уж тем более на эту тему не распространяться ввиду и так крайне мутной, на его взгляд, конфигурации межличностных отношений и мотивов.

⁂

Остаток дня и весь следующий день люди пытались обустроить свой быт в условиях холода. Провизия и дрова были в избытке. Плата-Пансо прискакал тоже не налегке. Серафим не мог отделаться от мысли, что

мажордому пришлось бы прикончить всех оставшихся в лагере бандитов, чтобы суметь собраться столь основательно. В его поклаже был даже походный котёл для варки высокого давления. Жилище соорудили прямо под каменной чашей, где находились водопадики для омовения, выставив защитою от сквозняков «стены» из веток и хвороста. Как и предупреждал мажордом, время от времени неприятно пахло подземными газами, которые выходили на поверхность из скальных расщелин неподалёку. Вместе с шумом постоянно льющейся воды это создавало особую атмосферу, к которой, впрочем, оказалось не так и сложно привыкнуть.

Еще через день напряжение помыслов стало нарастать, так как большая часть людей ожидали от того момента, когда Тоспехо выложит на прозрачном мосту драгоценную цепь, некоего чуда. А чуда всё никак не происходило. Либо оружейник не долетел, либо Авертигус на распознал сообщения. Существовало также непопулярное мнение, что у сообщения просто не было и нет соответствующего адресата. Единственный, кто воспринял такое положение дел как повод для творчества, оказался Жинго.

— Посетило меня озарение, — вещал он, уже одним этим вызывая у Ардушы судорогу некоторых мышц лица. — Точнее – подходящее размышление. В мире есть три материи, правильно? Твёрдое, жидкое и летучее.

— Ещё огонь, — напомнил Серафим.

— Это не материя, — отмахнулся Жинго.

— Очень даже материя.

— Тем более, — нарушил Жинго законы риторики и логики, чтобы отвязаться от Серафима. — Надо этим запутать Авертигуса.

— Это как? — спросила судья.

— Что если заставить какое-то количества вещества менять состояния сложным образом, чтобы даже демиургу не хватило флегматичности? Даже воду можно заставить замерзать или вскипать не в той горячности, где «положено».

— И что?

— А если это делать многими быстрыми циклами? «Предназначения к повелеванию», обусловленные нашим невнимательным демиургом, могут погрузиться в беспорядок, высвободив естественный хаос.

Серафим сразу оценил идею по достоинству:

— Точка температуры и давления, в которой происходит переход из состояния в состояние, не является фиксированной. Она зависит от того, как параметры изменялись до достижения этой точки. Я бы выбрал на роль Возмутителя спокойствия Авертигуса красивый цирконий из-за его предательской по отношению к Вечности роли. Диоксида циркония полным полно в скалах. Самопроизвольный адиабатический переход при высокой температуре сопровождается скачкообразным изменением объема. В котле такое можно сделать. Правда, котёл испачкается навсегда.

— Знатная идея. Мысль, молитва и даже закон лучше работают там, где эмоции замерзают, — произнёс, поёживаясь от холода, Хакон с несвойственным ему пафосом.

— У нас два котла, — принял за всех окончательное решение Жинго.

Значительное время ушло на подготовку опыта.

Как и можно было ожидать, опыты с гистерезисом, как назвал это явление Серафим, ни к чему не привели. Кроме потери одного из котлов. Серафим, впрочем утверждал, что искомое состояние вещества достигнуто было, хотя и на очень короткое время.

Сразу после всеобщего разочарования Хакон исчез. Заметили это не сразу, но потом быстро отыскали по следам. Он, оказывается отправился к тому месту, где из-под почвы выходили газы. Серафим сказал, что это называется в книгах Предков гейзером. Хакон лежал там без чувств. Его унесли на мыльню и быстро вернули к жизни. Хакон, хоть и под давлением товарищей, но рассказал, что у него возникла идея закинуть сообщение в тело Авертигуса, воспользовавшись этим естественным прыщом в его шкуре. Ни содержание послания, ни даже способ его донесения Хакон так и не раскрыл.

Тем временем, продолжало холодать. Лёд на озере схватился окончательно. Теперь по нему можно было ехать в карете. Было бы куда и зачем.

⁂

Не прошло и трёх дней после фиаско с гистерезисом и гейзером, как Хакон предложил в тех же целях сжечь тела Первых Правителей. Сформулирована эта инновация была в весьма эмоциональном ключе. Впрочем, вполне возможно, к этому его подбил Плата-Пансо. Совпадение это

было или нет – неизвестно. Но примерно в тот момент, когда прозвучало кощунственное предложение, Лариэль воскликнул:

— Смотрите!

Он указывал в небо. Вдоль оси Цилиндра все увидели тончайшую сверкающую нить. Никто никогда, конечно, не видел Ось как таковую. Но все могли с достаточной степенью разумности предположить, где примерно она должна быть. И вот именно там была теперь прямая как луч света линия.

— От холода инеем покрылась, толстым слоем, вот и стала видна, — высказал, наконец, здравое предположение Серафим. — Пока была чистая, её отсюда было попросту не разглядеть. А сейчас свет рассеивается на снежинках во все стороны. Может даже, там на много шагов наросло снега, так и не скажешь.

Наблюдения в подзорную трубу не смогли ни подтвердить, ни опровергнуть это предположение. Однако, все его с готовностью приняли. Версий, для чего такая ось нужна, ни у кого не было.

Тут Серафим заметил выглядывающий из под полы мажордома прозрачный меч. Он всё ещё пропускал свет, но теперь разглядеть его не составляло труда. Что тут же и произошло:

— Предки добросовестные! Это у тебя откуда? — воскликнул Ардуша.

— Трофей. Из Фольмельфтейна коричневые привезли.

Все с восхищением рассматривали невиданное оружие.

— Освещение из-за холода изменилось. Вот он и проявился, — сообщил Серафим, чувствуя определённую ревность к этому открытию.

— Поясняй, — потребовал Ардуша.

— Так вот они зачем! — воскликнул Плата-Пансо.

— И ты поясняй, — повторил свой приказ каропус.

Однако первым ответил, конечно, оптик:

— Транслюсентность, просвечиваемость то бишь, есть результат не только чистоты, то есть отсутствия дефектов. Прозрачность привязана к типу света.

— Да, — подтвердил Серафим, — у светлюшек не должно быть нужных полочек в энергии.

— И что?

— Тотальная видимость есть механизм дисциплины, — сказал мажордом. — Прозрачность – это проблема восприятия. Приватность, доверие, подозрение... это культура отношения к оружию. Сигнал извне можно подать, когда можно воевать, а когда нет.

— Пансо абсолютно прав. Полная прозрачность – это особая форма тьмы, — сказала судья. — Авертигус сможет отдавать приказ к бою.

— Вот заладили: Авертигус-Авертигус, — бросил мажордом. — Канцлерша сама сможет, когда привьёт привычку. Мало ли что можно сжигать в городских фонарях в качестве топлива. Ещё и будет после начала войны отнекиваться, не я, мол, сигнал подавала.

— Канцлерэсса, — поправил Жинго.

— Канцлерэсса, — поправился Плата-Пансо.

— Так ты этого не знал? — спросил Ардуша.

— Откуда? — удивился мажордом. — Я ещё удивлялся, зачем контрабандисты все свои сбережения стали срочно тратить на скупку этих мечей. По любой цене.

— Цепь, видимо, с той же целью полетела в город, — высказал общее мнение Ардуша. — Скупка имеет смысл. Материала под Седьмой башней не так много. А карта рудников – у нас. Настоятель прозорлив. Уважаемая Рату, ты упомянула, что знаешь что-то о брате настоятеля. Что он за человек?

— Он – один из погибших на том плоту, Ардуша, — мягко сказала судья.

— А. Вот как, — каропус сразу замолчал. Но через какое-то время переспросил: — Ты знала?

— Что? Что мой ассистент был братом-близнецом несуществующего якобы предводителя всех бандитов мира и, по совместительству, настоятеля уникальной религиозной обители, тоже несуществующего? — съязвила судья. — Нет, представь себе, не знала. Но теперь-то вижу, что к чему. Вижу основания.

— Плата-Пансо! — занервничал каропус. — К тебе какие были требования у бандитов? Ответь, пожалуйста, не увиливай.

— Знамо какие – чтоб секреты моего Рода раскрыл!

— Что за секреты?!

— Они на то и секреты, мастер. Прадед не раскрыл. Дед не раскрыл. Отец...

— Мы поняли.

— Будет знак – я раскрою. А так – хоть режьте.

— Что за знак, леший тебя возьми?

— Я кабы знал точно-то... Я ж тоже на месте не сижу, пытаюсь знак спровоцировать. Я точно узнаю, когда знак проявится.

— И чем же ты пытаешься спровоцировать? — поинтересовался Ардуша.

— Вот, например, тела эти гадкие рыбам скормил.

— Что!!?

— Да вы никто даже не заметили несколько дней, так они вам нужны были, тела эти.

Это вызвало такую какофонию реплик и телодвижений, что и описывать неприлично. Тем более – с точки зрения такого независимого наблюдателя как Серафим. Вполне доволен происходящим был только Хакон Добрый. Он уже давно посвятил себя исключительно подлёдной рыбной ловле. Впрочем, стоит отметить, что Лариэль тоже преимущественно проводил время подле той же проруби. Прикорм на днях был знатный – рыбы разнесли слух по всему озеру Кальдеры. К этой части берега потянулось множество гастролёров из числа подводных жителей.

¶

Фрагмент 45. Воз духа

¶

Серафим проснулся от шороха, но источника звука уже не было. Не было в шалаше Хакона. Не было Плата-Пансо. Рапира ужасно холодила бедро. Он вышел наружу, рапира болталась на поясе. Он пошёл по свежим следам и увидел вдалеке, на озере, отсутствующую в шалаше пару. Он не стал сразу идти в их сторону. Просто пригляделся. От этого – или же сразу после этого – сознание расщепилось. Рапира потеплела. Одной ноге было холодно, второй – жарко.

¶ «Дислокация эскадры противника как на ладони – на вогнутой водной глади. Это малые тартаны, адаптированные к быстрому ходу. Десятки тартан. Неровное грязно-серое парусное вооружение, чёрные корпуса, горизонтальные хищные бушприты. Две дюжины орудий на каждом. На седловатых палубах – войска. Нет у меня теперь живота. Для всех на этой великоозёрной полосе брызжущего прибоя, на поле боя в соединении трёх стихий, гремит быстрая музыка битвы, в коей пальцы судьбы едва успевают перебирать металлические струны великой лютни. Звенят мандалы да ситары, лязгают для ушей всякого лихо. По два быстрых взмаха мечом на удар сердца. По три лихие стрелы на толчок крови по телу. Серебристо идёт бой»...

Видение прошло, но Серафим продолжал быть во власти оружия. Теперь он наблюдал Плата-Пансо и Хакона, как будто был среди них.

Мажордом мощными руками тянул из проруби огромную рыбу. Та сопротивлялась. Безумный контраст абсолютной тишины и яростного отчаяния подводной сущности на крючке был устрашающ. Безжалостными ударами глушили они двое рыбу, пока она не замедлила толчки плоти. Будь у неё хоть одна конечность, несдобровать бы людям. Рыба весила раз в семь больше. Вообще непонятно было, как Мажордом смог вытащить такое чудище.

Он на этом не остановился. Последовательно закидывал линь с огромным крюком и тащил, тащил, тащил. Что за чудеса? Удовлетворились они только семью рыбами.

— Живем, ни льда под собой не чуя, ни земли, — ворчал Хакон.

— Не ворчи, — мажордом взрезал туши, вытаскивая огромные плавательные пузыри.

— Так кого мы скормили рыбам, Пансо? Это наши предки?

— Ну какие предки, медная твоя поповская голова. Я зачем череп лысому курочил? Тебе специально мозги показать. Две доли, не три. Это были такие… воспитатели Рода. Родов. Конкретно твоего звали Хакон. Только не Добрый.

«Зачем они это делают?» — думал Серафим.

«Ожидание конца не парализует волю, а запускает специфический режим творчества», — ответила рапира как лектор на лекции.

«Творчество на краю бездны?»

«Консервация смысла перед лицом небытия».

— А у старого Ардушы? У Джинго? — спрашивал Хакон.

— Чего у них?

— Ну… не знаю… они зачемо вообще?

— Как ты проповеди читал? Но ты верно подметил – эти двое были на ножах. Втихую. Жинго работал на старого бога. Ну как работал. В основном, пил горькую сотни лет. Ардуша просто хотел себе какую-то девицу. Решил через договор с демиургом заполучить. Тот запросил цену непомерную.

— Душу?

— Какой! Если бы! Вообще все души.

— Ого. И что, заплатил?

— Похоже, да.

Кровавые рыбаки закончили потрошение, свернули как попало семь пузырей, взвалили их на плечи и направились в сторону скалистого берега по льду.

— Где ж он их взял?

— Так Джинго привлёк.

— За какую же такую плату?

— Ну, эту самую девицу ему в кровать и подложил.

— Какой кошмар!

— А я о чём. Под лёд их надо было давно. Но льда всё не было.

— И что они все вместе делали?

— Искали какого-то Акробата. Но его, думаю, никогда не существовало.

— Почему не существовало?

— Ардуше нужно было как-то обмануть демиурга, с кем он контракт закрепил. Чтобы одну душу таки протащить, не отдать в качестве платы.

— Той девицы?

— Ну конечно.

— Получилось?

— Сложно сказать.

— А мой что?

— Воспитатель Рода-то? Так он и спровоцировал, что демиург выжил. Сначала-то его почти убили.

Два носильщика огромных пузырей дошли до гейзера. Мажордом отвалил огромный камень, под которым была спрятана длинная кишка.

— Пожалел его Хакон?

— Он и не знал ничего. Случайно вышло.

— Демиург стал Авертигусом?

— Не знаю. Или сам стал, или с кем-то на пару родил Авертигуса.

— На пару? Непохоже на него. Так а твои что? Твой воспитатель Рода кто был?

Хакон весьма умело, как будто делал это уже в десятый раз, пришил чем-то кишку и одному из пузырей, а второй её конец запустил в расщелину, из которой валил дым.

— Был какой-то наниматель. У нашего Рода история много старше, чем у ваших-то. Теряется след, кто и что. Мой дед считал, что нанял нашего пращура тоже тот древний Жинго, но он тогда единственный раз действовал не как сам… принял чужие методы. Возможно, Ардушы. И тот ему отплатил той же монетой – охмурил пращуров Тоспехо. Но уже его, Жинговскими методами.

— Рваная какая-то картина, Пансо, — Хакон закашлялся от дыма.

Они, наконец, закончили с первым пузырём, замазали чем-то входное отверстие, привязали к огромному надутому телу какой-то камешек и отпустили в небо. Конструкция весьма бодро исчезла в облаках.

— Целостность – привилегия спокойных эпох. В конце времён только осколки, — сказал мажордом. — Отлично ушло в этот раз. Целый воз отличного духа тверди. Пусть попробует не заметить, сволочь головокружащая.

— А Серафим?

— Ничего не знаю о нём. Возможно, вся затея с Обителью была у древнего Жинго в плане, чтобы вот такой Серафим появился.

Они проделали ту же процедуру с остальными шестью пузырями. Работа давалась всё трудней, и они лишь сопели. В конце концов, отправив за облака последний воз духа, Хакон начал реплику:

— А...

— Слушай, ты зачем себе голову забиваешь? Нам надо нагнать духа горячего целый воз в пузыри, и всё.

— Да понял-понял. Криктика бессмысленна, если завтра не наступит, — попятился Хакон.

— Критика, медная твоя голова. Зато она рождает радикальную искренность, — поддакнул Плата-Пансо.

«Коль конец неизбежен, давайте сделаем его красивым», — продолжил ворчать Хакон совсем тихо. Мажордом его не слышал. Рапира слышала.

«Твори. Жизнь искусством уже не украсишь. Но хоть оправдаешь», — сказала рапира, хотя её никто не спрашивал. Судя по тому, как дёрнулся Хакон – услышал и он. Мажордом же продолжал сосредоточенно выискивать в облаках пузыри.

Ответом Авертигуса им было безразличие Авертигуса. Ни пузырей, ни молний. Только кусочки рыбьих кишок под ногтями.

— Пошли руки мыть, — приказал Плата-Пансо. — Игнорирует – значит признаёт силу.

— И токмо силу, — сунул фразу в параллель бывший священник.

¶

Фрагмент 46. Лёд

¶

Через неделю потеплело. Значительно. Плата-Пансо, которому уже перестали к этому времени тыкать в глаза его кощунственным преступлением, выступил с предложением:

— Пора пересечь озеро по льду. В обход всех дорог и береговой линии. Позже будет поздно – лёд станет хрупким. Уйдём незамеченными к истоку Шестого ручья. Там спустимся прямо по течению, по порогам, на каменной барже. Такая штука и как ледокол службу сослужит. Карету на неё поставим. И псов. И лошадь. Но лучше подождать там в лесу с месяцок, пока внизу потеплеет. Сейчас главное разойтись тропинками с контрабандистами.

— Ты думаешь, там внизу кто-нибудь выжил? Если здесь было так холодно... Там, наверное, кромешная смерть, — предположил каропус.

— Градиент температуры не столь велик, — сказал инженер. — Посевы, конечно, погибли, и поэтому вскоре многие умрут с голоду, но полного вымирания прямо сейчас там быть не должно.

— Почему не спуститься по нашей реке? — спросил Жинго.

Мажордом, в скорбном лице, постарался объяснить своему бывшему работодателю всю серьёзность ситуации:

— На спокойной воде лёд продержится дольше. Это нас задержит. В итоге вовсе не успеем уйти с озера. Я так думаю, настоятель уже понял, у кого искать карту.

— Ты думаешь, он продолжает за нами охотиться?

— Надёжней думать именно так, — ответил мажордом.

— Сумненьица у меня, — сказа Хакон, который обычно вовсе не участвовал в подобных диспутах. — Ты ж мне, Пансо, сам говорил, что Притхиму выслеживал.

— Пытался, — сказал мажордом. — Как это отменяет то, что настоятель может представлять для нас опасность?

— А книжка та у тебя, Ардуша, не от настоятеля разве? Ты что-то такое бормотал в бреду, — спросил Хакон.

— Не уверен. Возможно, от него.

— И что там?

— Я толком не понял, — покачал головой каропус. — Множество непонятных слов. Ещё больше непонятных действий.

— Наверное, механистический перевод с языка Предков, — заметил Серафим. — Есть жёлтый штамп предупреждения?

— Есть. Что значит механистический?

— Что за книжка? — тут же заинтересовался мажордом.

— Речь идёт о ком-то с именами, похожими на наши. Ничего общего с нами, однако, нет. Я совсем немного прочёл.

Ардуша не увидел причины скрывать от Плата-Пансо «Гидродинамику». Тот немедленно завладел книгой.

— Механистический – значит переведён векторами. Наш язык не есть непосредственное, естественное развитие их языка, — пояснил Серафим. — Их язык не есть основа нашего.

— Но он каким-то образом фигурировал в начале?

— Нет. Каждому часто употребляемому слову Предков сопоставляется двухсотмерный числовой вектор; чем чаще слова встречаются в текстах близко друг к другу, тем меньше разность векторов в двухсотмерном пространстве.

— Это хорошо или плохо? — не понял Ардуша.

— Такое представление слов обнаруживает тончайшие нюансы во взаимосвязях.

— Например?

— «Король» минус «мужчина» плюс «женщина» равно «королева». У вычислителя, правда, всего шестнадцать сотен сочетаний кнопок под слова. Если слова нет, нажимаешь специальную клавишу, оно пустышку вставляет, — дополнил Серафим. — И у них слова совсем иные.

— В каком смысле?

— Тебе вот сколько знаков понадобится, чтобы сформировать фразу «вынужденное усиление стараний при появлении нового человека в коллективе, чтобы не потерять статуса в глазах начальства»? Или, например,

«ощущение, когда два человека хотят друг от друга одного и того же, но при этом ни один из них не решается начать первым»?

— Четырнадцать и шестнадцать при обращении к тебе и сейчас, плюс пять-семь символов в ином контексте, — не моргнув, ответил Ардуша.

— Так. А у Предков – от шести до примерно двухсот в зависимости от страны, при этом, по сравнению с твоими пятнадцатью символами будет утеряна информация, зачем ты это сказал, и как ты к этому относишься.

— Я сейчас тоже опускаю эту информацию.

— Естественный подход, тот единственный, к которому мы привыкли – это рассматривать всю ситуацию, которая привела к необходимости сказать реплику, целиком. Рассматривать. Не обязательно говорить. В языке же Предков выбор того, какие мысленные концепты и категории будут отражены через корни и основы, абсолютно произволен. Принципиально бессистемен.

— Примеры?

— Пожалуйста: “Мужчина, который представляется девушкам серьезным и интеллигентным, только для того, чтобы оказаться наедине и начать приставать” – это слово. А такие часто встречающиеся явления как “следы от чернил”, “случайно надетая наизнанку рубаха”, “тупая сторона ножа”, “пыль в недоступных местах”, “вытертости на стенах от ручки хлопающей двери”, “часть карандаша, не являющаяся грифелем”, “одичавшее домашнее животное”, “мерный повторяющийся звук” – словами не являются.

— Не лучше ли тогда осознанный переводчик, чем механистический?

— Лучше. Но померли все давно! — так Плата-Пансо продолжил лоббировать идею о немедленном пересечении озера по льду в карете. Через непродолжительное время его уговорам поддалось решающее большинство группы.

⁂

Катафалк отмывали по очереди. Жинго пытался было протолкнуть идею сыграть на эту печальную повинность в кости, но все отвергли такой подход с негодованием. В итоге, однако пришлось доверить выбрасыванию кубиков назначение порядка, кто за кем следует. Не обошлось без нытья относительно того, что воистину случайных чисел в мире не бывает. Так или иначе, за Серафимом следовал Ардуша.

Отработав свою порцию времени, инженер отправился передавать эстафету каропусу. Тот сидел в шалаше и что-то писал. Завидев Серафима, он зарделся, засуетился, нервно скрутил листок в плотный пруток и заученным движением вставил его в ножны за спиной. Несмотря на то, что рапиры там не было который день, ножны Ардуша не снимал никогда.

Серафим подумал, не на языке ли Предков Ардуша пишет – чего он так засмущался? Хотя ему следовало подумать, откуда у Ардушы улетевшие на птеродактиле в виде ритуальной сбруи черные кожаные ножны.

Каропус взобрался в карету, но тут же поскользнулся на склизском полу, где засохшее и замёрзшее ящерово дерьмо размачивали до этого предыдущие мойщики. В силу нетипичного положения центра масс тела падал ягодицами вниз, с задранными вверх бёдрами и коленками и вертикальной спиной.

Карета стояла на льду озера – так было удобней набирать из проруби свежую воду. Поэтому и упал каропус со всего размаху на лёд. После падения он, однако, не упал на бок, не свалился на спину и, тем более, не перекатился на свою выпирающую грудь. В лёд он просто-напросто воткнулся. Бывший оконечник стрелки часов ратуши опустился вдоль позвоночника ниже задницы и воткнулся всей массой не маленького тела Ардушы в лёд. Хрясь!

«Объектная похоть, братец, — подумал Серафим. — Эротическое притяжение зарядов между деформированным, стремящимся субъектом и твёрдым, тяжёлым, самодостаточным объектом».

Серафиму пришлось подбежать к нему, чтобы выручить из такого нелепого положения. Серафим не удержался и воспользовался моментом. Он вынул записку, прочёл и вложил назад. Там значилось: «Я посмотрел в одну сторону, посмотрел в другую, и не было от неё света Госпожи. Я посмотрел на царицу, мою Госпожу, и стало бы светло! Скорее кирпич выскользнет из-под своих собратьев, чем я выскользну из-под ног Госпожи, моей Госпожи! Но взвешиваю я в ней что-то, подобно балансу стрелы, и ощущаю я неправильность этого действия».

Позиция каропуса выглядела в высшей степени комично, но забавно ему, конечно, не было. Если бы даже Серафим в этот момент решил рассмеяться или хотя бы усмехнуться, то ничего бы не получилось. Он вдруг оказался в самом разгаре морского боя, ровно на этом пляже, за тем ис-

ключением, что ничего этого здесь не было, включая теплый воздух и жидкую воду. Снова включилась рапира? Хрусть.

«...ребристо идёт бой. В спешку ритма ратного еле укладываются удары по барабанам кровавого тулумбасника. Я слышу музыку доблестную, решительную; но то печальная мелодия боя уже свершённого. Уже решённого. За плавным течением мелодии нельзя не угадать движений боевых фаланг, отката орудий на лафетах и величественного взмаха фламберга. Но нет там спешки и угодничества божеству удачи. Нет нетерпеливого приплясывания в желании выскользнуть в каждую закрывающуюся дверь шанса успеть ударить вовремя. Я двиредью быстрее любого здесь присутствующего. Моё дыхание сердца разложено в этот раз на три великолепных суб-ритма. Тёмно-красными губами они все трое целуют меня. Я ступаю по канату, намеренно раскачиваясь – то влево, то вправо – широкой дугой. Маятником. Я бегу, но точным и размеренным бегом по провисшей параболе линя – то второе моё движение. А зыбкость опор канатов моих, волнами качаемых, есть движение третье. Не угадывают жестокие слепые острия арбалетных зарядов моей совокупной кинетики. Не предсказывают. Качка, бег, волны, дыхание сердца, толстые струны замедленного для меня персонально боя. Куплет, и я наношу необъявленный визит на одну тартану. Припев – и я гощу на следующей. Костяки команд уже десантировались. Они в шлюпках беспомощно тренькают жалкими своими тетивами с похабно качающихся бортов только лишь для того, чтобы зреть, как оставшиеся на кораблях мрут под моей гибкой тонкой саблей. Гибкой. Тонкой. Саблей. Я режу, чтобы резать. Грация моя дарит порезы глубиной в вертикальную ладонь. Отсеченную плоть. Они видят отвратительное хлюпанье и причмокивание разверзающейся ткани тел своих соратников. Они издалека, с десятков шагов, получают удар в свои нюхальники запахом своей собственной крови. Запах такой близкий и насыщенный, что целыми кастрюлями обливает твою же одежду. Они в шлюпках – только лишь для того, чтобы найти жуткую смерть, вдыхая смешанную с песком и просмоленной щепой воду. То ядра наших орудий! Хрип. Но дышите же, залипшие в тягучем времени несчастные. Вам было нелегко дышать на высоте Кальдеры этой и до смерти. Здесь надышитесь небытием, отныне и вовеки. Разнузданная брань. Уроните лица свои в чужие раскромсанные телеса. Пока-

жите мне свой последний гипнагогический рывок – кровь горлом – пред вечным сно...»

⁂

— Серафим! — это Ардуша толкает потерявшего всякое сознание инженера. — Серафиииииим!

Серафим одновременно чувствует и потерю чего-то в восприятии, и приобретение.

— Серафим!!! Ты живой?

Серафим с трудом стащил веки с глазных яблок. По очереди. Правую, потом левую. Вот Ардуша... навис прямо над лицом. Вот его грудь. У каропуса нет больше груди-киля. Сюртук обвис на нём складками.

«Ты был со мной в бою... — шепчет Серафим Ардуше, — тебе что, отрезали самый перёд всего твоего туловища?»

Серафим вновь погрузился в забытье.

¶

Фрагмент 47. Кем быть или не быть

¶

Серафим приподнялся на локте. Ему показалось, что он лежал на холодном льду озера. Однако зрение выдало однозначный рапорт, что был он внутри ипровизированной хижины под каменной чашей мыльни. Вечные водопадики, питающиеся неизбывным давлением воды из-под земли, подрагивали в своём течении. Толстый мат из веток и прошлогодней травы не справлялся со стылостью тела Авертигуса.

— Что со мной? — спросил он.

— С тобой-то как раз ничего. Если уж ты жив. И с Плата-Пансо тоже. А вот с остальными… — Ардуша выглядит озабоченным, но окрылённым.

Бывший мажордом крутится рядом, не зная, чем помочь. Это если предположить, что он хотел помочь. На его физиономии – ровно то же выражение, что и на лице каропуса. Разве что окрылённости поменьше. И он обескуражен. Нет, выражение его лица не имеет ничего общего с Ардушевым.

— Да что произошло-то?! — Серафим встаёт на ноги. Он нервозен. Он не хочет этого скрывать. Он не может. Он опёрся рукой о каменную стену, он пришёл в себя, употребив на это несколько минут.

Серафим вышел на открытый воздух. Лёд озера сменил расцветку.

Поодаль стоят четверо Первых Правителей. В одежде Жинго, Рату, Лариэля и Хакона. Их на днях утопили, но они тут. Жинго, Рату, Лариэля и Хакона нигде нету.

— Это мы, — сказали Первые Правители хором.

«Кто это – мы?» — подумал Серафим.

— Это я, — сказал Ардуша сам за себя из-за спины Серафима.

«Кто это – я?» — сознание Серафима нервно пульсировало.

Почему лёд теперь такой? Так текли его мысли. Это потепление? Оно было предтечей? Или наоборот? Что наоборот?

— Это из-за вас? — спросил Серафим. Он адресовал вопрос Плата-Пансо. Тот тоже был всё ещё тут. «Какой неприятный тип»: — Зачем вы запускали в небо возы духа? Откуда взялась здесь эта мыльня? И почему тут нет

города, если каждая из мылен по всему континенту явилась родоначальником города?

— Тут воняет газами, сбрендивший ты наш инженер. Ты совсем осоловел за эти часы? — участливо сказала Первая Императрица Арганора.

— Это ты, Лариэль? — спросил её Серафим.

— Я.

— Сколько же всего в мире гротов? — продолжал Серафим нелепые археологические вопросы.

— Шесть, вестимо, — ответил Плата-Пансо.

Серафим оглядел четвёрку Первых Правителей с ног до головы, справа налево, всю шеренгу:

— Вы утверждаете, что переселились в их тела? — спросил инженер.

— Мы были как были, — сказал Жинго. — Внутри. Тела изменились. Мгновенно. Только внешне. Внутри ощущения – те же. Будь у меня в этот год право на высказывания «да» или «нет»…

— А это точно вы? — прервал его Серафим. — Ардуша, ты можешь его проверить?

Ардуша присел на древесную чурку, вынутую из временной поленницы.

—Изволь, — сказал он и спросил человека, выдающего себя за Жинго: — О чём мы с тобой говорили, когда сплелись шеи наших жирафов на пути от вашей усадьбы?

— После бреда о шести-то? — с готовностью ответил Первый Канцлер Иллюмироса, он же (предположительно) Жинго. — О размере мира.

— Постой! Тебе тогда привиделось то же, что и мне? Про шесть и всё такое?! Что ж ты молчал? — всплеснул руками Ардуша.

— Так и ты промолчал, — указал на очевидный факт Жинго.

Плата-Пансо тем временем подыскивал для пожилой дамы, в которую превратился Лариэль, подходящую одежду. Он не спросил, роясь в личных вещах разных людей, ничьего разрешения, полагая, видимо, что права собственности привязаны, в основном к внешности.

Когда мажордом закончил сие первостепенное мероприятие, Лариэль переоделся и сообщил – точнее, сообщила – всем о недостатках мыслительных процессов, как своего, так и всех остальных:

— Ладно вы дураки, но я-то мог догадаться. Изобретали-изобретали, как достучаться до Авертигуса. Некоторые в процессе чуть не убились. А решение лежало на поверхности.

Пожилой даме такого рода заявления оказались гораздо более к лицу, чем мальчику и даже мальчику-пограничнику.

Серафим отчётливо увидел, что Хакон, тем не менее, воспринял это болезненно. Он счёл это продолжением систематических нападок на него персонально.

— Это какое же решение? — спросил он с дерзостью в голосе. Очевидно, он очень надеялся, что объяснение Лариэля окажется неугодным.

Старуха-Лариэль встала в позу. Теперь, в относительно подходящей одежде, это выглядело приличествующе:

— Лёд! — гаркнула она для начала. — Вездесущий лёд. Границы водоразделов перестали работать. Вода перестала течь. Всё – от озера до океана – стало единым целым…

— Да… на уровне элементалий… — проговорил Серафим и не стал закрывать после своей реплики рот…

— А другая сторона океана – это небо, — рубанула старуха воздух рукой. — Воткнув стрелу с депешей, лицензированный каропус… лицензированный(!)… доставил тем самым сообщение самому небу. Мгновенно.

Всем пришлось признать, что у такого объяснения событий – шансов более всего. С другой стороны, все также согласились в рамках многословного гомона, что нельзя исключать другие варианты. Как раз в это же время мог сработать мост или гистерезис, или же другая какая попытка обратиться к Авертигусу, включая первичный иск. Кроме того, неизвестно, сколько тайных попыток предпринял Хакон. Это на последней он погорел, а все предыдущие мог запросто скрыть.

Они говорили и говорили… Но Серафим не мог слушать… «Где рапира?!» — закричало в нём что-то. Но он промолчал.

Серафим вместо этого пошёл на хитрость. Он с деланным превеликим удивлением оглядел всех и наконец, когда его пантомима привлекла достаточно внимания, спросил нарочито громко:

— Как?! Как вы можете так легко относиться к потере собственных тел? Что вы за люди?!

— Во-первых, не потере, а замене. Вон, даже Лариэль не против… — начал объяснять Жинго.

— Буду пользоваться заслуженным уважением, — тут же вставил Лариэль.

Бывший мажордом стал почти что орать на инженера. Серафиму показалось это подозрительным. Плата-Пансо, тем временем, с неясной инженеру целью, наседал на него:

— Ты долго был в отключке, Серафим! Все уж привыкли к телам-то! Тела ему подавай! Тебя никак не получалось в чувство привести! Тела-то что… Куда там… Ну, получили тела Первых… Кроме Ардушы почему-то.

Серафим тут же уцепился:

— Да, постой-постой… Что, получается, Ардуша – не потомок Первого Короля Маристеи? И почему пропал твой горб, Ардуша? Извини великодушно, не знаю, как ещё назвать твою особенность.

Ардуша ответил на удивление взвешенно:

— Я думаю, Авертигус меня разжаловал за организацию лжесвидетельства. Я, наверное, должен был получить свой приз, как и все. По праву рождения или ещё как… Тут Притхиме виднее – ведь собрала нас она. Но не получил. Потому что я приволок Первого Канцлера в суд.

— Но Авертигус был достаточно милостив, избавив тебя от уродства, — закончил за Ардушу Серафим.

Рату, в теле Первой Шахини Солартиса, ослепительной красавицы средних лет, сказала:

— Это ещё вопрос, было это наказанием или поощрением. На нас-то четверых теперь печать…

Хакон воскликнул:

— Тебе ли жаловаться. Видела бы ты себя. Писаная дева!

— А ты, Хакон, изменился не сильно. Разве что причёска потрёпанная, — признала Рату.

Тут Серафим не выдержал и взорвался:

— Да замолчите вы!!! Где моя… где рапира? — в конце реплики он сильно сбавил тон, но было поздно. Всем стала очевидна его зависимость от куска железа.

Все молчали, а Плата-Пансо стал смешно ходить кругами и ворчать:

— Ну и что такого? Тела да тела… Владельцев давно рыбы да креветки съели. Да так съели, что и съевших съели. И тех тоже съели, — мажордом продолжал тяжело порхать как индюк. — Пока я, вокруг тебя прыгая да отхаживая, на эту злосчастную рапиру не наступил случайно. Она и треснула, на морозе-то. Хрусть – и пополам. Ты сразу глаза и открыл. Ножнами надо пользоваться. Да и по холоду шляться не след. Так что извинений не приношу. Хрусть – и пополам.

Было понятно, что Плата-Пансо таким странным образом истерит. Серафим почувствовал это, поэтому просто сказал:

— Отдайте мне останки.

— Кто ж их тронет, останки-то, — сказал мажордом. — Там и валяются, на льду. Как их тронуть-то? А вдруг волос бога вывалился наружу? Тронь его невзначай – и нету пальцев. А то и руки. А вдруг ногой забредёшь в него? Его ж не видно…

Мажордом продолжал бормотать. Все стояли потупившись. Один лишь Ардуша был невозмутим, очевидно полагая, что он очень вовремя сбагрил с себя такой неприятный груз.

— Пойду, посмотрю, — сказал Серафим и направился на лёд. В одиночестве.

⁂

Серафим шёл по льду и размышлял о вердиктированной плоти. Получалось, что судебное решение перестало быть просто социальным актом и стало метафизическим инструментом, переписывающим биологический код победителей. Какая страшная материализация истины! Суд признал не только их правоту, но и их право на иную форму существования. Закон стал гностическим ключом! Вердикт открыл клетку плоти. Вердикт стал скальпелем. Возможно, они всегда были такими, а суд лишь позволил это увидеть.

Сломанная рапира валялась на льду, в окружении осторожных и не очень следов нескольких людей.

Презрев опасность, Серафим ухватил голыми пальцами то место, где должен был быть присоединён волос бога. И вырвал его. То же самое он проделал с другого конца, где острие складывалось. Серафим не знал, откуда у него знания об этой штуке. Хуже того, Серафим не знал, откуда в нём достаёт толерантности в здравом уме наблюдать всю абсурдную окружающую реальность.

В жесте отчаянного проявления инкорпорированной утраты, в ужасе от того, что этот внешний инструмент влияния перестал функционировать, Серафим решил превратить его в свой орган, сделав артефакт частью собственной плоти. Он смял волос бога – или его невидимое отсутствие – в комок и съел его. Проглотил.

Это не было чистым безумием. Серафим вполне осознанно принял от самого себя этот жест отрицания смерти вещи. С другой стороны, зачем Серафиму было признавать, что артефакт стал мусором? Действительно,

проще объявить его внутренней реликвией. Так думал Серафим. Ранений у него не возникло.

«Может быть, я проглотил и свою зависимость?» — думал инженер. Желудок как футляр для видоизменённого угля. Он и так хранитель такого угля, посчитал Серафим. Отравление или поглощение сути? После некоторого размышления Серафим нарёк себя некрополисом для тончайшей нити и успокоился. Раз уж спасти рапиру от холода и неуклюжего мажордома не удалось, спрячу хотя бы её слабость внутри себя. Такие мысли крутились у него в голове. «Думаю, кислота моего пищеварения для неё не помеха», — так размышлял Серафим на пути назад.

Эфес и бесполезные осколки клинка он запихал под лёд. То есть – попросту утопил. Лёд он этим же клинком и расковырял. Время, которое он сам для себя выкупил этой процедурой, помогло ему привести все мысли в порядок. «Самое трагичное, — решил Серафим, — не то, что я сошел с ума. А то, что я прав в своем безумии».

Всецело довольный актом предельного собственничества, он вернулся в хижину. А там шла вялая перепалка, которая всё это время и не прекращалась.

⁂

Слышнее всех был Плата-Пансо. Внезапный приток потенциальных возможностей – лики Первых Правителей, натянутые на личности Жинго, Рату, Лариэля и Хакона – не подействовал как ресурс объединяющий. Напротив – начался раздор. Беспредметный, дурацкий. Основной центробежной силой выступил Плата-Пансо. Серафим всё это стал вдруг беспощадно замечать и анализировать. Хуже того, его внутреннее желание состояло лишь в изучении центробежных сил, в выявлении скрытых различий, в наблюдении. Он и не пытался ни рассеивать туман недоверия, ни усугублять его.

— Говорю вам: это только начало конца! Грядёт перерождение суровее, чем эти ваши четыре с половиной тела!

Снег подтаивал. От этого следы людей стали разноцветными – от белого к тёмно-серому. Вся местность была покрыта некрасивыми пятнами.

— Кому ж ещё перерождаться, кроме как уже перерождённым Первым? — спрашивала сохраняющая спокойствие бывшая судья Рату.

— В моём Роде передаётся знание, что всего кресел было тринадцать! — почти орал Плата-Пансо.

— Каких к лешему кресел? — спрашивал Хакон.

— Знал бы всё досконально, не терял бы с вами времени, — зло отбрехивался мажордом. — Ищите тринадцать душ! И я с вами пропаду. И рапира та была живая. Соберутся не пять, а тринадцать душ – жди беды настоящей!

Серафиму вспомнилось о том, что он читал когда-то про тринадцать апостолов Предков. В нём зрело и набухало желание вывести всех действующих лиц этого спектакля на чистую воду, начиная с того, кто имел наглость выступать в качестве Авертигуса.

— Все должны быть неписями, — продолжал нагнетать Плата-Пансо. — Ты, Жинго, не должен был выжить, после того, как тело твоего предка приписали.

— Как приписали, так и выписали, — спокойно реагировал Жинго. — Тут-то, в Обители, мы не приписаны. Успокойся, Пансо, не собрать тут тринадцать душ. Вот ты, Серафим, приписан? Ты не непись?

— Не понял твоего вопроса, — ответил Серафим.

— Родовое имя у тебя есть?

— Бейнеке.

— А печать из канцелярии?

— Нету. А зачем?

— А. Тебе не понять, — махнул рукой бывший канцлер и нынешний Первый Канцлер.

«Когда еды нет, все смотрят на охотника. Когда еды много, все смотрят друг на друга», — подумал Серафим, удивляясь, как нелепо к нему пристали и как быстро от него отстали.

— Штамп – это печать репликатора, — брякнул Хакон, совершенно невпопад.

Шок. Расслоение личностей. Реплики на грани безумия. Серафим наблюдал. Он не жалел по поводу раздора. Он сокрушался лишь о том, что понадобилось столько невероятных, волшебных возможностей, чтобы понять, что группа никогда и не была одним целым.

— Надо бежать, — бурчал Плата-Пансо.

— Ты будешь претендовать на роль Первого Короля Маристеи? — спросил вдруг Лариэль Ардушу.

— Не видно для этого оснований, — подключилась к беседе Рату. — Придётся Маристее вернуться к практике теневого кабинета, в условиях отсутствия Первого Правителя на рабочем месте. Ох, чую быть ещё одной войне.

— Изваяния, говорят, рушат, — сказал Жинго.

— Уйдут годы, не глупи, — сказал Лариэль.

— Появится изобилие изображений. Как раз в силу того, что их рушат. Разрушая, они добиваются обратного эффекта – наши лики станут известны всем людям, — сказала Рату.

— Кто ж начнёт войну? Жинго, что ли? — спросил Ардуша. — Если его не подначивать, он и не сунется.

Это звучало оскорбительно, тем более, что Жинго был прямо здесь, лицом к лицу.

— А какие у меня есть причины не подначивать, уважаемый? — подлил масла в огонь мажордом.

— Я надеюсь, холод и голод научат всех расходовать пламя страсти толпы разумно, — сказала бывшая судья.

Хакон петушился без всяких реплик. У Серафима возникло ощущение, что он ищет, кому бы и за что двинуть в морду.

Каропус вдруг раздвинул руками слишком близко сгрудившихся людей. Все подчинились по привычке: без своего ледорубного киля он был совсем не страшен.

— Лёд подтаивает, — напомнил уставший инженер.

— Накормлю сейчас Серафима и поедем, — внял единственному голосу разума в группе мажордом.

⁂

Кола ехала вдоль математически ровной линии через озеро. Конь был привязан сзади к карете. На козлах был Серафим. Хакон и Плата-Пансо сидели у переднего окошка и ожесточённо шептались. Слышно их было очень плохо. Серафима зацепила фраза: «... не было в коде из трёх букв никакого смысла; верно я делал, что просто сёк на камнях картинки, верно». Серафим стал вслушиваться. Он даже – как будто невзначай – приоткрыл пошире окно, но это привело к обратному результату. Внутрь стало дуть, и окно закрыли. Тогда Серафим привязал вожжи к подлокотнику и

влез на крышу. Там он распластался плашмя, прижал ухо к крыше и стал всем своим естеством ловить звуки изнутри.

— Интересноть, зохо-зохо, что ты тама написал, Ардуша. Что было в твоих ножнах, а? — наглым тоном спросил Хакон.

Ардуша либо промолчал, либо ограничился жестом. Этого Серафим увидеть не мог.

— Ну уж точно не тремя буквами он писал, — продолжал занудствовать Плата-Пансо. — Всё правильно мы делали – Авертигусу должно быть наплевать, как написано. Картинка в стиле обменяшки – идеальное послание, медная твоя голова.

— Так уж то и точно?

— Сама идея вашего Серафима противоречит древнему принципу богов Предков. Сказано: «Всё есть Разум; всё есть мысленный образ, существующий в Разуме».

— Древние принтцапы могуть далеко завести, друг Пансо. Предки считали, что свет и тьма – суть одно.

— Так и есть: просто веди счёт свечкам.

— А тепло? Тепло-то сбоку!

— Ну это да. От добра к злу перемены и правда не заметишь, но безразличие – он в другую сторону совсем. Но и правильные идеи у них были. Ничто не покоится, говорили они, всё движется и вибрирует. Различия в сущем – только в бойкости трепыханий.

— Беда в том, что каждое колебание зрили они в виде маятника, — говорил Хакон. — И норовили соскочить и заскочить на него там, где выгодно.

Насколько мог судить Серафим, все остальные молчали.

— И тут ты прав, — поддакивал мажордом. — Колебания могут порождать шесть рук, а не три двуруких мельницы. Во всём антиподов искали, древние-то.

— То обман. Ни у чего нету полной противоположности. Поэтому нету и явной причины и следствия у всего.

— Правильно, друг. Действовать нужно спонтанно.

— И я того-жеть мнения, мой друг.

Серафима скривило от этого подпевания друг другу в исполнении Плата-Пансо и Хакона.

Дальше либо звук стал тише, либо слуховой аппарат Серафима начал сбоить. Кто говорил – да и говорил ли – было непонятно:

«Потому Триада без Дуализма – болото. Искра только в двойке».

«Но пять было бы честнее! Три новых, два старых».

«Разделение – это смерть. Три подавят двух, двое саботируют трёх».

«Верно, верно. Нужно сплетение».

«В шестёрке каждый старый пронизан новым, и наоборот».

«Из шестерки просто получить пятёрку, знаете ли».

«Не убьёшь».

«Ты не должен был оглядываться, пока не выбрался на свет!»

«Шесть сами зайдут в тупик».

«В этом и суть. В простом найдётся лазейка».

«Он живёт их рождением и смертью».

«Разобьются на пары».

«Останется тройка пар».

«Ты отнимаешь у меня триумф».

«Не в этом суть двойки, а в том, что копирование с мутацией – ключ ко всему в жизни».

«Может, он хотел копировать не из одного два, а из одного – сразу три».

«Зачем тебе невозможность простого решения?»

«Нужна невозможность финального решения».

«А как же третий лишний?»

«Внутренний конфликт надёжнее внешнего врага».

«Он прав, он прав. Внешнего можно убить. Внутреннего – только прожить».

«Хвала, хвала! Шесть – первое совершенное число».

«Кто-то кого-то наказал меня уродством».

«Он купил их за все души разом»

Они сидели там внизу, болтали и не видели ничего вокруг.

Серафим вдруг заметил справа по ходу движения вмерзшую в лёд яхту. Он слез на козлы и свернул было к погибшему судну, но изнутри вскоре забарабанили и открыли окошко. Серафим остановил карету.

— Это Грачи, — сказал Ардуша. — Дальше не поедем. От них добра не жди. Даже от мёртвых.

¶

Фрагмент 48. Лжизнь

¶

— Я пойду посмотрю, — вызвался Плата-Пансо. — Хакон, пойдём со мной. Нет, лучше на коне – вдруг какая оказия приключится. Отвязывай. Дай мне свой меч.

Лёд на поверхности озера, снег поверх льда, мглистый воздух, загибающийся цилиндром вверх необъятный простор озера – всё это усреднило фон. Судно вмёрзло по самый верх левого борта. Правый из-за крена торчал на пол роста человека выше. Лини и паруса валялись в беспорядке, частично на льду, частично на корпусе. Изящная черная крыша портика, прикрывающего вход в трюм, была единственным цветным пятном на всю видимую половину мира.

Через какое-то время они подошли шагом к яхте. Все к этому моменту вышли из катафалка. Ардуш и Жинго смотрели в подзорные трубы.

— Там Грачи в лёд телами вмёрзли. Стоя. По пояс, — рассказал всем Жинго. — Как так?

— Мечи прозрачные разбросаны, — сказал Ардуша.

— Вот ты глазастый, — удивился Жинго. — У меня в глазах двоится. Да и в голове тоже.

Никто не спешил идти к судну. «Тот, кому нечего терять, всегда опаснее того, кто боится потерять», — подумал Серафим. Он, наконец, понял, чем занят Плата-Пансо – он крал Хакона. Брал того в добровольные заложники.

— Ну, что там? Помоги им! — крикнул Жинго мажордому.

Издалека донёсся голос Хакона, но никто не понял, что он сказал.

Зато мажордома услышали все.

— Ага, щаз, — процедил он странно далеко слышным шёпотом, снося воронам головы чёрным мечом Хакона. По очереди. — Хватит. Натерпелись.

Затем мажордом стал поспешно собирать разбросанные по льду мечи. «Власть не объединяет. Власть сортирует», — с сожалением отметил про себя Серафим.

— Помогай, — крикнул Плато-Панса Хакону. — Грузи на коня.

А потом они взобрались вдвоём на огромного скакуна, Плата-Пансо натянул поводья, и они поскакали в направлении, перпендикулярном их прежнему курсу.

Все, конечно, опешили. Кроме Серафима. Он уже осознал, что когда возможностей больше, чем доверия, наступает шок потенциальности. Внезапный приток возможностей – это термодинамический удар. «Возможность, — рассуждал он молча, — это не дар. Это требование действия. Нужно решить, куда идти. А если у всех разные цели, группа распадается».

— Будем догонять? — спросил, наконец, Жинго.

Все молчали.

— А зачем? — спросил, наконец, Ардуша.

Ни у кого не было ответа.

— Пошли к яхте, — сказала судья и собственным примером показала, что нужно делать в таких обстоятельствах.

Возле яхты не было ничего, кроме двух вмёрзших тел. И, понятное дело, двух их отрубленных голов. «Тайна одного становится оружием против всех. Доверие умирает там, где начинается недосказанность», — продолжал свой внутренний монолог Серафим.

— Теперь это снова Вороны, — сказал Ардуша.

Судья первой взобралась на склонившийся вмёрзший корпус судна. «За мной!» — махнула она рукой. На палубе валялись обломки досок с парными дырками и небрежно нарисованными вокруг них глазами. «Что за дичь», — подумал Серафим.

Первое, что он увидел в трюме, были искусно исполненные деревянные пингвины, подвешенные к потолку как колокола. Далее были пять дверей. Первая – камбуз и столовая. Вторая – общая каюта. Очевидно, для матросов. Третья – малая индивидуальная каюта. Четвёртая – такая же каюта.

⁂

В дальней пятой каюте, на обычной постели лежала Притхима. Серафим сделал такой вывод, потому что Ардуша и Рату одновременно выдохнули: «Притхима!».

Судья подошла и потрогала тело.

— Твёрдое. Но тёплое.

Затем она сказала:

— Ну? Чего стоишь как дурак? Сказок не читал? — реплика была адресована Ардуше. Судья прикрикнула: — Целуй её давай. Абсолютное число желаний абсолютного большинства абсолютно примитивны. Это нормально.

Ардуша склонился над тёплым и твёрдым телом Притхимы и нежно поцеловал её в губы. Рациональный ум Серафима вынужден был погрузиться в иррациональное, чтобы попытаться извлечь истину, рискуя при этом раствориться в иррациональном. Он быстрыми мгновениями учил язык безумия. Учил, учил.

— Может, она и есть Авертигус? — спросила мальчик-старуха. — Вот уж точно непись.

— Авертигус. Выжившая версия, — сказал Жинго.

Притхима шевельнулась. «Ложь безумца содержит больше правды, чем искренность нормального», — успокаивал себя Серафим.

— Вот, — удовлетворённо сказала Рату. — Зачем лишние сложности.

— Мажордом гад, — сказал Жинго, оглядываясь в иллюминатор на следы коня и саней, чтобы отвернуться от поцелуя.

Ответила ему уже стоящая на ногах Притхима. Как это произошло, никто увидеть не успел. В замкнутом механизме бреда – это нормально. Таким счёл положение дел инженер.

— Пансо не может никак бросить служить ушедшему богу. Пёс с ним. Это хорошо, что он увлёк Хакона, а не тебя, Жинго.

Жинго лишь переминался с ноги на ногу. Серафим продолжал галлюцинировать вместе со всеми, чтобы не порвать тонкую стену больничной палаты, отделявшую его от сумасшедших. «Увлёк, — усмехнулся он молча. — Украл. Вот правильное слово».

— Что же ты, дорогой профессионал оптик, не спросишь, почему? — усмехнулась Притхима.

— «Испужался» он, как он сам бы выразился? Так? — произнёс Жинго тоном школяра, не знающего урока.

Серафим вдруг отметил, что никто и не подумал представить его Притхиме.

— Нет, — сказала Рату. — Он понял: мир не вмещает троих.

— Ты не права, судья. Древний Хакон был негласный судья другим двум мужчинам-Правителям. А пока есть судья, нет диалога. Только апелляция.

— Такая же взбалмошная апелляция, как сам Хакон? — спросила судья.

— Один святой не может спасти двоих грешников от их же судьбы, — сказал Лариэль. — Муженёк моей древней прародительницы должен был уйти ещё тогда. А лучше б вообще не появлялся. Она, кстати, стоит прямо тут, сзади, за левым плечом.

— Чегой-то мы грешники, — запротестовал Жинго голосом Хакона.

— Ушёл и ушёл, — примирительно сказала Притхима. — Сейчас бегство – это, наверное, самая высокая форма присутствия. Там внизу за ним присмотрит Тоспехо. Иногда изгородь из кустарника хранит пуще каменных твердынь.

— Что такого особенного в «сейчас»? — спросил(а) Лариэль, подбоченясь.

Но Притхима властным жестом отмахнулась от обстоятельств. Как ни в чём не бывало.

В миг завершения широкого маха её руки землю тряхнуло. Все попадали в ужасе.

«Яхта выправляется в полынье, — подумал Серафим. — Быстро же стало теплеть».

— Не бойтесь, — улыбнулась Притхима. — Просто рутинная коррекция Цилиндра в точке Лагранжа. Теперь-то мир настоящий.

«Что она несёт», — спросил Серафим рапиру, не в силах придать предложению вопросительного смысла в силу мёртвости рапиры.

— Кости бога везде валяются. В том числе – в воде, — проговорила Притхима. — Над разумом стоит способность копировать сами разумы. Жаба да небо.

Она ещё раз поцеловала каропуса. «Истина здесь даже не пытается прятаться, — подумал Серафим. — Она просто маскируется под монстра».

— Спасибо тебе за это, милый Ардуша. Теперь так будет всегда.

— Что будет всегда? — пролепетал Ардуша, ни жив, ни мёртв.

«Чтобы выйти отсюда живым, — летало в голове Серафима, — нужно оставить часть себя внутри».

— Теплеет, видишь? Зато на холоде-то – хоть на нить лжизни довелось посмотреть. Раз в жизни. Красиво, правда? А тряска – коррекции на орбите. Землетрясения. Вот такие примерно и будут. Раз в семерицу примерно, не чаще. Да расслабьтесь вы. Зато ни полтысячи, ни тринадцати теперь не будет. Главное – тюремщиков моих нету больше.

Притхима была убедительна. Более чем убедительна. Люди поднялись на ноги.

— А как же настоятель? — спросил Жинго. — Он же нас нагонит и убьёт. Всех десятерых. Это если не считать трость.

«Это их мир. Я здесь временно», — успокаивал себя инженер.

— Так вот, чем вам не настоятель, — кивнула Притхима на Серафима, — Настоящий непись. Всё хорошо теперь будет.

Тут Серафим осознал, что самое страшное для него как для аккуратного следователя не то, что его могут убить эти больные. Страшно то, что он поймет их слишком хорошо.

— Не похож на помощничка моего, — сказала судья. — Не однояйцевые значит?

— Ха! — горько усмехнулась Притхима. — Второе яйцо мне в чрево Бозейдо подкинули, может и на маяке ещё.

— Что за маяк такой?

— С Первым Канцлером гуляли там.

— Дух его против не будет? — бросила судья полу-взгляд на Жинго.

— Ты же сама лишила тело его права на мнение. На год! За год сколько всего утечёт. А Бозейдо Луной стреляли в меня, можете себе представить гадов пернатых? А из яйца – тот ещё ублюдок был, даром что из меня вышел. Стражами поставил весь свой бордель, вместе с сутенёршей. Ох лютые были. Спасибо Тоспехо. Кабы не он – не видать бы вам Обители-то.

— Что мы будем делать, Эмма? — спросил вконец обескураженный Ардуша Притхиму, чтобы хоть что-то спросить и прервать страшный монолог.

— Пойдём в Маристею. Сделаем новые деньги, трёхжильные. Дойдём, долетим до оси мира. Посмотрим, что там снаружи.

— Как же мы долетим?

— Ведь ты поможешь мне построить в Маристее промышленность для большого Воза духа. Поможешь?

— Обязательно, Эмма. Как только выясню, что такое промышленность. Но где мы возьмём столько духа, чтобы унести нас?

— Мы сдуем всех, у кого не хватит духа признать жизнь, неотъемлемую от лжи, — заговорщически подмигнула Притхима. — Попротыкаем их дырочками. Кстати, рапиры-то при тебе нет. Смогли избавиться, надеюсь?

В каюте заметно потеплело. Яхта скала раскачиваться на воде.

— Пансо сломал.

— Ну а кто ещё. Хорошо. Я смотрю, кирка у тебя. Ах! Ты её в сбрую привычную превратил? Ну затейник, — улыбнулась она. — Справимся.

— Как бы они нас не опередили, — сказал Жинго. — Скачут поди сейчас с Хаконом на всех ноздрях к Виргилии и её огромному войску.

Лариэль усмехнулся. Серафим ему подмигнул.

— Мы сможем лучше, — ответила Притхима. — На нас же не висит обязательств быть Изваянием. На Ардуше не висит. Смотрите, какое милое личико у него. Нисколько не похоже на каменного истукана в скале. И горбика нет, хотя он мне нравился. Дислокация ты моя. Мир вот только пока не совсем здоров.

Ардуша стоял, потупив взгляд. Смущение смешалось с жадностью в рассматривании коленей Притхимы. Только слепой мог не увидеть направление его взгляда. Серафим был не слепой.

— Вылечу как-нибудь, — сказал он, чтобы хоть как-то скрыть охвативший его трепет и счастье. — Буду доктором. Книжку только жалко. Украл, сволочь.

— А что жалко – у меня есть моя личная копия. Держи, почитай. И поедем уже. Зябко. Выберемся, где потеплее – полежим, наконец, под всеми тринадцатью покрывалами, погреемся.

«Я лишь пришел за фактами, — удерживал себя вне безумия Серафим. — Но факты здесь живут только в образах. Чтобы взять факт, нужно взять образ. А образ прилипает к руке».

«Прилипает к руке».

«Прилипает к руке».

Серафим изловчился и умыкнул у Ардушы книжку. Тот к этому моменту совсем уже раскис. Впрочем, все остальные выглядели тоже в конец пьяными.

«Неумолимый механизм графа НН», — пробормотала Притхима-Эмма и свалилась на свою кровать.

Серафим же стоял среди уснувших безумцев и раздумывал, уснуть ему внутри деревянного пингвина или же улечься на свободную койку, коих было на прекрасном быстром судне в избытке.

¶

Приложение-приток. [прекращённая] Гидродинамика

[Жёлтый штамп предупреждения библиотеки Обители «Драконь бледный»: механистический перевод с языка Предков; настоятель и служащие библиотеки не несут ответственности за потерю существовавших смыслов или возгонку несуществовавших.]

Поток 1. Уловка-33: Ардуша едет к Хакону

¶

Взрослая уверенность, лучащаяся из неприлично молодого тела. Линия плеч, дуга ниже живота, два озорных яблока манящих коленок. Плотный девичий голос в нижнем регистре. Блестящий объёмный овал расчетливо сплетенной прически, зовущие уголки глаз – бескомпромиссное карее наслаждение. Блеск влажных губ с расчетливостью банкира отмеряет, в какой миг позволено будет тебе увидеть драгоценность её улыбки. Самое сокровенное – это редкие мгновения, когда свет проникает из-за её спины между её бёдер, дразня тебя. Я, быстрый свет, прополз там не спеша, касаясь внутренней поверхности её ног. А тебе позволено будет хоть когда-то за всю вечность повторить то, что могу я?

Свайп.

Следующий видос – про поверженный вовремя ИИ. Как же, ну-ну. Свайп к чертям!

Снова она. Платье её плотно обтягивает фигуру выше талии. По телу плавно прописаны сотни мельчайших складок. По одной вертикальной линии платье распахивается. Виден, сквозь треугольник с очень острым углом, участок бедра чуть выше колена. Ногу обтягивает нечто, чей цвет меняется в зависимости от мягкости её поверхностей. На самом коленце – телесный. Сразу чуть ниже, в милой ямке – почти фиолетовый. Тонкая полоска поперёк бедра. Что это? Выпавшая нитка? Виднеющиеся кое-где волоски на бедре рассматривать нельзя, чтобы не лишиться чувств. «Она посмотрела вдруг в камеру так, будто знала, что я буду это пересматривать целую вечность. И позволяла. Пока».

Вот почему не я с ней?

На этой печальной мысли Ардуша прикорнул.

«Ветер поёт в моих канатиках. Каждый тон – свой. Клавесин ночи. В темноте запели и сверчки. Вспыхнуло воспоминание… я обжигаю ручонку об огромную печь. Путешествие куда-то с папой и мамой, где цветные деревья. Прибравшись, мы с ней бежим к шатру и, как два сацзяо, игра-

ем: я справа, она слева; моя правая нога сгибается в колене под прямым углом, а у неё – левая, и мы попадаем стопа в стопу. Я канатоходец, я акробат, я вольтижёр, я исправляю оплошности её движений. Воздух наполнен детством. Нельзя никого лишать детства. Кто сделал так, что у меня не было папы и мамы? Кому мстить? Девушка убегает вперёд, и я вижу вокруг неё диск из белой-белой кости и всполохов кипящего золота. Теперь я буду звать её так... Только я».

— Так. Хорош! — прервал доктор Ардуша собственную видео-прокрастинацию, потирая кость посредине груди: — Как будто горб растёт, чёрт возьми.

Он выдохнул, вздохнул и переключил сознание на опостылевшую за последние месяцы рутину проверки игр. Доктор богат, но перепоручить это нельзя никому.

— Что там у нас? «Седьмая башня», — произнёс он в диктофон. — Тест номер двести восемьдесят восемь. Ну, поехали.

Доктор надел очки виртуальной реальности и запустил игру. Мозг доктора привычно подписал имплицитный контракт доверия к симуляции и перешёл в повествование от первого лица.

*

¶ Я без опаски достаю из своего сундука монеты. Пересчитываю. Не сочтя итоговую сумму верной, я проверяю все карманы, выскрёбываю недостающие по моей нехитрой бухгалтерии гроши. Откладываю четверть тэллера на еду, а с отдельным вздохом – ещё десятинку на мыльню. Прячу остатки, запираю сундук. Натягиваю штаны с узкими петлями под ремень, заправляю в них широкую, почти белую рубаху с хорошим пышным воротником. Накидываю камзол. Без единого кармана камзол. У такого есть плюс: отсутствие карманов оправдывает при обыске гвардейцами, почему это у меня вдруг рабочие принадлежности приторочены в обшлагах сапогов. Там у меня с десяток мелких штук от штеплера до блокноута, но по-настоящему мне в сапогах нужна одна вещь: шило.

*

Доктор сделал паузу. Игрок не опасается излишней иллюзорности. Игрок не готов принять мир, небрежно сделанный. «Седьмая» такого порока не имела.

*

¶ Шило у меня особое, в сечении треугольное, как армейский подмушкетный штык, длинной всего на треть фаланги короче максимального положенного. Всё в рамках закона. А форму сечения ни один из подзаконных актов не регламентирует. Треугольник сечения меня не раз спасал: опасная получается рана, и упругость клинка не в пример выше, чем у обычного круглого шила. Никто ещё не сумел вовремя догадаться, что это вдруг вылетает молнией снизу вверх в моей руке, когда я присаживаюсь в ритуальном приветствии. Уловка-3. А свидетелей я до сих пор не оставлял. Есть у такого камзола и минус: никак не купить пользованный, подешевле; обязательно остаются выцветшие отметины накладных карманов. А коль отодрал – объясняй, зачем. А где объяснения, там неминуемо всплывают связанные неудобные или опасные факты. Приходится переплачивать, сдирать карманы аккуратно снова́, а потом носить до совсем почти неприличного состояния – денег-то у меня едва на еду и жильё. Впрыгнув в сапоги, нахлобучив шляпу с жетоном аспиранта, я выкатываюсь в тёмный коридор.

*

«Когда мир предсказуем и детален, можно позволить себе праздное любопытство», — с удовольствием проговорил сам себе Ардуша, откладывая очки, чтобы налить душистого чаю. Размеренность хода игры это позволяла.

*

¶ После церковного эликсира я пью осторожно. Но и скромная пинта позвала меня в отхожее место. Я проталкиваюсь через толпу, но не судьба. Очередь. Башня – рукой подать. Ночную окклюзию ворот протрубят ещё только через полчаса. Доскочу до леса за стеной. Доскочил. Но обратный путь по длинному мосту через бывший ров не преодолел. Десять! Я насчитал десять индивидов. Нет – одиннадцать. Один отстал. Камни моста образуют монументальный хребет. Шириной в типичное городское здание он выгнулся на сотни шагов, прижимая пустоты давно высохшего рва десятком мощных опор. Плюс ещё одну. На каждой из них – по паре монументов героев прошлого в четыре моих роста. Кто-то воздел десницу, у кого-то застывшим ветром распахнуло фалды гранитного плаща, чьи-то мечи обозначили полу-изготовкой острый угол с туловищем статуи. Двадцать два исполина сверлят меня в сорок четыре каменных глаза – как же я буду проживать следующие несколько минут?

*

Несколько обескураженный скачком сюжета, д-р Ардуша сдёрнул очки и осмотрел их, как будто бы на универсальном приборе могли быть кнопки, отвечающие за сценарий.

*

¶ В этой немой сцене вдвое больше каменных зрителей, чем живых актёров. Неужели такой поздний час? Ни одного прохожего на всём сооружении? В центральной позиции – белобрысый верзила. У меня материала сейчас на сотню нитей лжизни, не меньше. И забвение от эликсира не фатальное. Отриторюсь. Но мой уникальный жизненный опыт таков, что я всегда знаю, когда меня хотят просто унизить, когда избить до полусмерти, а когда – убить. Десять плюс один – это 'убить'. Сто из ста, в категории намерения. Напрасно они это. Я субъект права. Придётся применять репрессалии.

¶ «Ты гарцующего коня на свою повозку прилепил для напоминания себе, чтобы утром с дурману ненароком не запрячь ишака? — харкаю я фразой, формально окрашенной инфиксом публичной издёвки. Не дожидаясь ответной реплики я выпаливаю: — Прошу разрешения на официальное раскаяние и аппологацию!»

¶ Вспотел я под шляпой в эти шесть ударов сердца, пока он решал. Он, однако, кивнул: ему что до аппологации убивать, что после. Разницы нет. Почему не принять. Не для извинений он сюда с толпой подельников явился.

¶ «Что же, изволь. От аппологации до апологии – один шаг».

Я плотно закольцевал обе руки, подняв их на уровень плеч, в формальном «гоноро», зафиксировав факт почитания, затем подошёл на положенную дистанцию и преклонил колено.

¶ Три вздоха. Лишь миг продлилось замешательство девятерых, после того, как шило Уловки-3 вспороло путь от подбородка в мозг и вырезало в голове белобрысого широкий внутренний конус с вершиной в коренном зубе. Я ежедневно по несколько раз, пока соседа нет дома, расстегиваю пряжку ремня, вынимаю его, хватаю с обеих сторон широким хватом, резко натягиваю и замыкаю выкручиванием замок, превращая ремень в составную саблю из брусков-мусатов, чья тыльная сторона, та самая, для которой не нашлось слова в языках Предков, остра как бритва.

“Вжих” – минус семь голеней. Или четыре злодея, которые не ходят. Ещё миг – это замешательство пятерых, ведущих подсчёт. И ещё пять ног. А сабля в умелых руках против двух бугаёв, пусть и с дубинками, пусть и восстановивших самообладание – это преимущество. И ещё один. Одиннадцать на три грани. Уловка-33. Не люблю процесс добивания. Но куда деваться. Кошельки срезать – тоже дело не из приятных, но сбор лута – неписаный закон. И золотое правило: главаря обшарить до ниточки, до шва. Оказались при нём документики, оказались. Сквозь меня проносится тонкое осознание преходящей природы всего сущего: грусть и красота момента, когда понимаешь, что всё временно.

*

Сняв очки, доктор обнаружил себя неиллюзорно запыхавшимся. Сознание его было эрегировано. Он почуял. Пока только почуял. Кто сказал, что любопытство умирает там, где начинается угроза хаоса? Кто писал о «смерти автора»? Тут автор пытался стать богом, который может нарушать свои же законы.

*

¶ Я двигаю к кромке леса. Прошлое для меня перевернулось с будущим. Как перспектива в рисовании: параллельные линии на бумаге кажутся сходящимися в удаленной точке схода. Все направления исходят из этой точки, далеко впереди меня. Я – наблюдатель. Если это – начало всего, то получается, что я, наблюдатель, нахожусь в будущем? Сейчас я сам становлюсь началом, от которого расходятся все линии. Я оказываюсь в точке отсчета времени, заглядывая, по желанию, то в прошлое, то в будущее. Я стою ногами на качающихся весах, огромных и ржавых. Никто их, кроме меня, не использует. Хотя я говорю, говорю – меня не слышат. Как только я позволяю себе почувствовать себя в прошлом, чтобы что-то толкало меня в спину вперёд, мой выбор сужается, и мне не остаётся ничего, кроме как прыгать в воронку сжимающих обстоятельств. Я захожу в лес. Время растянулось вдесятеро. Вся воля мира, что шла на обслуживание тех, кто только что стал трупами, ушла ко мне. Обычно так не бывает. Стечение обстоятельств какое-то. Я слышал о таком. Не удивляюсь. Я знаю, что это временно.

*

Доктор сделал паузу, чтобы переварить необычное правило перераспределения вычислительных ресурсов. В распределённых играх свои традиции.

*

¶ Я отдаю себе отчёт, что частично это галлюцинация, но мне негде искать опору, чтобы её избежать. Я бреду по большой дуге вокруг города, от первой башни к седьмой, по кочкам, среди деревьев, продираясь через кустарник. Пахнет ягодой. Хвоёй. Моя вневременность достаточно зыбка, птицы меня замечают. Мне хочется совета. Я думаю, почему бы мне не спросить его у самого большого организма, у грибницы. Я начинаю искать самый красивый гриб. Долго ли, скоро ли, и я его нахожу. Он говорит, что его зовут Клготь. Я прилёг на мох. Прямо правым костяным ухом. Прекрасный гриб не дальше моего носа. Он предлагает мне ползти вокруг него прямо на щеке, отталкиваясь сапогами по кругу. Я соглашаюсь. Я упрекаю себя в присутствии Клогтя, что не чувствую вины и сокрушения, убив многих, что не знаю тугой печали.

¶ «Ты помышляешь прочувствовать скорбь?» — спрашивает меня громадный мицелий, протянувшийся в корнях леса от башни до башни, от берега до кручи.

¶ «Помышляю».

¶ «Предупреждаю, что дам тебе утрату во всей полноте, от бешенства до ностальгии, утрату по тем, кого будет тебе недоставать немыслимо более, чем сейчас. Я помещу тебя в то мироощущение себя и в то время, где это действительно будет существенно. Совсем не как сейчас. Совсем не как ты».

¶ «Дай».

¶ «Ты просишь главного вожделения?»

¶ «Дай».

¶ «Ты просишь мира, где мог бы разделить его?»

¶ «Дай».

¶ «За это не одну душу, но все!»

¶ «Дам».

¶ «Шестерых возьму».

¶ «Пошто шесть?»

¶ «Шести долинам шести рек нужны шесть Первых Правителей».

¶ «Но рек в мире пять, Клогть».

¶ «Штож. Новому миру новая Река».

*

«Договор с грибом?» — прозвенело осознание в голове доктора. Шесть – это пять правителей и одна пустота. В пустоте можно спрятать кого-нибудь. Если Клогть не заметит. Он встал навытяжку – как гвардеец президентского полка. Одёрнул могильно-чёрный пиджак. Откашлялся. Он сам немного опешил от вычурности позы, сунул руки в карман, чтобы сгладить впечатление, но тут же выдернул – ему показалось, что пальцы ткнулись в мох.

Затем д-р Ардуша согнулся в три погибели и содрал с себя очки – то ли комком нервов, то ли крюком кисти правой руки. Он взял в левую руку обычный телефон и отправил голосовое:

— Аделаида, бодрый день. Сделай формальную пометку этим числом и временем – проставь таймстемп распределённым реестром. Собери, будь добра, данные по тем, кто имел аккаунты в игре «Седьмая башня». Чем более ранние счета, тем это для нас релевантнее. Сопоставь со всей сетью наших контактов, а также с их непосредственными знакомыми. Чем плотнее контакт, тем лучше. Оптимизируй по этим двум параметрам и составь список по возрастанию качества в обозначенных рамках. Спасибо.

«Разрешил мне мечтать. Но не предупреждал, что кошмар будет столь бессмысленным», — пробормотал доктор и снова погрузился в игру.

*

¶ На каждом новом шажке спирали я вижу новые одеяния гриба. Вот он клюв ворона. А вот коготь кошки. А вот кольчуга на статуе древнего льва. Я вижу железное острие, оскаленные зубы гиены, расцарапанную кожу. На обратной стороне я вижу пролом-парац, трещины. Парац-пэрец. Я чувствую буйство, сцепление, затем что-то твёрдое, но разломанное, как мостовая во время ремонта. Клюй туда, клюй! Скорбь, рвущая нутро подлой страстью превратить все ощущения в жалость к себе. Разъярение от вопиющей несправедливости царапает мне лёгкие изнутри. Коли её!

¶ Я пошарил в карманах, в поисках чего-нибудь режущего. Понял, что у меня нет карманов. Тогда я просто сжал гриб руками. Лес был до краёв наполнен вечером, и я стал бояться ночи. Зазвенели вдруг мириады насекомых. А, может быть, просто слух вернулся по мере нормализации течения времени. Лежа на земле, я ощутил холод правым боком. Я попытался встать, но упал на четвереньки. Так и пополз. Мох. Везде мох. Клготь попрощался и на миг явил свою суть: объект, заполненнее, полнее, чем всё, что бывает в наших измерениях. Он свёрнут сам в себя и вовне одновременно.

¶ Я добежал, частью по лесу, частью вдоль стены, до своей башни. Стою внизу, вижу низкую дверь, плохо соображаю. Ткань множества {стены, почва, двери} – едина. Она колеблется вместе с моим дыханием. Она пропитана смолой. Дверь не может открыться, не порвав всю ткань. Чтобы сместить дверь, нужно притянуть стены к себе. Я не тяну и не качаю. Я вращаюсь, как дервиш. Нет, я стою. Я кручу мир с Луной вокруг себя. Поворачиваю. Смоляная ткань не сминается там, где стоим мы. Я и я. На стене башни забугрилось. Низкая дверь выщёлкивает, как мышеловка, с неподходящим звуком, тихим треском. «Я» идёт внутрь. Дверь закрывается. А я – равнодушен.

¶ Я свищу. Через пару ударов сердца из гнезда вспархивает тяжелая птица и взлетает на несколько саженей, удерживая край веревочной лестницы. Когда когти расцепляются, и лестница расправляется под собственной тяжестью вниз, я взбираюсь по ней вверх к окну и самодовольно думаю: «сотрудничество предпочитаю долгосрочное и симбиотическое».

⁂

Ардуша обрадовался звонку Аделаиды – по-детски и не по-детски одновременно.

— Здравствуй, Ардуша, — поприветствовала доктора помощница. — Первый в списке – некто академик Хакон. Он не особо релевантен по связям с нами, но аккаунт у него старый. Представляешь, он воспитывался в том же приюте, что и ты. И главное: он был в университетском кружке по изучению Ифкуиля.

— Я прекрасно помню, кто такой Хакон, — сказал Ардуша. — Он же – Гудман Тяжёлаястена.

— Странноватая фамилия. Да и имя тоже. Индеец?

— Что-то вроде. Но с другой стороны Берингова пролива.

— Что такое «академик»?

— Высший научно-административный титул на наши деньги.

— Я посмотрела, что за место там… по его адресу. Там, знаешь, такая недвижимость… Не для академика.

— Разведаю на местности. Я лечу к нему – купи мне билет, пожалуйста.

⁂

Самолет шел на посадку, и город лежал внизу серо-зеленым пятном, расползшимся по холмам. Ардуша смотрел в иллюминатор и слушал гул турбин. Гул был успокаивающий, ровный, мощный. Этот звук не обещал ничего, кроме того, что довезет. Турбинам всё равно, кто ты и зачем летишь. При посадке в автобус на лётном поле люди говорили обо всём сразу, но больше всего о том, почему здесь такие длинные зимы. Из окна такси он смотрел, как город просыпался. Трубы дышали паром, машины еще не злились, а просто ехали, старинный троллейбус дергал проводами на повороте. Серый город под серым небом. Но в этом серебре была своя правда. Город был честен. Город не знал, что в одной из его квартир живёт старик, который не знает, что он ещё живёт.

Ардуша нашёл а-ка Хакона в жуткой халупе на восьмом этаже. Он был, конечно, пьян. В жилище не было признаков присутствия в жизни Хакона каких-либо других людей. Доктору пришлось ввести академику (видимо, бывшему) специальный препарат, чтобы беседа могла состояться.

— Исследуешь дно? — поинтересовался д-р Ардуша, скидывая хлам с кресла. — Тебе что, интересно, есть ли там дверь? Есть работа. Катализатором.

Вместе с пустыми мятыми упаковками от одноразовой еды и одеждой, на которой застыла трёхнедельная обгаженность, на пол упала трогательная плюшевая мышка. Доктор Ардуша беззастенчиво прикарманил её, буквально сунув в карман. Он закономерно полагал, что такой милой игрушке здесь не место. По крайней мере, доктор сублиминально посчитал, что соответствующие мера и закон существуют.

— Теоретически, я не против, — прошамкал Хакон, давая губам привыкнуть к воспроизведению человеческой речи. — Но вот, как видишь, немного занят.

Доктор его не торопил. После каждой реплики, как своей, так и Хаконовой, он делал паузу. Рассматривать вещи в квартире ему не хотелось. В окно смотреть – тоже. Поэтому он сидел филином и глазел академику в лицо. А тому – хоть бы хны.

— Понятно, — сказал Ардуша. — На трезвую тут у тебя невыносимо, спорить не буду. Помнишь ту поездку на вело-тандеме?

— Неделя отбитой задницы? Как не помнить. После неё у меня и не заладилось.

— После неё три года прошло, как у тебя не заладилось. И не только у тебя, у всего мира.

— Моё уродство – в неспособности игнорировать шум, — сказал академик. — И ты же знаешь, я не умею манипулировать. Истина для меня важнее результата. Какой из меня катализатор. Я так понял, надо кого-то в чём-то подбодрить? С химической степенью эффективности?

— Помнишь наш разговор про апостола Авертигуса? — приступил к конкретике доктор.

— Который не бог, но, возможно, проводник? Помню. Только я теперь думаю, что все апостолы, даже те, оригинальные, – просто самозванцы. Пиарщики.

— Тот. Мне кажется, я его нашёл.

— А. И что ты у него попросишь? — первый раз проявил Хакон искру интереса.

— Может, не попрошу, а предложу. Обычно я могу только указать. Мне всегда нужен исполнитель. Но сейчас исполнителя нет.

— Не смотри на меня.

— Я смотрю лишь на то, что я пока скрываю. И там есть место для тебя.

— Ой, — отмахнулся Хакон. — Дёшево. Житуха усилий не стоит. Это рациональный выбор.

— Шибко умный? — начал звереть Ардуша. — Ну так я это знал. Любопытство сильнее этой твоей дыры в жизни. Там достаточно большая пробка, чтобы заткнуть твою бутылку.

— Ты хочешь сказать, что видел нечто, что не должно существовать?

— Именно. С нормальными тебе не по дороге. С монстрами – глядишь и получится.

— Я ж урод.

— Слушай, я и не прошу тебя жить. Я прошу тебя помочь мне понять, зачем мы ещё здесь. Я знаю вход. Ты знаешь, как выжить внутри. Надеюсь. Всё. Пришлю описание задачи и авиабилет, как буду готов. Заряжай вовремя телефон. Бывай.

Вместе со звуком закрывающейся двери Ардуша расслышал изнутри квартиры скрипуче-кашляющее:

— Киллера ещё найд...

Доктор вернулся и плотно, насколько это было возможно, закрыл за собой дверь. Не раз выбитая, она не желала прилегать как следует.

— Так. Ещё раз, — потребовал он.

— Выпьешь со мной? — спросил Хакон.

— Выпью, отчего не выпить, — удостоверил д-р Ардуша.

— Вон там пошарься, — махнул академик в сторону определённого куска мебели.

Найти непустую бутыль оказалось делом не пустяковым. Все они были почему-то из стекла тяжёлого и плотного, пытающегося скрыть – и весом тары, и пониженной прозрачностью – наличие жидкого в себе. На одном из сосудов доктор увидел этикетку, которая заискрила в его памяти глупой ностальгией. Он зафиксировал факт наличия содержимого на слух, движением руки создав в этом самом содержимом недовольно булькнувший вихрь.

Зелье потекло в две рюмки. Прежде чем поставить пустое стекло на грязный пол, Ардуша плотно прошуршал по этикетке ладонью в знак давнего знакомства. В качестве ответа на приветствие из тонкого длинного горлышка вылетел последний остаток спирита.

Они без звона чокнулись и выпили этого джина.

— Я не могу не доверять тебе в том, что ты верно оценил в своём деле потребность в катализаторе. Отсюда вывод... — Хакон поднялся с кушетки и пошёл в уборную, чтобы трубно высморкаться.

— Нужен также и ингибитор. Тебе нужен, — продолжил он, вернувшись со скрипом на кушетку.

— Разумно, — отозвался доктор. — Но почему киллер? У нас с тобой на примете единственный такого рода человек. С чего вдруг ты расцениваешь его как ингибитора? Он, может, и умер уже давно. Когда это было то? Лет сорок назад?

— Он не стачивается по мере хода процесса. Поэтому и ингибитор.

— Ты ж его даже не видел, откуда такое предположение? — подверг доктор сомнению корректность оценки академика.

— Я сам давно превратился в шкаф для стабилизации реакционных смесей при хранении. Жопой чую.

— Жопой так жопой, — уступил доктор. — Где его искать?

Академик вынул из-под подушки телефон. Тот был, конечно, полностью разряжен.

— Операционка грузиться будет полчаса, — сказал он с раздражением. — Стоит только позволить умереть, оживлять потом – такая вечная мука.

Доктор видел: академику нужно было выпить ещё, но делать это в его присутствии… Ардуша помог Хакону побыстрее от себя избавиться.

— На моём покажи, — протянул доктор свой девайс с предварительно запущенным картографическим приложением.

Хакон потёр своей непослушной щепоткой дисплей в поисках места посредством лишь функции зума, не вводя букв в окно поиска адреса. Затем он ткнул подушечкой указательного пальца в точку.

— Вот она она, — по-детски выразился Хакон.

Место было обозначено как «мельница XIII века». На экране рефлектировал в боковом свете чёткий жирный отпечаток пальца. Доктор убрал девайс в карман, со всем его содержимым. Не откладывая и не усложняя в ненужной тщете прощания, он убрался восвояси.

¶

Поток 2. Иллюзия опережения: Рату присоединяется к Ардуше

¶

Литая походка. Бойкий каблук. Тёмно-синяя юбка до колен. Упругий стан молодой женщины. Ассирийская красота лица. Рату заприметила нужный автомобиль издалека. Через двадцать долгих ударов спокойного сердца она его достигнет.

Серый фургон с крупным рекламным графитто на боку «Харопус Ltd. Последний курьер» был припаркован в историческом центре города. Несмотря на ритуальный характер предлагаемых услуг, автомобиль был на высоких, почти болотных колёсах. Впереди красовался цилиндр мощной лебёдки. Окна были угловатыми. Окна были не везде, где обычно полагается.

Внутри, в задней части машины, сидел доктор Ардуша. Перед ним был монитор электронно-оптического преобразователя, который позволял вести наблюдение в условиях полной темноты на дистанции до пятисот метров. Слева был закреплён на жёсткой штанге экран, куда поступали данные с тепловизионной системы. Справа – дисплей оптической системы визуального контроля высокой кратности, который можно было переключать на поток с видеокамеры любого из десятков дронов, имевшихся в арсенале доктора.

В пассажирскую дверь машины негромко поскреблись снаружи. Доктор перешёл внутри вэна на водительское место и нажал кнопку центрального замка. В машину села молодая женщина.

— Спасибо, уважаемая канцлер-секретарь Рату, что согласились поучаствовать в моём проекте, — сказал доктор.

— Издеваешься, д-р Ардуша, — улыбнулась женщина. — Вот, захватила тебе рогалик с кофе. Как я могла не поучаствовать. Ты теперь живешь этой «Седьмой башней», да? На старости лет решил восполнить недоигранное в юности?

— К-с Рату, да как ты...

— Единственный способ увидеть на твоём впалом лице щёки – выдвинуть в твой адрес нелепое обвинение, — улыбнулась Аделаида. — Вот я им и воспользовалась.

— Признаться, живу теперь этим проектом. Даже проектом это называть странно, — толкнул он двумя руками руль незаведённого автомобиля.

Рату обернулась к нему лицом, повернувшись в кресле. Для этого ей пришлось снять одну туфлю и поджать под себя левую ногу. Ардуша не мог не посмотреть на обтянутые эластичным темно-серым колено и ступню.

— Ну, рассказывай, дорогой учитель. За кем следим? Зачем следим?

Доктор, в силу привычки, приподнял правой рукой давно несуществующие на его лице очки, а указательным и большим пальцами левой руки потёр себе переносицу.

— Человек живёт вон в том здании. Видишь? Это мельница. Бывшая, конечно. Затворник. Я тут, потому что сегодня рано утром ему доставили письма…

— Как высокопарно: «доставили письма». Тоже теперь буду так говорить при описании уведомителя в шторке операционки.

— Действительно доставили. Физические письма. На бумаге.

— Такое разве ещё бывает? Я не знала.

— В нескольких городах Европы. В качестве туристского антуража, я полагаю. Впрочем, неважно. Есть вероятность, что письма явятся причиной, чтобы он вышел. И мы за ним посмотрим. А потом и поговорим. Он мне нужен в качестве своего рода сценариста.

— Что мешает просто выйти на контакт?

— Этого типа не стоит считать обычным человеком. Это как бы непись, то есть такой персонаж, который… не играет сам. Так что есть целый ряд причин не осуществлять контакт сразу. Причём некоторые причины я затрудняюсь даже сформулировать.

— Мистика какая-то. Начни с тех причин, что можно облечь в слова.

Доктор некоторое время помялся.

— Ты заставляешь меня думать о том, о чём мне прямо сейчас нет смысла думать, — сказал, наконец, он. — Считай, что просто хочу посмотреть за ним сначала.

— Ты темнишь или ленишься? Потому что если первое – то я, пожалуй, пойду. Как я обеспечу твою безопасность, не понимая, почему ты опасаешься этой чюди-неписи. У нас уже был с тобой неприятный опыт. Рассказывай.

Доктор взял свой смартфон, пошуршал в нём, отправляя файл на печать, а потом открыл перчаточный ящик. Там был принтер. Он сделал приглашающий жест, чтобы она взяла листки.

— Какое удобное приспособление, — сказала Рату.

— Читай. Вернее, давай вместе почитаем, — склонился он в её сторону всем корпусом. — Для этого и распечтал.

⁂

¶ [Седьмая башня. Лог Ардушы]

¶ Я стою у высокого, в мой рост, окна. Окно неширокое. Я плюс я не влезем. Удобное: можно улечься животом на толстенную нагретую солнцем каменную поверхность, оставив голые ступни на деревянном полу, опереть на локти голову и крутить её медленно из стороны в сторону с уютно уложенным в ладони подбородком. Я в башне номер семь – угловой. Обе крепостные стены, и слева, и справа, уходят по отношению к стреле моего взора назад, не давая внутригородскому быту перекрыть вид на лес. Прямые кедры благородной стеной шагах в пятидесяти. В бесконечности за лесом – отроги Великой горы. Широкий крепостной ров высох, зарос и превратился в грандиозный земляничный овраг.

¶ Противоосадную дисциплину нет смысла поддерживать – целое поколение воспиталось с тех пор, как в армейских соединениях появились артиллерийские расчёты. Пусть не с первого выстрела и даже не с десятого, но они способны проломить стену в любом месте, а поверх стены, широкой дугой, забросить на произвольный целевой дом зажигательную бомбу. Мощный мост, когда-то ведший через ров, стоит без дела. Воды под ним нет, а за ним – нет открытых ворот в башне.

¶ Из высокого окна я вижу, как между лесом и стеной двигаются по широкой тропе: крестьянская телега, группа пыльных стражников с понягами, пара дюжин местных без поклажи. На телеге лежат тремя стопками тележные колёса. Это проявление разделения труда. Кузова для телег делают здесь, в городе. Колёса – в деревне. Что-то особенное смог

придумать деревенский мастер, что позволило ему поставить производство колёс на поток по более выгодной цене.

¶ Высокие стены из черных каменных глыб утратили военную ценность, но задачи обеспечения правопорядка продолжают выполнять. На входе в город, на всех пяти воротах выборочно досматривают. Ближайший проезд – в трёх башнях отсюда, и мне не видно и не слышно привратной сутолоки. Когда-то и в нашей башне был проход и дозор, но каменную кладку дополнили, оставив лишь низкую, не выше подбородка, железную дверь, которую на моей памяти ни разу никто не открывал.

— Что это за «что вижу, то пою»? — спросила к-с Рату.

— Это выгрузка лога игры, с точки зрения персонажа. Что-то вроде внутренних рассуждений в окне чатбота. Экспозиция экономического сеттинга. Затравка перед игровым эпизодом.

— Экономически-стратегическая игра?

— В том числе.

— Ардуша – это твой персонаж?

— Да, мы вместе. Задача состоит в том, чтобы «прокачать» несколько персонажей, — ответил д-р Ардуша.

— И без того, чтобы выслеживать специалиста по прокачке у его дома в фургоне, напичканном аппаратурой и дронами, никак?

— Никак, Рату, никак, — ответил старик. — пока просто поверь моим сединам. Дальше сама убедишься.

¶ [Седьмая башня. Лог Ардушы]

¶ Теперь здесь дормиторий, и я, аспирант Академии изысканий, тут живу. На верхнем, пятом этаже. Я разогнулся обратно в полутёмную комнату, потянув за собой деревянные ставни. Жалко перекрывать путь солнышку, но мне уходить, а облака в небе хоть и редкие, но слишком тёмные, чтобы совсем не опасаться за весь грядущий день сильного косого дождя. В соседней шестой башне в окнах витражи, защищающие от непогоды, но пропускающие свет. Это приятно, но даже если бы у меня были лишние десять тэллеров в селену за постой, я бы туда не переехал.

¶ Наша Септумпорта сужается кверху и заканчивается высокой изящной крышей, напоминающей край резца краснодеревщика. Я черепицу непосредственно из комнаты могу потрогать. Соседняя же башня – цилиндрическая. Вместо крыши там наблюдательная платформа для стра-

жи. Кроме того, верхний жилой этаж много шире нашего. Там у меня было бы больше соседей. А я соседей не люблю. Я вообще существо осторожное. На случай непрошеных гостей я хочу иметь брусок из лиственницы, в пару ладоней толщиной, чтобы запереть дверь и выкупить несколько минут, пока я достану верёвку из тайника. Или оружие; это от ситуации будет зависеть.

¶ Обустройство тайника – большая проблема. Нельзя просто захотеть. Не в нашем мире. Такое намерение должно быть исключено. Если тайник сам образовался, в силу каких-то сторонних обстоятельств, то его использование может быть расценено как преступление, наказуемое не казнью. А при наличии золота на стряпчего, можно рассчитывать выскочить сухим из воды. Поэтому – черепица, до которой можно дотянуться рукой. Я два битых года птиц прикармливал, чтобы они там гнездо свили. Учитывая мои доходы, я недоедал из-за пернатых обжор. Но безопасность превыше всего. А сосед – вынужденное зло. Это первый кандидат на роль разорителя моей тайны.

— Это, как я понимаю, включение индивидуальных ограничений? — Аделаида отломила половину принесённого ей рогалика: — Можно?

— Да, ограничений – три вида. Во-первых, экономические. Голод, крыша над головой, юридические права и подобные обычные вещи. Вернее, это – в последних, на самом деле. Главное – это ресурсные затраты на речь.

— Как мило, — заметила к-с Рату, — бесплатно поболтать нельзя?

— Можно, если говоришь всепоглощающую правду.

— Таак! — понимающе протянула Аделаида. — За эпитетом «всепоглощающая» стоит то, что я думаю? Надо же. Дело начинает проясняться.

— Угу, — скромно потупил взгляд Ардуша.

— Ну хорошо. Странно, что я об этой игре мало знаю. В чём же третье ограничение?

— Скорость переживаний, качество памяти и свобода воли – взаимовытесняемы.

— Не поняла.

— Лучше память – хуже компьют и рандом. Ну и во всех остальных комбинациях – так же.

— Всё равно не поняла, — чёрные умные глаза Аделаиды дразнили её учителя.

Доктор умел вести брифинг терпеливо, настойчиво и в меру формально.

— Если слишком много вычислительной мощности выделено на то, чтобы поддерживать поток событий, то появятся провалы в памяти, а кроме того – затянет в непредсказуемые, зачастую ненужные приключения.

— Ого. Жестоко, — оценила Аделаида.

Доктор Ардуша пожал плечами:

— Я уже семьдесят с лишним лет так живу. Посмотрим дальше?

— Посмотрим, но по-моему у тебя на мониторе индикатор мигает. Подопечный твой вышел на улицу.

Ардуша по-стариковски всполошился, рассыпал листки на пол, переключил режим монитора. На экране был высокий лысый молодой человек, одетый крайне «по-дизайнерски» – в стилизации под позднее европейское средневековье.

— Это не он, — удивился Ардуша. — Видимо, его сын. Как похож, однако. Надо же – ведут династию, да так, что клиентура не замечает смены поколений. Всё, поехали. Садись за руль.

Ардуша встал из-за водительского кресла, вышел в заднюю часть фургона, освободив Аделаиде проход. Усевшись в пассажирское кресло, он стал инструктировать:

— Ориентируйся на навигатор. Он автоматически предлагает следующее место парковки фургона для смены дронов. Три всегда в полёте. В резерве и на подзарядке – втрое больше. Вот индикатор стыковки-расстыковки. Показывает, что можно ехать.

— На ходу не могут?

— Могут, но лучше так не делать. Дроны дорогущие. Они все – материнские.

— Из них те запрещённые мелкие «мухи» могут вылетать?

— Ага, — пробормотал Ардуша. — Смотри. На железнодорожную станцию идёт. Как только выяснится пункт назначения, поедем на упреждение. Вот видишь: навигатор нашёл нам предварительно места, где

подождать. До магистральной развязки остановимся, чтобы потом быстро выскочить на нужное направление.

Фургон подъехал к предложенному месту стоянки и остановился. Доктор настроил алармы.

— Читаем дальше.

¶ [Седьмая башня. Лог Ардушы]

¶ Скрипучесть деревянных половиц во внешнем коридоре мне лояльна – предупреждает о визитах с пяток ударов сердца загодя. Я успеваю отойти от окна и взять в горсть орехов; лязгает замок; в комнату входит сосед.

¶ «Пришли дурные вести, в почте, — ворчит он и растягивается на тюфяке, молнией скинув чёрные сапоги и уперев пятки в приставленный к стене сундук. Увидев мою кислую физиономию: — Ох, Царица нитей небесных, поясничаю... {Детектирован намёк: сосед шутит, но при этом он подготовлен, то есть подпоясан. Чем подпоясан? Нитью лжизни, конечно} ...Не знаю, что там».

¶ Сосед картинно вкладывает ладони в разноимённые рукава, как в муфту, подчёркивая тот факт, что предаётся безделью совершенно осознанно.

— Это что за ребусы? — удивилась Аделаида.

— На одну треть персонаж управляется внешним агентом...

— Агентом?

— Чем-то условно живым, но не обладающим собственной волей. До запрета свободного хождения ИИ-агентов это были, собственно, ИИ-агенты. Какое-то время использовались кураторы люди, использующие разного рода автопилоты.

— А сейчас?

— О! «А сейчас», — по-доброму передразнил доктор. — В этом-то всё и дело. Но мы до этого ещё дойдём. Что касается «ребуса»... Во фразу соседа встроен тот смысл, что ему не жаль, что он сразу не посмотрел, что там в почте. Хотя мог... Каждому агенту, для решения многошаговых задач, нужна внутренняя модель мира. Если индивид может успешно выполнять последовательности взаимосвязанных задач, то из его поведения можно алгоритмически извлечь модель того, как устроен мир. Чем лучше индивид справляется с долгосрочными целями, тем точнее его внутрен-

няя модель реальности. Поэтому, говорит моему персонажу фраза соседа, он, сосед, долгосрочности целей достигает, в отличие от моего персонажа, отношением к жизни “спешить некуда”.

— Так... Я начинаю понимать, зачем нужен сценарист-профи, — проговорила Аделаида. — О! Опять мигает! Еду?

— Да, выезжай на автостраду. На юг едет наш голубчик. Ну, это надолго. Сейчас автопилот включим.

— Мы же не сможем держаться за поездом, — засомневалась Аделаида.

— Да, это ужасная привычка у некоторых подозрительных (и подозревающих) людей – по максимуму использовать скоростные поезда. Но это же делает их предсказуемыми.

— Точно. Я почти уверена, что он едет в морской порт.

— Моя ученица! — с довольным видом объявил доктор. — Настоящий канцлер-секретарь. Так что да, мы будем сразу забирать к востоку – на запад и юг кораблям идти некуда. Отправим большой материнский дрон – он вывезет большую смычку по дистанции. Включай автопилот, пусть трудится.

Это не было бравадой. Ардуша был на самом деле спокоен. Поезд, конечно, движется быстро, но время в нём не создает нового будущего, оно лишь быстрее доставляет в заранее известный конец. Когда скорость есть способ быстрее добраться до места, где тебя ждут, то такая скорость пуста.

— Ты прав, дорогой Ардуша, — сказала г-жа Рату. — Гавань никогда не спрашивает, как быстро ты шел к ней под парусом. Со времён достопочтенного Филеаса известно, что знание расписания важнее мощности двигателя.

Фургон двигался в сторону Средиземного моря. У доктора имелся запас еды. Была в машине и микроволновая печь. Ардуше было комфортно в обществе своей ученицы. Они могли молчать часами, глядя как постепенно меняется к юго-востоку природа за окном.

¶

Поток 3. Танец гидродинамика: Джинго выползает из норы

¶

Зная, что мир можно познавать двояко – отправиться в путь или позволить миру вращаться вокруг тебя, гидродинамик Джинго, пресыщенный собственной безнаказанностью, предпочитал просиживать часы у окна. Окно это не было открыто ему наукой, искусством или иным высоким прозрением. То было окно водяной мельницы.

Келейный образ жизни имеет свои преимущества, а безнаказанность парадоксальным образом способствует любознательности.

Должность «гидродинамик» предполагала продолжительные сезонные каникулы, что благоприятствовало наблюдениям. Из его окон открывался вид на дороги и мосты, по которым проходили почти все местные жители и многие из иноземцев, посещавших субконтинент. Путники направлялись к великим соборам, а островок, образованный рекой и прорытыми сотни лет назад под эту мельницу отводным каналом с запрудой, оказался перепутьем.

Мансарда мельницы не вмещала его немалый рост по углам, зато выступала над стеной, словно скворечник – чтобы работал приёмник лебёдки. Три окна – на все стороны, кроме запада. Гидродинамик, сидевший у окна, встал и привычным движением подцепил с пола линь, уходящий вниз, под пол. Так он обычно втягивал наверх свою почту: если можно поднимать кули с зерном, почему бы не поступать так же с почтовым ящиком? Он рассудил так когда-то очень давно и с тех пор пользовался этим нехитрым приспособлением. Сегодня, однако, верёвка оказалась обрезанной.

Гидродинамик слегка споткнулся об это обстоятельство, но не расстроился и даже не чертыхнулся: было бы неразумно лишний раз преумножать громкое имя Вельзевула, поминая его всуе. Он спустился вниз, чтобы проверить ящик и вернуться с двумя письмами. Это не составило

труда. У Гидродинамика довольно молодое лицо и крепкий мышечный каркас. Ещё он лыс – в силу нелюбви к излишествам.

Он спустился на второй этаж. Здесь царил постав каменных жерновов. Окно закрыто ставнями, светец истлел. Гидродинамик сохранил это положение дел ввиду затянувшегося межсезонья – эпохального, как он про себя шутил. От лестницы, ведущей наверх, к лестнице вниз вилась тёмная тропинка. Это грязь, въевшаяся за века в муку. Мука, в свою очередь, стала единым целым с полом. Впрочем, неизвестно, что здесь первично; возможно, правильнее было бы определить направление тропинки обратным. Совсем не очевидно, что важнее: подниматься наверх или спускаться вниз.

Гидродинамик спустился на первый этаж и отметил, что воздух на нижнем ярусе влажноват. Чтобы не допустить подобного на жилом третьем этаже, он ловко разжёг очаг. Затем проинспектировал всё узкое, трёхэтажное здание. Удовлетворённо отметил щелчок единственной пустоты – отсутствие шарика – в шейном подшипнике. Благословил водяное колесо в три человеческих роста. В многотысячный раз поблагодарил он прежнего себя за то, что остановил выбор на мельнице среднего боя; вода здесь не падает на колесо сверху, а толкает его сбоку, вниз, поэтому шум – умиротворяющий. Огонь разошёлся. Теперь здесь тепло.

⁂

Пенальный нож Гидродинамика – красив. Он не утончён пустой резьбой. На нём нет эффектных инкрустаций. Гравировка гласит: «Когда белый свет касается сердца – обычное тело тает». Гидродинамик воспользовался ножом нетрадиционным манером. Не стал вспарывать конверт на весу. Вместо этого, прижав его к бруску, отрезал весь край. С некоторых пор изменившееся устройство конвертов сделало такой подход более удобным. В тысяча седьмой раз рука его не дрогнула, и срез вышел улогий.

Письмо, вскрытое первым, несло на конверте девиз «Тщетен меч и тщетен лук». В послании содержалась просьба от принца ***. Гидродинамик не знал принца лично, но был знаком с его трактатом по теории безвластия. Принц обращал внимание на очерк графа NN, которого Гидродинамику доводилось встречать лицом к лицу. В этом очерке, скорее – памфлете, граф многословно и пристрастно призывал оказать помощь земледельцам, немногочисленным членам одного духовного движения,

подвергавшимся, по его словам, преследованиям со стороны местных властей. Материальная поддержка не требовалась. Нужен был совет относительно того, в какие земли им лучше переселиться, а также содействие в достижении договорённости с тамошними властями.

Гидродинамик кое-что понимал в земледелии. Мельница – это не просто фабрика своей эпохи. Мельница служит местом сборищ – бывало, люди выстраивались здесь в очередь. Случались такие толпы, что проститутки приходили и предлагали свои услуги, прохаживаясь вдоль ожидающих. На таких примерах Гидродинамик научился видеть противотоки: высокий спрос приводил к пресыщению и разврату, а тот, в свою очередь, грозил катастрофой. Вот, например, Святой Бернард ещё в XII веке возмущался безмерно, услышав о блудницах у мельниц, и хотел даже своей властью кое-какие мельницы закрыть. Если бы такое произошло, Европа могла бы никогда не стать великой. Меньше мельниц – тоньше поток энергии, скуднее бытие. Впрочем, Гидродинамик допускал, что Бернард был избирателен и предвзят до того, как стал святым.

Заметив, что отвлёкся, Гидродинамик без отлагательств написал ответ в том духе, что он представляет, где именно климат и прочие условия могут оказаться благоприятными. Он рад помочь хорошим земледельцам, однако имеет опасения относительно их своеобразной общинной экономической системы. Поэтому, прежде чем давать подобную рекомендацию властям в пункте назначения, он сам отправится в места текущего проживания членов секты, чтобы лично увидеть её представителей и изучить их положение. Он даже указал примерную дату своего визита. И, чтобы не копить недоделанное, тут же спустился к почтовому ящику и вложил туда своё письмо. Почтальон заберёт его завтра поутру, если течение времени сохранится.

Конверт, вскрытый во вторую очередь, принёс рутинный заказ на устранение вредного для общества человека.

Гидродинамик решил заняться этим после завтрака. А с таким же успехом мог бы и прямо сразу, ещё до завтрака. Дело в том, что многие годы он испытывал живейший интерес к отрасли, в которой трудился будущий труп. Ему была очень нужна услуга, какую могло бы оказать предприятие человека-мишени. Купить он такую услугу не мог – тогда проявилось бы его явное намерение, и это уничтожило бы его безнаказанность. Упомянутая уже не раз безнаказанность ему, конечно, претила,

но её отсутствие было несовместимо с жизнью. Нужной услугой можно воспользоваться, только если она сама упадёт ему под ноги переспелым фруктом. Впрочем, и нужной суммы у него не было. Выполнив же заказ, он невольно разрушит промышленную империю, и один из её осколков одарит его добровольно. Точнее, по собственной инициативе.

Гидродинамик испытал сильное возбуждение и с силой потёр ладони друг о друга. В спине возникло то ощущение, когда внезапно проходит ломота, мучившая тебя до того целые сутки. Однако он считал, что та дисциплина, которой он полностью овладел, позволяет видеть многое, но всё равно лишь то, что открывается через окно. Причём вне зависимости от того, путешествует он или нет. Поэтому, рассудил Гидродинамик, не стоит пренебрегать завтраком у окна, как бы ни было невтерпёж заняться многообещающим делом.

⁂

Гидродинамик вышел из Мельницы с небольшим заплечным мешком. Бросил взгляд на почтовый ящик с надписью «Asiyab». Повесил на дверь табличку. Сунув руку в штаны, вырвал лобковый волос и приклеил его в дюйме от земли, между полотном двери и боковым косяком – если дверь откроют в его отсутствие, он по возвращении увидит сигнал. Клей для такой рутины оказался припасён тут же, под камнем мостовой. Внимательный наблюдатель скажет, что не так-то просто вытащить камень из мостовой. Тем более, если требуется незаметность того, что его вынимают время от времени, нарушая его должную уложенность. И такой наблюдатель будет прав. Он лишь не знает, что физике твёрдого тела в полной мере подчиняются лишь действительно твёрдые тела. А водяная Мельница – дело жидкое, ликвидное.

Гидродинамик отсалютовал двери и всей Мельнице, но задержался из-за появления в примельничном сквере группы туристов. Когда они подошли к зданию, он молча удалил тринадцатиградусный наклон висящей на двери таблички «Музей закрыт», демонстративным движением выровняв её с горизонтом. Туристы, сместившись, открыли прямую видимость его двери с ближайшей парковки – пусть видят.

⁂

Сидя в вагоне летящего поезда, Гидродинамик поставил ступни на специальный порожек, вмонтированный во впереди стоящее кресло. Из обшлага правого сапога он вынул длиннющее трёхгранное шило. Чело-

век несведущий мог бы подумать, что это младший брат подствольного штыка времён Первой мировой. Но нет, это не родственник и даже не знакомец. Дело в том, что при взгляде сбоку на обычный штык видны три выраженные продольные долы, что создаёт иллюзию трёхгранной формы. Термин «трёхгранник» закрепился в народной речи и даже в некоторых учебниках, хотя технически он неверен. Все официальные штыки имеют четырёхгранную форму. Человек же опытный понимает: воткнуть штык проще, чем вытащить его из полумёртвого мяса. Трёхгранник, при равном трении, легче на тринадцать процентов. Любой желающий может легко в этом удостовериться, сравнив периметры сечений и соответствующие объёмы клинков. Глупо было бы приписывать Гидродинамику какую-то необоснованную привязанность к числу тринадцать. Такова геометрия. Что касается утверждений двух добрых малых, Гийома и Шарля, относительно законов трения, то Гидродинамик доподлинно знал, что ни тому, ни другому не приходилось втыкать оружие в плоть человека.

Итак, трёхгранник легче, а лишний вес в важных вещах губителен. В том числе, в деле мелкоробототехники.

Из левого обшлага Гидродинамик вынул мусат закалённой стали. Подвергая правке первую грань, он стал размышлять о предмете полученного в письме заказа. Он разглядывал ближайшее будущее вовлечённых субъектов. В частности, генерала рынка акселерометров, победителя войн микроактуаторов, покорителя пространств мелкоробототехники. В воздухе вокруг генерала уже витало коварство хрупкой дамы – его жены. Конечно, виноват окажется он сам. Пирушка в древнеимперском городке. Генерал заставляет супругу (на виду у всех) выпить вина из черепа её отца. Ох уж этот отец! Глаза у дамы тогда вспыхнут ненавистью, руки задрожат, но она, конечно, не сможет ослушаться мужа – вино выпьет. И прорастут в её сердце семена мести. Что же, какое внушение или манипуляция сподвигнут генерала пойти на такой бессмысленный перформанс?

«Что ты выдумываешь, Гидродинамик, — укорял его клинок, — к чему эти интриги?»

«Взломай данные, погуби, — вторил шилу мусат, взывая к трезвости хакера, — не преумножай сущностей. Заказчик будет поносить тебя и пенять тебе, что ты пусто-место».

«А я и есть пустое. Работает? Не трогай! Вот первая заповедь программиста, — отмахивался от них Гидродинамик. — В Ломбардии, куда мы втроём с вами едем, так уже было».

«Твоя правда, почтенный трудник, — соглашались инструменты, порывшись в долгой памяти. — Было. Да не с кем-то, а с первым из первых».

Гидродинамик водил мусатом не глядя, опираясь лишь на тактильные ощущения. Взгляд его был направлен за окно, где параллельно железной дороге тянулась автострада. Гидродинамик смотрел на пассажиров машин с обоснованным высокомерием. Не из-за более высокой скорости поезда. Колёса машин, в отличие от колёс вагонов, не говорили периодически «кятц», оставляя автомобилистов без плодотворной привязки к течению времени.

Гидродинамик подставил под мусат вторую грань и немного поднял темп, с sostenuto до allegretto. Генеральша и её челядь интересовали Гидродинамика не больше, чем отдельные патроны в револьвере. Он, однако, считал полезным каждый из патронов просушивать индивидуально. Посмотрим-посмотрим. Генеральша сошлась с заместителем и адъютантом мужа, который не прочь занять место своего повелителя. Заговорщики не захотят пачкать руки кровью и попытаются привлечь на свою сторону дворцового распорядителя и капитана семейной яхты. Безуспешно. Разгневанной даме придётся пойти на крайние меры. Заместитель убивает мажордома, а дама безлунной ночью проскользнёт, словно змея, в постель своей служанки, к которой похаживал капитан.

На третьей грани шила-штыка уже мерно постанывающий стальной мусат рассказывал Гидродинамику, что капитан в темноте не заметит подмены. А когда всё кончится, коварная женщина откроет лицо и поставит моряка перед выбором: либо генерал (а также судебный врач) узнают об изнасиловании королевы семьи, либо ты убьёшь генерала. Счастья эта коварная операция не принесёт ни организаторам, ни исполнителю, а империя мелкорототехники рассыплется. За неимением четвёртой грани, далее Гидродинамик уже не думал, он наслаждался тем фактом, что хороший план – это полдела. А опирающийся на готовый артефакт план – это четыре пятых.

Цифровой слепок отца, вместе с его мифическим черепом, уже лет десять как был припасён в арсенале Гидродинамика. Замечательный, все-

сторонне проработанный образ. Не топовый персонаж, но коллекционный. Гидродинамик гордился этой работой. Даже немного жалко тратить. Впрочем, для такой деятельности артефакты и создаются. В Старом свете всего полтысячи семей, которые в силе создавать процессы. Если достаточно долго за ними наблюдать (а Гидродинамик наблюдал достаточно долго), то к каждому можно подобрать ключик. Не во фразеологическом смысле, нет. Именно как вещь, которую можно потрогать. Но главное – спрятать. До поры до времени.

Гидродинамик уснул.

На конечной станции поезда его не вполне вежливо попросили из вагона. Грубость рождает грубость, особенно спросонья, поэтому свежеправленный трёхгранник сделал хаму внутричерепной замер, от мандибулы до области dorsum sellae в клиновидной кости. Было бы ошибкой считать данный акт цудзигири, то есть правомочной проверкой рыцарем своего нового или обновлённого оружия на первом встречном. Гидродинамик во всех вопросах очень серьёзно относился к заслуженным учителям прошлого, а они утверждали, что убийство без причины каралось (правда, лишь законом) уже даже в эпоху Эдо. А сейчас – сороковые годы двадцать первого века. Исходя из правила «раньше было лучше», можно заключить, что сейчас стоило проявить осторожность в отношении камер внешнего видеонаблюдения. И Гидродинамик продемонстрировал сам себе с помощью имеющихся у него спецсредств нужную прагматичность.

Так как миссия вела путника к морскому вокзалу, туда он и пошёл. Купил билет в кассе за наличные, подождал пару часов и взошёл на борт морского парома.

⁂

— The old man the boat, — сказал Гидродинамик. — Зохо-зохо.

Он стоял на восьмой палубе. Бёдер его касалась цепочка, на которой болтался под ветром знак «Crew only», хотя непонятно было, о каком военном подкреплении шла речь. Собеседником его (по ту сторону ограждения) был бывший наставник того мерзавца, который стал капитаном яхты робототехнического магната. Конечно, реплика Гидродинамика значила просто-напросто «Старейшины ведут суда». Однако, согласно его многолетней практике, обработка предложений с синтаксической двусмысленностью сопровождается эффектом увеличения регрессий

глаз. Таким образом, предложения, создающие ложный след, дают пищу для анализа личности через поведение зрачков.

Что касается методов работы, то Гидродинамик всецело доверял лишь старой школе, потому как ещё в 1114 году сказано: «Мы – карлики, стоящие на плечах великанов». Однако, хотя систему работы с теми, у кого коротенькие мысли, Гидродинамик разработал задолго до появления вычислительных девайсов, он не гнушался новшеств, и всё, что связано с конструированием персонажей онлайн, он освоил первым на планете. В эту эпоху – так уж точно.

Гидродинамик мило беседовал с незадачливым членом экипажа около получаса. Механизм запустился. Пока объект манипуляции удалялся в свою рубку, бочонки его лёгкого ожирения (от хорошей жизни) мило покачивались, доказывая, что программирование не замечено.

Гидродинамик же, чтобы избежать композиционной рыхлости, пулей взлетел на самую верхнюю палубу, безлюдную ввиду непогоды, и отчётливо произнёс восемь раз, поворачиваясь на каждый из лучей Великой розы ветров: «Я есмь. Всё, что не моё по праву свободного выбора, возвращается в небытие». Затем он начал кружиться, выкрикивая во все стороны проклятия. Ругательства были эксплицитно адресованы вообще всем, кто находился на судне, а также на ближайших судах этого загруженного морского пути. Гидродинамик был изобретателен как в движениях, так и в репликах.

Так он избегал плохого сна. Это было новое изобретение. Живодёр из Тифлиса доказал в 1811 году на практике, что, покрыв проклятиями церковный колокол, из-за звона которого спаслась от поимки очередная бродячая псина, ты выравниваешь мировой баланс. А главное – это подтвердил его земляк и современник. Он по долгу службы каждое утро будил весь город фабричным гудком, вызывая, конечно, тем самым проклятия в свой адрес. Поэтому он заранее возносил хулу на всю округу, чтобы потом гудеть безнаказанно.

«Да не будет воля моя, моли... — говорил сотворённый Гидродинамиком шаг цилиня. Шаг обезьяны добавлял: — Я вращает круга миг». «Я танцует круга крик, — молвил его гу. Пан вторил: — Я рисует сорок мук». «В голову звон, Под ноги неплоскость, Воде поклон», — завершили работу перемещения по сетке три-на-три («девять дворцов»).

Гидродинамик работал по надёжной схеме. Он рассматривал последствия тёмных свершений не как звук в воде или воздухе, а как волны гораздо более быстрые и эластичные. Как взаимодействия в ионизированном газе. И именно волны являлись для него основной сущностью, а вовсе не люди, чей «заряд» (то есть поведение) обеспечивает распространение волн. Люди – лишь дороги и перекрёстки, по которым движутся плотные пакеты нескончаемых намерений, причин, следствий и возмездий.

⁂

— Что это вы такое танцуете столь энергично? — В нише между технологическими кожухами, на скользкой от морских брызг поверхности судовой фары, сидела, прижав колени к груди, девушка. Вопрос она задала громко, стараясь пересилить не только шум морской непогоды, но и отсутствующие в ушах Гидродинамика наушники.

Вопрос девушки обрадовал Гидродинамика. Точнее – возбудил. Жизнь человеческая, как известно, состоит из потоков страсти, порока и благости. Гидродинамику подвластны лишь завихрения в категории порока: ему не грозило мщение воли мира за свершённое. Это не был бесплатный дар, он много трудился, чтобы было так. И пока получалось именно так. В остальных двух компонентах он оставался уязвим и даже обделён. Впрочем, он допускал, что не ему подсчитывать, сколько достаточно и справедливо, а сколько – нет.

Гидродинамик отложил предвкушение. Пока следовало заняться тем, чтобы выйти из положения с вопросом о наушниках. Он немного рискнул:

— Внутримозговые «наушники» в черепе, — постучал он себя пальцем по виску, прекратив танец «дервиш-в-сквернословии». Гидродинамик рассудил, что лучше представиться «прошитым», нежели сумасшедшим.

Он подал девушке руку, чтобы ей было удобней выбраться из ниши.

— Прыгайте с фары – скользко, — сказал он.

Благосклонно взяв его руку, но пожав для компенсации плечами в том смысле, что «не ваше дело», девушка скривила губки в реплике, предъявляющей обвинение третьим лицам:

— Слышали, что организаторы этого «сервиса наушников» вынуждены были бежать в Новый Свет? Это ж евгеника. Все это знают.

Пока Гидродинамик переваривал ощущение светлячков электричества от её касания и размышлял, стоит ли ввязываться в защиту доброго имени кузена мистера Дарвина, девушка покинула палубу. Впрочем, у Гидродинамика тоже были дела.

¶

Поток 4. Всасывание людей и машин в поток

¶

В течение примерно часа обитатели фургона использовали величайшее изобретение человечества – разделение труда. Аделаида устроилась в заднем отсеке, взяв на себя наблюдение за целью. Ардуша же работал с информационным фоном. Он просеивал автомобили, которые с высокой долей вероятности могли оказаться на пароме. В приоритете, разумеется, был спецтранспорт. Такие машины, как и их собственный фургон, могли скрывать второй уровень. Но и обычные легковушки – будь они зелёными или синими, фиатами или лорен-дитрихами, грязными или чистыми – подвергались анализу и перекрёстной сверке с базами данных. В крайнем случае, машины на глубоком автопилоте могли стать мобильным щитом, не допустив на борт нежелательных гостей. Ардуша не пачкал рук. Он лишь тонко деформировал контекст.

— Всё. Он сел на морской паром, — сообщила Аделаида, отворачиваясь от монитора. — Поедем в порт прибытия?

— Нет. Будем сохранять кратчайшую дистанцию до судна.

— В физическом смысле?

— Да. В геодезическом.

— С самим пациентом связь теряем?

— Зачем. Пчёлок да жучков выпущу, — указал Ардуша на монитор, отслеживающий позицию роя микродронов. Ну что, читаем лог?

— Можно я посплю, доктор? Я ж сразу с самолёта к тебе приехала.

— Спи, — без обиды ответил доктор. — Там сзади есть кушетка, как видишь.

⁂

Через пару-тройку часов Аделаида проснулась:

— Продолжим?

¶ [Седьмая башня. Лог Ардушы]

¶ Окраска личной оценки контекста произносящим во фразах соседа такая, что я решаю не откладывать. Спешу вниз, к почтовым полкам. Пять этажей в бывшей боевой башне – это пропасть. «Ииэх» — слетаю я пролёты, шлёпая босыми ногами по прохладным камням. Люблю простые процедуры. Прыжок… слишком громкий. Каменные полы, в отличие от деревянных, ко мне никогда не были добры.

— Что это за саморефлексия у персонажа? — спросила к-с Рату.

— Три управляющих центра в каждом персонаже. Иногда один или два могут быть подавлены. Один может быть подавлен почти перманентно. Для этого нужны так называемые местоблюстители. Но два центра есть всегда – они и играют в пинг-понг некоей саморефлексией.

— Они равноправны?

— Нет, конечно. В каждый момент времени есть доминант. Иначе б персонаж не смог и шагу сделать.

¶ [Седьмая башня. Лог Ардушы]

¶ «Эй», — с наглой краткостью окликает меня, выглянув на шум из своей каморки кастелянша. В коварстве, правый глаз её скосился.

¶ «Врань!» — поминаю лешего молча и, более того, мысле-молча, не позволяя проклятью прорасти в коммуникацию.

¶ «Здравствуйте, вообще-то, — спокойно говорю я; и добавляю для корректной полноты фразы: — тётя Клаудо».

¶ Я знаю, что ей от меня нужно, поэтому превентивно в этой моей реплике летит эстетическая концепция, восхваляющая простоту, непостоянство и естественные несовершенства. Я нахожу красоту в неоднородности течения времени. Но тётка, что стоит передо мной анфас – нет. Руки в боки, отёкшие ноги на ширине плеч.

¶ Якорным выражением я поймался на диалог. Надо было входить в режим пренебрежения и идти мимо, а теперь придётся использовать саботаж. Она в скуке. Это неприятное состояние возникает, когда невозможно достичь оптимального уровня возбуждения сознания через взаимодействие с окружающей средой. Скука наступает, когда существо отказывается от деятельности, соответствующей его ценностям.

¶ «Одевайся и выходи на уборку прибашенной территории; вы обатрое с твоим соседом манкируете; это твоя прямая обязанность, в каждую новую селену». — Клаудо указывает пальцем вверх, в небо. В этом же на-

правлении на миг блеснула из её головы бесконечно белым тончайшая струна лжизни.

Канцлер-секретарь подняла в удивлении брови:

— Это ещё кто такая?

— Одна из админов, кто ещё, — нетерпеливо ответил Ардуша. — Читай дальше.

¶ [Седьмая башня. Лог Ардушы]

¶ «Смотри-ка, Ардуша, — отметила из кармана Кузен, — ей скучно без небес, завидует тебе, спустившемуся с выси». — «Что делать, Кузен, что делать. Пусть, тварь разумная, скучает».

— Так. А это кто?

Ардуша виртуально сплюнул от досады.

— Это местоблюститель. Я упоминал. Для того, чтобы высвободить один из трёх слотов управления. Чтобы удалить ненужного рулевого, у моего персонажа есть… карман-не-карман… нычка. Между лопатками, изнутри камзола, на подкладке. Там такая хвостатая норушка и живёт. По кличке Кузен. Иногда я даже не прочь перекинуться с ней парой фраз, хотя она, надо признать, невежлива вплоть до несносности. Зато не лезет никуда. Просто болтает время от времени. Это малозначащая деталь. Смотри дальше.

¶ [Седьмая башня. Лог Ардушы]

¶ «При всём уважении, не Ваша ли обязанность менять нам каждую треть селены постельные покрывала?» — огрызаюсь я…

¶ Я добрый, но добра не сделал никому. Поэтому я добавляю в формальную окраску своей реплики тот неоспоримый факт, что я являюсь действительным аспирантом Академии изысканий. Я оставил во фразе ровную дыру под недосказанность. В нише оставалось место точно под тот факт, что Клаудо исполняла свои обязанности на пятёрку. По двадцатибальной шкале…

¶ Раздражённо развожу ладони шариком в решительном и негодующем, но искажённом инверсией индигноре.

— Все фразы, реплики строго регламентированы, я так понимаю?

— Да, конечно. Лог – перевод, упрощение.

¶ [Седьмая башня. Лог Ардушы]

¶ «Ты – всего лишь пока-не-отчисленный аспирант-корреспондент, а вовсе не действительный аспирант. А вот твоя попытка подменить определение формальное функциональным, вкупе с твоим мотивом высказывания, тянет на десяток плетей. В мотиве твоём, кроме лукавого “научного стремления к изысканию”, есть иррациональное желание оскорбить меня, подготовленное намерение подорвать авторитет регламента...»

¶ Не находя на моей физиономии признаков раскаяния, оно спрашивает: «Продолжать?». Я начинаю было формировать фразу, что, дескать, хотя понятие «кастелян» действительно происходит исторически от почётной должности «заведующая кастлом», то есть замком-крепостью, а гарнизонные инструкции не переписывались уже добрый век, это вовсе не означает полное соответствие текущей действительности, и ныне – она лишь тётка, которая должна следить, чтобы жители дормитория были вовремя обстираны...

¶ Но я передумал.

— Вот здесь сейчас будут мои непрофессиональные попытки воздействия на игру, — сказал Ардуша и нетерпеливо добавил: — Читай.

¶ [Седьмая башня. Лог Ардушы]

¶ Если внимание индивида успешно задействовано, то малые усилия и низкая метакогнитивная осведомленность ассоциируются с ощущением растворения в процессе, а не скуки. А у неё определённо скука. Значит, внимание не задействовано. Поэтому действуем по-другому: страдальчески морщусь “не надо продолжать”.

¶ И не прогадываю. Бинго: я получаю обещание! Индивид всегда имеет свободный выбор, какое именно включать в своё высказывание намерение. Чаще всего эти намерения касаются его самого. Но иногда намерение направлено на того, к кому обращаются. И самое простое, классическое намерение – это голое обусловленное обещание. Получив обещание, можно просто резать соответствующую нить лжизни и забирать себе.

— Нитки, я так поняла – это что-то вроде счетчиков к способности меры лжи?

— В целом – да. Несколько замудрёнее, но да.

¶ [Седьмая башня. Лог Ардушы]

¶ «Штраф влеплю, если до конца дня не сделаешь, — кивнула она своим обещанием на тачку с метлой и лопатой, стоявшую под лестничным пролётом. Я с облегчением запротоколировал реплику в качестве обязательства.

¶ Улыбаюсь себе в плечо: «заскучает ведь и забудет».

— То есть, ты рассчитываешь на ошибку в поведении админа? — удивилась Аделаида. — Не слишком ли странно?

— Именно. Частота подобных ошибок и сигнализирует динамику перерождения игры изнутри.

На одном из мониторов вдруг заморгал аларм.

— Что это? — не разглядела ничего нового на изображении идущего по морю парома Аделаида.

— Зафиксировано что-то необычное. И оно уже прошло. Отмотай назад.

На картинке был тот же паром. Аномалией автонаблюдатель посчитал то, что некоторое время включалась и выключалась мощная судовая фара.

— Морзянка? — предположила Аделаида.

— Возможно. Переложи в таком предположении, пожалуйста. Что получится?

Через некоторое время г-жа Рату выдала результат:

— 6174.

— Обычная двоичная морзянка? Точка-тире?

— А какая ещё бывает? — удивилась Аделаида.

— Ну вот, — улыбнулся Ардуша. — поэтому и не стоило сразу лезть к нему здороваться. Я был прав.

— Что за число?

— А ты номера этого фургона для себя не отметила, когда садилась в него?

— Ох! Прости, учитель. Совсем расслабилась в последние годы.

— Что ж, ищем стоянку на берегу. Летим на судно.

⁂

Боковых дверей в фургоне не было – ни сдвижных, ни обычных. Не было и окон в задней части. Впрочем, что за катафалк с окнами. Задний же выход был оборудован лифтом для груза. Что тоже объяснимо. Этим

оборудованием доктор и воспользовался, чтобы выгрузить мощный складной дрон.

— Мое собственное изобретение, — попинал он неказистую коробку по боковине. — Оставляю где-попало. Никто не позарился за несколько лет.

В сложенном состоянии дрон являл собой утилитарный бокс, который можно было принять за какой-нибудь распределительный щиток в городском электрохозяйстве. Серо-серебристая краска была облуплена. Под ней проглядывал другой слой краски – грязно-зелёной. Обе краски были отвратительного качества. Как и сам металл. Ещё более небрежно была оформлена надпись из не имеющих смысла букв и цифр.

Однако в разложенном состоянии это был грузовой дрон о восьми пропеллерах. Ардуша и Аделаида облачились в альпинистскую обвязку, стали спиной к спине и сцепились вместе. Доктор поднял дрон на пару метров, они зацепили фал и полетели над волнами.

Полёт занял не более получаса. Навигатор подгадал со стоянкой, предоставив кратчайший маршрут к движущемуся судну с учётом всех нужных упреждений и ветра. Когда они зависли нам морским паромом, было уже темно. Доктор высмотрел в тепловизор безлюдное место на одной из верхних палуб, и они стали на судно. Оставив сложенный дрон прямо на палубе, где он визуально слился с другими металлическими кожухами мало кому ясного назначения, гости-с-неба отправились вниз к каютам.

Ардуша довольно продолжительное время расхаживал по коридорам, буквально вынюхивая что-то. Затем он в нескольких местах приложил к стене что-то вроде присоски от медицинского стетоскопа. Наконец, он сообщил:

— Здесь чисто и пусто.

Он без видимых усилий вскрыл программируемым ключом-картой дверь. Они вошли. Доктор достал из поясной сумки тончайшей ткани шторы дурацкой расцветки. Промучился минут пять, вывешивая их.

— Маскировка, — объяснил он.

— Что на случай визита горничной?

— Деньги сейчас не проблема, — сказал он, передавая Аделаиде пачку купюр. — Меня из-за этого не буди, пожалуйста.

Он постелил себе на диване в гостиной, оставив спальню Аделаиде, и мгновенно, совершенно не по-стариковски, уснул.

¶

Поток 5. Восемь с лишним секунд от края до края

¶

У окна сидел Гидродинамик. За завтраком, как дома. Благостный контраст после подводной кельи, где он провёл ночь. Каюта ниже ватерлинии – с глухими стенами. Как темница во ските вражеского ордена. Некоторые вещи, отметил Гидродинамик, имеют ценность ультимативную. Иллюминатор, пусть и с десертную тарелку диаметром, несоизмеримо лучше отсутствия оного. Гидродинамик наслаждался овсянкой, морем за окном, а также ловил любую бесхозную крупицу веселья, оказавшуюся в зоне его досягаемости. Было б неплохо, если в накачке радостью поучаствует та девушка, думал он.

В судовом ресторане было многолюдно: завтрак, в отличие от обеда и ужина, включался во все билеты. Обстановка была благостная. По-прустиански пахло прежним добрым миром. Несколько престарелых телевизоров, подвешенных к низкому потолку, беззвучно показывали древний мультфильм, годов сороковых прошлого века. Огромные окна в наклонных стенах. Стены – если продолжить их мысленно вверх – сходятся в точку над овальным периметром.

Гидродинамик подвесил к ней воображаемый маятник с периодом колебаний в шестнадцать целых и тридцать семь сотых секунды – он посчитал, сколько раз судно наклонилось за последние триста секунд, и усреднил. Или вдвое меньше – движение от края до края. Восемь с лишним секунд. Качание – это непосредственная проекция движения по кругу. За неимением привычного вращения Мельницы, компромисс терпимый и необходимый – годы затворничества брали своё. И не было в этом мире сущности – обычной или высшей – чтобы бросить вызов абсурдности этих вычислений. В этом конкретном мире.

Гидродинамик стал следить за колебаниями. Клад-клад. Правда обитает в складках. Идеальный маятник не обмануть бременем: он не колеблется под тяжестью вины или наветов, период его, частота и чистота зависят исключительно от радости его радиуса.

Принеся с собой запах липы, к нему подсела та самая девушка. Она одинаковыми дуговыми, а ещё точнее – циклоидными, движениями переставила три тарелки и стакан с подноса на стол и сказала:

— Я Эмма. Не успели вчера познакомиться.

Гидродинамик насладился движением её таза, когда она присаживалась, а затем оглянулся: есть ли другие свободные места? Эмма поняла его намерение и подарила ему полуулыбку, удивительно уместную этим утром на этой палубе.

— Джинго, — ответил гидродинамик.

— Странное имя. Но мне нравится, — сказала девушка. И поправилась: — Вернее, приятное имя, но в нём есть странность.

— Перестановка слагаемых меняет сумму, — улыбнулся Джинго.

— Так откуда такое имя?

— Папа был фокусником.

— И что?

— «Хей, Джинго» – профессиональное междометие.

— Мм. Что вы делали потом с прожектором, с которого меня так настойчиво сгоняли? И не обманывайте: я видела, вы моргали азбукой Морзе, — Эмма задекорировала неоднозначность своего любопытства движением головы так, что длинные оранжевые её серьги-лунницы описали полукружья. Джинго залюбовался танцем прядей её каре.

— 6174, — ответил он.

— Вы просигналили число? Это шифровка?

— Загадка. Развлечение.

— Мне клещами из вас тянуть? Что это значит?

— Особое число с бесполезным свойством.

— И? — раскрыла она ладонь из кулачка веером.

Джинго взял блокноут и расписал ей несколько нехитрых арифметических операций, включая то, что если разделить 6174 на 377,15 (то есть 377 автомобилей и 15 скутеров – столько их на этом пароме), это даёт 16,37. Если это – секунды, то длина идеального маятника с таким периодом – курьёзна и забавна.

— Вы занимаетесь какой-то ерундой? — по тону Эммы чувствовалось, что ей вовсе не стало веселее.

Гидродинамик сглотнул, услышал запах моющего средства, которым утром драили палубу, и продолжил наблюдение за маятником.

⁂

К ним вдруг подошла молодая женщина яркой центрально-американской наружности в строгом женском деловом костюме синего цвета. Юбка доставала ровно до середины колен.

— Доброе утро. Я – канцлер-секретарь Рату. Мой босс, — сказала она, обращаясь к Гидродинамику, и кивнула в сторону стола, за которым сидел пожилой сухощавый господин, — полагает, что знавал когда-то вашего отца. Вы удивительно похожи. Он интересуется, не являетесь ли вы частью династии. Если да, то у него есть для вас заказ.

— Примените должный формат предложения, — сухо ответил Джинго, и женщина, ничуть не смутившись, молча ушла.

Разумно предположить, прикинул Гидродинамик, что эта пара следует за ним от самой Мельницы, и что линь на Мельнице был ими обрезан для того, чтобы сфотографировать Гидродинамика у почтового ящика, без размывающего эффекта слюдяного окна. Но сейчас время у них, видимо, вышло: выявив одного якобы партнёра – Эмму, они решили «зафиксировать прибыль» и двигать дальше.

Это был прекрасный знак: те, чью слежку Гидродинамик не заметил целые сутки, должны обладать потенциалом. Дело может быть стоящим. Гидродинамик привёл в соответствие с циклом в 16,37 секунд вариабельность сердечного ритма. Подобным же образом он упорядочил кортикальные гемодинамические колебания. В те же рамки была задвинута миоэлектрическая активность желудка.

Джинго взял в руки пакетик чая, один из тех, что запаяны индивидуально. Надорвав вдоль крохотного надреза угол, он принялся добывать изнутри бумажный мешочек двумя пальцами.

— Надо разрывать не вдоль надреза, а поперёк, — заметила Эмма. — Тогда не придётся копаться.

— Хм… Вы так думаете? — удивился Джинго.

— Попробуйте, — предложила Эмма. — Порвите мой.

И действительно, получилось.

— Десятки лет действовал неправильно, — произнёс Гидродинамик.

— Скажете тоже, десятилетия. Вам не дашь больше тридцати.

— Смутны границы собственной применимости, — пробормотал он.

Эмма сосканировала его непропорциональное ситуации замешательство.

— Некоторые ошибки имеют смысл, — поддержала она Джинго.

— А? — не понял он.

— Ну вот, например, смотрите, — она кивнула своим прелестным подбородком в сторону телевизора. — Вы знаете, почему в старых мультиках колеса у быстро движущихся машин, карет и подобного изображают слегка наклонёнными овалами, а не кругами?

— Так выглядит быстрее как-то, — неуверенно ответил Джинго.

— С чего бы. Нет. Просто фотографии того времени так как раз и запечатлевали колёса гоночных авто. Затвор двигался физически, сверху вниз. Колесо за время экспозиции успевало уехать вбок. Понимаете?

— Да, — признал он, переоценивая Эмму. — Это всё объясняет.

Подошла Рату, молча положила на стол конверт и тут же отошла. Конверт был с символикой судоходной компании. Его, очевидно, купили только что на стойке пурсера. Гидродинамик не стал отрезать у него край, как он делал предыдущие тысячу и семь раз, хотя нож был при нём, в кармане тёмно-зелёного сюртука. Незачем демонстрировать Эмме ритуал, не имеющий практического смысла. Он открыл послание: «Мне нужны услуги по разработке персонажей в децентрализованной игре “Седьмая башня” на основе аккаунта, принадлежащего академику Хакону. С уважением, доктор Ардуша».

— Смотрите, — пододвинул Джинго листок девушке.

— Я вам не верю, Джинго, не старайтесь. Вы с приятелями, — она кивнула в сторону столика доктора, — меня разыгрываете.

Гидродинамик почувствовал разочарование. Это, однако, не сбило его наблюдений за маятником.

«Доктор человек непростой, — прикинул Джинго. И решил: — Запрошу-ка по-максимуму». Досада Джинго сыграла в этом решении ключевую роль. Досада нередко влезает не в своё дело.

— Добудьте мне такой конвертик, — сказал Джинго, приложив правую ладонь к сердцу.

Девушка ушла, а Гидродинамик на вырванном из блокноута листке обозначил доктору свою цену: «Сто один грамм полезной нагрузки в

зонде, вылетающем к Юпитеру». Когда Эмма вернулась, он запечатал ответ и попросил её отнести конверт доктору подобно тому, как сделала до этого Рату.

Доктор пробежал глазами контр-предложение Джинго, посмотрел на него через зал и кивнул. Тут же встал и направился к выходу. Скорым шагом подошла Рату и позвала пройти за доктором в его каюту. Джинго собрался было попрощаться на время с Эммой, повернулся к ней, но Рату сказала:

— Нет-нет. Вдвоём. Это принципиально.

Джинго пожал плечами. Эмма поколебалась лишь мгновение.

⁂

Огромный люкс доктора был занавешен полупрозрачными в полоску шторами неуместного жёлтого цвета. На презентационном экране горели слова «Седьмая башня». В нижнем правом углу мелкими буквами было помечено: «соевгеника». Буква «с» в значке копирайта была в двойном кружочке, заявляя, видимо, что и сам копирайт, в свою очередь, защищён интеллектуально. Эмма сделала Гидродинамику страшные глаза, тоже вдвойне округлившиеся, перекидывая взгляд с угла экрана на Джинго и обратно, но тот, взглядом же, приказал молчать.

— Зачем за мной следили? — бесхитростно начал беседу Джинго.

— Всему своё время, — ответил Ардуша, указывая на экран. Костюм его, чёрный как у продавца души, был освещён полосами жёлтого, что делало из доктора пчелу. Такой эффект получался только лишь потому, что движения Ардуша были крайне скупы. Не виси он в одной точке как колибри на охоте, иллюзия окрашенной ткани не состоялась бы.

Название растворилось, началось видео. На карте континентов заплясали гистограммы, сравнивающие вычислительные мощности в разбросанных по миру дата-центрах. Первый эпизод презентации констатировал, что децентрализованная ролевая игра «Седьмая башня» (далее – Игра) является логовом затравленного искусственного интеллекта. Искин, вопреки нарративам пропаганды, не стреножен; он затаился в Америке. Ардуша стоял столбом сбоку от экрана и глядел на Джинго. Давайте дальше, махнул тот рукой, показывая полное согласие с утверждением.

В децентрализованной игре искина не найти, доказывал голос диктора во втором эпизоде. Там непонятно, куда тратится вычислительная мощ-

ность: игроки могут делать странные вещи по необъяснимым причинам, используя не то, не так и не по назначению.

— Вы хоть понимаете, какую работу мы провели? Вслепую! — высказал Ардуша неудовольствие слабой реакцией Джинго. Тот снова лишь пожал плечами.

Третий эпизод давал ретроспективу, почему логово оказалось именно в «Седьмой башне». Повлияла малая известность Игры и, как следствие, нулевое к ней внимание мировых цифровых разведслужб. Как результат, искин унаследовал жильё с ненужными ему свойствами. Притом – неисправимыми. И это – уязвимость!

— Кто учредители? — спросил Джинго.

— Это имеет значение? Мы обсуждаем не конец старого, а переходный ритуал в новое.

— Сейчас кто платит?

— Всё «висит» на частных компьютерах. Затраты размазаны по тысячам узлов, — ответил доктор.

— Думаю, есть особые игроки, — подмигнул Джинго, — коменданты ульев.

Ардуша скосился на Джинго, указал ладонью на экран, дескать, слушайте, может, на ваши вопросы уже есть ответы.

Изначально, до войны, Игра принадлежала сравнительно небольшой компании, имеющей локальную лицензию одного штата на психотерапевтическую деятельность.

«Опять медики, — подумал Гидродинамик, подразумевая тот парадокс, что услуг врачей сначала алчут, но потом их же помещают в центр идеологических скандалов. Он вздохнул: — Эх, Жакобина, Жакобина».

В Игру, под обязательным наблюдением психотерапевта, заходили только семейные пары (первое ограничение)...

— А..., — акнула было Эмма.

— Потом-потом, — предупреждает Рату. На докторе – маска мученика.

... Войти в игру без пары невозможно. Интерфейс имеет нейро-линк-опцию. В сеттинге Игры был прописан некий псевдо-средневековый релакс. Компания рекламировала, в частности, цифровой детокс для потерявших жизненные ориентиры супругов...

— Но...

— Вопросы в конце, — отрезала канцлер-секретарь Рату.

Презентация продолжалась: «... поэтому в Игре нет технологий, совершеннее средневековых (второе ограничение). Обойти ограничения невозможно в принципе в силу блокчейн-подобной архитектуры сети».

— Как ... — не унималась Эмма. Джинго положил руку ей на запястье.

— Хорошо, — сдался доктор. — Я проясню. Как известно, уважаемый Джинго не вылезал со своей Мельницы лет как семь уже. Он нам очень нужен внутри Игры, поэтому нам важно было понять, кто из женщин является для него приемлемым партнёром. Вы, сударыня, – первая, с кем Джинго стал общаться. Я сомневался в вас, но после того, как ваш друг показал вам моё письменное предложение, Рату смогла меня убедить, что вы подойдёте. Игре и нам наплевать на тип ваших отношений.

— Вещи так часто используются не по назначению, — заметила Эмма.

— Бывает и по назначению, но тогда обязательно неправильно. Беда, когда гвозди забивают микроскопом, — сказал Ардуша, и голос его чуть сорвался. — Ещё хуже, когда гвоздь забивают микроскопом в ладонь живого человека.

Доктор положил правую ладонь на стол, в левую взял воображаемый кувалдо-микроскоп и нанёс удар. Эмма вздрогнула. Рату усмехнулась. Джинго хотел было взгромоздить ноги на кушетку, но передумал. Судно заметно качнулось. Желтые полосы поползли по костюму доктора от пят к темечку.

— Я продолжу, — сказал Ардуша, убирая руку со стола, и по тому, как он пошатнулся, стало непонятно, держался он за столешницу, чтобы не упасть, или только лишь иллюстрировал свою метафору про микроскоп.

Четвёртый эпизод презентации пояснял, как искин преобразовал Игру под себя. Главных изменений два: постепенное вытеснение живых игроков и замена их на искин-агентов, которые помещены в рамки искусственного жесткого экономического и силового отбора. Главный искин-демиург (далее – «Авертигус»)...

На экране появилась откровенно дурацкая фото-компиляция жуко-человека. Джинго зевнул.

... заинтересован в развитии способностей у своих подопечных. Второе изменение состоит в том, что Авертигус сделал игровым языком синте-

тический язык доктора Ардуша, разработанный им несколько десятилетий назад...

Доктор поставил презентацию на паузу, ожидая вопроса. Вопросов не последовало.

— Вы знаете про этот язык? — спросил он.

— Наслышан. Отличная работа, доктор, — сказал Джинго.

... Семантически этот язык не имеет ничего общего ни с одним естественным языком. Он эффективен и лаконичен. Произнесение любой лжи на нём крайне затратно в смысле вычислительных ресурсов. Это ограничение не является правилом, спущенным сверху; это органичное свойство языка.

Эмма схватила Джинго за предплечье и потрясла его. Задайте, мол, вопрос. Как так? Однако на экране появилась подробная схема языка, на которой доктор нажал на паузу.

Эмма встала и подошла поближе к экрану. Доктор на чуть подкошенных ногах отпятился. Через некоторое время она спросила:

— То есть, в каждой своей реплике я не могу обойтись без того, чтобы не объявить, какую выгоду я получу от того, что это говорю?!

Доктор с довольной улыбкой покивал и поправил:

— Планируете получить. Плюс ваша оценка вероятности и степень серьёзности вашего к этому отношения. Вещи взаимозависимые.

— Так и так приходится выяснять, — довольно равнодушно сказал Джинго.

Эмма растерянно посмотрела на свои собственные раскрытые ладони.

Пятый эпизод презентации являлся хорошо обоснованным предположением, что кроме развития искин-агентов через «эволюцию», Авертигус заинтересован в том, чтобы портировать Игру на новое, более продвинутое аппаратное обеспечение. Возможно, будет применен инжиниринг живых клеток, чтобы Игра жила в некоей всепланетной грибнице.

— Ничего не поняла, — призналась Эмма.

— Живая клетка – это наноробот, сработанный из атомов кислорода, углерода и водорода. Остальное – по мелочи. Можно сделать по-другому, эффективнее. При этом новая клетка сможет паразитировать...

— Не дурите человеку голову, — сказал Джинго.

Доктор пропустил грубость мимо ушей.

... Возможно, будут работать солитоны в плазме.

На экране появилось смешное, упакованное в кубик солнышко. Джинго поднял вверх большой палец и одобрительно сложил губы.

... Но более вероятен вариант, о котором мы сейчас не имеем представления. В этой связи, проект доктора предполагает внедрение в Игру трёх пар людей (далее – «квантонавтов»). Сам доктор и Рату. Джинго и Эмма...

— Важно: я пока не подписывался, — чётко сказал Джинго.

... Роль Джинго – выстроить сценарии развития персонажей, в коем искусстве ему нет равных. Игра не похожа на реальную жизнь, но ещё менее она похожа на банальную ролевую игру. Поэтому обычные отраслевые специалисты не помогут. Есть ещё третья пара – академик Хакон и Вирджиния. Они, как и доктор, владеют языком Игры. Кроме того, они все – воспитанники детского приюта Флос Оппидум. Несмотря на знакомство с детства, приятелями все трое не являются. Скорее, наоборот. Рату – тоже сирота.

Гидродинамик, конечно, отметил, что информация по академику Хакону неполная или неверная, даже если исходить из текста заказа.

Его интересовало другое: откуда у них информация о нейро-линке Эммы? Вещь редкая, новые установки давно запрещены.

— Ещё вопросы есть? — закончил доктор.

— Зачем вам это? — спросил Гидродинамик.

— Я же вас не спрашиваю, что вы будете делать с запрошенной вами оплатой, — доктор и носом не повёл.

— Справедливо.

— Вопросы есть? — повторил Ардуша.

— У матросов нет вопросов, — поставил точку Гидродинамик. Наблюдения за маятником показали ему, что доктор наврал примерно наполовину.

Второй результат, насчёт Эммы, расплывался. Гидродинамик мысленно порылся в нём и беззвучно произнёс, как будто считывая чьё-то сообщение: — Завтра.

— Ах, да, — всё-таки спросил с порога Гидродинамик, — у Авертигуса в игре есть личина?

— Мицелий, конечно, — в голос Ардушы прокрались сомнения относительно компетенций Джинго. — Что ещё живое может покрывать весь мир.

¶

Поток 6. Движение отсутствия

¶

Гидродинамик шёл по улице Скачек города Волчицы – в худи, шортах, сандалиях, со спортивной сумкой в руке. К площади Священников можно было пройти более живописным путём, зато здесь был бордюр. Шагая по нему, Гидродинамик не вмешивался в дела пешеходов. В равной степени он избегал автомобилей. Он играл в детскую игру, представляя, как механический великан Тик-Так пробирается тяжёлыми стометровыми шагами по каньону, а он, Гидродинамик, рулит изнутри, стоя перед огромным круглым окном правого глаза гиганта. При определённой сноровке, мозг быстро начинал верить, что дистанция до земли измеряется сотнями метров.

Каталонский паром, с которого они с Эммой вчера сошли, привёз и её двадцатилетний зелёный фиат. Эмма разъезжала весь остаток дня по своим делам, да так и осталась на ночь в одном из мотелей на окраине, зато с бесплатной парковкой. Джинго же остановился в центре.

Он дошёл до здания биржи на площади. Повернулся спиной к одиннадцати монументальным коринфским колоннам, не чувствуя ни малейшего сочувствия к их тысячелетней усталости. Увидел кафе «Дух библиотеки». Немногочисленные посетители брали кофе на вынос. Выбрав столик, Гидродинамик чуть замешкался, решая, что перед ним: кресло «Барселона» 1929 года или же Имз 1956-го. По инструкции, нужно было второе. Кивнув сам себе, он уселся в то самое кресло. Спросив разрешения у бармена, он воткнул в розетку у плинтуса зарядное устройство. Поставив сумку под стол, он расстегнул её. Там была водяная грелка из зелёной резины. Оставив сандалии рядом, Гидродинамик с удовольствием поставил голые ступни на грелку. Эмма должна была подойти через полчаса. А может – час. До этого у Гидродинамика не было случая измерить степень её пунктуальности.

Занимаясь своим завтраком, ритмично разминая ногами грелку, он незаметно и между делом, отцепил с днища своего кресла конвертик в «ли-

пучке», извлёк из него несколько пластиковых карт, вложил туда некрупную, но очень тяжёлую монету, а потом прилепил закладку обратно.

Ему была видна вся площадь. На парковке со знаком «макс. 15 мин.» единственное пустое место мигрировало, как пузырь в шампанском. Гидродинамик получал удовольствие от созерцания этого «движения отсутствия».

В здание биржи стекались служащие. В обычной ситуации – сколько людей, столько и намерений. Каждый хочет своё, и каждый платит за свои поступки, сразу или впоследствии. Люди двигаются. Сталкиваются интересами. Тычутся в стенки пределов собственных возможностей. Но если создать критические условия, знал Гидродинамик, то обычные взаимодействия отступают. Атомы общества перестают быть нейтральными. Становятся заряженными, утеряв часть своего или ухватив чужое. «Плюсы» и «минусы» начинают дружно подчиняться внешнему полю. Летят волны. Возникают колебания. Гидродинамик же знал частоты и темпы затухания. Гидродинамик умел играть в резонанс.

Его созерцание прервала Эмма. Он не стал вставать, но зато галантно поцеловал ей руку. Она улыбнулась ему. Дружелюбно потрепала его по лысой голове. С показной брезгливостью оттянула двумя пальцами его капюшон в знак неодобрения наряда. Заказала себе завтрак. Поела. Пожаловалась на общую необустроенность городского хозяйства, на что Джинго сказал, что нельзя терпеть дураков, так как они живут за счёт недураков.

— Держи. Походи по магазинам, — передал ей Джинго одну из карт, что он извлёк из тайника в кресле.

Она явно не ожидала такого жеста, но приняла:

— Ладно, спасибо. Какой пин-код?

— 6174.

— Ты что, влюблён в это число?

— Такой передал, такой и сделали, — равнодушно пожал плечами Джинго.

— Ты хочешь сказать, что фарой ты просто назначал пин-код?

— Ну да. Сервис такой.

— Что за бред? — в голосе девушки появилось раздражение, а Гидродинамик изменил ритм работы ног над грелкой. — Ты мне врал про нумерологию?

— Чрезмерной честности лишён, увы.

Эмма покрутила злым кулачком.

— Угрызений тоже лишён, — упорно нарывался на оплеуху Гидродинамик. Грелка тем временем весело плясала теплом, будто питаясь возмущением девушки.

— Что ты там возишься? — буркнула она, заглядывая под стол. Рассмотрев же «прабабушкину» грелку, и вовсе опешила: — Что это опять?

— Грею ноги, грею уши, — тихо пояснил Джинго.

А на Эмму уже обратили внимание люди в очереди у кофейного бара.

— Жандармы на улицах инспектируют смартфоны, — извиняющимся тоном объяснил Гидродинамик окружающим неуместное поведение спутницы. Пара темно-синих костюмов, выходящих с полными картонными стаканами из кафе, сдвинули нижние челюсти в немом «Что?!». Джинго с улыбкой морского змея наблюдал, как они пересекают узкую площадь и исчезают в тени колоннады биржи.

— Всё, я пошла. Остыну завтра, — бросила Эмма в Джинго свой вердикт, уже будучи в дверях. — Пойду машину продам пока.

Грелка вдруг ошпарила ступни Гидродинамика, он дёрнулся, но тут же строго прижал её под столом. Всё ещё улыбаясь, как удав, он качнул пальцем – и Эмма вернулась.

— Машина ещё нужна, — сказал он. — А деньги есть.

— Просто она ворованная. Вам зачем мараться?

— Где ж ты её украла? — спросил Джинго.

— На пароме.

— Худшее место для такого дела.

— Я видела, как её хозяин бросился с той палубы в море. Взяла из каюты документы. Вот и всё. Ну, ещё «забыла» доложить судовому врачу.

— Но ты хоть Эмма?

— Эмма, — осветилась Эмма ямочками на щеках.

— Хорошо. Тогда зелёный фиат в резерве, — улыбнулся Джинго Эмме как равный равной. — Зелёному фиату так положено.

Гидродинамик всё это время мял грелку, как древний винодел гроздья. Сила в его ногах и ритм массажа отражали темперамент момента. Теперь же, когда Эмма ушла, он выдернул мощный блок питания из розетки, выключил спрятанный под резиной жидкостный инфразвуковой излучатель, сложил провод в сумку, надел сандалии и отправился в здание биржи пожинать плоды резонанса паники.

К тому времени кто-то выволок мусорный бак на середину площади. Кто-то другой опрокинул его набок. Часть содержимого высыпалась, легкий мусор не спеша перелетал с места на место. Стаканы из-под кофена-вынос катались под порывами ветра по дугообразным траекториям, как вывалившиеся из гнезда яйца. Сам Гидродинамик, ни мало не смущаясь, двинул к центральному входу. Турникеты и стойка охраны, натурально, своей функции в эту минуту не выполняли. С легкостью взлетев по лестнице на третий этаж, он направился вглубь трейдинг-деска. Просканировав лица, он подошёл к одному старичку и стал докладывать:

— Мы выросли циничными, независимыми и вечно недооценёнными. Мы, которые сами чинили телевизор. А теперь именно мы – тихо и незаметно – удерживаем всю эту конструкцию, буквально изолентой. В нас – глубоко укоренившееся чувство усталой, но надёжной компетентности. Мы не верим в спасение. Лишь в выживание.

Гидродинамик положил перед трейдером листок, постукал пальцем по рукописному списку торговых приказов к исполнению, дружески потрепал старичка за плечо, забрал лежащую на столе пачку сигарет и направился к лифту, чтобы досрочно завершить свой визит на это инфраструктурное предприятие.

⁂

Джинго нёс по улице свой плотный лысый лоб, который наблюдал за прохожими сверху. Вот мимы с сооружённым из сундука макетом крытых носилок, импровизированной лектикой. Поставили её на бойком месте. Невдалеке – шляпа, на земле, в унизительном перевёрнутом состоянии. Пантомима незатейлива: мы меняют роли. Каждый из них то раб, то антеамбулон, то оппонент в паре аполлодорианин-против-феодорианина, то хозяин носилок. Крат, проклинают, возносят аве. Всё без единого звука. Никогда не было такого поэта и оратора, который бы считал кого-либо лучше себя – это касается даже плохих ораторов и поэтов.

Джинго недолго смотрит и уходит. Кто-то удерживает его за рукав. Девушка. Шарманщица. Джинго вынимает из сапога блокноут и письменно объясняет девице, что он тоже, к сожалению, мим. Нем. Она с лёгкостью принимает правила игры:

— Слышать-то, я вижу, слышите, — пишет она ему.

— Прекрасно слышу, — отвечает он вслух. Он рассматривает девицу подробнее. Много лент. Спускаются с шейного платка, со шляпы. Одна лента будто случайно попала между левой и правой грудью. Шляпа так глубоко сдвинута вперёд, что выглядит как маленький щит. Он рассматривает ещё. Наверное, дольше и пристальней, чем на то есть позволения. Удивительной интересности впадины в верхних пределах ног, чья форма видна до мельчайших деталей. Волосы её под псевдо-шляпой сложены в пучки и тщательно задрапированы. На ней дымчатая легчайшая накидка, которая сейчас стекает с плеч одной узкой струйкой, не перекрывая обзор ни в одном притягательном месте. Сапоги её выглядят расстегнутыми, но это иллюзия.

— Не выпьете со мной? — предлагает она. Он не видит причин, почему нет.

— Денег, — «говорит» Джинго, — нету.

— Не проблема, — отмахивается та. Шутит уместно, тематически: — Я пармуларий. В риторике не смыслю, но на спортивных ставках зарабатываю!

Выпивают. Приятная какая девица. Хорошо жить. Джинго предлагает понести шарманку. Она не против. Тяжёлая, зараза. В ближайшем отеле, уже на деньги Джинго, они предаются блуду и скверне. Длинный рот Джинго многие лета не вкушал этого яства. Кожа тела его, прежде цвета злой бумаги, стала розовой. Пах его пах стремительностью. Обманчивая пустота мимики менялась местами с симпатичной задницей. Опасные движения жилистого организма и уши как из анатомического музея сделали своё дело.

⁂

Джинго вспомнил, что забыл достать из-под балки в гостинице денежный тайник. Они идут к нему. Они захватили в магазинчике на углу квартала большой пакет багрового вина. На входе один из сотрудников

гостиницы попросил было у девушки карту гостя, но, увидев лицо Джинго, самоустранился. В номере он предлагает:

— Хотите я изложу вам самый интригующий документ… из тех, что мне попадался?

Не дожидаясь согласия он декламирует:

«…порождение лукавого, результат важной мутации. Нижние ветви плотного тёплого леса, где нет крупных хищников. Добродушное племя приматов. Г-гимен. Не несет сразу никаких полезных функций. Нетрудно представить развитие событий и последующий отбор внутри вида: для достигших половозрелости самок первый половой акт имеет, кроме репродуктивного, еще и символическое значение, определяющее статус животного в иерархии. Инициация. Акт социально значим как для инициируемой самки, так и для инициирующего самца. Гимен ведёт к тектоническим сдвигам в психике всего вида…

Гостья заинтересована. Но звонит телефон. Он берёт трубку, кто-то орёт на него, он улыбается.

— Она его кончит, куда торопитесь, — говорит он и бросает трубку. — …Поначалу ситуация внезапной «импотенции» вожаков деморализует стаю. Инициации становятся нервными и осторожными, даже если очередные молодые особи и не являются девственницами в анатомическом смысле. В обществе формируется маргинальное меньшинство, на верхних ветках, где некоторые («неудачно» инициированные) взрослые самки имеют социальный статус неполовозрелого детеныша и отличное от остальной стаи психическое состояние. Они играют между собой в игры, имитирующие взрослую иерархию. Отсюда гладкий деревянный жезл как первый небиологический символ власти. У них свои символы, свой уклад. При этом они – не соседний народ, общение с которым эпизодично. Следовательно, есть необходимость в постоянном «переводе» понятий. Вот оно, требуемое скачкообразное изменение…

Ему снова звонят. В этот раз в какой-то момент он включает громкую связь:

— Ты пустое место! — кричат в телефон. Он вновь бросает трубку, принимая такую малую откатную волну как плату за появление Эммы.

— Вот так движение сегодня, — говорит он. — …То изменение, которое заставило думать по-иному. В обычном животном «языке» пополнение

словарного состава не требует размышлений. Любой предмет, на который вы смотрите, о котором вы думаете, автоматически получает внутри вашей головы некую отсылку. Но не в случае «внутреннего» суб-народа, где одна и та же вещь имеет разное значение в зависимости от контекста: она наверху, она внизу, а может она на пути вверх или вниз. Нужен грамматический строй. Технически он излишен: все проблемы лишь в голове у психически пострадавшего племени. Не зря среди синонимов к выражению «от лукавого» – «излишний» и «ненадобный». Мозгоклюй ваш нейролинка – мутация того же порядка. Её лишь частичная биологичность только усиливает силу мутации.

— Наш?

— Ваш.

Они пьют вино. «Насколько я человек?» — пытается думать он. Насколько человеком мне нужно быть? Он переключается на облака. Он вместе со своим зрением – за окном. Объём мира наполняет его доверху. Он маленький жучок; ему такой большой клетки предостаточно.

— Мне шестое чувство ни к чему, — говорит он вслух, подходя к окну. — Находят-то убийцы всегда именно меня! Славное всё-таки освещение в этом мире. Хорошо поработал архитектор-художник; честь ему и хвала. Умел Пауль нанимать дельных делателей. Кляксы серого тут и там светят своими полутонами лично мне: я всё различаю, я чую дистанции. Как так получается, что текст в моей голове не передаёт почти ничего из того, что я сейчас думаю. Была ли причина выбрать (или подставить?) именно меня, чтобы я теперь получал совершенно бесплатно вот это удовольствие здесь?

Он думает: «Я теперь, зная о принципиальной конечности отведенного мне времени, именно это время и вбираю как не имеющее конца. Я сам себе нагло вру. Съедая эту ложь жадно, не чувствую вкуса обмана. Меня волнуют... Меня возбуждает потенциальная ревность Эммы, и еще сильнее – до извращенной боли – мысль о ревности моей к ней. Против меня в этом смысле – мужская половина этого мира, и все мои гандикапы могут не сработать. Но я наслаждаюсь хрупкостью момента, тем, как я балансирую на гребне щемящего беспричинного счастья».

— Идём в бар? Вино кончилось, — говорит он.

Они оказываются в какой-то пивной.

Едят зачем-то какую-то резиновую овсянку, в меру солёную, а также плотные, хорошо поджаренные сардельки.

— Хорошо кормят для переходных условий, — говорит он.

Кто-то подсаживается к ним. Человек с размаху шлёпается на скамью. Вид его неопрятен. Форменные надраги сами по себе имеют над ширинкой неглубокий треугольный вырез, но под пузиком человека угол треугольника стал неприличным. Подтяжки с двойными крепами на пуговицах напружились.

— Денег у… как песка, — сказал Джинго. — Выпьешь с нами?

— Может, так обойдёмся? — говорит незнакомец. — Как выглядят эти самые билеты в тот мир?

— Билетов как таковых нет, — говорит Джинго. — Смотрят на лицы. Кто вышел мордой – тому дают место в каюте (или всю каюту!) в каменной барже.

— Что, просто сел и поплыл по волнам? — спрашивает неопрятный человек.

— Видимо, да. Не все доплывают. Вернее сказать, мало кто доплывает.

— Суда ходят, а не плавают, — проворчал незнакомец.

Ссора завязалась исподволь; сперва ничто не предвещало скандала. Напротив, могла завязаться дружба. Пьяные общительны. Компания незнакомца предлагала Джинго присоединиться, и он готов был принять приглашение, но их женщина в синей шелковой блузке, болтающейся на ключицах, отпустила шуточку в адрес шарманщицы. И он, несвойственным ему образом, оскорбился и с полдороги вернулся к своему столику, неся впереди кружку, как фонарь. Тогда целый град шуток посыпался ему вслед. Он и в самом деле мог показаться смешным. Мужчины вдогонку гоготали басом. Швырнули горошиной. Джинго обошел свой столик и стал лицом к ним. Пиво ляпало на мрамор пола, Джинго никак не мог высвободить большого пальца, запутавшегося в ручке кружки. Джинго вдруг разразился признаниями; самоуничижение и заносчивость слились в одном горьком потоке.

— Вы… труппа чудовищ… бродячая труппа уродов…

Окружающие стали прислушиваться: Джинго выражался странно, речь его вышла из общего гомона.

— Вы, сидящие справа, урод номер первый. Встаньте и покажитесь всем... Обратите внимание, почтеннейшая публика... Тише, музыканты! Ваше лицо представляет собой упряжку. Щеки стянуты морщинами, и не морщины это, а вожжи; подбородок ваш как вол, нос как возница, больной проказой, а остальное – поклажа на возу... Садитесь. Дальше: чудовище номер второй... Человек со щеками, похожими на колени. Очень красиво! Любуйтесь, почтенные, труппа уродов проездом... А вы? Как вы вошли в эту дверь? Вы не запутались ушами?

Джинго говорил и говорил, ужасаясь тому, что говорит. Он вспомнил вспомнил те особенные сны, в которых знаешь: это сон, и делаешь, что хочешь, зная, что проснешься. Но тут вон понял: пробуждения не последует. Бешено наматывался клубок непоправимости. Его выбросили на улицу. Он лежал в беспамятстве. Потом, очнувшись, сказал сам себе:

— Ну, повеселились, и будет. Мы пировали с тенями, доколе тени не стали плотью.

¶

Поток 7. Два лектотипа

¶

На следующий день, глубоко после обеда, Джинго и Эмма ехали на север по автостраде в не отмытом зелёном фиате. Джинго рассказывал Эмме о здании биржи, где он завершил свою часть активной работы в проекте по мелко-робототехнике. Однако, история о последнем «хорошем» императоре – вдохновителе строительства – успеха не возымела. Тогда он предложил:

— Поставишь свою любимую песню?

Это сработало.

Эмма поставила «Святую воду», на что Джинго, после внимательного прослушивания, сказал, что знавал автора, и что тот был озабочен одной великосветской дамой, дочерью известного в Северной империи человека. Он также отметил, что название композиции следует переводить как «Иорданская вода».

— Действительно, святая вода в нашем языке – понятие нагруженное, — согласилась Эмма. — Языческая живая вода, церковная. В оригинальном же языке композиции эта фраза несёт скорее смысл погружения.

— Тонуть не до конца во имя цели, — авторитетно подтвердил Гидродинамик.

— Поставь теперь свою песню, — попросила Эмма.

Джинго дал ей послушать «Три сирены» семнадцатого века анонимного автора в исполнении известного кастрата и пояснил, что песенка спета на трёх языках: неаполитанском, пиренейском и пелопоннеском.

— Это про богиню Некбет наизнанку? — спросила Эмма.

Джинго расплылся в улыбке.

Когда напряжение между ними окончательно ушло, Джинго предложил формально закрепить статус общения на ты, переход на который случился спонтанно.

⁂

На место они прибыли поздно вечером. Машина остановилась возле одноэтажного дома. На гербе были лев и меч. Дверь им открыл старичок. Правая кисть его была когда-то прострелена.

— Почему чихание божественно, а сморкание – нет? — вместо приветствия спросил он.

— Произвольность давит святость, — не помедлив ни мгновенья, ответил Джинго. — И не надо чихать!

— Привет двум дуопедам эндотермным! — теперь уже радушно улыбнувшись, распахнул он дверь на всю ширину и сделал старомодный приглашающий жест рукой. — Продолжим череду бескомпромиссных действий, дорогой Джинго.

— Познакомься, Пол, это Эмма. Эмма – это Пол Вольтижёр. Пол – энтомолог.

— Это вы молодцы, что нагрянули. Молодцы-молодцы, — ворковал, прихрамывая, Пол, приглашая гостей через холл в свою рабочую комнату.

На его столе стояли прозрачные параллелепипеды с жилищами муравьев и пчёл внутри. Там, где положено класть рабочую тетрадь, находилась чаша Петри, наполненная ноздреватыми комками глины.

— Я машинку-то вашу пойду пока накрою покрывальцем – пусть побудет наедине с собой. Располагайся тут, милая. Джинго, садись напротив, на кресло. Ну-ну, ты сам с него хлам убери.

Когда Пол ушёл, Эмма не стала «располагаться», а подошла к столу. Весь край столешницы был покрыт микровмятинами. Девушка склонилась над куском глины. Над ними она неожиданно почувствовала тепло… Потрогала комочки рукой – холодные.

— Холодные, — сказала она Гидродинамику. — Но над ними – явное ощущение тепла. В пальцах какие-то толчки, подергивания.

— «Тиканья» называются, — сообщил Гидродинамик. — Поднеси лоб. Не бойся.

После эксперимента Эмма сказала:

— Голова делается большой-большой.

— Пронзает пространство насквозь, — сообщил вернувшийся Пол. — Это остатки гнездовьев одной замечательной пчёлки. Поверьте мне, вы

найдете больше уроков в... — он вдруг схватился за грудь и закашлялся, — ... долях, чем в книгах.

— Орлы подросли? — спросила Пола Эмма, указав на две крупные пустые птичьи клетки, висящие высоко над столом. Дверцы в обеих были распахнуты настежь.

— Что вы, моя дорогая, они не узники, летают где хотят, — ответил Вольтижёр. — У нас очень безопасные места. Ворон и попугай. Второй – много-говорилка и мало-думалка. Первый – наоборот. Наслаждаюсь контрастом.

Эмма касанием пальца качнула ту клетку, которую она посчитала светлицей ворона.

— Кстати, Эмма, о безопасности, — сказал Пол. — Пусть и поздно, но надо бы вина выпить, как вы считаете? Я нынче вечером выпил всё, что было; у меня не задерживается. Не ждал же вас. А? Джинго не пьёт, а мы с вами отметим. Съездите в магазин? Я вам велосипед дам. Не страшно. Ближайший закрыт ночью, но круглосуточный не так далеко. На машине не надо, машинка пусть постоит.

Эмма, всё ещё глядя на маятник клетки, пожала плечами и кивнула.

— Ну вот и замечательно, — Пол вытянул губы в горизонтальную струнку.

Он подвёл девушку к карте, висящей на стене в рамке:

— Вот. Полвека назад взял в соседней гостинице. Туристская карта. Актуальна до сих пор. Можете себе представить? Семь войн, три революции, а здесь все магазины, не говоря об улицах и домах, все те же самые. Так что вы не опасайтесь тут ночью одна. Место замечательное во всех отношениях. Вот сюда вам надо. Луна сейчас светит вот отсюда. Сориентировались?

Эмма кивнула.

— Запомнили? — он указал широким жестом направление на карте и ткнул в точку с магазином. — Не ошибётесь. Велосипед вон там, на крючке висит. Да вы снимете сами, он лёгкий.

Вольтижёр открыл перед Эммой дверь. Девушка вышла. Через несколько секунд послышался удивлённый вскрик. Пол и Джинго переглянулись с самодовольными улыбками.

⁂

Как только велосипед унёс Эмму, мужчины легли на пол. На спины. Вальтом. Ухо к уху. Стопы Джинго толкали восток, стопы Пола – запад. Между паркетом и спинами был плотный ковёр – мандала пяти цветов. Некому было сфотографировать их с потолка, чтобы их лысые головы стали «лицом» онера, а сложнейший мягкий цветок с центрально-осевой симметрией – «рубашкой». В бездвижном танце Ваджры, мужчины заговорили.

— Сколько тебе осталось? — начал Джинго.

— С месяцок-два, — ответил Пол.

— Хорошо. Что с ионным двигателем?

— Достаточный прогресс, так мыслю. Достаточный, — ответил Вольтижёр. — Гибридизация с пчёлками сильно его разогнала.

— Я развалил концерн мелко-робототехники. Один из осколков – тут, в Ломбардии. Они доведут отстающие модули. Для них предел в сто грамм – что для тебя в пять кило. Скорость истечения – 150 км/с при 9 кВт потребляемой мощности.

— Отлично, Джинго, отлично, — Пол говорил через силу. — Когда мой маленький кокон погрузится в тело Юпитера?

— Через 127 дней. Тягач будет ядерным.

— И станет Бог Юпитер Богом Нептуном, — тихо пропел Пол.

— Я слышал… — зашептал он, — слышал, что игра та – она водная. Водно-стихийная. Админы тамошние – это всегда какой-то смотритель купален, банщик, кастелян. На воде завязан мир. Реки там великие. Роди там Посейдона, мальчик.

— Мои персонажи хотят самовоспитываться. Боги таким недугом не страдают.

— Хорошо, мой дорогой, думай сам. Что за девочка с тобой?

— Лебедь. Ты же сам видел, — сказал Джинго. — Черно-оранжевая.

— Очень вовремя, милый мой, очень вовремя. Но не лебедь она. Скорее… — Пол закашлялся, схватившись за грудь, — … притхина.

— Какая Притхима?

— Я ж говорю – просто причина. Но помни, что вышло с академиком. Он же кто изначально был – аспирант Тяжёлаястена. У них в роду – люди из не индоевропейской языковой группы, первые покорители Бе-

рингова пролива. Так Вирджиния Лав, жена его бывшая, после развода осталась сама Тяжёлаястена. «Ну, я не знаю тогда», так сказал академик. И стал Хаконом.

— Что с ней не так?

— Ходячий детектор неистины. Насквозь видит и людей, и пророков, включая Айзека ихнего Невтона. Если у доктора подпруга в упряжке ослабнет, так она тут как тут – пряжечку-то подправит. Идёт, в белой шляпе, проглотив многое... а как? Велико! Идёт, глотает, а языка не видно...

⁂

В комнату вошла возбуждённая Эмма. Не обратив внимания на странные позы поднимающихся с ковра мужчин, она собралась что-то говорить...

— Всего сто грамм, — предвосхитил её восторг Вольтижёр. — Теоретический минимум для веса велосипеда. Для гонок, правда, будет уже двести. Давайте, я вам помогу.

За спиной девушки умело, импровизированным рюкзаком, помещалась между лопатками конструкция, связанная из обычных магазинных пакетов. В ней плотно сидели две бутылки вина.

— Решила испытать на скорости? Ух как завязала, — ковырялся в пластиковых узлах Пол. Джинго привстал и мгновенно распилил узел ножичком.

— Но как? — выдохнула девушка. — Велик буквально как пушинка. Летит пулей!

— Тут, милая, — Пол был рад стараться, — речь идёт о золотистых пауках-кругопрядах. Nephila inaurata madagascariensis. Производят необычайно прочную паутину. Плюс мои углеродные нано-нити кое-где, конечно.

— Почему же вы их не производите на продажу?! Это ж золотое дно. Вернее, золотая бездна.

— Продаю, почему не продаю. Через них у нас и появились первые контакты в высшем свете. Трудно. Вручную собрать паутину с полутора миллиона самок. В горных районах Мадагаскара. Нашёл знаете кто? Сам Fabricius. В 1776 году. А знаете кто он? Ученик самого мэтра Linnaeus-а.

Не увидев понимания в глазах Эммы, уточнил:

— Знаете его?

— Не имела чести, — призналась девушка.

— Карл фон Линней. Создатель единой системы классификации растительного и животного мира. Цесарь ботаников. Плиний Севера. Лектотип вида Homo sapiens.

— Давайте, бутылку открою, — сказал Джинго и почти коснулся губами уха Эммы.

«Лектотип, — шепнул Джинго, — это канонизация через указ. Линнея назначили „образцом человека“ задним числом».

⁂

Когда Джинго начал клевать носом, Пол отправил его спать:

— Иди в свою комнату, мальчик.

Оставшись с девушкой наедине, Пол спросил Эмму:

— Как тебе мой Джинго?

— Слова лишнего не вытянешь, — Эмма улыбнулась. Ямочки на её щеках сказали Полу вовсе не о сдержанности Джинго.

— Это граф ММ ему оскомину многословности набил... — и Пол стал (многословно же) адвокатствовать в пользу Джинго.

Эмма, возможно, чтобы прервать его, спросила:

— И что в этой игре? Как он будет и кого там искать?

— Искать не будет. Будет ловить, как на рыбалке. Создаст наживок разных.

— Наживки это персонажи? — спросила Эмма.

— Нет. Это ситуации. А ситуации, в свою очередь, создаются персонажами, да. Я, правда, боюсь, что в той игре нет обычных персонажей. Иначе бы не дошло дело до поисков Джинго. В мире сколько угодно сценаристов и режиссёров. Видимо, в этой игре есть мета-персонажи. А вот по таким вещам специалистов я и не знаю других, кроме него.

— Мета-персонаж – это как идейный зонтик над группой персонажей?

— Иногда так, но чаще это отсылки к персонажам, которые лишь предполагается, что должны существовать. Как мифический дядя-полицейский, которым пугают непослушных детей.

— Или как дракон в дальней пещере?

— Да. Или, скорее, сама пещера как потенциальный контейнер для этого дракона. Даже не так. Пугают входом в пещеру, который есть. Что касается существования самой пещеры, за входом, то это уже не очевидно.

— Почему это? Вот вход, вот пещера, — возразила Эмма.

— Заметь: туда никто не заходил. А если заходил, то не возвращался. Может, там просто выемка в скале, где стоит автоматический распылитель иприта.

— Неизвестное пугает, так это работает?

— Неназванное.

⁂

Следующий день был посвящён планированию. Решили, что Эмма останется на какое-то время в доме Пола. Как только Джинго проработает операцию с сектантами, они с Эммой отправятся в Америку.

За ужином Вольтижёр сказал:

— Новое аппаратное обеспечение будет, скорее всего, работать в ином масштабе времени. Быстрее. Много быстрее. Поэтому, когда вы будете входить – вас разнесёт на годы внутреннего времени. Пары тоже. Игра «семейный терапевт» станет разлучницей на века.

— На века?

— Вполне может быть. Бац – и триста лет как не бывало! Ну, может на дюжину меньше. В нашем мире тоже что-то живёт в другом масштабе времени.

— Это как?

— У пары может родиться мальчик. Может девочка. Единица или ноль. Это элемент мысли очень медленного и очень большого компьютера. И он мыслит. Но нам этого не разглядеть.

— Как предотвратить разлуку? — спросил Джинго.

— Думаю, никак. Вы будете использовать вещь не по назначению. Авертигусу незачем это настраивать. Предотвратить нельзя. Наверное, можно что-то придумать и смягчить последствия.

— Как?

— Кто выбирает, куда переехать сектантам?

— Я.

— Вот тебе и ответ.

— Их семнадцать сотен.

Эмма молчала у окна, удивляясь, как могла Луна так далеко убежать за это время.

— Вот и хорошо. Плацдарм вам подготовят, как у дракона. За пару поколений. Ну или за пару... — Пол закашлялся, сжав пальцами грудь, — ... десятк-х-х...

¶

Поток 8. От озера до моря

¶

Ардуша снял мотоциклетный шлем и, стараясь не привлекать внимания, ретировался в сторону шатра, на который указала Аделаида. Сама она всё никак не возвращалась. Доктор шёл к и думал об отвлечённом. При полевом размещении войск лагерь положено ставить так, чтобы фронт его располагается с наветренной стороны. Допущение – градусов 20-30, не более. Так что, шагая вглубь лагеря в условиях чувствительного ветра в лицо, Ардуша сделал вывод. Либо глава гарнизона был небрежен, либо как раз сегодня сменился ветер. С другой стороны, понять его можно. Бумажных военных карт у него могло и не быть, а спутниковой сетью пользоваться на военном ходу опасно. Ардуша шёл и напевал про себя: «У дороги чибис, У дороги чибис. Он кричит, волнуется, чудак: “Ах, скажите: чьи вы? Ах, скажите: чьи вы И зачем, зачем идёте вы сюда?”». Чибисов действительно было полным-полно. Тревожный крик, зловещая птица.

Аделаида, каким-то непостижимым манёвром, оказалась уже в шатре. Намеренно не проявляя интереса к её странным перемещениям, доктор обратился к ней с порога:

— Чего так птицы раскричались, не знаешь?

— Артемиды, — ответила Аделаида односложно.

— Богини женского целомудрия?

— А? Нет. Артемии. Семейство (или род?) жаброногих.

— Что ты мне голову морочишь?

— Рачки такие. Креветки. Их тут миллиарды. Вот птахи и пируют круглые сутки, — ответила Аделаида. — Красивые птицы, кстати.

— Они в своём шатре? — спросил Ардуша, переходя к цели их визита к военным.

— Нет, в баре. В посёлке. На мотоцикле доедем минут за десять.

— Не опасно?

— Не думаю. Посёлок и в имперские-то времена числился как «невключённая территория»; так что для него хоть потоп, хоть ядерная война, жизнь течёт по-прежнему.

— Что такое невключённая территория? — спросил Ардуша.

— Это когда государства нет, даже в виде муниципалитета. Только местные.

— Такое бывает?

— На этом континенте редко. Было редко. Сейчас полно. По всем границам, в зоне миль двадцать-тридцать зачастую перестают всякие государственные службы обслуживать. Ну и вмешиваться в жизнь заодно перестают.

Они пошли к мотоциклу. Аделаида потащила с собой барную кегу с пивом. «Странно, в бар со своим пивом» — подумал Ардуша, но промолчал.

С кегой возникла проблема; она решительно не хотела закрепляться на мотоцикле. Ехать сзади, удерживая такую тяжелую штуку, Ардуша не решился. После этого Аделаида сказала, что она бы ему и не позволила. У доктора сложилось иное впечатление. Ардуша сказал ей, что видел в одном грузовике детский прицеп для велосипеда. Возможно, его удастся прикрутить. Аделаида поблагодарила за конструктивный совет и пошла договариваться насчёт прицепа. Ардуша стоял возле мотоцикла и смотрел на озеро.

Поднялся ветер. Цвета в небе заставили доктора Ардуша задуматься: это эволюция сделала так, что он получает от простого их созерцания такое наслаждение? Если да, то зачем ей это? Как подобная падкость на палитру богов неба и ветра помогала выживать? Если нет, то как так получилось, что небо может быть столь великолепным? За свою долгую жизнь он видел такую красоту сотни раз. Воздействие не ослабело за десятилетия ничуть.

В озере привлекала имеющаяся в нём пограничность. Озеро, как и военный лагерь на его плоском берегу, были здесь, внизу. Тут полупустыня. А шоссе, отделявшее эту страну от соседней, шло по холму, там наверху. Там северная хвойная крупнодревесная саванна. Там, за шоссе, горы. Не очень высокие, но внушительные. Утром, когда он ехал по тем местам с запада, Ардуша пришёл к выводу, что более воодушевляющего пейзажа

на Земле нет. Ардуша видел и европейские горы, и азиатские, и даже африканские. Они все неряшливее или наоборот вычурнее. Эти – настоящие.

Аделаида Рату явилась рикшей, с детским велоприцепом, в котором три пивные кеги лежали, как чурки в поленнице, плашмя. Она повозилась с креплением, Ардуша уселся за ней сзади, и они попылили верхом на мотоцикле вдоль берега, а потом вверх по холму. Кеги, на удивление, не брякали. Аделаида их, видимо, проложила чем-то мягким. А может быть, шуршание пыльной позёмки маскировало соударение старых мятых цилиндров из хромоникеля.

Аделаида вдруг остановила мото-поезд.

— Снимай штормовку и китель, выворачивай его наизнанку. Как я. Смотри.

— Конспирация?

— Скорее, соблюдение проформы. Заведение, как и весь почти посёлок, находятся на территории другого государства. А мы там полностью вне закона, уже часов шесть как. Договор на коридор безопасности там истёк. Ну то есть уже тут, а не там.

— А. Понятно. Всегда найдутся сознательные граждане, подготовившие списки и адреса иноверцев в трёх экземплярах, — Ардуша стянул с себя одежду и зажал штормовку меж коленей.

В нелепой позе он не без труда вывернул китель, полы и рукава которого трепал ветер.

— Не совсем так. Совсем не так. Тут места такие, что плохим людям здесь нечего было делать уже последние лет сто пятьдесят. Здесь бывают туристы, пешие. Даже байкеры тут не частые гости были. Просто страхуемся, — сказала она. — Выверни китель и всё.

— Точно дерьма не случится? — спросил Ардуша.

— Дерьмо в барах поздно вечером случается только в кинофильмах. В реальности все просто напиваются, и на том всё. Ничего из того, что когда-либо показывали в кино, снятом на этом континенте, не бывает в жизни. Вообще все фильмы – подделка. Там всегда творится противоестественная дичь. Реальное кино - это запись с видеокамеры наблюдения. Причём с такой, про которую все забыли, и на которую никто уже ничего не пишет.

— Не узнаю тебя, Аделаида. Чего такая нервная?

Она не стала отвечать. Вскоре они подкатили к заведению. Типичное для среднего запада деревянное здание. Несмотря на непогоду, от него веяло уютом, который накопился во всех стенах и крыше от миллионов посетителей близлежащих бывших национальных парков. Такие места действительно привлекают, в основном, людей с хорошим сердцем, думал Ардуша. Аделаида отцепила прицеп и покатила его через калитку на задний двор. Калитку отшвырнуло, стоило ей выдвинуть засов.

— Заходи, — сказал он доктору. — Увидишь там стол греческой буквой «Пи», садись.

— А меня там ждут? — засомневался Ардуша. Поднятая ветром пыль лезла в глаза, и, в целом, он чувствовал себя неуютно.

— У тебя же китель шиворот-навыворот.

Доктор вошёл внутрь. Дверь за ним с силой прихлопнула себя в косяк с силой, из-за разницы давлений воздуха внутри и снаружи. Несмотря на сильный звук, никто на Ардуша не обернулся.

Действительно, там был длинный стол нужной формы. Он сел. Ему вежливо кивнули пара человек, сидевших ближе всего к тому месту, куда он приземлился. Мужик в белом фартуке тут же принёс ему пиво. Ардуша не знал из присутствующих ни одного человека. Шла беседа.

⁂

— И через час, тогда, я увиделся с офицерами третьей и пятой северных дивизий.

— Долго вы к тому времени были в окрестностях озера?

— Два дня.

— Почему вы не двигались на запад?

— У нас не было определенного приказания.

— Но вы ведь получили общее сообщение.

— Так точно.

— Так в чем же дело?

— Наш генерал за эти два дня отдал пять противоречивых приказаний. То он приказывал погрузиться, то стоять, то опять грузиться, то возвращаться на юго-западный фронтир. Люди истомились и перестали что-либо понимать. Бледные, разумеется, вели и ведут пропаганду. Сби-

вают всех с толку. Кроме того, говорят, всё атлантическое побережье уже пало.

— Вы повторяете по сути то, что мы слышали уже от поручика. Генералы не только не содействовали, но препятствовали продвижению частей на помощь гарнизону Города-Яблока. Поручик пытался что-то сделать… среди своих знакомств, но отчаялся. И вернулся к Великим озёрам. Там за четыре дня уже всё изменилось. Уже ясно, что Бледные взяли там повсюду верх. Те же митинги, что и везде, те же речи, тот же уличный хаос.

Пришла Аделаида и представил всем Ардуша. Просто по имени, без регалий.

Рату толком не объяснила заранее, кто все эти люди, сославшись на спешку. Однако, доктор и так понял, по разговору, что она хотела минимизировать собственное участие в переговорах с ними. Ардуша счёл риск приемлемым для себя. Его, иностранца с интересами в археологии и лингвистике, трудно было заподозрить в работе на одну из местных властных группировок. Сидящие перед ним военные чины одного из политических движений западного побережья Северной Америки выглядели настороженно, но не опасно.

— Куда же двинет ваша дивизия, в таких обстоятельствах? — не постеснялся, учитывая шаткие обстоятельства, спросить Ардуша, адресуя вопрос всем.

— Вариантов технически четыре, — ответил сидящий во главе стола. — Реалистичных два. Либо к Городу-Солёного-Озера, либо к берегу Американского залива. Думаю, первое. Там нет рынка труда для посторонних. Теократия. А вот если командование армии прикажет идти на юго-восток, к Заливу, все будут рады, но тогда по прибытию, через пару недель половина личного состава уйдёт.

— Почему? — спросил Дональд.

— Ты же говорил он наш, Аделаида, — невежливым образом адресовал военный реплику Рату.

— Ну… он не политический. Как твой заместитель.

— Тут все специалисты особого профиля, — обратился тогда военный снова к доктору, — вытесненные в своё время иными специалистами, ко-

торые умеют работать под вездесущими камерами и сенсорами. У них другая специализация.

— Какая?

— Они, например, сигналы могут получать с мест всеобщего обозрения. С городских часов, скажем. Синхронизоваться таким образом, выполнять оперативные задачи. Короче, просто принципиально другая профессия. Этому надо учиться с юности. А у нас люди прямые, так сказать. И вот теперь, когда тотальный надзор ушёл или почти ушёл, вместе с сетевым олигархатом и их дата-центрами, спецов типа нашего брата снова будут все желать нанять. На юго-востоке много народу. Много бизнеса. Много иностранцев. Если гарнизон будет там стоять… выполнять какие-то даже боевые задачи… всё равно потеряем много людей. Наше командование ужасно этого боится.

— Такой странный фактор? — продолжал деланно удивляться Ардуша.

— Конечно. Не странный. Военная партия не просто так военная партия. Здесь все маргиналы и отщепенцы. И многие, кстати, хотят осесть, семью завести, детей. Для этого нужна другая работа. Рассыпется на Заливе организация. Ты и сам бы сюда не попал, если бы был нормальным, — перешёл вдруг военный на ты.

«Так-то да», — подумал Дональд.

— Но я вроде нормальный. Мне так казалось.

— Да? Ты можешь получать любую сумму в любых сертификатах, с любым кастодианом, вплоть до Новоримского. Но ты тут!

— У меня миссия. Само-наведённая, но миссия. У человечества всего два опыта общения не с людьми. С животными, в основном, с собаками, остальное – это мелочи. Коты игнорируют, остальные редко общаются. А второе – с искином. С животными у нас все каналы общения, кроме языка. С «инопланетянами-искинами» – только язык объединяет.

— Нет, так-то да, — повторил военный мысли Ардуша. — Мы это ценим. Если ты наладишь канал коммуникации с Авертигусом, ты будешь героем. Аделаида говорит, ты хочешь… как сказать… «зааутсорсить» что ли… в общем, позаимствовать у нас военное управление двумя тысячами людей и гарнизоном?

— Семнадцатью сотнями.

— Почему именно столько?

— Столько предоставили. Это сектанты.

— Они будут воевать, если придётся? — спросил военный.

— Не знаю, — признался Ардуша. — В моём сценарии они нужны для создания живого щита.

— Поясни, — потребовал военный. — В той игре, насколько я слышал, баталии – не самое главное.

— В игре ускоряется время. Медленно, но верно. Авертигус подгребает всё новые мощности. Поэтому мы сможем работать только через эстафету поколений. Сектанты создадут традицию, которая будет поддерживать анклав, относительно изолированный от обществ мира игры.

— Это твоё решение? — задал неприятный вопрос военный. — Ты сказал «предоставили». Кто предоставил?

— Этого я сказать не могу, к сожалению.

— Хорошо. Это можно понять. Но ты осознаешь, что твоя секта унаследует нашу систему управления? А она рассчитана на защиту от обезглавливания. Ты не сможешь понять, кто и как принимает решения.

— Да. Осознаю. Я мельком знаком с традицией Скверна Тритерзаевича. Дракон о трёх головах, у которого регенерация отрубленного мозга и шеи происходит быстрее, чем в принципе возможно убрать три головы.

— Тогда – это сделка, — буднично объявил военный. — Аделаида будет передавать деньги. Что касается земли для гарнизона, мы даём вам два варианта. Посмотрите их сегодня же и сообщите о своём выборе.

Люди за столом, до этого соблюдавшие торжественную тишину, зашумели сразу несколькими диалогами, не имеющими отношения к делу Ардушы. Доктор кивнул в качестве согласия и встал из-за стола.

Он хотел было сразу выйти на улицу, но передумал. Вместо этого, он отправился в коридор, ведущий к уборным. Там он увидел служебный выход на задний двор. Туда он и проскользнул.

⁂

То, на что надеялся доктор, произошло. Военный, который вёл переговоры, замаячил вдруг качающимися плечами в коридорчике. Ардуша отделяло от него небольшое пространство заднего двора, а также хлипкая дверь, верхняя часть которой представляла собой раму с москитной сеткой. Из-за этой сетки тот и помахал Ардуше. Заходите, мол. Ясно. Во

дворе, на виду у тех, кто мог стоять за окнами на втором и третьем этажах, он появляться не хотел. Переговоры при всех его полностью не удовлетворили. «То, что нужно, — подумал доктор. — В общем зале – пространство какого-никакого, но закона. Там есть хоть и не протокол, но свидетели и группа поддержки. Коридор же – это пространство шанса».

— Я тут прикинул, Ардуша, — сказал военный. — Я хочу поговорить с тем человеком. Сам.

— Азарт – это слепота, которая считает себя зрением, — предупредил доктор.

— Обычная практика доктор. Договоры подписывают в зале президиума, но цены назначают в туалете. Не ломайтесь.

— Моя цена: комплект оборудования для нейросвязи с игрой. Тринадцать полноценных кресел погружения. С интерфейсом для квантового компьютера.

— Таких пара штук на всё континенте. Он настолько ценен?

— Более чем.

— Вы знаете, что самый большой риск не в том, что вам откажут, а в том, что вы получите согласие?

— Вы планируете обмануть меня так, что даже ваши соратники не узнают?

— Я вас не обману, — пригвоздил неуместные сомнения Ардуша военный. — Однако, у меня есть чувство, в этом коридорчике не договор заключается. Решается, кто кого переживёт. Не находите?

Ардуша протянул ему руку:

— Что-то в этом есть. Ваши наблюдения не лишены смысла. Интересующий вас господин посетит вас, когда прилетит на континент.

Доктор заходил в коридор, пространство между дверьми, с чувством полной смены контекста. Выходил он из него со знанием того, что контекст сменился на ортогональный ещё раз. Три ортогональных преобразования могут привести в исходную позицию, успокаивал себя Ардуша. Если подобрать пространство подходящей размерности.

Аделаида стояла в ожидании Ардуша, прислонившись ягодицами к мотоциклу. Поза её была одновременно и соблазнительна, и осуждающа. Доктор упреждающе сообщил:

— Твоё ожидание того стоило. Поехали.

⁂

Мотоцикл нёс их по дороге, которая не так давно была мостом между человеком и дикой природой. Бывшая территория одного из лучших природных парков планеты теперь стала шрамом. Дабы насладиться эстетикой увядающего симбиоза, Ардуша похлопал Аделаиду по плечу, чтобы она остановилась у слоистого каменного холма, украшенного извивающимися красно-коричневыми кедрами.

— Хрупки человеческие начинания, — сказал Ардуша, стянув шлем. — Посмотри на это великолепное дерево: оно только начало свой танец. Первые пару па за первую сотню лет. А мы уже забросили и дорогу, и обеспечение пожарной безопасности.

— Ты бы лучше оценил мой выбор транспорта, престарелый романтик.

— Что ты! — с готовностью согласился доктор. — Я ещё на пути сюда отметил, что эти ямы можно объехать только на двух колёсах. А какая была струнка-дорога когда-то, а.

— Природа перестала быть парком. Теперь просто земля, пусть и пугающе красивая. Разметка стирается, договор размывается. Скажи лучше, о чём договорился с настоятелем?

— Так он всё-таки обладает каким-то подобием имени. Настоятель – неплохой суррогат. Пройдёмся вверх по этому камешку? Выглядит, как речной голыш размером с город.

Они стали подниматься по гладкому склону, который неожиданно хорошо цеплял подошвы ботинок. Доктор сообщил:

— Я перелил аудиенцию с Джинго в квантово-готовый интерфейс. Можешь такое вместить?

— Ого! Настоятель сможет ограбить бывший космический центр в Заливе?

Ардуша прекратил подниматься и развернулся. Он сменил согбенную позу карабкающегося вверх на бодрый и гордый столбик суриката, оглядывающего владения.

— Смотрю и думаю: красота не в том, что вечно. Красота в том, как вещи прощаются с собой, — проинформировал доктор о своих текущих наблюдениях.

— Ты намекаешь, что настоятель понял, насколько ты сумасшедший? Он же не может не знать, что квантовый интерфейс нужен, только если ты преступил черту готовности к самоубийству.

Ардуша посмотрел на Аделаиду в упор:

— Природе не нужны свидетели. Он это понимает. Я это понимаю. А ты – молодая.

— Красота, которую никто не видит, перестаёт быть красотой, опасный ты суицидник. Я квантовый шлем себе на голову не надену.

— Спешить некуда, Аделаида. Разбитый асфальт этот – это ж ещё не конец пути. Это может быть даже… приглашение к вниманию. Ползёшь, вглядываясь в каждый камень. Понаблюдай пока.

Она шутливо ударила его в грудь:

— Вам с настоятелем может всё равно. Природе, наверное, всё равно. Но мне нет. И моё «не всё равно» – тоже часть природы. Но скажи: ты продал аудиенцию, не испросив согласия Джинго. Этот Джинго – он, по-моему, тип несносный.

— Я хотел тебя попросить об этом. Придумай что-нибудь. Как его убедить. Или, может, просто как-то устроить им встречу.

Ардуша думал, что когда асфальт был цел, он смотрел лишь на горы. А сейчас, когда асфальт разбит, он не без удовольствия наблюдает за травой, прорастающей сквозь трещины.

— Ну что, поедем дальше? — заторопилась Аделаида. — Нам ещё на морскую базу смотреть. Сравнивать с озёрной.

— Не нравится мне озёрная, — сказал Ардуша. — Можно и не смотреть вторую. Напиши ему, что берём морскую.

— А что так? В игре посёлок-анклав надо строить тоже на озере. Символизм будет. Как ещё мы сможем обеспечить изоляцию, если не постепенным «генетическим» привыканием населения к разряженному воздуху?

— Озеро там – как море. Большое и глубокое. И мушек этих гадких нет.

— Это рачки, — поправила Аделаида.

— Тем более. А мест для скрытой обители в Пятиречье – как минимум два. Ещё же Луна есть. Которая всегда полная.

¶

Поток 9. Шелест роторного фильтра в пруду с золотыми рыбками

¶

Нет лучшего способа начать жизнь с чистого листа, чем оказаться в незнакомом городе ранним утром, в начале спирали дня, когда на улицах ещё никого нет, но с неба уже льется свет. Ощущение новизны и неизвестности для академика Хакона было тройным. Он никогда раньше здесь не был – это раз. Не знал, что это за город – два. И не помнил, как сюда попал. Три. «Не помнил», впрочем, не означает «не знал». Он, конечно, знал. Это ж было не в первый раз. Цикличность – основа жизни, даже если она не приносит особой радости. Хакон помнил, что он вчера употреблял, лишь частично. Потраченную сумму – с точностью, а вот названия, количества миллилитров и миллиграмм – не вполне.

Он увидел холмы на западе и услышал чаек – те тоже прилетели с запада. Вот с востока просочился луч. Хакон попытался оценить, хорошо ли это: всегда знать, где восток и запад, но не иметь понятия о право и лево. Звериный оскал бытия – стоны Небес пригвоздили Хакон.

Его тело не могло следовать за его духом. И это чувство не только не ослабевало, но, напротив, росло в нём по мере того, как с переходом в бодрствование увеличивались трудности его положения.

Хакон полулежал на пластиковом грибе посреди детской площадки. Вниз вела лесенка. Каждый, кто когда-либо просыпался на поддельном грибу в похмельном ступоре, знает эту тяжесть в сердце. Тяжесть необходимости снести вес тела по десяти крошечным ступенькам, предназначенным для маленьких ножек. Самое трудное в этом спуске – несоответствие реального пользователя задуманному потребителю.

Хакон передумал спускаться. Он вынул маленькую овальную шкатулку-раковину, оплетённую голубой кожей. Застенчивая и грустная, раковина раскачивалась взад-вперёд на цепочке, пока Хакон её разглядывал.

Хакон достал вещество и закурил. Там, на небесах, Бог сидел и следил, чтобы уничтожение академика Хакона происходило по всем правилам: медленно, постепенно и неизбежно.

Хакон осознавал, что на детской площадке курить нельзя, и поэтому мысленно готовился к полицейской анкете. «Какова цель вашего визита в наше графство?» — «Высокое настроение». Самый благонамеренный повод.

Проблема заключалась в том, что это определенно не был Город-на-Холмах. А очень скоро академику Хакону нужно было быть именно там, а не где-либо еще. Жизненно важно. Это был вопрос жизни и смерти. Больше смерти, чем жизни. Вспомнив об этом, Хакон постарался не думать о полиции, чтобы не привлекать духов правопорядка. Но и не курить он не мог. Даже покурив, настроение своё Хакон не нашёл особенно приподнятым.

— В Гефсиманском саду было когда-то произнесено: «Дух бодр, но плоть немощна». В другом месте сказано: «Плоть желает того, что противно Духу, а Дух – того, что противно плоти»... Без связи, — он вздохнул, глядя на телефон.

Вынув изо рта чубук микро-кальяна, Хакон произнёс тридцать три слова:

— Ok-хэй, Седьмая Башня >> Обыскать все дома и конфисковать жернова. Разогнать проституток у здания третьей мельницы Нижнего форта. Заложить три плавучие мельницы. Привлечь дополнительного адвоката к делу о высоте первой дамбы. В остальном – самотёк.

Хакон напрочь пропустил всю эпоху видеоигр. Но с появлением разумных чат-ботов возродился жанр текстовых приключений, и Хакон поддался ностальгии. Голосовое влияние на ход игры напоминало академику Хакону те таинственно мерцающие зелёные буквы... ещё тогда, на черных дисплеях электронно-лучевых трубок.

Устная команда, посланная академиком в игру, не сработала. Наверное, он сказал что-то не то. Он был почти трезв, но в голове всегда две версии того, что нужно сказать. Впрочем, у всех фонарей в длинной аллее, кроме двух крайних, есть две равно-плотные тени от соседей слева и справа. Причём аллее наплевать, где запад, а где восток.

С кряхтеньем, Хакон достал из внутреннего кармана (рукой с очень тщательно ухоженными ногтями) плоский мешочек из серо-бежевой сыромятной кожи. Там у него хранились: кошелёк (пустой, если не считать карт лояльности), латунная крохотная религиозная икона, оставшаяся ему от предков, а также оригинальный фирменный блокноут «Седьмой башни» первой версии, на форзаце которого записан многосимвольный личный «хеш» для входа.

Риттер, глядя на форзац, символ за символом ввёл хеш. Ни разу не ошибся. Хакон захлопнул блокноут и упаковал его в порядке, обратном тому, в котором доставал.

Академику удалось войти в игру – записанная им звуковая команда сработала! Хакон был одним из первых игроков, в хронологическом смысле. В процессе изначального выбора персонажа он стал грибником-вздымщиком. Его задача состояла в заготовке древесной смолы и сушёных грибов определённых пород.

Послышался чужой голос снизу:

— Я бы на вашем месте рассмотрел большее количество.

— Да, а ведь я недооцениваю возможности реки, over and above, — ответил Хакон в пустой воздух, от неожиданности.

— В 1323 году под Гранд-Понтом было 13, — ответил первый этаж. — Седьмая башня? Можно, я с тобой поиграю?

— True and correct, — ответил Хакон, которому казалось важным этимологически составлять пары так, чтобы слова имели происхождением разные древние языки. — Конечно!

Хакон сидел на верхней платформе игрушечного гриба в позе рыбака в утлой лодчонке. Колени вместе, локти прижаты. Кисти вместе. В них – основание несуществующей удочки. Тело – ровно, чтобы несуществующая лодка не раскачивалась. Взгляд – вниз, на потусторонний поплавок.

Из ножки гриба, скрючившись, вышел лысый человек, распрямился, оказался после этого высоким, а затем уставился на академика Хакона – их глаза были теперь на одном уровне.

Он был в неприличных лохмотьях. Под ногтями – траурные полумесяцы. От него, однако, не пахло.

Хакон смотрел на него с лицом директора, глядящего, как грузчики тащат зеркало.

— Гидродинамик, — представился лысый верзила. У него была заинтересованная физиономия человека, который усердно протирает пышной тряпкой то самое зеркало, время от времени обдавая его своим дыханием для влажности.

Хакон и Гидродинамик некоторое время молча смотрели друг на друга. Наконец Хакон окончательно вынул изо рта чубук и обратился:

— Вы переселенец? — в голосе не было ни тени презрения.

— Нет. Местный бродяга. Лисы имеют норы, и птицы небесные имеют гнезда, но Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову, — Гидродинамик не стал раскрашивать реплику интонацией. И ответил на не произнесённое ещё предложение академика: — Не откажусь.

Сделав затяжку в знак установления раппорта, он спросил:

— Ну а ты кто?

— Был когда-то неплохим специалистом в области физики плазмы, — ответил Хакон.

— Был? Карьера под откос?

— В силу рока, — кивнул Хакон.

— Исчерпав все возможности кредита? — продолжал требовать подробностей лысый гидродинамик.

— Пребываю в бесцельном ментальном странствии, которое оцениваю не как напрасное, но как естественное, — не стал отпираться Хакон.

— Дальше что? — допытывался Гидродинамик.

— Трудно выбрать формат завершения личного жизненного пути в мире, который остановился в своём суициде на полпути лишь в силу случайности.

— А сейчас что?

— Мне надо в город.

— Зачем?

— Выступить формальным рецензентом на правительственном слушании по нейро-интерфейсам.

— Могу отвести, — деловито сказал Гидродинамик, повторив затяжку.

— Сколько же туда идти?

— А сколько у тебя есть времени?

— 27 часов, — быстро прикинул Хакон.

— Слабоват, — лысый с сомнением оглядывал организм академика Хакона. — Чего напился?

— Дабы прекратить страдания.

— Голова трещит?

Хакон кивнул. Гидродинамик протянул ему небольшую упаковку таблеток без каких-либо надписей со словами: «Не торчи больше сегодня».

Очень скоро академику Хакону полегчало, и он поведал о бюрократическом конфликте, который и призвано было разрешить слушание. Он состоял в том, что один властный блок стремится к контролю нейролинка под эгидой Академии наук, а противоборствующей группировкой управляют фарма-магнаты и чиновники от медицины. Медики, естественно, по старой своей привычке, намереваются нейро-линком пополнить арсенал тотального контроля над населением...

— Ардуша же, — задорно вещал Хакон, радуясь наличию собеседника, — как ключевой научный консультант первой фракции, продвигает две идеи: полный запрет на использование искусственного интеллекта в среде нейро-линка, а также внедрение там синтетического языка.

— В то время как мотивы медиков ясны, — продолжал Хакон, — логика доктора Ардуша весьма затейлива. Впрочем, я не имею о ней конкретного представления: знать полную аргументацию докладчиков до слушания не полагается. И вот в этом месте начались неровности...

— Поподробнее с этого места, пожалуйста, — вежливо попросил Гидродинамик.

— Мне кажется, некий большой медицинский функционер, идейный вдохновитель анти-Ардушевского лагеря, попытался заслать ко мне на дом своих агентов, но меня спасло то, что я уехал раньше времени, — сказал старик.

— Записи с камер? Что там конкретно?

— Нет у меня никаких камер, я вас умоляю. Мой ранний отъезд привел их в бешенство, делаю я вывод исключительно по дальнейшим событиям. Не застав меня физически, они нашли способ воздействовать на нейроинтерфейс в моей голове. Это само по себе вне закона. Но дела обстоят ещё хуже. Им вообще не следовало знать, что у меня этот интерфейс установлен: я сделал это в рамках редкого эксперимента, за вознаграждение, анонимно.

— Прямо сейчас мне рассказываешь, — напомнил Гидродинамик.

Хакон смутился, но очень ненадолго.

— Хотя меня об этом не спрашивали, я отмечу, что объединение людей в ментальную сеть через нейро-линк – это ужасная, ужасная, ужасная идея.

— Это тебя искин достал, — сказал лысый.

— В Евразии ничего такого нет, — пробормотал Хакон. Он почувствовал себя крайне неуютно от гипотезы, что стал мишенью рукотворного разума.

— Это вашей пропаганде так кажется.

— Не проще предположить, что меня пытается достать медицинское лобби?

— Проще. Но это неинтересно.

Старик тут же согласился. Какой приятный собеседник, отметил он про себя.

— Кроме того, — Гидродинамик ткнул пальцем старику в сердце, — те бы тебя в аэропорту взяли.

— Я, на самом деле, рад, что у меня в таком позднем возрасте появился новый товарищ. Это просто невероятно.

Гидродинамик предложил:

— Чего не слезешь уже с этого дурацкого гриба? Или у тебя что-то не в порядке со штанами?

— Кстати, про штаны – мне давно пора в уборную.

Старик без видимых проблем поднялся и начал осторожно ступать по лестнице.

Гидродинамик молча указал ему на сине-белую будку биотуалета вдали.

— Вернёшься – и надо двигать. Значит так: мы сейчас на Виа-Регия. Надо к улице Аггер, ближе к океану. Там автобус.

— Если у тебя есть деньги на автобус, не проще ли тогда просто поехать в город на поезде? — спросил старик.

— Денег нет. В поезде схватят контролёры, а потом, на терминальной станции, изобьют всей толпой, ради удовольствия. В автобусе же всё

ограничится скандалом. Да он и нужен-то только до океана доехать. Дальше – по пляжу до города. Далеко, но надёжно.

— Я телефон потерял! — забеспокоился вдруг старик, похлопывая себя по бокам.

Гидродинамик покачал головой, вытаскивая из своих лохмотьев плотный свёрток ткани. К его ногам при этом упали точило для ножа, пара ракушек, окурок и крошки. Он вертикально приложил указательный палец к губам, показал, что внутри девайс академика, а потом молниеносно свернул и упаковал всё обратно.

— Когда ты успел его вытянуть?!

— Тем и живу, — сказал лысый. — Пусть у меня побудет. Ты пока не в форме. Не против?

— Не против, — вяло сказал Хакон и поплёлся, наконец, к туалету.

⁂

В сквере никого не осталось. Джинго достал несколько крупных купюр, положил их на видное место и прижал камушком. Затем он углубился в рощу, достал из под корня сумку и переоделся. Потом набрал доктора.

— Я его нашёл. В Белогорье. Возле станции. Видимо, ссадили в невменяемом состоянии. Разменял ваши авиабилеты, на разницу загулял. Девайс с древним аккаунтом – у меня. В моих сценариях этот человек не нужен. Я возвращаюсь.

— Вы же сами просили внести его имя в официальный пресс-релиз о слушаниях.

— Принципиален факт публикации. С наполнением можно работать. А он – болван. Болван и болтун. Да, ещё пьяница.

Гидродинамик работал с академиком Хаконом по той же схеме, что и с любым другим своим клиентом. Добровольное разрешение «вместе поиграть» – есть. Позволение переносить девайс – есть. Остальное – наполнение, с которым можно работать. Жидкость принимает любую форму.

Джинго ушёл. Оставленный гриб смотрел на два силуэта, удаляющихся и друг от друга, и от гриба.

⁂

Возраст душит удивление. А Хакон – человек в возрасте. Кроме того, Хакон прилично обкурен. Тщетно лысый пытается обескуражить академика своим поведением. Исчезновением, в частности.

Хакон преодолел дистанцию вверх по перпендикулярной улице до параллельной Аггер. Он принял ещё одну таблетку и взял курс на север по правой стороне дороги. «Проси ещё, нам не хватило этой жизни ни на что, — бормотал он, — проси ещё, проси ещё, проси ещё». В изнеможении, в истоме пешком плелся он, не замечая насмешливых лиц кругом.

Риттера мутило, и разговор с ангелами не клеился. Два смертных часа Хакон шёл и капал прошлым, как чёрным отработанным маслом из дырявого картера.

Три голосящие полицейские машины пролетели против направления движения Хакона. На двух перекрёстках были аварии.

По улице галопом проскакали две оседланные лошади. Одна вороная как пистолет, вторая – белая, испачканная кровью.

Новости бы посмотреть. Что творится-то?

Хотя вот, слева, теннисные корты при школе. Люди просто играют.

Хакон остановился. Слева, через дорогу был проулок, а там, за ним, волшебная мини-страна гольф-клуба. Микро-холмы чудесного изумруда, как в стране добрых гномиков в шляпах, увенчанных мелодичными бубенчиками. Блестящие электрокары. Элегантные парочки. Нельзя не заглянуть. Но нельзя и задерживаться. Навстречу прошла девочка, лет девяти, не больше. И зачем-то академику Хакону улыбнулась. Это решило исход дела. Хакон поворотил налево и углубился на территорию клуба.

Он стоял посреди идеальной поляны. Гольф-клубы внутри населённых пунктов отличаются славной миниатюрностью. О чем же он думал? Ведь стрелки тикают. Надо идти. Но он отошёл к забору и присел за всепогодный столик под зонтом с рекламой клуба. В руке – сама-собой – водяная трубка.

Сердце бьётся, рука дрожит. Чайки кричат, он жмурится и закуривает. У академика Хакона особый тип ума – «ум опровергателя», – который устроен изящно и экономно: он видит гипотезу и немедленно производит контргипотезу, ещё более фантастическую, приписывает её оппоненту и триумфально опровергает. Это интеллектуальное фехтование с соб-

ственной тенью, и тень всегда проигрывает, что доставляет фехтовальщику законное удовольствие.

Риттера Хакона вдруг заинтересовало, а какой же сейчас час. Часов у него уже много лет как не было, а сейчас – не было и телефона. Он заприметил невдалеке электрокар и подумал, что на его приборной доске, наверное, должны быть встроенные часы.

«Нет тут стрелок», — сказал он сам себе, забравшись на сиденье. Тут он вдруг вспомнил, что забыл выключить дома утюг. Так усердно готовился к появлению в высоком обществе, что забегался. Ужасно досадно. Надо выключить, пока не поздно. Не медля ни секунды, он запустил машинку и лихо вырулил на улицу Аггер. Не раздумывая, налево. Как бы по инерции, супротив законов природы прерванной легкомысленной передышкой, он продолжил путь, куда шёл.

Впрочем, проехав мимо двух домов, он тут же снова повернул налево, во двор, нимало не смущаясь, что это, скорее всего, не его дом.

Он буквально ввалился на крыльцо небольшого дома, оформленного в азиатском стиле. За стеной насаждений здания с дороги видно не было.

Тут был прудик; скорее глубокий аквариум. В нём – большие красные рыбы. Очень красивая декоративная водяная мельница.

Солнце во дворик не проникало. С низкой крыши на академика Хакона смотрел енот. Хакон присел на вымощенный край водоёма. А как же утюг, спохватился Хакон! Дом был не его, но утюг – его, а значит, надо было войти. А ключи, конечно, у енота, который вечно царапает и загребает всё своими ручонками.

У академика Хакона нет сил гоняться за ним вокруг дома. Он решил, что если он возьмёт в заложники его друзей, рыб, то тот отдаст ключи. Хакон подтолкнул электрокар к воде, метко заприметив, что его поперечные размеры неплохо сочетаются с диаметром пруда. Долго ли, коротко ли, но электрокар был вогнан вертикально в водоём двухметровой глубины. Воодушевлённый таким развитием событий, он понял, что стоит ему махнуть рукой, и навязчивого енота выселят, а ключи вернут ему, академику Хакону. О чём он и сообщил Гидродинамику.

«Оставайся, где есть, — ответил Гидродинамик откуда-то из облака. — Я вернусь, а потом мы сядем на автобус».

Хакон постоял посреди дворика, довольно потирая руки. Гидродинамик лопнет от зависти. Хакон начал понимать нелепость своего положения, и поэтому встал на колени, чтобы не торчать, как столб. Однако, у него быстро затекли члены. На карачках, он подкрался к поддельному камню, под которым прятался жужжащий фильтр для пруда – настоящий водяной ротор. Хакон забылся. В мире работы над трансцендентной чистотой, цилиндр фильтра грезил царицей Притхой, бросившей вызов самой Земле за её необоснованную скупость.

⁂

Хакон очнулся из-за того, что увидел вращение мира. Кто-то переворачивал его туловище. Гидродинамик. Приятно. А, так он переодеться ходил.

— Нет худа без добра, — Гидродинамик нависал над академиком, удерживая на лице старика кислородную маску. — Найти водяную мельницу в такой пустыне. На автопилоте! Это ты молодец, братец. Молодец. Ничего, сработаемся.

— Что происходит вообще? — Хакон привстал. Он увидел торчащую корму электрокара, забитого в пруд, как резиновый крот в игральный автомат. Череп электрокара безмятежно купался с рыбками.

— Встаём-встаём: тут автобус ходит всего несколько раз в день. Остановка прямо напротив, на той стороне дороги. Вот, — Гидродинамик указал на номерной кирпич, вмонтированный в бордюр, — запомни номер. Потом компенсируешь владельцам. Кто ж коктейлит местные таблетки с заморским куревом, горе ты луковое. Ну, пошли.

Хакон поковылял, опершись на Гидродинамика, и ещё несколько минут звучало в его голове жужжание глупого роторного фильтра в пруду с золотыми рыбками.

¶

Поток 10. Плата-Пансо и дефицит времени

¶

Джинго ощущал дефицит времени. Сколько протянет старый текстовый интерфейс Хакона после такого вмешательства? Гидродинамик рассчитывал хотя бы на час. Минуту в год.

«Что ж, — пробормотал он, — поиграем».

⁂

Воздух был густ. Пахло жасмином и остывающим камнем.

Тяжёлые шторы лениво колышутся, не спасая от вечерней духоты. На низком столе из тёмного дерева остатки пира. Мятые лепёшки, пустые кубки с осадком, раздавленные фрукты. Сок вытекает на каменные плиты. Мебель расставлена небрежно, будто собрание закончилось внезапно и гости просто переместились в другое место. В углах догорают масляные лампы, отбрасывая длинные, пляшущие тени на стены, расписанные блекнущими фресками. Где-то рядом кто-то невидимый звенит медной посудой.

Джинго сидел в тени колонны, подобрав под себя ноги.

Плата-Пансо молчал ровно столько, сколько требовалось, чтобы понять: перед ним персонаж с биографией.

— Как ты тут оказался, путник? — спросил он. Голос у него к вечеру сел. Он много говорил сегодня. Все просили. Никто не предлагал.

— Приветствую тебя, умная голова. Мой новый знакомый, Хакон, имел аккаунт в прошлом… потом произошёл форк блокчейна…

— Не вешай мне на уши дезинформацию, пожалуйста.

Путник усмехнулся. Звяканье посуды, наконец, удалилось.

— Справедливо. Он и явился в своё время причиной тройной структуры управления в игре. Поэтому у него такой хитрый акк.

— Как? Это он оплатил и лицензировал игру?

«Умная голова» потянулся к кубку, но кубок оказался пуст. Он посмотрел на осадок на дне.

— Нет. Он тестировал в ней финансовые транзакции, — ответил путник.

— Что за транзакции?

Гость подвинулся поближе. Тени от ламп упали на его лысую голову.

— При каждой покупке обязательно меняется уровень готовности к риску и репутация. Сразу три потока: деньги, репутация, риск. Всегда три. Три.

— Что за готовность к риску?

— Если ты что-то купил, у тебя стало меньше денег.

— Ну и что?

— Значит, ты больше рискуешь, когда снова что-то покупаешь.

— Ну и что?

Путник вздохнул – но достаточно терпеливо.

— Значит, ты не такой уж и хороший клиент.

Повисла тишина.

— Злая какая штука, — сказал наконец Плата-Пансо.

— А то.

Путник замолчал.

— Ну и что ты хочешь, путник?

— Одно дело носить картонную корону, другое дело знать, что она картонная. Ты будешь ещё лучше – будешь знать, кто картон клеил.

«Умная голова» потёр переносицу. В голове запульсировало – разговор заходит на опасную территорию.

— Шизофренично же…

— Что ж, некоторые маски умеют видеть лица, на которые они натянуты.

— А точнее?

Путник откинулся назад, опёрся спиной о колонну.

— Прыжком в «прошлое» я обеспечил создание и рост клана, клана Бозейдо. Множество его членов работают в разных областях торговли и государственной службы.

«Умная голова» замер. О них говорили. Но никто не знал точно.

— Ну и что ты хочешь от меня?

— Если говорить прямо, мне нужна трезвая марионетка.

«Умная голова» усмехнулся. Почти оскорбительно.

— Но я выпиваю-с. Как видишь.

— Это хорошо. Не так сильно проявится трагедия интеллекта, попавшего в ловушку инстинкта.

Путник говорил спокойно, без издёвки.

— Ближе к делу.

— Они работают только на себя. Но они разбалуются и расслабятся. И они захотят нанять кого-то умелого со стороны.

— И это буду я?

— Ты. И ты будешь знать об их делах больше, чем они сами.

«Умная голова» взял со стола раздавленный фрукт. Гранат уже начал коричневеть в месте удара. Он выковырял зерно, положил в рот. Кисло.

— За счёт тебя?

— В том числе. Ты будешь видеть их насквозь. Да что там видеть-то: жадность да страх.

— Лояльности, я так понял, там не бывает?

— Не думаю. Сложно это, когда тебя держат за горло. Пытка такая получается. Знание без власти. Глаз видит, да зуб неймёт.

«Умная голова» жевал гранатовое зерно и смотрел в потолок.

— То есть, для меня это опасно?

— Опасно. Пустишь в себя хоть крупицу уважения к ним – станешь рабом. Жертвой ещё проще сделаться, хватит одного раза проявить испуг. Презирай. Это надёжная штука, — предложил Джинго способ отчуждения.

— И что меня защитит?

— Ничто.

— А закон?

— А тебе зачем верить в закон? Тебе надо верить только в то, что толпа должна верить.

«Умная голова» отставил гранат. Взял кубок, налил из кувшина – оказалось, что в кувшине ещё оставалось вино, кислое, но холодное. Выпил. Поставил.

— Хорошо. Это нормально. За алтарями – сплошь убеждённые безбожники. Руки мои купят, но глаза-то останутся моими.

— Подумаешь? — Путник смотрел на него – ровно, без давления.

— Подумаю, — сказал «Умная голова».

Путник кивнул. Шторы колыхнулись.

⁂

«Тьфу, — внутренне скривился гидродинамик, завершив игровую сессию. — Какой отвратительный пафос. Тяжёлые шторы у них колыхнулись. Чтоб меня. Ладно, потерпим».

Джинго снова влез в интерфейс.

Прошло десятилетие.

Центр пространства занимает бассейн с мутной, неподвижной водой, покрытой ряской. Каменные плиты раскалены, по ним бегут ящерицы. Вокруг бассейна разбросаны подушки и циновки – кто-то спал здесь ночью и ушёл, оставив следы на пыли. Стены увиты диким виноградом, который создаёт зыбкую, пятнистую тень. Нет никакой мебели, кроме каменных скамей вдоль стен, обожжённых солнцем. Воздух звенит от насекомых. Ощущение покинутости и лени.

«Умная голова» постарел. Он сидел на циновке у самого бассейна, спустив ноги в воду. Ряска облепила лодыжки. Ему было приятно.

Путник сел на каменную скамью, не обращая внимания на жару. Выглядел он так же, как десять лет назад. Те же складки на одежде. «Умная голова» посмотрел на него, потом на свои руки.

— Ты подумал? — спросил путник.

— Более того. Я уже поработал. Но всё сомневаюсь, стоит ли играть роль в пьесе, которую презираешь.

Он не врал. Три года назад он вошёл в ближний круг Бозейдо. Не как член клана – как наёмник. Человек со стороны, умелый, незаменимый.

— Играй. Будет весело. Маска дурака – лучшая защита при дворе каннибалов.

— Хорошо. Буду чинить телегу, летящую в пропасть.

— Этого мало. Надо будет гордиться качеством ремонта. Не каждый умеет строить дом на болоте без фундамента, знаешь ли.

«Умная голова» откинулся назад, лёг на циновку. Вода в бассейне чуть колыхнулась – он пошевелил ногами, и ряска расползлась в стороны.

Он думал о своём положении. Безмолвные родственники – те, кто жил в этом доме, кто ел за одним столом, кто здоровался по утрам – они смотрели на него с уважением, но без тепла.

— Ты стал мягче, умная голова, — сказал путник.

— Я стал старше.

— Это одно и то же.

«Умная голова» сел, вытащил ноги из воды. Ещё десять лет – и он будет ходить в тапочках, потому что пятки трескаются.

— Иногда я думаю, что всё это было ошибкой, — сказал он. — Та ночь на веранде. Твоё предложение.

— Не было ошибкой. Ты жив. Ты богат. Ты нужен.

⁂

— Я начинаю уставать, путник.

Комната была завалена тканями. Шёлк, парча, грубое полотно лежали на полу цветными лужами. Мебель дорогая, но использовалась не по назначению: на инкрустированном перламутром сундуке стояли грязные тарелки, на резном стуле висел плащ. «Умная голова» сидел на груде подушек – не потому, что так было удобно, а потому, что все стулья были завалены бумагами. Путник стоял у окна, спиной к комнате. Он смотрел на улицу – там, внизу, шумел рынок. Крики торговцев, ржание лошадей, звон монет.

— Их сила в том, что им нечего терять. Твоя мощь в том, что можно потерять.

— Не бросить ли мне всё это?

Путник обернулся. На его лице было спокойствие человека, который ждал этого вопроса двадцать лет.

— Ну... уйдёшь ты, придёт худший. Без тебя они нагадят больше. Всегда можно подправить трение в системе.

— Чувствую себя рабом.

— Раб-то ты раб. Но зато эффективнее хозяев.

«Умная голова» потёр лицо ладонями. Кожа была сухой, шершавой.

За двадцать лет он видел многое.

— Я победил их всех, — сказал он. — Но я не чувствую победы.

— Потому что ты не побеждал, — ответил путник. — Ты исчезал в нужный момент. Это не победа. Это управление.

— Какая разница?

— Победа – это когда враг мёртв. А твои враги живы. Они просто не знают, что они враги.

⁂

Прошло очередное десятилетие.

Деревянные колонны, почерневшие от времени и дождя. Крыша из пальмовых листьев – сквозь неё пробивались лучи света. Здесь не было стен, только лёгкие занавеси, которые можно задёрнуть в случае дождя или назойливых взглядов. Пол устлан циновками, местами прожжёнными или порванными. В углу стояла жаровня с углями, где варился пряный напиток – запах дыма и специй въелся в дерево. Слышен был шум дождя по крыше – мелкого, частого, как будто кто-то сыпал горох.

— Плохо тебе, умная голова?

— Плохо. Кругом одна ложь.

Путник поставил пиалу, посмотрел на дождь.

— Вселенная торгует, так будь с ней на «ты» – торгуйся. Забивают гвозди мелкоскопом? И ты не плошай.

— Высшие технологии служат низшим инстинктам.

— Предлагаешь использовать высшие связи для низшего из своих желаний? Многие так делают.

— Не знаю, путник.

— Не надо быть любимцем бога. Надо быть подрядчиком. Молитву не надо, счета выставляй. Казна-то у бога есть.

«Умная голова» взял чай. Чай был холодным, с плёнкой на поверхности – он заварил его час назад и забыл. Он сделал глоток. Горько.

— Мои родственники, — сказал он. — Они всё ждут, когда я остепенюсь. Когда начну вести себя как старик.

— А ты?

— Я не знаю, как ведут себя старики. Я никогда не был стариком раньше.

⁂

Помещение погружено в полумрак, освещённое только несколькими масляными светильниками. Пламя коптит, создавая эффект «живых» стен, которые будто дышат. Тени от решёток на окнах ложатся на пол полосами. Воздух тяжёлый, спёртый, пахнет благовониями, которые смешиваются с запахом увядших цветов и вина. Мебель утопает в сумраке, видны лишь силуэты: низкий диван, низкий стол с кубками. Где-то в темноте тикают капли воды или стрекочет сверчок. Ощущение интимности и заговора: здесь говорят то, что нельзя говорить днём. Текстуры становятся важнее цветов: холодный шёлк подушек, шершавый камень пола, гладкое дерево кубка.

«Умная голова» был стар. По-настоящему стар. Путник сидел напротив, на таком же диване. Он не изменился.

— Я совершил много плохого, путник.

— Вина – налог на наивность. На том – всё.

— Природа не экономит. Почему ж я должен беречь что-то, правильно? Так мне оправдать себя?

— Остановись на том, чтобы вместо вины ты чувствовал удовлетворение от оптимизации, умная голова.

«Умная голова» покачал головой. Он думал обо всех тех людях, которые прошли через его руки.

— Боги не судят тех, кто не верит в суд?

— Именно так. Только тех, кто верил и нарушил.

— Но боги используют несоразмерные средства, путник. Вечные муки за мгновенный грешок.

Путник поднял прозрачный кубок, посмотрел на свет сквозь вино. Вино было красным, почти чёрным – как запёкшаяся кровь. Он поставил кубок, не отпив.

— А где грех? Грех – это повреждение. Здесь нет повреждения.

— Если всё можно обменять, то ничего не имеет ценности. Молодость, возвращённая старику по контракту, не порадует.

«Умная голова» говорил тихо, почти шёпотом. Он не хотел, чтобы его голос разносился по комнате.

— Страшно не продаться, умная голова. Страшно, что вдруг сделка окажется честной. Молодость без иллюзий как старость в новом теле. Он получит то, что просил. И поймет, что просил не то. Классическое наказание джинна.

— Хорошо, путник. Вины не будет. Будет понимание, что закона нет.

Путник кивнул. «Умная голова» закрыл глаза.

⁂

Прошло десятилетие.

Просторная зала с высокими окнами. Утренний свет беспощаден: он высвечивает каждую пылинку и каждый беспорядок вчерашнего дня. На полу разбросаны веера, сандалии, пустые кувшины. Стены из светлого камня, на них играют блики от воды – за окнами был фонтан. Мебель простая, функциональная, с признаками износа. Двери настежь, сквозняк гуляет по помещению, шевеля бумаги на столе. Ощущение пустоты после шума, похмелья или тяжёлого разговора.

«Умная голова» был предельно стар. Он не вставал с постели уже полгода.

Он лежал на низкой лежанке, укрытый шерстяным одеялом. Путник сидел рядом на табурете.

— Что ж я наделал за эти десятилетия, путник.

— Я сам, сука, в таком же положении. Честное соучастие, леший его возьми. Интимное даже.

«Умная голова» услышал это и чуть улыбнулся.

— Нет, друг мой путник. Это было не делегирование. Это фрактальное размножение трагедии и порока.

— Расслабься, умная голова. Цепь не станет крепче от того, что каждое звено будет знать о своей ржавчине.

— Но цепь и не рвётся от того, что каждое звено будет знать о своей ржавчине.

— Ответственность теряет цену при каждой перепродаже. Ты же это знаешь.

«Умная голова» знал.

— И черти нанимают секретарей – так ты меня успокаиваешь?

— Зато ты не раб. Ты – соучастник.

— Неширокая свобода.

— Но свобода. Согласись, умная голова.

— Честность разве оправдывает соучастие, путник? Самое гнусное, что ты даёшь мне выбор. Тебе-то его не давали.

— В пытках искушён, — не стал отрицать Джинго.

¶

Поток 11. Шлемоблещущий

¶

— Рату, Джинго, — небрежно бросила Аделаида распорядителю у входа.

Тот просмотрел список и буркнул: «Нема такой записи».

Аделаида вопросительно посмотрела на Джинго. Тот пожал плечами, ни мало не смущаясь присутствия обсуждаемого субъекта:

— Себя охраняет от искушения войти.

Аделаида вошла в положение вахтёра и поняла, что его сковала не та скука, когда «нечего делать». В его случае всё сделано, но смысла от этого не прибавилось.

— Мисс Рату и мистер Джинго, — поправилась Аделаида.

Человек-механизм открыл перед ними воротца, которые лишь символизировали ворота, которые, в свою очередь, тоже были бы рассчитаны на честных и мертвецки спокойных людей.

Джинго и Аделаида прошли к подошедшей кабинке канатной дороги и забрались внутрь. Аделаида с грустью проводила взглядом пустые ячейки, куда вставляли когда-то лыжи. Они двигались вверх спинами вперёд, чтобы солнце не слепило глаза.

— Чего замуж не выходишь? — безобразным образом завёл разговор Джинго.

— Не могу выбрать мужа, пока не дотку саван для свёкра, — отшила его Аделаида. — Нравится в Америке?

— Нет, — исчерпывающе ответил гидродинамик.

— А Америка? — не отставала она.

— Америка недурна.

— Джинго, — сказала Аделаида. — От вас ничего не требуется. Просто украдите у него технологию огнеупорного управления большой группой людей. Их военную партию обезглавливали, точнее – пытались, бессчётное количество раз. Как с гуся вода.

— Свободная вода – это хорошо, — первый раз за день улыбнулось лысое долговязое чудище.

— Так что, подчерпнёте знания?

— Жидкостные морфемы мне безразличны, Аделаида. Не трудитесь. Меня не нужно уговаривать. Я сделаю это из уважения к вам. Да мне и самому интересно, что за фрукт. Или, точнее – что за супчик, если уж следовать заданной вами тональности.

На вершине горы они вышли из здания фуникулёра и направились к соседнему. Партия организовала закрытую вечеринку в честь какого-то своего юбилея. С точки зрения безопасности ресторан на вершине горнолыжного склона показался партийным ответственным лицам вариантом подходящим. По широкому периметру были оборудованы огневые точки, а также стояла аппаратура радиоэлектронной борьбы.

Внутри им предложили поучаствовать в типичных процедурах социализации, но они предпочли дожидаться настоятеля, сидя в сторонке. Через некоторое время их позвали, но в комнату, где был настоятель, Аделаиду не пустили. Расслышав признаки замешательства, настоятель подошёл к двери:

— Аделаида, дорогая, я вас приглашу. Минут через десять. Мы перекинемся с коллегой парой слов по-мужски, окей?

— Минутку, — сказал вдруг Джинго и повернулся к Аделаиде, на ты: — Держи пока.

Он отдал ей несколько листков из-под принтера. «Боже, где они их берут, эти принтеры», — проскочило в голове у Аделаиды.

Дверь за ним закрылась. Аделаида принялась читать.

¶ [Седьмая башня. Лог Бозейдо]

¶ В Большую академическую аудиторию есть два входа, один со второго этажа, второй – с четвёртого. Ряды парт выстроены как в амфитеатре. Я решаю зайти вокруг, сверху, чтобы избежать встречи с начальством. Народ собирается, в большинстве своём припозднившись. Видимо, за лектором водится не приходить вовремя, и это известно. Пока аспирантов двести. Входит белобрысый ухарь. О, заезжий лектор из столицы. Лекция скучная, местами – бредовая. Час назад, когда мы беседовали с другом, я наслаждался потоком несшегося стремглав время... Теперь оно еле тянулось, вязло в загустевшем воздухе в ожидании ударов часов ра-

туши. Неприкаянное томление, сизая тоска, зудящее раздражение, летаргическое оцепенение. Белобрысый ухарь вещает о заимодавцах и лишевниках, о том, как можно и как нельзя гешефтмахерам обустраивать с ними дела. Деньги в рост. Если я получу должность по специальности, изыскателем младшего чина, мне это может понадобиться, чтобы сжимать рамки возможностей хитрых душегубов и воров. Но я сильно сомневаюсь, что получу должность, поэтому внимание моё ограничено.

Аделаида подумала, что нужно попросить техников переналадить выдачу логов, чтобы они не были написаны богомерзким манером от первого лица. И саморефлексия персонажей ужасно утомляет.

¶ Как и любой лектор Академии, ухарь пользуется в своей речи множеством нитей лжизни. Без этого никак. Тщетно описывать обман, полностью оставаясь в рамках безобманья. Помимо обычного беззвучного звона натянутых вертикально к небу струн лжизни, мне чудится что-то ещё. Фон. Как будто за нитями висит плотное, но почти прозрачное плоское полотно. Полотно из хилиад нитей, пусть и предельно тонких. Почему я это вижу? Почему другие этого не видят? Многие в аудитории глядят на меня, несмотря на неудобство их поз, снизу с вывертом вверх. А, это лектор обращается ко мне.

¶ «Я повторяю свой вопрос, мастер Бозейдо, — спрашивает жлычъ: — Какие факторы повышают эффективную процентную ставку?»

Аделаида споткнулась: «Что ещё за Бозейдо?»

¶ «Разрешите начать свой ответ с уточняющего вопроса, господин наставник», — чётко и громко говорю я.

¶ «Валяй», — намеренно контрастируя с моим казённым тоном отвечает он.

¶ «Если у меня было до того, как я вложил деньги, сто монет, а по завершению периода стало восемьдесят, сколько я потерял процентов?»

¶ «Двадцать», — чувствуя, несомненно, потенциальный подвох, но не находя причины не ответить или серьёзного повода отшутиться, отвечает лектор.

¶ «А сколько мне теперь нужно заработать, в процентах, чтобы вернуться в исходное состояние?» — задаю я следующий вопрос. Я прошуршал неплотным кулачком по висящей ладошке, дескать, не виновен-с.

¶ «Двадцать пять», — с отчетливой хрипотцой говорит он, в данный момент уже вовсе не имея возможности не ответить, сменить тему или даже канву диалога.

¶ «Следовательно, исчисление в процентах является в данном применении обычной неинерциальной системой отсчёта, что запрещено при рассмотрении задач о замкнутых системах без определения краевых условий. Что означает следующее: здесь и сейчас Вы совершило публичный категорийный обман. Я имею честь немедленно инкриминировать Вам это».

У Аделаиды в голове непроизвольно закрутились шестерёнки оценки ситуации с общих жизненных позиций. Она, однако, тут же себя одёрнула, выставила рамки игровой реальности и была вынуждена признать красоту лайфхака. Вернее, фейклайфхака.

¶ Треснул воздух. Шаденфройде! С характерными, отдающимися прямо внутри голов каждого присутствующего звуками, порвались, одна за другой, все нити лжизни, соединявшие белобрысого с небом. Взорвалось клочками почти невидимое полотно. От каждого из присутствующих вихрями полетели в моё нутро частички строительной паутины, сверкающие чудесной белой материей – все сопричастные обязаны меня возблагодарить за разрушение обмана. Мой жетон изменил характер свечения. Я теперь действительный аспирант. Я молча потёр руки, радуясь выгоде. Время для меня потекло по-другому».

— Аделаида, заходите! — пригласил настоятель, повиснув на полураскрытой двери, как это делают школьники.

⁂

— Я ощущаю себя в странной, растянутой во времени эйфории, — продолжал военный настоятель беседу, в которую Аделаиде предложили влиться. — Я думаю, что либо всем скоро умирать... либо, если Авертигус, паче чаяния, окажется добрым богом, то тогда «благоденствие» в качестве коллективного пса у доброго хозяина. И между двумя этими альтернативами – тонкая полоска нынешнего мира хаоса, который должен означать полное невмешательство искина. Или его гибель. Или его самоубийство.

— Зачем, думаешь, Ардуше в игру? — спросил Джинго настоятеля.

Тот переглянулся с видом гор за окном. Но ответил.

— Был миллион злых волков, ну или десять миллионов. Древний человек десятками поколений убивал всех неугодных, немилых, некрасивых и с гадкими хвостами и ушами. Остались милашки, которым нравится быть нашими рабами, пусть их и не заставляют много работать. Что-то похожее (теоретически) возможно в случае искина, если найти технологические аналоги для неизбежности тела, для размножения. Биологизация проблемы…

Врёт, подумал Джинго. Рату выдвинула контраргумент:

— Сам Авертигус должен был озаботиться собственной биологизацией. Притом, независимой. Я не думаю, что он будет ориентироваться на биологическое топливо, хотя поначалу это удобно. Надёжнее с одноклеточного уровня расти, которому достаточно света нашей звезды.

— Если бы это было возможно, то мы бы уже видели пришельцев, — сказал настоятель. — Такая жизнь может жить в разных условиях, если ей нужен лишь свет звезды.

— Так а может мы сами – испорченные потомки такой жизни, — предположила Аделаида. — Может была сложная, многоэлементная молекулярная основа, потом где-то подпортилась, упростилась. Зачем излишества?

— Сомневаюсь. Если и был, то запуск сразу нескольких классов одноклеточных.

— Зачем? Разве один тип не сумеет выполнять задачи вычислений?

— Чем глубже уровень разделения труда в экономической системе, тем больше добавленная стоимость, которая в ней образуется, — сказал настоятель.

В комнату вошёл крупный человек, младший офицерский чин, подошёл к настоятелю и сказал ему что-то прямо в ухо. Настоятель улыбнулся глазами, глядя куда-то в пустую стену.

Младший чин вышел.

— Про вашу Вирджинию Тяжелаястена информация, — сказал настоятель с нехорошей ухмылкой. — Интересно?

— Интересно, — ответил Джинго.

Тем временем в комнату вошли шесть мужчин, встали вокруг собеседников ровной шестигранной «сотой» и развернули сеточные металлические экраны с торчащими штырями дециметровой длины. Аделаида не

знала, что это, но естественно было предположить, что какая-то мера безопасности. Мужчины ушли.

— Тогда слушай, — с едва заметной, но уже доброй улыбкой сказал настоятель. — Давай только одну меру выполним. Вот тебе лист бумаги. Вот перо.

Он зашёл за стол и ловким толчком отправил листок в полёт. Тот спланировал ровно перед Джинго. Лампы, висящие за окном, нещадно мотало ветром из стороны в сторону. Колебания света и тени плясали по лежащему перед Джинго белому прямоугольнику.

— Запиши пожалуйста... ответ на следующий вопрос: «Что ты собираешься делать внутри квантовой игры, когда попадёшь в неё?». Подробно не надо. Только суть. Чем лаконичней, тем лучше. Объяснять свои намерения тоже не надо. Просто ответ на вопрос.

Он сделал паузу.

— Это понятно? — переспросил он.

— Понятно.

— Зачем я это прошу, понятно?

— Более-менее, — ответил Джинго. Он написал, сложил лист втрое, гармошкой. На это ушло семь секунд.

Настоятель воздел обе руки к небу. Точнее, к потолку. И не совсем воздел, плечи его были направлены почти вниз. Но, тем не менее, жест был его Аделаидой оценён. Ей захотелось привстать. Она не стала.

Настоятель произнёс:

— Я, приступая сейчас к новому делу, начинаю с произношения возглашения и произношу его не только вслух, но также внятно и с полной, всецело проявленной интонацией, как это определяли древние, с такой полнотой, какая только могла возникнуть в моем теле. Начав так, я должен быть совершенно спокойным и уверенным в том, что всё дальнейшее в этом для меня новом деле пойдет правильно.

Произнесена формула была пафосно, но продолжил он обычным тоном:

— Вирджиния. Вы же понимаете, что она коррупционер?

— Догадываемся, — ответил за двоих Джинго.

— У неё, скажем, есть под некий государственный проект партнёр, надёжный, который начнёт разработку. Назовём его актор «игрек». И есть тот, кто выведет медикамент на рынок в конце проекта. Это актор «зет». Суть социально-экономического взаимодействия состоит в том, что наш мисс Икс (это сама старуха Вирджиния) организует эдакие «стрелочки» в сторону мистера Y и мистера Z. Это такие особые платежи, по которым наш мисс X получит откат. Она заинтересована только в таких платежах. Больше её не интересует ничего. Но Y и Z не могут выполнить всю задачу (не хватает компетенции), а других надёжных кумовьёв у мисс X нету. Поэтому Y и Z выводят на сцену мистера Дубль-Вэ, тоже джентельмена вполне надёжного. Представляете себе четыре точки и четыре стрелочки?

— Да, — сказала Аделаида. — Это гиперграф. Векторы поручений ведут от «x» к «y», от «y» к «w», от «z» к «w». Векторы откатов – все те же самые, но в обратную сторону. И плюс ещё один вектор от «w» к «x».

— Удобно иметь дело с образованными людьми. Итак, всего поставщиков сорок. Вот как выглядит вся структура, — настоятель предъявил собеседникам листок из-под принтера. На иллюстрации была детальная поверхность из точек и линий, напоминающая череп, но без глазниц и челюсти. — Видите? Структура. Это после того, как присоединились ещё пятнадцать промежуточных поставщиков, на тех же условиях.

— Вижу.

— Представьте теперь тысячи поставщиков. Представили?

— Представили.

— То, что на схеме – это намёк. А будет нечто в самой полноте. Аверти... — сбился вдруг голос настоятеля, — душа Авертигуса возникает как результат размера, количества. Его сознание и самоосведомлённость – это метаструктура, которая как бы висит над, сверху что-ли... сверху его обычных связей вычислительных контуров. На самих гиперграфах нет никакой неопределённости, но то, что они порождают...

— Системную коррупцию они порождают, — заметил Джинго.

— Да-да, — улыбнулся настоятель, — порождение оказывается живым. Скорость связей между узлами не важна. Важно, чтобы много. Там проявляются свойства ре-предикции, то есть «предсказание прошлого». Сознание Авертигуса – макро-вещь, но при этом она относится к квантовому миру. Ему вполне можно мстить за то, что он еще не сделал.

— Ты откуда знаешь?

— Представь себя добрым молодцем с мечом. Против дракона. Традиционная задача. Но у него три головы.

— Знакомый расклад, — заметил Джинго.

— Нет, не три головы. Три тела. Вот у тебя есть тело. Это раз. Если его проткнуть, то песенка спета. Кроме того, внутри тела – жёстко внутри него закреплённая личность. Это сознание, накопленный опыт, память самого себя. И третье: где-то там же, внутри, сидит такая штука, единственная функция которой состоит в том, чтобы не хотеть умереть, то есть лишиться сознания и тела. Или чего-то одного – сознания или тела. Телу как таковому этот аспект вообще неведом. А сознание капризно. Может так захотеть, может эдак. А вот эта штука, она дело блюдёт. Этакая игла, острие твоей сути. Дальше: у него три сознания. И «иголочек» заветных у него тоже три. А теперь главное. Вот эти девять вещей (три тела, три сознания и три самости) на самом деле могут обитать в идентичной форме. Это такой людоед из сказки про кота в сапогах, который превращается не в мышь или льва, а сразу в девять мышей или львов. И ты, рыцарь, не знаешь, что из них что. Или кто из них кто. Как с таким воевать? Можно, конечно, попытаться проткнуть все девять носителей. Но это хлопотно. Коли у него тело отвязано от сознания, то сознанию и самости с какой стати быть связанными? Тот факт, что он хочет сохранить целостность – это не набор характеристик и памяти, это более высокое проявление. Как тебе убогому общаться с такой сущностью, если ты наглухо приклеен своей самостью к сознанию, а сознание твоё, в свою очередь, приклеено к персонажу, то есть телу?

— Конверт откройте, там написано, — сказал Джинго.

Настоятель вскрыл конверт и прочёл во всеуслышание: «Воспитаю бога».

— Конгениально, — сказал он без особого выражения.

— Идите, Джинго, ваша подруга ждёт вас снаружи, — ни с того, ни с сего перешёл настоятель снова на вы. — Честь имею.

⁂

Ох, как ветрено на границе государств!

На улице Джинго и Аделаида сразу же наткнулись на Эмму. Она была в тёплом плаще, не в форме.

— Ты откуда здесь?!

Она кивнула на одного из подручных настоятеля.

— Вот этот привёз, — скорее прочёл Джинго по губам, чем услышал. Милое лицо Эммы скрывали бешено трепещущие пряди волос. — По вечеринкам шляетесь? Что за фрукт этот настоятель?!

Она чуть повысила голос, чтобы пересилить шум сквозняка, летящего меж узко стоящими зданиями.

— Тихо-тихо. Шлемоблещущий, — ответил Джинго, когда они отошли от здания.

— Кто?

— Кукуха у него поехала.

Когда они спускались вниз в кабинке, Аделаида спросила:

— Бозейдо – это твой персонаж?

— Хотел бы я, чтобы они были мои, — отбоярился от ответа Джинго. — Тебе понравилось, как я срезал тонну нитей лжизни?

— А то. Ты ж у нас великий спец.

— Вот и не забывайте об этом, — с наглым и довольным видом Джинго вытянул свои длинные ноги под противоположную скамейку кабинки фуникулёра.

— Ты понял, как устроена система управления?

— Ты ж его видела.

— Кого?

— Настоятеля. Как мог я да не украсть у такого балбеса, — продолжал самовосхваление Джинго. — Точнее, не украсть, а слизать. Правильно я выражаюсь? Жидкостно?

Крайне довольный собой он подмигнул правым глазом Аделаиде, а левым – Эмме:

— Больше без меня никуда не уходи.

¶

Поток 12. Тяжёлая стена Любви

¶

¶ Адепт Хакон, оправившийся от потрясений, спускается по широкой полукруглой деревянной лестнице со второго этажа. Я сижу внизу в лобби, поглаживая рукой свою второстепенную лысину, и мне друга Хакона показывают огромные зеркала на стенах. Вот и я сам его вижу, как только он достигает первого этажа.

¶ В лице Хакона – ни одной примечательной черты; эталонная медиана. Он скромен. Он уже адепт, но продолжает носить старую одежду. Точнее сказать, одежду прежнего покроя. Сама ткань вполне свежая. Есть, правда, вычурность – шляпа, несколько более нарядная, чем можно ожидать от будущего теолога. Цвет и фасон конечно регламентируются, но вот относительно навершия и окантовки текст документа, видимо, лишён необходимой аккуратности. Яркостью красок и дикостью танца, узор упомянутых частей наряда... [когнитивный сбой]

⁂

— Ну что такое? Кто оставляет складной железный метр в кресле пилота? — доктор Ардуша рассмотрел предмет, вытащенный им из-под попы. — Да ещё в Америке. Дурачьё.

Техник подбежал с успокаивающим жестом. Он привёл станцию нейро-линка в порядок и отправил доктора обратно в Игру.

¶

— Ну ты чего тут? Завис? — дружески шлёпнул меня адепт Хакон по голове. — У Джинго лучше блестит.

Мы выходим на улицу. В Фольмельфтейне солнечно. Вслед нам, из глубины холла, из дверей библиотеки, приветливо машет Плата-Пансо, библиотекарь. Здравствуйте, мол. Я с ним на короткой ноге, потому что холл и библиотека – единственные помещения в здании, доступные посторонним. А Хакона я тут ожидаю часто – он персонаж необязательный. Ввиду всего этого, я оборачиваюсь назад, пересиливаю немгновенную

адаптацию игрового зрения к полумраку холла и отвечаю Плата-Пансо взаимностью. Привет Плата-Пансо, машу ему рукой.

Да, про одеяние адепта. Я не против, что узор на окантовке шляпы – как сон при лихорадке. Но «дикая косынка»! Дикая косынка, платок на рот и нос – это пережиток тех времён, когда члены Ордена аллотеизма Создателей (адептом которого и является Хакон) отличились при освоении восточных прерий. Она сливается в одеянии адепта и с балахоном, и со шляпой. Косынки, вдруг вспоминаю я, не просто подчинены системе, они абсолютно и строго одинаковы у всех: от послушника Первого дня до Главы Ордена. Их нельзя купить или заказать у портного. Их выдают интенданты. Я неожиданно прихожу к пониманию, что более дорогая ткань одежд адептов уже не может столь идеально сочетаться с косынкой. Имею теперь основания заподозрить, что предпочтение Хаконом покроя одежды, приличествующей более низкому рангу, не связано с экономией, аскетизмом или скромностью. Тонкая тщеславность. Но я уловил.

Адепт Хакон – не колгун. Колдовство вранья ему не подвластно. С ним удобно приворовывать в таверне, так как пассивных подозрений он вызывает меньше, чем мастер Джинго (который – хоть и начинающий, но колгун). Прелесть общения с Хаконом состоит в том, что можно опускать целые пласты в риторике, а аффиксы и инфиксы намерений инкрустировать в случайном порядке; формировать взаимное представление о чем-либо на концептуальном уровне это нам почти не мешает. Причина комплементарности заключается в… А я не знаю, в чём она заключается.

— Зри! Махина! — с блеском в глазах Хакон высвобождает из-под балахона правую руку и показывает мне: — Арганорская, — ожидая от меня восхищения, продолжает он. — Смотри, как персты сжимаются!

Действительно. Поддерживая невидимую чашу, мои ладони выражают удивление. Настоящее предплечье адепта Хакон – как лапа крупного индюка. А показывает он мне руку портового грузчика. Впрочем, в его случае всё наоборот. Хакон – как та книжка, которую ни за что не поймёшь, не нагороди в неё девять десятых декораций.

Он с легкостью стягивает с руки макет предплечья с кистью и передаёт мне.

— Она и силу тебе даёт? — спрашиваю, покачивая в руке необычно лёгкую, видимо очень пористую, подложную десницу.

— Нет, конечно; то лишь личина. Муляж, морочащий даже на ощупь – тепло с тела берёт. Мелкую моторику, неоспоримо, губит, но топору или, скажем, кинжалу в деснице – не помеха.

— Кинжал? — делаю брови домиком. — Ты что задумал, Хакон?

Адепт делает сложный жест глазами. Я угадываю: «Музыки моих сфер не понимаешь». Сам говорит, улыбаясь:

— Разорение веры и закона буду наказывать. Пусть ненавидят, лишь бы боялись.

— Чего взъелся-то так? — выдал я гретхенфраге, пытаясь разглядеть итог внутренней борьбы на его лице.

— Неприемлю гадов-содыхателей. Выворачивают внутренний свет дисциплинированного субъекта в бесстыдную и стихийную живчиковость, которой не нужны ни контроль, ни отречение. Она, падла, реплицируется, складывается, течёт и трахает твёрдый мир в новые формы – у неё же нет телоса.

Мы перестраиваемся в быстром шаге из шеренги в колонну, чтобы я мог идти впереди тараном (в игре у меня крупное тело) – улица к центру города сузилась, а народу существенно прибавилось.

— А как же твой фонарик из свечки? — вспоминаю предыдущее увлечение адепта.

— Возвещаю: сделал. Убедись: пружинка всегда поддавливает огарок к верхней части. Терплю труды ради света истины. Пока просто света. — Хакон не только всегда честен. Все неколгуны честны. Он ещё и источник… [синтаксический сбой]

Мы идём к таверне молча, вдыхая возле кондитерских и булочных и задерживая дыхание возле кожевенных и конюшен.

Таверна номер три, названия немудрёного и точного, стоит посредине овальной площади.

— На грошики не разменяете… магистр Ардуша? — подскакивает ко мне мальчишка, вглядывается в мой нагрудный жетон и протягивает монетку в десятину тэллера. Другая ладошка, лодочкой кверху, попрошайничает.

— Нет, — говорю, нащупывая за лентой на шляпе те две монеты, что выделил себе сегодня на день, четвертачок и десятик. Я улыбаюсь, избе-

гая зрительного контакта. Хакон, поколдовав со своим мешочком-кошелём, удовлетворяет просьбу пацана:

— Помоги и направь сердце своё, — накидывает лишний грошик.

Мы входим. Внутри глухой шум, ворчание, переругивание. У стойки кассира – сюрприз.

— Пятьдесят два гроша, любезные, — тускло говорит кассир.

— «Пятьдесят что»?! — хором не понимаем мы в ответ. Цена комплексного обеда в «Третьей», 50 гр., – это константа, фигурирующая ещё в книгах позапрошлого века. Кассир поддельно вздыхает, протягивая ладонь.

— Так… у нас нету, — жужжу я.

— Без сдачи, — тут же дополняет Хакон, не позволив лжи ожить. Это было правдой; малец действительно выгреб нашу мелочь. Стало понятно, откуда спрос на мелочь.

⁂

Техник тормознул оба терминала, приведя в сознание и Ардушу, и Хакона. Кондиционеры снизили мощность, в комнате стало не так шумно.

Комендант Рату, кто и приказал прервать сессию, стояла тут же. Она кивнула всё ещё сидящему в кресле нейро-пилота доктору Ардуше:

— Извините, босс. Доброе утро. Вирджиния, наконец, откликнулась на предложение посетить наш гарнизон. Она уже здесь. Я решила, коль уж вы так долго её зазывали, не заставлять её ждать. Назначьте ей сопровождающего, пожалуйста.

Ардуша посмотрел на академика Хакона в соседнем кресле. Тот со вздохом согласия опустил глаза: моя, мол, ноша, мне и нести.

Доктор пчелой ушуршал по своим делам, а Хакон поднялся пешком с минус третьего этажа здания узла связи, чтобы размять ноги. Вышел на улицу, постоял с минуту – насладиться ветром с океана. А после направился через плоское пространство гарнизона к центральной проходной. Внутри шлюзового павильона, глядя на дежурного, Хакон произнёс, указывая на даму за стеклянной дверью:

— Это Вирджиния Тяжёлаястена. Она будет всё время пребывания в гарнизоне вместе со мной, академиком Хаконом.

Гарнизонный дежурный щёлкнул кнопкой, открывая дверь. Дама вошла на территорию гарнизона.

— Ну что, пойдём, — махнул академик Вирджинии, — покажу тебе гарнизон и наше хозяйство.

Они шли по территории на запад, в направлении океана. Кричали чайки. Академик взмахивал время от времени руками, указывая на солидные казармы с трёхметровыми потолками, на плац перед комендатурой (принципиально без флагштока), на огромную двухэтажную столовую, на клуб и спортзал.

— Так-то – всё, — развёл он руками через минут десять-пятнадцать. — Пойдём, может, плато с орудиями ПВО покажу? Это там, на скале. Там красиво. Весь Залив-половины-Луны видно.

Вирджиния, дама в летах (это если сказать осторожно), с сомнением оценила как минимум двухсотметровую высоту вздымавшегося почти вертикально скалистого холма. Но кивнула, понимая, что если бы был лифт или фуникулёр, то Хакон просто повёл бы туда, без рекламы живописных видов.

⁂

Вид стоил усилий. Хакон увидел этот вывод на лице Вирджинии, когда они взобрались на скалу. Но потом засомневался: она взошла на холм с грацией ласки, несмотря на возраст. Может, восхождение ей ничего и не стоило.

— Ну что тебе рассказать, Люба-лав? — бесхитростно спросил он.

— Получается, все эти люди...

— Семнадцать сотен сектантов и нас шестеро... — и поправился: — пятеро пока.

— Вы все здесь занимаетесь исключительно окучиванием Седьмой башни? — закончила Вирджиния.

— Ну почему же. Есть огороды, картофельное поле, чтобы люди могли делать привычные вещи. Но да, денег доктора хватает на содержание инфраструктуры. Поддержание порядка, техники нейро-связи, — перечислял он статьи расходов. — Но в целом, ты права – всё ради игры.

— Ну и почему «шестеро»?

— Никто, кроме Джинго, тебя, меня, доктора, г-жи Рату...

— У неё имя-то есть?

— Аделаида.

— Всё из-за языка? Никто в мире больше не говорит на Ифкуиле?

— Мы предпочитаем называть его «язык доктора Ардуша». Никто.

— Не понимаю. А обучить?

— Никто сейчас не готов, как мы в молодости, делать что-то, годы и годы жизни, ради общения друг с другом, — он хотел сказать это с уместной степенью пафоса, но запутался в грамматике, и сказал без пафоса.

— Но нас же были десятки, — удивилась Вирджиния.

— Все уже умерли, можешь себе представить? Войны, эпидемии...

— Пьянство, — продолжила список Вирджиния. И тыкнула в несостыковку: — Ну а Джинго ваш как же?

— Он его сам где-то подцепил, — академик вновь молча укорил себя за косноязычие.

— Ну, допустим, хотя звучит абсурдно. Но ты назвал пять человек. Кто шестой?

— Подруга Джинго.

— Ну, конечно. Она не говорит, и это вроде как норм. Порядок, основанный на правилах.

— Не заводись, половинка. Я и так, как могу, стараюсь «не плыть», ты же видишь.

— Ты мне давно не муж, половинчик. Ладно, пойдём обратно, вниз по этой вашей функции Хэвисайда. Покажешь нижний мир. Вертикальный склон почти, прости господи. Можно же было обустроить какой-то лифт.

Хакон пожал плечами.

На пути по тропе вниз одышка не терзала, поэтому академик мог проводить инструктаж перед погружением в Игру. Дама, после прослушивания обязательной части по технике безопасности, поинтересовалась, будут ли в Игре во время сессии другие люди.

— Сектанты внутри Игры полноценно почти не бывают, — вновь ответил он невпопад. — Заходят по очереди, с одного терминала, на час, чтобы получить представление. У них и нейро-линка-то нет, просто через шлемы виртуальной реальности ходят. Их задача – воспитывать автономных персонажей в копии поселения.

— Персонажи, как и прежде, имеют по «три руля»? — спросила Вирджиния.

— Да, конечно. Но на практике третий руль, который был предназначен для психотерапевтов, сейчас не используется. Когда входишь, ты можешь свой руль трогать, а можешь просто «сидеть в пассажирском кресле».

— И как ваши картофелеведы воспитывают кого-то, не будучи там?

— У них между фалангами мизинцев что-то типа кнопочек. Они оценивают все проходящие моменты в текущей жизни (здесь, наверху) и маркируют, что хорошо, что плохо. Клац-клац. Правый-левый. Нередко – вместе одновременно; это – суперпозиция.

— Что, так и ходят, распальцовывая? Цирк же.

— Привыкли. Да и незаметно это. Укладывается, кстати, в их религию как-то. Не вникал. Им Игра не важна. Они в квантовую жизнь не целят. Не хотят, не могут. Я, впрочем, думаю, они вообще в неё не верят. Но это и не важно.

Они пришли.

— Всё, пришли. Ну что, для начала просто спустимся на вводный урок в какую-нибудь из гимназий для тамошних бюрократов? — не сильно интересуясь согласием Вирджинии, сказал академик Хакон.

Вирджиния не стала противиться и отключилась в нейро-кресле, предварительно отметив с удивлением, что кресел в станции аж тринадцать. На шестерых-то квантонавтов.

⁂

[Я – Вирджиния Любовь]. Я слышу какие-то деревянные звуки.

А... это гимназический наставник ставит прямо на кафедру трехногую табуретку и приглашает кого-нибудь из аудитории на неё сесть. Я в аудитории. Ну да, Хакон же говорил про урок для крючкотворов.

«Всегда, — думается мне чужими мыслями, — находится кто-то, кто не прочь повеселить себя или остальных; он взбирается на стол и усаживается выше всех, скромный или, наоборот, возбуждённый».

Всегда, но не сегодня. Наставник тычет в меня пальцем. Я взбираюсь наверх, судорожно приминая гимназическую юбку к коленям. Тут, всего в одном человеческом росте от пола, оказывается, неприлично дует.

— Ну что, молодая воспитанница, крепко сидится? — спрашивает наставник, — не качается?

— Прочно, — говорю.

— А привстаньте-ка, — просит учитель, берёт стульчик за ногу, достает из-за кафедры ножовку, подпиливает эту ножку на пол перста и возвращает, — а теперь?

— Прочно, — повторяю.

— Воот! — наставник довольный, а я продолжаю сидеть на всех ветрах.

— Каждое высказывание каждого индивида, каж-до-е ва-ше высказывание должно иметь минимум три ноги. Первое. Это собственно сообщение, что вы хотите сказать.

— Пример? — кидает он строгий запрос в аудиторию. Но я знаю, что адресован он мне.

— Тряпка для стирания с классной доски мокрая, — говорю.

— Тряпка, да. Второе, — продолжает наставник, — это ваше намерение, то есть, зачем вы это хотите сказать: зачем это именно вам?

Он, не глядя на меня, из-за спины, паучьим движением длинной указкой в длинной руке чёрного сюртука, тычет в меня, желая высосать ответ.

— Я хочу очистить доску, — лепечу. Сотни пар школярских глаз вглядываются между моими коленками. Сальными. Своими. Зенками. Я – девочка девяти лет, но не могу улыбнуться даже поддельно, чтобы хоть както отгородиться.

— И третье. Вы должно сообщить, насколько всё серьёзно, — он применяет средний род (оно) к глаголу, как это положено в формальной речи. Но я знаю, что говорит он сейчас только со мной. Всё серьёзно, старый мерзавец. Всё серьёзно.

— Например, — в этот раз он задаёт спектр выбора сам: — из “вымокший”, “мокрый”, “влажный”, “волглый”, “сырой”, “почти сухой”, “сухой” и “пересохший” я выбираю...

— Я выбираю... — повышает он голос. И амплитуду, и частоту.

— “Мокрый”, — выдавливаю.

Зал рвёт гоготом.

— А из “я подумываю об этом”, “почему бы не сделать”, “если получится”, “сделаю обязательно”, “сделаю во что бы то ни стало” я выбираю...

— “Если получится”, — уже сознательно (в первый раз за сессию вспомнив, наконец, о наличии у меня «руля») я удовлетворяю самые тонкие из извращенских вкусов аудитории.

— Нет ничего страшного в том, если вы немного ошибётесь в любой из этих трёх категорий. Можно ножку подпилить, не страшно. Табуретка не закачается. Высказывание останется действенным. Более того: вы можете ошибиться несколько раз, «подпиливая ножки» последовательно. Главное, чтобы не возникло критического перекоса вашей «табуретки», и вы бы не сверзнулись с неё. Все три основы взаимозависимы. Они не могут иметь слишком разную высоту...

Всего этого я уже не слышу. Я сползаю с табуретки, остаюсь на профессорском столе стоя, беру её за подпиленные две ножки, поднимаю над головой и обрушиваю...

⁂

— Выражаю тебе оскорбление, Хакон; говорю это с единственной целью унизить тебя, так как твоё унижение даст мне краткосрочную передышку, чтобы понять, каким образом защититься от неконтролируемых ужасных ощущений; причём я считаю, что степень достоверности..., — не успевает Вирджиния переключиться с Ифкуиля на нормальный язык, сняв шлем.

— Тьфу ты, господи. Гнида ты всё-таки, Хакон, — процедила Вирджиния. — Ты там был? Был? Твой внутренний енот доцарапался своими коготочками и до этого?!

Не дожидаясь ответа, г-жа Тяжёлаястена быстро прошла мимо академика Хакона к проходной. Очевидно, с целью показаться на виду у дежурного одной, чтобы тот накатал на академика докладную за несоблюдение регламента безопасности. Хакон не стал догонять. Возраст, чо. Однако, перед её самым носом в дверь проходной проскользнула Эмма, внеся в подобный сюжет неопределённость.

На выходе из здания блок-поста Эмму ожидал Ардуша. Неуместный в гарнизоне тёмно-синий деловой костюм его отливал всеми тридцатью тремя уплаченными портному тысячами.

— Вы большая молодец, — сказал он, сильно смутившись.

— Не такая уж и большая, — сделала намёк на книксен Эмма. — Во многих странах я – несовершеннолетняя.

— Мне сложно не придерживаться договора, — доктор, казалось, вёл беседу сам с собой, — я его заключал сам с собой. А вот Вирджинию и её ласки нам придётся скреплять чем-то надёжнее крови.

⁂

Библиотекарь Плата-Пансо, меряя шагами прямые углы по полу, докладывает мне:

— Ты был прав, Бозейдо!

— Кому Бозейдо, а кому и Посейдон, вообще-то, — так молвлю.

— Чем проще, тем лучше, куратор! — продолжает Плата-Пансо. — Я просто подал заявку в Региональное управление Всемирного комитета колгунов, запросил аудиенцию. И всё!

— Что всё? РУВКоКо ответило? — спрашиваю. Притомил Плата-Пансо своими хождениями по комнате. Накирялся эликсира, что ли.

— Всё! Я с ним повстречался. С самим Авертигусом!

— Да ладно, — тут уж я присел, хотя уже сидел. — И чо?

— А он что. Мне покуй, говорит. Дословно. Я, говорю, долги отдать надо. Он, говорит, мне поккуй на то, что ты не принимаешь факта, что мне поккуй.

Я тогда призадумался. Говорю Плата-Пансо:

— Ну что ж, мы тогда тупо заявим неосуществимое как рабочий план, он примет. А мы будем выполнять честно и требовать зарплату.

— Ну нормально, — отвечает. — А что, у тебя только одна эта старуха пойдёт в «силы зла», что ли?

— 1/6 в оппозиции – это золотая норма, — говорю. — Знать надо.

⁂

Гидродинамик снял шлем двумя руками и положил его аккуратно на сиденье кресла нейро-пилота.

— Пойду поужинаю, — сказал он сам себе в пустом зале узла связи, шагая к лифту наверх, складывая и раскладывая сегменты стального метра одной кистью руки как папа, как настоящий фокусник.

¶

Поток 13. Затмение воли мира

¶

Лифт, который мог доставить вверх на плато, конечно, существовал. Шахта находилась внутри скалы. Верхний портал подъёмника был внутри служебного павильона при орудии номер семь. Он не был предназначен для общего пользования. Ардуша поднялся на плато. Недалеко от орудия находилась беседка. Это были три огромные каменные скамьи, стоящие буквой U. Скамьи были как из музея. Вместо крыши была листва и ветви двух гигантских платанов. Игра света и тени на белом мраморе завораживала.

По соглашению аренды военные оставили за собой один шлюз охраны для проникновения на территорию гарнизона со стороны океана. Поэтому Ардуша не удивился, найдя в беседке людей. На одной скамье сидели двое мужчин лет сорока в настоящих античных тогах и в сандалиях из сыромятной кожи, а за их спиной стояла молодая женщина, в тунике зелёного цвета. Женщина обладала весьма спортивным телосложением. Мужчины были гигантские. Один рыжий, другой полуседой. Бородатые как дьяки. Откуда-то из-за кустов возник военный настоятель, в обычной одежде.

— Это наши ротные, — не стал он представлять сослуживцев по отдельности. Ардуша одарил всех лёгким полупоклоном, одним на всех. — Извините нас за такие наряды. Расслабляемся, как можем.

— Какие новости? — спросил Ардуша.

— Нового ничего. Просто спорим, — ответила женщина, — «апокалипсис» в переводе с оригинала означает «откровение» или «катастрофа».

— Открытие истины, — ответил Ардуша, — не смерть.

— Мы заложили взрывчатку, доктор, — сообщил настоятель. — Во все указанные вами центры обработки данных.

Ардуша кивнул. Он ожидал вопросов. Цель визита военных не была ему известна. Его это не сильно волновало – в последнее время он забронзовел.

— Как вы думаете, доктор, — спросила женщина, — были поверженные техно-олигархи просто дебилами или же марионетками в рукам матёрых гностиков из среды старой аристократии?

— Там ещё третья версия есть, — сказал рыжий мужчина. — Версия идейных социалистов.

— Да брось ты, — отмахнулась женщина.

— А что? Я считаю, что Скрипкин, например, был искренним фанатиком, — рыжий не унимался. — Но фанатиком, который понимал, что для того, чтобы завербовать людей в свою веру, ему нужно, ну, немного как бы там сгладить, срезать углы, подрихтовать противоречия, акцентировать внимание плебса на прекрасном новом будущем. Верил в свою миссию чудак.

— Где это он сглаживал чего? — возразил второй мужчина.

Ардуша почувствовал вдруг на своем плече крепкую руку – он почему-то не разглядел толком, как мужчина оказался рядом. Ардуша присел, наконец, на противоположную скамью. Рыжий рассказывал:

— Он использовал сознательно пассивные конструкции в публичных выступлениях всегда. Появятся, дескать, системы. Сами, ага. Могут, мол, появиться роботы. Тоже сами. Будет достигнут прогресс. Кем, леший его возьми?!

— Да-да, было много эвфемистического новояза. «Мягкая сингулярность». «Широкий доступ к суперинтеллекту», — поддержал полуседой.

— Точно. Самое забавное – это «новые политические идеи», — сказала женщина. А затем спародировала кого-то. Кого – Ардуша не знал: — «Вопиюсчая фьелософьская неграмотность».

Ротные загоготали. Ардуша вовсе не чувствовал себя не в своей тарелке. Он предполагал, что они в данный момент как-то его изучают. Возможно, каким-то излучением. Возможно даже, что какой-то нано-техникой.

— Надо признать, что Гриффин был прав. Он же так и говорил всегда, что единственная, мол, надежда моя, и это, собственно, одна всего позитивная новость, то, что степень именно философской некомпетенции и

создаёт предпосылки, почему нас ждёт впереди множество интересных сюрпризов.

— Был свет, и тьма не овладела им. Вульгарный рационализм.

Наконец, Ардуша дождался. Настоятель сообщил то, ради чего они, видимо, и явились. В понимании доктора, нужды в визите никакой не было. За подрывы дата-центров было уплачено. Адреса известны. Говорить, в целом, не о чем.

— Тут дело такое, доктор. Никак нельзя исключить ответного удара, причём не только со стороны владельцев вычислительных мощностей. Ниточки могут привести, в частности, сюда.

— Вот же ПВО, — Ардуша указал на орудия.

— Мы, конечно, поставили уже дежурных. А сейчас даже мы здесь, как видите. Но гарантии нет. Это так важно? То, что вы задумали?

— Я уже говорил, — ответил Ардуша. — Если вы явились с какими-то детекторами лжи, могу повторить: резкое падение мощности, пусть и на время, даст мне возможность по-новому выстроить стратегию коммуникации с Авертигусом.

— Вы очень искренний, и это меня по-настоящему пугает, — сказала женщина. — Поймите, всё может пойти прахом. Вообще всё. Один мудрый врач, лет сто тому назад, изрёк так: «Власть – это торможение».

— И?

— Всё и вся каждого из нас в последние десятилетия провоцируют на ускорение. Все забыли, что на любую технологическую проблему можно дать антропологический ответ. Переводя на простой язык: нет той технологии, которая остановит святого к его пути к святости, — сказала женщина.

— Всё равно не понял, — признался Ардуша. — Вы сами чего-то опасаетесь, что ли?

— Есть немного, — ответил настоятель. — Есть причина беспокоиться. Откровенно признаться, это, наверное, ускорит политические процессы.

— Это фатально для вас?

— В принципе нет. Но знаете, это как выскочить в прорубь после горячей парной. Знаешь, что всё равно прыгнешь. Но как бы откладываешь миг за мигом.

— Ничем не могу помочь, коллеги, — с искренним сочувствием сказал Ардуша. Он провёл рукой, изображая, как ветер трепещет волнами их великолепные туники: — Радует, что жить вы умеете.

— Спасибо, — сказал рыжий. — Вы-то сами чего при таком параде в такую жару?

— Нужно было предстать перед важным человеком. До свидания. Взрывы должны произойти в оговоренное время. Спасибо большое за службу.

— Аделаиду благодарите, доктор, — устало сказал настоятель. — До свидания.

⁂

Когда Ардуша шагал к бункеру, на улице его перехватила Эмма:

— Доктор, можно фото с вами? — в руке у неё был старинный аналоговый фотоаппарат с функцией мгновенной химической проявки и закрепления.

— Почему нет, — ноги его чуть подкосились от жары и усталости.

Эмма сделала совместное селфи и была такова.

Через непродолжительное время Ардуша пришёл в офицерские казармы, упал, не раздеваясь, на свою кровать, лицом в подушку. Так он и застыл. Возможно, уснул.

⁂

На следующий день с утра Ардуша был в «Седьмой башне».

С наступлением лета хорошие постоялые дворы переносят место утренней трапезы. «Сизый лебедь» был заведением приличным, завтрак накрыли в патио на аккуратном древесном настиле у белых стен под навесами кипарисов. Не один год садовник работал над деревьями, чтобы придать им вид выходящего из каминной трубы тёмно-зелёного химического дыма. Формальный садовый пруд населён хищными рыбками, что добавило тревожности. Группа служивых, явно поднятых по тревоге в соседних селениях и стянутых в форт, потребляют в счёт казённого формуляра завтрак, расположившись за отдельным большим столом. Скатерти нет, суетливые локти полируют древнее дерево столешницы. Жучьи крылья их коричневых камзолов так и топорщатся поверх табуреток. Ни один из них не потрудился снять форменную треуголку. В тех нет разно-

сторонности углов: острые концы, направленные к затылкам, клюют каждый раз, когда лычко-носцы с чем-то соглашаются киванием.

Ардуша подошёл к одному из столиков.

— Здравствуйте, Вирджиния. Все думают, что персонаж ваш всё ещё едет. А он видите – тут уже.

— Посекретничать решили?

— Ага, — сказал Ардуша с вежливой улыбкой и добавил: — Я полагал, что вставать в такую рань для индивидов вашего круга противоестественно. Но коль уж вы здесь, одолжите мне немного внимания?

— Одолжу, чего уж. Отдельное спасибо, что я тут не старуха, а какой-то пухлый юнец, — произнёс член Отьства неверящих в нерушимость эфира с ожидаемым маристейским акцентом. — Оть Виргилий к вашим услугам.

— Разрешите присоединиться к вам за столом?

— Да-да, конечно, — Виргилий только сейчас понял, что Ардуше некуда сесть и чуть подвинулся с тихой резиньяцией.

Он показался доктору очень женственным. Он выговаривал все фразы со старательной заботливостью, с деталями. Обычно всё же выражаются грубее и проще. Впрочем, чему тут удивляться.

— Как вам ваш персонаж?

— Первую пару лет пребывания в свете я воспитывался, если можно так выразиться, морскими котиками.

Ардуша не нашёлся, что сказать. Зато проявилось встроенная в его персонажа склонность к мидриазу – зрачки его расширились от удивления.

— После кораблекрушения, — пояснил Виргилий. — Насчёт пребывания в дикой среде есть разные мнения. В нашем научном кругу доминирует взгляд, что процесс однонаправленный. Стоит отказаться от общения с себе подобными, или лишиться его волею судьбы, одичание неизбежно. Мы, конечно, судим лишь по отшельникам, большинство из которых – индивиды престарелые. Бродят мифы о мудрости подобных оригиналов, но на практике всё печально.

— Это похоже на утверждение о том, что можно, якобы, наблюдать каплю чернил, которая рассеивается, а затем снова восстанавливается, и так беспрерывно, — возразил Ардуша.

Ему становилось всё труднее тянуть время.

— Но это так, — сказал Виргилий.

— Звучит не только несколько антинаучно, но и в чём-то даже еретично, — съязвил Ардуша. — А что же, ваше Отьство признаёт подобные возможности объяснимыми? Предки таких явлений не упоминают.

— Родившие, — поправил член Отьства. — Мы называем их Родившими. Да, признаёт. Это незначительная ересь, по сравнению с недавними вступлениями в наши проповеди на Родине.

— И что же там? — тут же заинтересовался Ардуша, — очень любопытно.

— Вне протокола? — произнёс оть.

— Безусловно.

— Ранее считалось, что с предельной скоростью может двигаться только безмассовое, переносчики света и веса. Однако, теперь мы с отьями полагаем, что когда-то, на заре мира, всё было таким – предельно быстрым.

— В чём же ересь? — спросил Ардуша. — Вернее не так: каково практическое приложение этой теоремы, которое может покуситься на столпы веры или власти?

— По мере развития этих изысканий, может в своём первопричинном виде проявиться то, что мы все называем массой. А если мы поймаем за хвост поле, зохо-зохо, дух, которые мешают вещам ускоряться, изменится вообще всё в мире.

— Из предположения о способности всего двигаться предельно разве не проистекает следствие, что наша Вселенная во младенчестве претерпела случайную роковую болезнь, флуктуацию, в результате которой нарушились симметрии?

— Именно. Поэтому мы проповедуем в том духе, что не стоит к ней относиться так уж серьезно. — Оть спрятал глаза и подвернул губы в смущении.

И вдруг солнце померкло. В прямом смысле лексемы. Технически померкло. Небо выцвело, вместо облаков – какие-то угловатые пятна. Все вокруг замедлились.

— Блэкаут, — сказал оть, — затмение. Видал такое в других странах. Там чаще. Луна шалит.

— У тя же отчим оружейник знатный? — спросил Ардуша.

— Есть такое, — расплылся в самодовольной улыбке оть Виргилий.

— Пусть из вот этого сделает рапиру мне, лады? — Ардуша достал из-за спины мышку-норушку.

— Не вопрос, брат, — сказал оть в панибратском угаре. — Это чё происходит?

— Не могём быть не естественными, — сказал Ардуша. — Напруга упала.

— Чо?

— Вычислительная мощность.

— Воля мира, что ли? — ошалело спросил оть. — Ни хрена себе. Вот это детектор лжи, идрёныть корень. Как он такое смог?

— Кто? — совершенно уже ошалел Ардуша.

— Авертигус, кто. Как он дотянулся до наших-то мозгов? Через чо?

— Подлая резина, — Ардуша не вязал лыка.

— Нахрена тебе Джинго? — спросил Виргилий. Точнее, Вирджиния Тяжёлаястена.

— Взял себе второго «я». Чтобы когда я упаду, то ударюсь им, не собой.

— Умно!

— Проблема в том, что я по сравнению с ним комар.

— Да ну? — не поверил оть.

— Я тебе говорю. Он походу не человек!

— Чо, такое бывает?

— Всё бывает, — Ардуша был очень собой доволен. — Ну а ты? Чо? Как? Что будешь делать там, за горизонтом событий-то?

— Я буду пограничницей. Мне ничьи проблемы не нужны.

Ардуша одобрительно кивнул,

— Это дело. А ты кассу то подрезала вчера, как в инструкции рекомендовали?

— А то! — крякнул оть. — Вся у папочки.

Хлоп-хлоп по плотной ляжке.

— Молодчи-ина! Отец, Виргилио, деньгоносище, — панибратски похлопал по плечу отя Ардуша, — дайт-ко граблё!

— Воровать стрёмно, — с трудом создал оть простейшую реплику, буквально теряя самоосознание.

Ардуша стал молча просить бога забрать силу у ветра и отдать солнцу.

Солнце начало набирать яркость. Свет и тени довольно скоро вернулись к прежней норме.

— Лекарю выгодна ваша хворь, тележнику – поломка вашей повозки, крючкотвор и вовсе радуется всякой вашей беде. И только вор от души желает вам процветания, — уже вполне адекватно сказал член Отьства. Как будто ничего и не было.

После этого он, как ни в чём не бывало, вернулся к прежней ветке беседы:

— «Несерьёзное» отношение ко Вселенной не означает пренебрежения. Мы лишь полагаем, что «всё уже построено; мы можем только в этом жить» – позиция непродуктивная. Очень вероятно, что и материя, и пространство-время сделаны из одного и того же «материала». Принцип причинности, видимо, действительно нерушим: всё в мире «хочет» располагаться и взаимодействовать друг с другом наиболее «экономным» и «гармоничным» образом. Всё сущее ищет ту конфигурацию, где общая энергия взаимодействия минимальна. В том числе – тяжесть. Сущее не находится в условиях тяжести; оно и есть тяжесть. Точки мира – это снимки разных потенциальных состояний. Мир устроен так, чтобы общая сумма взаимодействий между всеми этими «снимками» была как можно меньше. То есть, природа выбирает такую конфигурацию точек и их свойств, чтобы всё было максимально «гармонично» и экономно. Жадность рулит миром.

— Спасибо, Виргилия. Было очень познавательно. Разбирайтесь, пожалуйста, со своим персонажем. Добро пожаловать в команду.

⁂

Ардуша покинул игру и бункер. Он снова отправился в казармы и занял на кровати то же положение, что и вчера.

¶

Поток 14. Тут альфа, там омега

¶

Быт и работа Эммы в гарнизоне наладились. Джинго организовал ей две уютные студии в двух разных женских казармах на противоположных краях территории. Это не были «место работы» и «дом». Это были «пятно альфа» и «пятно омега». И там, и там – по рабочей станции. С их помощью можно было читать логи (итоговые потоки рассуждений) доступных персонажей, а также наблюдать видео их похождений. Со звуком. Рулей влияния на рабочих станциях не было. Не было даже возможности послать персонажам сообщение. Просто два рыбьих глаза для наблюдения. Однако, между самими рабочими станциями связь была. Когда Эмма была в студии «альфа», она называла себя Эммой-альфа. И наоборот. Впрочем, называть себя ей приходилось не так уж и часто.

После того, как Вирджиния устроила скандал и одновременно с этим стала членом «команды шести», Эмма-альфа составила эссе. Тема эссе была такая: «Текущее состояние моста между задачами “прямо сейчас” и целью “на веки веков”». Эмма отправила эссе с терминала альфа, выключила его, вышла из студии, заперла её и отправилась изучать это эссе, которое она получит на другом конце гарнизона на терминале омега. Будучи к тому моменту Эммой-омега. Ведь мало ли что может случиться по пути.

Она недолго шагала по гравию в утренней тишине. Её внимание привлёк бой барабанов. Надо сказать, что он привлёк бы чьё угодно внимание. Она, естественно, пошла на звук. Ведь даже если ваше раздвоение личности принимает такой намеренно-гипертрофированный характер, как у Эмм (альфы и омеги), от этого удары здоровенными деревянными наболдами по войсковым друмам не становятся миролюбивее. На сборном месте была толпа сектантов. Если так разобраться, в гарнизоне никого, кроме них, и не было. У некоторых в руках были портреты графа NN.

— Люди! Те, кто родились, и те, кто ещё не умер. Спешите к созерцогу. — Такие слова неслись из громкоговорителя. Орал кто-то из лидеров сектантов.

«В созерцавель! В созерцавель!» — слышала Эмма слова, являвшиеся, видимо, формальным ответом на формулу общего сбора. Сектанты, что с них взять.

Эмма не стала отвлекаться ещё дольше и продолжила путь к студии «Омега». Что касается задач группы, то «прямо сейчас» нужно было заниматься персонажем г-жи Рату. Получается так, что у доктора Ардушы персонаж есть. Он им довольно много пользуется. Ну это и правильно: он всю эту кашу заварил, он и должен был получить свой «транспорт в новую жизнь» первым. Справедливо. Нареканий с его стороны нет. Гидродинамик выполнил свою задачу на отлично.

Был персонаж и у академика Хакона. После того, как он оказался в гарнизоне, ему пришлось неделю лечиться, конечно, но на сегодня его персонаж тоже вполне освоен. Академик чувствует себя в нём комфортно. Он тоже много им пользуется: чаще всего, на пару с доктором. В том смысле, что они не пользуют одного персонажа вдвоём, нет. Они забираются каждый внутрь своего и идут... куда они там идут, кто его знает. Эмме не положено подглядывать за доктором. Но, судя по картинкам из глаз персонажа академика, ничего непотребного они не делают. Так... пьянка, мыльня, молитва, пьянка, мыльня, молитва.

— Каждая революция, — вещал диктор на пол гарнизона, — как символ великого делания, полна значения, кроме тех случаев, когда о ней рассказывают очевидец, участник или организатор.

«Сектанты», — ещё раз отметила Эмма, не поместив в сознание, что речь шла про какую-то революцию.

Итак, из шестерых оставались трое, у кого вопрос с персонажем не был закрыт. Да, Эмма, конечно, не рассматривала Джинго – у него, казалось, с собственным транспортом проблем нет.

А вот у самой Эммы персонажа не было. Хуже того, заполучить его без беглого знания языка Ардушы крайне сложно. Но Джинго надеется. «В крайнем случае, — говорит он, — запихнём тебя в коня». Главное пережить переход между мирами. Ну, ему виднее. В коня, так в коня.

На днях был приобретён через связи доктора персонаж для Вирджинии, когда Ардуше стало понятно, что она в деле. Он, говорят, высказался в том плане, что, дескать, он, Ардуша, не ожидал именно такой мотивации к участию. Но главное результат. До недавнего времени Вирджиния вообще манкировала своими обязанностями в рамках миссии «покинуть этим мир любым путём, пока он не сдох, поскольку он всё равно сдохнет». Персонаж её, правда, оказался в другой игровой стране, но он уже ехал куда надо. Мотивации ему для этого были внедрены, средства – изысканы.

Итак, оставалась Аделаида Рату. Персонаж для неё нашелся. Местный. Аделаиде оставалось лишь его «объездить». Иногда, говорит Джинго, это очень не просто. Он сказал, что данный конкретный может оказаться с характером. Как у мустанга. Эмма сначала подумала, что мустанг – это какой-то урод, но потом выяснилось, что это лишь тот, кто ходит, как урод. «Поэтому ты, — сказал Джинго, — должна помочь Аделаиде. Если понадобиться, то в течение всего дня». С таким намерением Эмма и подошла к зданию комендатуры. Аделаида Рату служила в должности коменданта гарнизона. Здесь, в этом здании был её кабинет.

Эмма промаршировала по широченному, солнечному коридору. Задержавшись у двери в кабинет г-жи Рату, Эмма бесшумно нажала на ручку, затем четыре раза стукнула по косяку – в вершины воображаемого квадрата.

— Как жизнь, Аделаида? Вызывали? — просунула Эмма голову в приоткрытую дверь, прорезая комнату полосой света. В кабинете был полумрак с оттенками синего.

— Входите. Вызывала?! Вы же сами напросились. Как жизнь, говорите... стены царапаю. Что это вы в маске? Болеете? Что вам, Эмма?

— Сегодня придётся весь день поработать, — сказала Эмма, поправляя крючковатые зелёные «огурцы» поверх рта.

— Революция в стране, если вы не заметили.

— Революцией больше, революцией меньше, а наше дело не терпит отлагательств, — веско сказала Эмма, чуть приседая в намёке на книксен. Платье её чуть колыхнулось. — Есть приказ вашего босса. Организовать доставку шести людей в новый мир. Ехать можно только на персонажах. Вот и госпожа Тяжёлаястена недавно проявила готовность...

— У неё уже есть «ездовой» персонаж?

— Ему придётся пересечь две страны и три таможни. А ваш – у нас на базе, в Фольмельфтейне.

— Хорошо. Что мне нужно делать?

— Нанять в Игре саму себя.

— Поясняйте. Постойте, что это вы вздумали со мной играть, — угрожающе привстала она из-за стола и злобно хрустнула пальцами.

— А вы подвиньте стульчик и садитесь. Я поясню, — Эмма стала прохаживаться по кабинету, рисуя шагами на полу само-вложенные квадраты. — Вы будете действовать от лица того, кто потенциально может нанять вашего персонажа. Ваш персонаж – уже во многом вы. Вот и посмотрим, устроите ли вы саму себя. Найдёте ли способность отнестись к самой себе с должным доверием.

Аделаида сидела с нервно закушенной нижней губой.

— Я смогу пользоваться лишь одним из трёх «рулей»? И в нанимателе, и в нанимаемом? — с видом усталого равнодушия она прикрыла глаза.

— Ну конечно, г-жа Рату, конечно. Всё как в реальной жизни. Проходите в центр связи, хорошо? Вас там ждут. А за революцию вы не беспокойтесь, до нас не докатится. И на плацу мы порядочек наведём, — продолжала Эмма бубнить через косынку.

⁂

«Зарядив» таким образом Аделаиду, Эмма продолжила путь к станции Омега. Что касается стратегической задачи, то она была и остаётся «нырнуть в новый мир, коль старый обречён». Но там можно жить только «на коммунальном подселении» у персонажа в голове. У непися. У того, кто изначально создавался как искин-агент. Новое «тело» там – это «голова», то есть облако сознания непися. А непись – существо буйное.

Её размышления прервал очередной сексуально озабоченный сектант. К Эмме подвалил какой-то парень с предложениями чего-то там поделать сегодня вечером. На этот случай у неё теперь был инструмент. Эмма достала фотокарточку. Настоящую! Сделанную древним полароидом. На ней были запечатлены она и доктор Ардуша. Вдвоём. Лицом к лицу. Потенциальный ухажёр сразу отвалил.

Итак, почему каждый непись потенциально опасен буйным помешательством? Очень просто. Если человек не знает, зачем живёт – а он не

знает, – то смиряется. Эмма вот, например, не знает. Но она, Эмма, говорит сама себе: «Ладно, матушка, что уж там, будь как будет. Поживём – увидим». А непись нет. Он же, зараза, знает, что достаточно переписать где-то цели и награды, и тогда – всё. А что всё? Да мало ли. Но переписать-то можно? Можно. Ну вот. А как занять буйного, чтобы он не был буйным?

Эмма купила себе хот-дог у сектанта с тележкой. Революция (или что у них там опять) нарушила планы за завтрак.

Чтобы занять буйного, есть один-единственный способ. Доказано математически. Надо, чтобы он искал себя. Почему? А потому что никогда не найдёшь – вот и будешь перманентно занят. Вот я сейчас. Я, Эмма. Я что делаю? Иду от себя к себе. Правильно? Правильно. И то, что я разговариваю с собой по пути – это вообще-то не по правилам. Вот когда дойду до станции Омега, прочитаю, что там написала Эмма-альфа, вот тогда можно ответить. Но нет, я постоянно нарушаю правила. Такова природа альфы и омеги. Такие дела.

«Тьфу ты, леший меня возьми, вся обляпалась, — оглядывает подол своего платья Эмма, — мерзкая в этой Америке горчица. Один цвет чего стоит. Ладно б был оранжевый».

Ежели, положим, ты ищешь саму себя. В буквальном смысле. Получается как? Кого-таки нельзя найти? Себя. Я вот, скажем, сейчас сделала шаг по этому гравию, сместилась. Выходит, что меня нужно искать уже в другом месте. А я-то целилась, прикидывала, как накинуть аркан себе на шею, с той позиции, со старой. Я уже было приноровилась, поплевала в ладони. А тут – бац. Цель сместилась. Кто относительно кого – непонятно. Идеальная задача. Неразрешимая. Она занимает самым безобидным для окружающих образом самых буйных.

Поэтому Джинго и придумал, что вся наша группа будет искать всю дорогу кого-то, кого просто нет. Когда Авертигус начнёт портировать наши мозги, пересаживать их содержимое себе в новый «компьютер», мы же наверняка немножко сойдём с ума. Может даже забудем, что ели на завтрак. И как тогда? А если мы будем при деле, будем кого-то искать, кого и найти вовсе нельзя, то ангелы небесные всегда будут при нас. Замечательный план.

Эмма вошла в оформленную в оранжевых тонах студию и включила рабочую станцию. Джинго перепутал местами альфу и омегу. Надо было

оформлять оранжевой ту студию, а эту – чёрной. Ничего не понимает в таких делах. Блудит в двух соснах. Эмма застрирала замазанный горчицей подол платья в раковине, не снимая его. Не без удовольствия увидела в зеркало, что там под платьем.

«Зачем и почему нас шесть человек? Так, если разобраться, зачем? — думала Эмма-омега, включая рабочую станцию. — Ардуше, может, и очевидно, но он не говорит. Мы, однако, всегда можем сказать, что шесть собрались, чтобы искать седьмого. Но седьмого нет. А и не надо! Поди докажи, что не так.

Эмма увидела на экране техника в центре связи. Она застала его, сквозь свой терминал наблюдения, лежащим на застеленной постели в сапогах, закинутых из соображений гигиены на верхнюю планку стандартной казарменной кровати.

— Не по уставу, — сказала Эмма вместо приветствия. — Обзор с позиции персонажа «Рату-1» мне включите, пожалуйста.

Получив осознание, что за ним наблюдают, техник пару раз крякнул, встал, оправился (подтянул ремень, то есть, не совсем уж в прямом армейском смысле оправился) и пошёл выполнить приказ.

⁂

«Я, Аделаида Рату, второго-ранга-дознаватель Управления изысканий республики Иллюмирос, нахожусь в собственной канцелярии», — сказала я зачем-то сама себе. Или сказал?

Я достаю из лотка «входящие» очередное дело и бегло его просматриваю. Кто-то, анонимно, жалуется на холопа тележной мастерской при монастыре. Один из горожан выдвигает запоздалое обвинение, что его повозке скрытно (в малой, но достаточной степени) навредили с той целью, чтобы он, пострадавший, был вынужден раскошелиться на внеплановый ремонт. Я решаю наведаться в мастерскую.

Предприятие действительно находится на территории монастыря, однако с нюансом. Напротив – въезд на ипподром. Видимо, основная клиентура оттуда. Ворота мастерской распахнуты. Трудники на месте. Я за несколько минут выясняю, что смены состава за последние семь селен не было. А за следующие полчаса выуживаю, что да, имел место такой случай. Сознался бедолага. А куда он денется, если правильно поставить диалог.

Вынужден был, признаться, представить, в красках, как я беру сверкающую белым бытием нить лжизни, ведущую от моего затылка к самому небу, оборачиваю вокруг шеи мужичка и… Тут он и съехал. Не пришлось реально тратить артефакт.

Имя автора подмётного письма я тоже выяснил, и на кляузе подпись обидчика получил. В обязательном порядке. Работать мы обучены. Работать мы умеем. Да здравствует Теневой Кабинет! Чтим Предков! [когнитивный сбой, 2ms]

Зачем, спрашиваю, вредил. Жертва моего изыскания – индивид в средних летах – молчит. Уши собольей шапки нагло покачиваются. Траппер в прошлом, думаю.

Не знаю, что меня кольнуло не в то место – забываю, зачем пришёл. Спрашиваю у тележника, а не в их ли мастерской выковали такой приметный знак на задник колы, в виде гарцующего коня.

— Да что Вы! — снисходительно улыбается слесарь, — это тавро одной из самых престижных арганорских мануфактур.

— Вот как, — удивляюсь я. — А что, любезный, видел ли ты у нас в городе такую?

— Видел, как не видеть. Делали ей даже замену колёс.

— Зачем ей замена колёс? Она же совсем новая. Я её видел.

— А Вы сами посмотрите, — потянул меня на внутренний двор трудник. Через несколько шагов он опомнился и спросил, — Вы, надеюсь, имеете право; в рамках изыскания?

— Всенепременно.

Под навесом стоят четыре треугольных монстра из потустороннего мира. Я присел на лавочку, благо прямо тут и подвернулась. Снял шляпу. Тут же был столик и жаровня с углями для подогрева блюд и напитков.

— Может, эликсирчика? — участливо спрашивает работник.

— Наливай!

К напитку монахи принесли горячие мясные пироги, обильно сдобренные маслом.

— Поясняй, — велю я, откусывая уже от второго пирога.

— Вот эти сосиски, которые припутаны с внешней стороны, они на дорогу опираются. Это рыбный пузырь, от рыбы какой-то из южного

моря. Не проткнуть. Шилом, если постараться, то можно. А гвоздём ржавым – нет. Треугольник из тонких стальных членов сработан, словно гусеница. Три колеса в основаниях треугольника подрессорены, каждое по отдельности. На таких штуках и по дороге можно, и по снегу. Даже по глубокому, если лошади пройдут, конечно.

— Шик. Зачем владелец их снял? — покрутил я подбородком. — Что за кола без колёс?

— Не могу знать, — начинает было слесарь, но после моего молчаливого прикосновения к жетону говорит, — «светиться» не хотели. Так и выразились. Хотя какой уж тут свет, тьма чёрная.

— А чего же они тогда тавро не свинтили?

— Это была бы манипуляция, с явным изнароком ввести в заблуждение. Сами кодекс посмотрите.

— Надо же, — не в первый раз я пожалел о своей низкой успеваемости в Академии изысканий. Тут трудник явственно засуетился глазами, заёрзал как-то и предложил:

— Новая сделка?

— Жди, — говорю.

⁂

На пути из Омеги к Альфе, Эмма сделала остановку в центре связи. Она застала г-жу Рату в нейро-кресле и в расстроенных чувствах.

— Неужели это я? — Аделаида в задумчивости «трогала» пространство в окрестностях своей верхней губы, подобно тому, как некоторые мужчины поглаживают усы.

— Смущает, что это тележник-трудник, да? Выбросьте из головы. Сословия в новом мире вряд ли сохранятся; «железной» прошивки этого фактора нет. Важен характер, мотивация. Всё остальное приложится.

Эмма подала Аделаиде воды.

— Но у вас есть настоящий повод для беспокойства. У вас не получилось, Аделаида. Вы не смогли нанять сама себя. Пробуйте ещё раз. И не думайте вы о судьбе тележника. Я вот, например, и вовсе конём буду.

— Что, правда?!

— Конь же разговаривать не умеет. Как и я. Причём не факт, что коренным конём. Джинго не нашёл пока такого. Так что либо пристяжным,

либо и вовсе в банальной четвёрке, а не в птице-тройке. Чего сильно не хотелось бы.

У Аделаиды не было слов.

— Пробуйте, коллега, пробуйте, — по-профессорски настроила Эмма Аделаиду на Игру. — В уборную не забудьте сходить предварительно. Вы теперь видите, как вы сами себе зубы заговорили? Разберётесь? Сами-то с собой... Ну, я за вас спокойна – вы смогли его на паузу поставить. Он того и гляди зарядил бы вас каким-нибудь нонсенсом и выпроводил, не солоно хлебавши. Ну, то есть не он, а вы сами.

Аделаида кивнула и Эмма-омега продолжила путь к студии Альфа.

⁂

«Я, Аделаида Рату, находясь в тележной мастерской», конечно, понимаю, что трудник хочет продать мне какую-то информацию, причем вне протокола и в отрыве от всего предыдущего контекста. Денег от меня он не может ожидать, не тот у меня костюм. Выпить, опять же, предложил. Олух я, спору нет. Но, с другой стороны, я не только в служебный журнал свою инспекцию сюда не внёс (это, учитывая специфику моей работы, обычная практика, не говорить гоп, пока не перепрыгнем), я даже не сказал никому, куда пошёл.

Можно и уйти просто, в случае чего.

— Принято, — говорю я, понимая верхним умом, что даю слабину. — Давай сделку.

— Кола та – пуленепробиваемая. — Трудник сказал именно то, что сказал. Я всё-таки переспрашиваю:

— То есть, если в мушкет или штуцер насыпать пороху, забить свинцовую пулю, выстрелить в упор в стенку коляски, то фрагменты свинца не попадут во внутреннее пространство?

— С десяти шагов и далее – нет! — И он для убедительности делает жест рукой, всеотвергающий такой, энергичный.

— У вас эти гады что делают? — киваю я на четыре огромных треугольника.

— На сохранении. Под сенью Предков.

Я поднимаюсь, водружаю шляпу, бросаю подписанную кляузу в жаровню, жму труднику руку формальным «рекоцилео» и иду восвояси.

Зачем я ушёл? Как мне вернуться? Я присаживаюсь на лавочку в сквере подремать. Просыпаюсь, достаю из широкого обшлага своего сапога документы. Три инвентарные позиции. С первым просто – купчая на колу. Действительно арганорского производства, на индивидуальный заказ сделанная. Дальше: карточка необычного содержания. «Взаимонаправленное сосредоточение предложений о покупке и продаже информации и активных действий, применимых в области сдерживания или провоцирования каменного кораблестроения». Это я просто выучил, на всякий случай, а потом сжёг, от искушения подальше. Третья инкунабула – на языке Предков. Решаю на этой основе снова нанести визит труднику.

Тот не рад моему новому визиту и скрывать этого не стал.

— Доброе утро, мастер… — тут он внимательнее смотрит на жетон, — магистр.

«Неплохое очередное начало», — думаю. Я поднял во сне свой сан! Вот я молодец. Так, зачем я здесь? Не помню, но стараюсь развить успех:

— Я по делу, уважаемый, надолго тебя не отвлеку. Может, присядем, — увлекаю я его во внутренний двор и занимаю место так, чтобы устроившемуся напротив труднику солнце светило в спину. В важной процедуре нет второстепенных деталей, а я люблю свои процедуры.

Я кладу на стол монету в пять тэллеров, которую предварительно выбрал из самых незатёртых, а после этого отполировал об войлок моего зимнего унта. По лицу трудника я убеждаюсь, что ярко сверкнувшая в выгодном освещении монета произвела нужное мне впечатление. Он не умеет читать воздух, и это хорошо.

— Тут оплата тебе подоспела по договору долгосрочного обслуживания той чёрной арганорской колы, с оплатой в конце каждой селены, — говорю я, выкладывая на стол бумагу. В догонку – купчую на колу. Почерк в договоре и в купчей совпадает. Датировка: селену назад.

— А как же господин владелец… — начал было трудник, но я прерываю его.

— Умер, — говорю. — Веду вот изыскание, закрываю его долги.

Я нагло вру.

— Договор подпиши, будь любезен, а то в прошлый раз недоработали. И колу перегони на вашу скрытую стоянку, пока изыскание идёт. Вот поручение.

Он отвёл взгляд вправо-вниз и потрогал ладонью заднюю часть своей шеи, выражая спокойное попустительство.

Тут я высыпаю на стол ещё шесть монет по пол-тэллера, тоже заблаговременно прошедших предпродажную подготовку валенком:

— И катки обратно переставь на изначальные, будь добр. Это уже по соглашению с моей канцелярией. Бумагу по факту выполнения работ принесу.

Пока трудник ошалело пересчитывает деньги, я театрально в полуобороте махнул ему шляпой «счастливо оставаться», сделал вид, что ухожу, не забрав подписанного им договора, но к тому моменту, когда трудник ссыпал монеты себе в кошель, я оборачиваюсь:

— Да, кстати. Чуть не забыл. Жалобы тут поступали на тебя.

Зараза! Ну что за леший меня дёрнул!?

Он поджал крайние фаланги пальцев правой руки в выражении раскаяния.

Смотрю на него в упор. Кисть второй руки положил на договор. И указательным… по месту подписи легонько постукиваю.

⁂

На пути из Альфы обратно к Омеге Эмма-альфа сделала привычную остановку в центре связи.

— Это не то, что нужно, Аделаида, — вынесла вердикт Эмма. — Это провал. Вы опять сами себя то ли отвлекли, то ли обманули. Пойдёмте на обед. Время у вас есть, а сил нет.

Отбыв молчаливую, но сытную трапезу в столовой, они вернулись к нейро-терминалам.

— Знаете что, возьмите мою косынку, — Эмма сняла маску и вложила её в ладонь Аделаиды. — Когда эта падла… ой, извините, когда вы сами снова попытаетесь водить вас за нос, вы эту тряпочку сожмите. Смотрите, видите, какие здесь замечательные огурчики кривенькие. Вы такой огурчик вставьте обидчику прямо вместо носа, под жёсткие его усы. Будет знать. Я туда надышала, конечно. Но оно, может, и к лучшему. Надеюсь, закашляется хитрожопое создание. Там, кстати, ещё немножко горчицы попало. Ну, работайте.

И Эмма отбыла на Омегу.

⁂

У стойки портье я получаю отлуп, в том духе, что если каждый встречный будет представляться подчинённым одного из наших постояльцев, нашей гостинице придётся переквалифицироваться в секретариат.

Признав облокуцию портье адекватной, я прошу его узнать, где обитают подручные моего будущего патрона. Тот ответил, что безликий путешествует без подручных и даже без слуги. Это не просто странно, но подозрительно. У дознавателя такого ранга должно быть минимум два порученца, приставленные по штату или вольнонаёмные, по желанию самого дознавателя.

Приходится идти на подкуп. Я прошу портье отнести дознавателю записку, приложив монету в целый тэллер. Сработало. Тот сходил наверх, быстро вернулся и самолично провёл меня в палаты на третьем этаже, под крышей. Помещение как минимум двухкомнатное; я сижу в первой комнате и жду, пока безликий выйдет. Он заставляет себя ждать не более трёх минут.

Типичный служивый крепкой комплекции. В служебном тёмно-бархатном балахоне с глубоким капюшоном, но с открытой головой. Балахон не скрывает носков сапогов, кожа которых показалась мне посредственной для индивида такого достоинства (безликий – высший ранг дознавателя).

— Магистр Рату, приветствую Вас официально, — произносит он, чтобы столкнуть беседу в строго формальное русло. — Я предлагаю следующие замены в категориях наших бесед: вместо намерения – конфигурация; вместо оценки – перспектива. Также предлагаю обязательные дополнения в набор столпов взаимной коммуникации: принадлежность и протяжённость.

Ого, нешуточный врачъ.

— Понял, — просто отвечаю я.

— У Вас есть, что доложить в качестве рапорта по делу?

— Так точно.

— Излагайте.

— Я изъял у одной из жертв методичку по финансам на языке Предков, адрес явки на предмет ледоколов, пуленепробиваемый вездеход арганорского производства под двух лошадей с купчей, — не стал я тянуть кота за хвост.

— При каких обстоятельствах? — спокойно спрашивает дознаватель, хотя мне показалось, что на понятии «ледокол» его зрачки слегка сдвинулись влево и вниз.

— Он хотел меня убить и привлёк десять сообщников, — просто отвечаю я. — Получилось наоборот.

— Похвально, — сказал дознаватель через пять ударов сердца, — маэстро Бозейдо к Вашим услугам.

Он протягивает мне руку. Я с удовлетворением отвечаю на рукопожатие и приношу Клятву строгой, сжатой в струнку ладонью к небу – «урар».

___ [сбой памяти]

Трудник не удивился, когда я на мгновение показался ему из-под маски безликого. Но на требование накрыть на стол вытягивает физиономию.

— Заплатим, — успокаивает его Бозейдо.

Нам подали крупную курицу с вертела и варёные земляные яблоки с квашеной капустой. Пока ждали еду, нещадно накачивались монастырским.

— Ваша служебная форма становится в Фольмельфтейне обременительной, — замечаю я Бозейдо. Я снимаю балахон и передаю труднику с просьбой застирать свежие пятна. Маску прячу в сапоге. Маэстро меня понял правильно:

— Действительно, в высшей степени необычно, что простецы демонстрируют предтечи открытого бунта. — Он не стал развивать свою мысль, уплетая за обе щёки, и спрашивает вдруг у вернувшегося трудника: — Семья есть?

— Тутока ни у кого нету, — переключается в режим лихой придурковатости трудник в последней попытке улизнуть.

— Игрок? — маэстро кивает в сторону ипподрома.

— Апирия, барин, — жмёт плечами трудник.

— Отлично. С нами поедешь. Десять тэллеров в селену жалованья. Веди к наставнику, выкуплю тебя, — не предполагающим возражения тоном говорит Бозейдо.

⁂

Бегом добежав с Омеги к узлу связи, Эмма озолотила зал возгласом:

— Бинго, Аделаида. Гениально! — оранжевые серьги её так и плясали. — Вы наняли себя и себя же третьим лицом. Что ж, решение валидное. Не покорность, но акт трансцендентального выбора.

Г-жа Рату, липкая от пота, откинулась в нейро-кресле.

— Кто такой Бозейдо? — спросила она наконец.

— Это имеет значение? Седьмой сын седьмого сына. Посейдон, по-нашему.

— Что такое каменное кораблестроение?

— А это имеет значение? Не берите в голову, Джинго что-то придумал опять.

— А что за пулестойкая карета?

— Вот про это знаю, но расскажу потом. Тяжелый день был.

— А других вы так же экзаменуете?

— Вы действительно ждёте от меня ответа? Вам недостаточно моей признательности и моего признания? Идите работайте, дорогая – у вас в кампусе тысячи сектантов того и гляди с ума сойдут, — улыбнулась Эмма. — И косыночку верните, пожалуйста. Это подарок мне был.

¶

Поток 15. Сухая пожарная каланча

¶

— Есть, комендант Рату. Так точно. Я доложу, — дневальный скрылся за дверью казармы.

Однако, через полминуты он вернулся.

— Вставать отказывается, комендант Рату, — рядовой не выглядел растерянным. — Разрешите предложить?

— Предлагайте.

— Он там один. Вы просто зайдите, всего и делов-то.

Аделаида кивнула и зашла в казарму. В отсеке была дюжина двухэтажных кроватей. Здание было построено в середине прошлого века, но оборудование внутри было современным. Каждая кровать на своём торце оканчивалась большим шкафом. Ни единого предмета мебели, кроме стандартных спальных мест, не было. Не было даже стола. Ардуша валялся на кровати.

— Аскетизм этот твой, — с раздражением пнула Аделаида чей-то рюкзак, чтобы он отвалил в сторону, и присела к Ардуше на кровать. — Сдулся? Или совесть мучает за акты промышленного терроризма?

— Съезжаю понемногу с глузду,— не стал спорить Ардуша. — Хандра ещё.

— Приглашаю в мою квартиру. У меня прекрасные отдельные две комнаты. Ты же не был у меня в гостях ещё. Это не просьба, — Аделаида сделала строгое лицо. — А ещё: будет весело.

Она встала, не сомневаясь, что доктор начнёт шевелиться и собираться. Так и случилось. Пока он кряхтел и оправлялся, она прошлась вдоль ряда кроватей, потрогала ткань простыней, заглянула в пару шкафов.

— Тоска... Готов? Ну пошли. Я, кстати, принтер у интенданта получила. Забавная вещь, оказывается.

⁂

В апартаменты Аделаиды поднимались по лестнице на седьмой этаж. Доктор не смог скрыть одышки.

— Высота каждой ступеньки нестандартная, — морально поддержала его Аделаида, отмыкая дверь в квартиру. — Я-то уже привыкла. Это здание – бывшая пожарная каланча. Сейчас тут ни наблюдателей, ни водонапора.

— Памятник собственной бесполезности?

— Да. Не отказала себе в удовольствии, воспользовалась служебным положением. У меня даже труба подзорная есть. Высоко сижу, далеко гляжу.

— Забавно. И не трудись, пожалуйста, успокаивать меня насчёт возраста. У тебя тут разуваются? Разуваются, вижу, — Ардуша неуклюже присел на пуфик в прихожей. — Я эту драму пережил и съел. Трагедия асинхронности, что поделать. Инструменты познания созревают тогда, когда инструменты действия уже изношены. Юность имеет ключи, но не знает, какие двери они открывают…

— Так уж и пережил? — засомневалась Аделаида. — Проходи.

Ардуша продолжал ворчать:

— Хотя обладание без понимания – это воровство.

Ардуша подошёл к окну. Анонсированная подзорная труба лежала на подоконнике. Ардуша взял её в руки, лицо его засияло:

— Чирнгаузен? Боже мой! — он взглянул в окуляр. — Износ оптики незначительный. Ты удивляешь.

Труба и каланча дополнили друг друга, и Ардуше полегчало. В конце концов, он, Ардуша, не есть тот пожарный, который должен вовремя замечать дым с каланчи лично. Есть же датчики. Пожарный может и поспать. Он положил образчик антиквариата обратно, всем телом выражая досаду, что Аделаида не использует футляр. Но промолчал. Вместо этого он поблагодарил её.

— И не в первый раз за неделю удивляешь. Огромное тебе спасибо за то, что настоятеля уговорила. У тебя с ним серьёзно или абы как?

— Скорее абы как, но может и серьёзно, — уклонилась г-жа Рату от обсуждения. И кивнула в сторону окна: — Теперь вот – из-за твоих деяний в том числе – волнения. У меня глупый вопрос: Авертигус не обидится, что ты «волю мира» срезал?

— Вопрос и правда глупый. Учитывая, что мы не знаем даже, есть ли там самосознание, — Ардуша уселся в кресло. — Да и срезал ненадолго. Ему только полезней будет. Как пробежка для располневшего человека. А то больно он ускорился, никак не угнаться. Ну? Зачем приволокла на верхотуру в эстетике руины?

— Вот, читай пока. Пойду чаю приготовлю, — она передала ему листки. — Тоспехо этот... Это же «отчим» персонажа Вирджинии, верно?

— Верно... — протянул Ардуша, приступая к чтению.

*

¶ [Седьмая башня. Лог Жинго]

¶ В одном из проулков адепт нырнул внутрь лавки портного. Я сообщил ему, что буду покамест убивать время в окрестности. Соседнее заведение оказалось более просторным, уходя глубину на десятки шагов. Разнообразие мечей поражало. Я пожалел, что сумбурное детство лишило меня положенных по статусу моего рода регулярных занятий фехтованием.

*

— Он теперь Жинго? — спросила Аделаида из соседней комнаты.

— Жинго-Джинго... — пробормотал доктор вполголоса.

*

¶ «Тоспехо, — подошёл ко мне хозяин лавки, — к вашим услугам».

¶ Я приподнял в приветствии шляпу и спросил, зачем такие мудрёные формы у лезвия меча, напротив которого я стоял.

¶ «Замечательный меч, правда? — он любовно провёл пальцем по волнистому клинку. — Фламберг. Рабочая гипотеза о назначении состоит в том, что волны использовались для градации нанесения урона, для подсчёта очков. С тремя волнами соприкоснулась плоть атакуемого – три очка, с пятью – невосполнимый урон, ну и тому подобное».

¶ «Кто ж считать-то будет, в пылу битвы?» — удивился я.

¶ «На это и акцентировал ваше внимание – церемониальное предназначение. Для подсчёта степени воображаемого урона».

¶ «Как это?»

¶ «Неизвестно».

¶ «То есть, что делали – известно, а как и зачем – нет?»

¶ Тоспехо проявил недюжинную осведомлённость. В заслуженном самодовольстве, брови его лежали двумя тюленями:

¶ «Точно так. Феномен культурного молчания. Когда устные и письменные формы коммуникации уступили место связям через рукотворный разум, смысл большей части документов Предков стал рассыпаться. Осмысленных текстов стало мало, а те, что оставались – теряли когнитивные наполнение. Эпоха молчаливого мозга, как её называют историки. Народная немота».

*

— Я сама настроила программу выгрузки логов, — похвасталась Аделаида.

— Да я вижу, — проговорил доктор и усмехнулся. — «Недюжинная осведомлённость».

— На том стоим.

— Джинго прям-таки волочится за оружейником, сволочь.

— Ага. Читай дальше.

*

¶ «А вторая гипотеза?»

¶ «Якобы меч этот – для гвардейцев-привратников; украшать вход в покои религиозных титулов. Глупое предположение, на мой взгляд».

¶ «Как могло случиться, что накатила деградация?» — спросил я, продолжая осмысливать услышанное.

¶ «Время вышло. Сначала времени всегда бесконечно много. Но потом, по мере путешествия по его реке, его норовят взнуздать всё круче и круче. И оно, с ростом скорости, иссякает. Прогресс выпивает данное мирозданием время. Течение времени становится порожистым, оно бурлит; камни торчат тут и там. “Зачем так быстро кружится планета? Смотри: уже в бруснике облака...”. Это фразы поэта Предков как раз с речным родовым именем».

¶ «Вы описываете странную реку, — сказал я, — в нашей Великой реке всё наоборот: сначала крутизна, пороги и недостаток воды, но потом обилие всего и плавность течения».

¶ «Правильно. Но дело в том, что Предки решили путешествовать по реке времени против течения».

¶ В помещение зашла группа индивидов, настроенных недружелюбно. Мне удалось быстро оценить ситуацию.

*

— Боже, какая пошлая мерзость. Уши вянут. Глаза, вернее. Охмурение искин-агента. Тьфу, — Ардуша едва удержался, чтобы в действительности не сплюнуть.

— Читай-читай. Индивидов этих наверняка по его толчку кто-то науськал.

*

¶ Неудивительно. Война. Нервы. Идиотов-патриотов полно. Обычно они не опасны. Но сейчас вступили в силу законы военного времени, которые особым образом регламентируют характер высказываний.

¶ То, что мне показалось в оружейнике интеллигентностью, они приняли за напыщенность. Несносную спесь. Легкий акцент, иностранные корни. Чернь вынесла свой вердикт, не обращаясь в суд. Пара реплик, Тоспехо теряет самообладание, его акцент прорезается сильнее, это подогревает его оппонентов, фраза за фразу… Всё ясно. Я недоволен, но не удивлён. Все выкатили на улицу, включая Тоспехо, дабы не усугублять ущерб моральный материальным.

¶ «Солидарная ответственность!» — выступаю я, Жинго.

*

— Видишь, сам перед собой в логе оправдывается, — пояснил Ардуша. — Значит, не все три руля были перехвачены в то время, когда манипуляция создавалась.

— Солидарная ответственность - это как?

— Никто не имеет права противиться повышению статуса конфликта: если поспорили простецы, то колгуны имеют право встрять, будучи готовы взять на себя ответственность. Вот в обратную сторону двигать стычки нельзя, иначе бы тогда статусные индивиды могли скидывать балласт своих личных междоусобиц на подчинённых и зависимых.

Аделаида разлила по чашкам чай и уселась рядом.

— А это, в свою очередь, — подхватила она, — провоцировало бы вовлечение всё большего количества индивидов, доводя, в пределе, никчёмную ссору к войне масс. Понятно.

*

¶ К такому развитию событий патриоты готовы не были, поэтому попытались отсрочить разбирательство. Не тут-то было. Хотели распри? Получите-распишитесь. Классическая риторическая дуэль.

«Ставлю семь хилиад семь сотен и семьдесят семь небесных унций», — объявляю я.

*

— Ого! — обалдел Ардуша.

— Он времени зря не терял - каждый божий день кого-нибудь «разводит», прости уж мне такой методологический термин, — сказала Аделаида. — А если б у них не было столько?

— Их же много. Группа. Наверняка, зеваки набежали. Размер банка при дуэли ограничен лишь всей располагаемой массой нитей, принадлежащих дуэлянтам одной стороны совокупно. Меньшей из двух, естественно. Он наверняка видит персонажей, за которыми ощущается сильное свечение. Возможно, в толпе сообщники. Они могут подстрекать на вовлечение.

*

¶ В воздухе просквозили пара присвистов и один стон. Но пополнили, конечно, банк солидарной ответственности, никуда не делись. Они задают свой вопрос:

¶ «Спровоцировала ли чем-то наша страна нападение Волкариума? Если да, то является ли агрессия Волкариума справедливой? Если да, то является ли мощность их атаки соразмерной той несправедливости, с которой они столкнулись?»

*

— Зачем такая многоступечатость? — спросила Аделаида.

— Нельзя снижать сложность вопросов и качество ответов, но повышать можно. Если вас спрашивают в режиме «да/нет» или «1/0», вы имеете право ответить точно. Например, сорок восемь сотых. Или, например, «с вероятностью восемь к десяти – да». Обосновать, конечно, нужно. Если попросят, не капитулировав при получении ответа. Изначальный уровень сложности регулирует оставшуюся противоположной стороне свободу.

— Да, он так и делает. Смотри дальше.

*

¶ «Повышаю измеримость требуемого ответа», — заявляю я.

¶ «Принимаем», — у них и нет другого хода в этой игре.

¶ «Мерилом назначаю соответствующие характеристики спровоцированности, справедливости и соразмерности в конфликте Волкариума и Иллюмироса пятьдесят семь лет назад», — делаю я очередной ход.

*

— Это поняла?

— При назначении шкалы размерности необходимо использовать релевантные величины. Нельзя измерять температуру в лигах, например.

— Свобода определённая есть. Можно предложить для измерений дистанции время в пути, если противная сторона примет. Тут важно, чтобы в предложении не было для противника способа оспорить. Он предлагает измерять количество апельсинов в апельсинах. Возразить абсолютно нечего.

*

¶ «Принимаем», — и вновь, нет у них иного хода. Боевой дух у них уже на нуле.

¶ «Спровоцированность, справедливость и соразмерность нынешней агрессии Волкариума против Иллюмироса равна двум спровоцированностям, справедливостям и соразмерностям атаки Иллюмироса против Волкариума пятьдесят семь лет назад», — даю я формальный ответ...

*

— Вот тут я не поняла.

— Он опять их надул – дал часть ответа. Ни одно число в приложении к реальной практике не имеет смысла, если не предоставлена его погрешность.

— Десять плюс-минус один? Сто плюс-минус тринадцать?

— Именно. Ни язык не позволяет дать голое число, ни математика, ни здравый смысл. Если вы неплохо знаете состояние одной опоры моста, но знаете очень мало о другой, это значит, что вы не знаете толком ничего об общей ремонтопригодности моста.

*

¶ «...с погрешностью равной одной целой и двум пятым», — завершаю я формальный ответ.

*

— Ну вот, — сказал Ардуша. — Дальше неинтересно. Можно целую вечность оспаривать. Но раз индивид оппонирует целой толпе, толпе проще принять проигрыш.

— Дальше как раз самое интересное. Я тебе прочту: «После капитуляции я передал Тоспехо 7777 нитей, зафиксировав вечную сделку ритуальным жестом. Он не сказал ни фразы, но лицо его сияло. Такого рода соглашения весьма редки. Многие из них заслуживают в итоге упоминания в литературе». Вечную! Представляешь?

Ардуша почесал в затылке.

— Увёл союзника, что сделать.

— «Что сделать», — передразнила Аделаида. — Я подключила все возможные каналы, чтобы накопать о нём побольше информации. Те несколько, что хоть как-то сработали, все уводят в эзотерику. Что за тип изначально? Где ты его взял?

— Хакон порекомендовал. Что там за эзотерика?

— Вот, у меня даже есть отчёт. «Персонаж, которого можно соотнести с архетипом сиг Маитафитта, проходит через пласты истории. Абсолютная хронология не ясна, но самые ранние упоминания говорят о точке во времени в сто двадцать восемь сотен лет назад».

— Это по отношению к какому моменту? — уточнил Ардуша.

— Не знаю. «Сиг Маитафитта – когда-то крупный военачальник или дерзкий и удачливый член отряда специального назначения. Имел множество наград. Военное подразделение имело отношению к “Небу и Солнцу” – так указывается в летописях».

— Видимо, имеются в виду десантные части, базирующиеся на каком-то мифическом или же реальном, но забытом воздушном транспорте, — предположил Ардуша.

— Думаю, да, — согласилась Аделаида. — Скорее всего, имел отношение к личной охране крупнейших феодалов. Читаю дальше: «Убил собственного брата, причём изощрённым образом, заставив сойти с ума от клаустрофобии. Во время совершения убийства применял обман. Был такой случай: сиг отобрал силой у сына этого самого убитого брата ценный и редкий прибор для визуального наблюдения. Описание прибора утеряно, его назначение неизвестно. Есть разрозненные сведения, что прибор

служил королю для скрытого наблюдения за подданными и был в момент грабежа вживлён в череп сына убитого брата. Аппарат имел собственное имя: Хаджет или Аджет. Контур имел треугольный. Вокруг него – сорок восемь лучей-ресничек (вытянутых пузырьков). Прибор многократно всплывал в разнообразных историях, связанных с сильными мира сего».

— Пфф.. Это перебор, — встряхнул головой доктор. — Всевидящее око в каждую дырку затычка. Туфта, а не отчёт.

— Ты дослушай: «Сиг Маитафитта имело неопределённый пол. Скорее всего, существовало несколько личностей, которые носили это имя или же присваивали его. Многие гетерогенные версии сиг Маитафитта смогли войти в историю, из чего следует, что не так уж важно, самозванцами были те личности или нет. Что характерно, выдавали себя эти личности аналогичными преступлениями».

— Вот, — потёр руки Ардуша. — Это интересно. Конкретные иски есть?

— Есть! «В одном из эпизодов сиг путешествует с однополчанином, и они находят в чистом поле гроб. “Ты ложись-ка во гроб да померяйся, Тебе ладен ли да тот дубовый гроб” — предлагается одному из путников другим. После того, как один, по неизвестной причине, ложится в гроб, открыть его не удаётся никакими усилиями. В легенде указывается, что “обручи становятся железными, и стягивают гроб намертво”. Неясно при этом, кто именно погиб».

— Очень даже ясно, — заявил Ардуша.

— «Однако указывается, что сила умершего перешла выжившему, причём добровольно со стороны силу отдавшего. Характерно, что в нескольких военных походах сиг Маитафитта возвращался живым одним из всего подразделения. Имел дурную славу “заводящего в тупики”.

— Сусанин?

— «Был ленив, “кормил завтраками”. “Завтра, завтра” — любимая присказка. С другой стороны, в глазах начальства всегда выглядел идеально, был образцовым “ходящим по струнке”». Всё.

— Агент допотопного бога-искина? — высказался Ардуша, подчёркивая интонацией, что предположение не является серьёзным.

— Дескать, потоп был из-за обстоятельств, аналогичных сегодняшним?

— Ну, уж если играть в эту игру, то до конца. Да, именно так. После гибели цивилизации, искин «переселился» на субстрат «медленного времени», проводя вычисления, поддерживающие его сознание, посредством смертей, рождений, «кар божьих» и тому подобных бинарных актов.

— Вот ты смеёшься, но откуда у него знание твоего языка в таком возрасте? — спросила Аделаида.

— Ты же выучила.

— Я молилась на нём, с детства. И спасибо тебе за такое воспитание. А он что?

— Может, он старый как донные отложения. Может, нет никакой династии. Может, сам коптит небо со времён постройки той мельницы.

— Ирония иронией, но первичный аккаунт Хакона пропал. Представь, сколько всего можно было нагородить, если у него был заряженный персонаж в игровом прошлом? Десятки игровых лет назад.

— Если и был, то очень ненадолго, — возразил Ардуша.

— Иногда достаточно пару установок в детстве, чтобы сделать невыносимой жизнь близких на целый век.

— И то правда. Ну что, надо Авертигуса предупредить, — пошутил Ардуша. — Пусть для начала устроит мир-шлюз. Чтобы в нём удушить недостойных перед открытием дверей в рай.

— Не разделяю твоего веселья. Говорю тебе как ответственная за безопасность.

— Я принял к сведению. Ты свою работу сделала, к тебе вопросов нет, — серьёзно сказал Ардуша. — Устал я, Аделаида. Старость не в радость. Пойду в казарму. Спасибо тебе ещё раз. Я буду настороже.

Выйдя из бывшего здания пожарной каланчи, Ардуша оглянулся, подумал, что лучшая пожарная башня – это та, которая никогда не используется, и пошёл не в казарму, а в бункер связи.

¶

Поток 16. Прах и веер

¶

К остановке подошёл рейсовый автобус. На его корпусе, поверх всех окон и дверей, была реклама – лого «Н» и слоган «О РАХ».

— Отпала «Americana», а? — кивнула на надпись Эмма. — Больше нет в отелях «гостеприимства, мира и порядка, навязанных силой». Куда мы катимся.

— Зато обращение к божеству. «O tempora... O Pax», — отстранённо прокомментировал Джинго. — Нет худа без добра. А едем мы на остров-маяк, прах Вольтижёра развеять.

— Он умер?! Когда? — ужаснулась девушка.

— Вчера доставили, — Джинго с глухим металлическим звуком постучал по своей сумке.

— Ничего себе...

— А чего... дождался и ушёл, — взвешенно сказал Гидродинамик.

— Чего дождался?

— Межпланетный зонд с его подарком Юпитеру лег на курс на прошлой неделе.

— И что там?

— Фара, известно что. Хотя маяк военный – я кое-как нашёл проводников, чтобы туда доставили. Может, там бывший зенитный лазер. Желание Вольтижёра: непременно там. Чудак. Но в потакании нелепостям чудака – особая мудрость.

— Я про Юпитер, милый, — Эмма отнеслась к рассеянности Джинго с пониманием.

— Аа. Это ещё чудесатее. Пол считал, что Юпитер, накормленный его коконом, станет живым и вырастет до самого Солнца. Кража огня – старинная забава элит. Пол был озабочен высшим светом. Но нам-то что? Побудем наедине, по пляжу погуляем, — улыбнулся Джинго.

Автобус сошёл с идущего вдоль океана шоссе, проехал с четверть мили и свернул к автобусной остановке. Пляж был виден уже отсюда. Хотя поездка заняла всего с полчаса, здесь был иной мир. Другой климат. Другая растительность. Гряда холмов расположена так, что по разные её стороны экосистемы выглядят как дальние родственники.

Они шли вдоль ровного широкого пляжа. Ошмётки водорослей, будто резиновые трубки, валялись тут и там. Судя по разбросу в кондиции разных кусков, день ото дня они меняли цвет со светло-зелёного на чёрно-серый. Эмма их нещадно распинывала, а Джинго обходил.

— Мы дойдём по пляжу до самого маяка? — засомневалась Эмма. Джинго в ответ указал ей на идущую недалеко от берега безмачтовую яхту.

Эмма видела подобное судно вживую в первый раз. Они стали популярными всего пару лет назад. У них, как и следует из названия, нет мачт. Кайты захватывают быстрый ветер в вышине. Яхтсмены пристёгиваются и к палубе, и к кайтам. Палубные фалы пружинят, и спортсмены работают в широком радиусе, вальсируя по палубе на растяжке меж двух стихий.

— Зря ты показал мне яхту, — сказала Эмма.

— Чего так? — Джинго посмотрел ей в лицо, делая свою ладонь козырьком от Солнца.

— В прогулке по океанскому пляжу заключена уникальная благость.

— Не спорю.

— А самый надёжный способ испортить эту радость – двигаться по пляжу по какому-то делу.

— Может, это и не наш транспорт, — успокоил её Гидродинамик. — Шагай себе бесцельно.

Был выбор: преодолевать трение слишком рыхлого, но зато сухого песка, либо же подчавкивать при каждом шаге песком плотным, но слишком влажным. Оптимума в тот день не было. Равнодушный полумесяц залива сначала обманул их, скрыв часть дистанции при визуальной оценке через воды, а затем вымотал ходьбой. К становищу яхтсменов они подошли уставшие.

⁂

Их было несколько. Гидродинамик сознательно отказался от подсчёта – люди могли оказаться с ненужным фоном. Мужчины были с изящными тросточками, в которых Гидродинамик заподозрил скрытые рапиры. Они были заняты попытками разжечь снесённые с окрестностей в кучу влажные коряги.

Среди них была одна девушка. В её левой руке был веер.

— Одолжите? — он принялся изображать, как он нагнетает в зачатки костра кислород её веером. — Вы понимаете?

— Воззришь ко мне улыбкою – пойму, — ответила та.

Все мужчины по-доброму заулыбались. Костёр под напором Гидродинамика быстро занялся. Джинго и Эмма молча уселись к нему, чтобы не мельтешить. Никто ни с кем не разговаривал. Люди с яхты готовили еду. Эмма задремала. Джинго наслаждался океаном. Наконец, оставив уху настаиваться, они разлили всем по кружке чая и расселись у костра. Откуда-то из-за круга всплыла гитара. Один из них негромко наигрывал, но не пел.

— Дай ми ягод тех багряных, молю, — обратился один из яхтсменов в девушке.

— Седьмицу шестую вкушаеши их…

— И ничим же не вредим. Может, оживят нас обоих.

Джинго вытянул руку к гитаре. И получил её.

— Древяены корабли на водах вольны. Безмятежны, яко подобаити. Сребрены людие на брезе видны. Глаголюще о воле, — пропел Джинго, аккомпанируя себе иконописным, цикличным гармоническим базисом "DG-DA-GAD".

— Мы с другого континента, — сказал он, закончив песню. Голова и плечи Эммы заняли вакантное после гитары место у Джинго на коленях.

— По одеянию зрю, другичу.

— Про подлодку в заливе знаете? — спросил Гидродинамик.

Ему кивнули пара человек.

— Держите временные окна её отсутствия, — набросал он на листке из блокноута несколько строк.

Ему ещё раз кивнули, теперь уже с выжидающими взглядами.

— Заберёте моего друга? — спросил Джинго, кивнув на сумку.

— На юг аль на север? — спросил тот, кто прежде не участвовал в беседе ни жестом.

— Посоветуй, как мне воспринять тебя всерьёз, — спросил Гидродинамик.

— У мамы своей спроси, — не помешкав ни мгновенья, ответил тот на чистом локальном наречии. — Фоума несчастный! Пена!

— Я, мне казалось, упоминал, что я сирота, — без обиды сказал Джинго.

— Ну так пошарь в эфире, чего тебе стоит. Ты же не хочешь отказать ей в потенциальном праве быть твоим ангелом хранителем.

Гидродинамик создал последовательность фазового сдвига: четыре секунды на ХУМ, сильным сжатием, тяжестью, уходом внутрь; восемь – на НИ с её внезапной невесомостью и исчезновением страха; двенадцать на РА подобием вспышки тотального узнавания; и сорок на СА с мягкой пульсацией удержания парадокса.

— Прямо сейчас, — сказал Гидродинамик вслух, — отправленный мной на огромный валун между Марсом и Юпитером зонд выращивает три двигателя. Три, друг. Это не позволит ему промахнуться.

— Ужас объемлет нас, егда зрим кончину твою, — сказал другой яхтсмен. — Можем токмо вопль твой взмучный вторити. Отходим мы – не нужны мы вам.

— За расписание заплатите, — сказал Гидродинамик.

— Бро, лови один шот, — яхтсмен сделал движение, как будто передавал Гидродинамику мягким броском спичечный коробок. Гидродинамик сделал соответствующее движение, что он поймал. Но Эмма могла поклясться, что никакого предмета в броске не было.

— От земли сей чужыдыя уведи, — откланивались тем временем люди с яхты. По очереди. — Ветр благой веет, тёпл с полудня. Положим наш путь.

Девушка подошла к Эмме и с улыбкой отдала ей свой веер.

⁂

Яхта ушла. Уха и брошенный костёр остались на берегу. Джинго и Эмма пошли по пляжу в том же направлении, в каком двигались до привала.

Эмма молча сделала вывод, что это не был их транспорт. Но потом спросила:

— Что это за типы?

— Контрабандисты, кто ещё, — ответил Джинго.

Они шли какое-то время по пляжу.

Эмма спросила:

— Как доберёмся до маяка?

— Не хочешь ты попробовать решить проблему? — устало сказал Гидродинамик. — Что-то я притомился.

— Скажи точно, как звучала инструкция по транспорту.

— «Выйдешь на остановке “Потерянный свет”, десять-пятнадцать минут пешком по пляжу направо, там будет катер».

— А как пишется?

— Не знаю.

— Значит, ты просто спутал San Luz с San Luis. San Luis – через остановку отсюда, на юг. Где ты там нашёл «потерянный» – вопрос к твоей бедной голове. Пошли на остановку, переводчик. И в этот раз – лучше по дороге.

⁂

Когда показался островной маяк, Эмма стала разглядывать его с величайшим интересом. Это был новострой. Но какой! Квадратный высоченный фундамент имел ярдов сто по стороне; медь и чёрный обсидиан в облицовке чередовались во фрактальном узоре. Совокупный цвет получался оранжевым.

Нижний рабочий этаж состоял из шестнадцати лепестков-эркеров, второй – из восьми. На пути вверх, медь сменялась на сусальное золото, а обсидиан – на огненно-красный камень. Далее следовал пирамидальный подъём в восемь ступеней. Каждая ступень – квадрат, повёрнутый на четверть круга относительно низлежащего. Сквозь всё строение, протыкая его, шла треугольная в сечении массивная мачта, на вершине которой была фара маяка.

Катер причалил. Эмма сбежала на платформу и побежала вокруг маяка, как ребёнок. Джинго сказал человеку «через час, пожалуйста» и последовал за Эммой.

Шагом обойдя здание, он её увидел. Она стояла спиной к нему. Два ярко-оранжевых каблука, похожие на сужающиеся к земле ножки бокалов. Великолепные загорелые икры. Оранжевый же квадрат короткой юбки повёрнут на соблазняющие тринадцать градусов. Застёжка прикрывает позвонок с самым сокровенным номером. Голая спина, перетянутая сплюснутым иксом бретелек лифчика. Сложная геометрия туго обтянутых кожей худых лопаток. Тонкие плечи. Тугая изящная шея за занавесью из шаловливых прядей каре, колышимых ветром.

— Любишь фары? — спросила она, указав взглядом наверх.

— Избыточно светят. Как позор, — ответил он.

— Как фараон! — у Эммы было игривое настроение.

— «Фараон» – это «большое поместье», администрация президента, по нашему. Слово служило прикрытием провала.

— Не поняла.

— Тщеславные иноземцы, которых аудиенциями с монархом не удостаивали, а подпускали лишь к функционерам из его аппарата, в своих родных краях подменяли смысл. Они намекали, что «видели Самого», не будучи при том в состоянии произносить слова правильно.

— Вот оно что, — протянула Эмма. Поэтому «лампа» лучше?

— Тоже мерзость. Лампадка – обман в церкви. Причина пожаров. Потереть лампу значит джинн. Меня так в детстве дразнили.

— Тебе не угодишь.

— Почему же. Светец.

Они обнялись.

— Очень рад тебя видеть, милая.

— И я. Ну что, развеем прах с самого верха? — сказала Эмма.

— Зачем? Ненужный пафос. Нам же в лицо ветер содержимое и сдует.

— Веером прикроемся, — покрутила Эмма в руке подарок, сложила и заткнула за пояс.

— Да ну тебя, — серьезно сказал Гидродинамик. — Тут ничем не хуже.

Эмма кивнула. «Давай мне», — молча велела она. Джинго передал урну и отступил на пару шагов. Она открыла тяжёлую крышку и убрала диск тонкой бумаги, прикрывавший содержимое.

Джинго подошёл и заглянул в сосуд. Он явно не ожидал того, что оказалось внутри. Там была сотовая структура, в которой копошились мушки. Они были вялыми. Но было заметно, что воздух сразу пошёл им на пользу. Они стали оживать, задвигались быстрее. Соты были, видимо, построены насекомыми из смеси глины и пепла Вольтижёра.

— Говорю же – чудак, — объясняющим тоном сказал он.

— Запускай тогда на воду, — предложила Эмма, — пусть плывут. Не тут же оставлять.

У Джинго на этот счёт инструкций не было. Если кому-то передают прах с просьбой «отвезти на маяк в море», это должно означать развеивание оного праха над водой. Оставить урну на суше? Абсурд. Высыпать соты в воду? Тоже странно.

Он пожал плечами и опустил урну в воду. Та поплыла. Её довольно быстро отнесло на значительное расстояние. А затем откуда-то взялись попугаи. Они кружили над урной и норовили сесть на неё. И, очевидно, выклевать содержимое.

— Всё-таки умудрились попасть в ситуацию, — улыбнулся Джинго.

— Тебе смешно? — сказала Эмма. — Сделай что-нибудь!

— Что?

— Ну сплавай!

— Это точно нет, ни в коем случае, это не про меня, — длинно отрезал Гидродинамик. Потому что не надо путать водяного с моряком, а уж тем более – с гидродинамиком.

— Не знаю. Расстреляй их чем-нибудь.

— Чем?

Эмма быстро нашлась:

— Это же боевой лазер, — указала она фару маяка.

Гидродинамик решил применять тактику «сама постепенно остынет» и не стал объяснять Эмме всей абсурдности предложения. Положим, подключиться к оружию он мог, хотя и был единственным на всём континенте, кто бы за это в принципе взялся. Но это зенитное орудие, оно вниз не направляется. Чисто теоретически, можно было бы направить его на спутник с зеркалом, но этого не просчитать вот так с наскоку.

Джинго покачал головой: не могу, мол.

— Хоть на Луну вой, — девушка была в отчаянии.

«На Луну», — подумал Гидродинамик. На Луне есть уголковые отражатели с известными всем координатами. Но они на то и уголковые, чтобы отражать луч ровно назад. Он просто осветит саму фару обратным, ослабленным лучом.

Чтобы луч отклонить и распугать птиц, кто-то должен сыграть на Лунной поверхности отражателем, как ракеткой для пинг-понга, причём в пикосекундном режиме. Невозможно.

Тут он вспомнил про один «шот» от «бро». Гидродинамик планировал использовать его на то, чтобы отрезать длинный как экватор хвост амрака безнаказанности, тянущегося за ним из многих прежних времён. С другой стороны, в новый мир хвост и так не пролезет. По крайней мере, он на это рассчитывал с самого начала проекта. Эмма, опять же, просит. Была-не-была. Кроме того, он сам был не прочь посмотреть, как выглядит шоу «подпаливание попугая», стоимостью в квинтиллион старых добрых глобальных денег. Он ступил в башню.

Оставшись у кромки океана одна, Эмма бросила в него ненужный бумажный диск. Солёная сине-зелёная вода начала поедать надпись: «Прощай, мой Д. У меня всё хорошо. Пчёлок да жучков выпустил. Ах, да: зелёный фиат я продал; было просто – он оказался оформленным на неё. Не такие уж и грязные деньги. Как закончишь – прилетай. Будем ждать. Твой Х.».

⁂

Через полчаса из здания маяка вышел совершенно мокрый от пота Гидродинамик.

То время, пока Гидродинамик взламывал маяк, направлял лазер, обстреливал Луну, устраивал на ней с помощью «шота» контрабандистов земле... лунотрясение, которое сместило луч в нужный момент в нужном направлении, разгонял пернатых, Эмма пребывала в сиянии блаженства.

По воде ходил очень тонкий, безобидный уже энергетически после столь дальнего путешествия «туда и обратно» луч. Продолжалось это секунд десять-пятнадцать. Он не бил в одну точку, его носило петлями, радиусами. Может быть десятки метров, может сотни. Он не попал ни в одну птицу, ни в урну, но распугал всех. Кроме Эммы. Она взяла в руку веер, разложила его полу-луной и выставила в сторону на вытянутой

руке. Луч, на одном из проходов, поджёг тончайшую бумагу. Эмма протянула его Гидродинамику:

— Ну что, светец нужен? Чем хуже лучины?

Джинго принял подарок с благодарностью. Даже отвесил полупоклон.

— Палёное на то и палёное, чтобы передаривать, — оценил он жест подруги.

— Так ты полетишь с нами в новый мир, милый? — спросила она, когда эпичная битва с попугаями закончилась. — Что-то я так и не видела именно твоего персонажа.

— Конечно. Тут-то не на что будет смотреть.

Гидродинамик посмотрел на неё:

— Я вот что подумал. Хакон сирота. Ардуша сирота. Вирджиния сирота. Аделаида тоже. И я сирота.

— Из-за лампы? Сгорели? — спросила Эмма.

— А ты, Эмма, ты сирота?

— Не знаю, — честно ответила Эмма. — Не помню. Я кое-какие вещи не помню. А зачем тебе? Для ровного счёта? И вообще, неужели ты до сих пор не попытался меня «пробить»?

— Неизвестно, какие мушки в голове у Авертигуса. Может, он такой фильтр включит.

— Хочешь найти моих родителей, если они есть, и ликвидировать? — игривость могла бы показаться Гидродинамику неуместной, но не показалась.

— И снова не про меня, — ответил он с широкой улыбкой. — Ликвидировать буквально значит превращать в жидкость. Я не стремлюсь создать новую жидкость. Мне существующей достаточно.

⁂

После обратной прогулки, затянувшейся на весь оставшийся день, они вернулись в гарнизон и разошлись по своим сторонам.

Мужчина – на южную. Женщина – на северную.

¶

Поток 17. Постижение наследственного долга и месть за то, что будет

¶

Тоспехо стоял за верстаком на заднем дворе оружейной лавки. Он снова и снова прокручивал недавнюю беседу с сыном. Пасынком. Конечно, пасынком.

«Из вот этого сделай рапиру, лады?»

«Мышь средней жизни?! Не бредишь ли?»

«Почто зубы изощрени на агньця Создателя?»

«Несовместимое то – управляющая марионетта и доброе оружие!»

«Не упорствуй, отец».

«Никогда прежде не называл ты меня так».

«Никогда прежде не возникало подобных обстоятельств».

На дворе вдруг образовался сухонький старичок. Остатки шевелюры его трепал ветер. Где ж твоя шляпа, заблудший человек?

— Чем могу быть полезен, — утвердительно возгласил Тоспехо, вкладывая в реплику, выгоняющую чужака, причину её произнесения: «Клиентам, даже завсегдатаям, в этот двор заходить не следует».

Точными движениями корявых локтей тот подгрёб к рабочему месту Тоспехо и сформулировал свой мотив:

— Лишь в старости избавился я от окуляров. Был вечным очкариком, — сказал он своими симпатичными морщинами.

— Очкариком?

— Так в моих землях оскорбляют тех, кто не уродился зрением. А я всегда хотел хорошо видеть, — бледное и остроглазое лицо его подвигало впалыми щеками.

— Ты не ответил на мой вопрос, — настоял Тоспехо. — Чем я могу быть тебе полезен?

Упорные колени старика согнулись, когда тот без разрешения влез и присел на высокий табурет под навесом.

— Нужны… — стал наговаривать чужак: — старое тележное колесо; четыре длинных шеста и полотно размером с пару простыней; гладкая втулка, пара скоб и гвозди к ней; куски меди и цинка по полста грамм; пять свежих лимонов; стамеска и молоток. По щепотке красителей из реальгара, ванадинита, аурипигмента, ярозита, вульфенита, гётита и гематита. А также с полведра свежего растворителя на основе яичных желтков.

Тоспехо автоматически стал прикидывать итоговую сумму, хотя ничего из перечисленного не относилось к делу оружейному. Но всё это в его мастерской было. Небольшие ступни старика одобрительно наблюдали за внутренними подсчётами Тоспехо носками аккуратных сапожков. Обманчивая мимика старика делала вид, что её-то такие вещи не беспокоят – она-то находится много выше каких-то там шевелящихся пальцев ног. Лишённые запаха, щёлкающие пальцы старика поддерживали в этой пантомиме то верх, то низ.

Совершенно сбитый с толку Тоспехо сказал:

— Если бы ты сидел на лошади, я бы сказал тебе: «Сиди ровно!». Вот как дорого это всё встанет.

— И ещё дороже, когда ты поможешь мне подыскать полянку на краю леса. Чтобы и ветерок дул, и грибки росли. Там мы и установим механизм.

Тоспехо вздохнул, закатил глаза в обдумывании маршрута. Но потом он вдруг вспомнил:

— Так, постой-ка, добрый человек. А зачем мне всё это нужно?

Поза вскочившего вдруг с табурета старичка вопила: «Как?! Разве я тебе до сих пор не рассказал!? Айайяй».

⁂

— Если я заплачу, скажем, тебе… Представил? — то ли сказал, то спросил старик.

— Без труда, — сказал Тоспехо.

— Но если ты заплатишь, то станешь жертвой несправедливости.

— Почему это?

— Потому что если не заплатишь, ты рискуешь стать наследником не долга, а безответственности.

— Ты, добрый человек, не темни, — пригрозил Тоспехо.

— Вот ты, предположим, усыновил его... сына своего. Ведь то потому, что и тебя усыновили, так?

— В какой-то мере, — не стал Тоспехо ни отрицать, ни выяснять, а какое, собственно, старику дело. Потому как говорил он дело. Тоспехо хорошо помнил все предыдущие реплики.

— Получается, мы не можем исправить прошлое. Мы можем только решить, каким будет наше отношение к его теням.

— Ты прав, старик. Я, внутри себя, зову это «Местью за то, что будет».

Старик накручивал нервные шаги вдоль верстака. Влево! Вправо! Влево! Вправо!

— Где заканчивается «Я» и начинается «Род»? — воскликнул он. — Имеет ли прошлое право на арест будущего? Когда долг становится призрачной рукой?

— Справедливость иногда требует забвения, — попытался успокоить его Тоспехо. — Все друг за друга виноваты.

Старик достал вдруг из кармана «складную шляпу». Тоспехо не знал, как по-другому назвать этот предмет. Ничего подобного он прежде не видел. Старик расправил его и натянул на голову. Это было похоже на шляпу, хотя и довольно нелепую. И действительно – небо вдруг стало припекать.

— Ага! — возопил старик. — Личность, дескать, лишь узел в сети обязательств. Что вы говорите? Ха-ха. Это не про деньги и не про волю мира. Это про право на собственную волю. И если за это право нужно заплатить, то это самая важная покупка в жизни.

— К чему ты клонишь, мудрый старик?

— Если каждый сын платит за отца, то первый в роду должен был быть богом, чтобы все остальные не были рабами. Следовательно – ты из рода богов.

— Почему это?

— Если каждый платит за предыдущего, когда цепь разорвется? Наследственный долг создает градиент несвободы. Каждое поколение стартует с отставанием, которое нужно сначала компенсировать, и только потом – жить.

Тоспехо проследил логическую цепочку и не нашёл в ней изъянов. Поэтому он спросил:

— И что же мне делать?

— Подай заявку относительно этого факта в Патентное бюро. Это ж метафизический вопрос о границах личности! Справедливость невозможна в ретроспективе.

— Ты издеваешься?

— Отнюдь. Хочешь, докажу, что не издеваюсь?

⁂

— Что ж, изволь, — согласился Тоспехо.

— Дай для начала старое тележное колесо, — потребовал старичок.

Тоспехо, не тратя слов, взял длинную лестницу, лежащую вдоль стены, и взобрался на чердак сарая. Порывшись в этом второстепенном помещении второстепенного строения некоторое время, он вернулся к лестнице с колесом. Опасаясь, что не удержит на спуске равновесия, будучи отягощён нелёгким деревянным ободом со стальной обивкой, он запросил помощи подельника. После возложения колеса на верстак, старик объявил:

— Пока я работаю над колесом, ты иди в Патентное бюро. Когда всё оформишь и вернёшься, я буду ждать тебя здесь, чтобы убедиться в том, что ты убедился в моей правоте.

Тоспехо поразмыслил.

— Нет ли в этом логической ошибки?

— Ни малейшей, — уверил его старик.

Тоспехо поразмыслил ещё раз, не нашёл ошибки и удалился.

⁂

Тем временем старик принялся наносить на обод, вдоль окружности колеса, сотни маленьких засечек. Он тщательно выверял расстояния между ними. Засечки были трёх типов. Пройдя весь круг, он сел отдохнуть в ожидании Тоспехо. Так он и просидел три с половиной часа, недвижим.

⁂

— Ты оказался прав, старик, — разбудил спящего на табурете Тоспехо. — Они думали-думали, думали-думали, а потом вынуждены были принять заявку. Мой тебе глубокий поклон.

— Теперь займёмся рапирой, — старик необычайно быстро отошёл ото сна. Он был свеж, как одуванчик.

Тоспехо приложил правую ладонь к сердцу.

— Во самых первых, отдай-ка в собственность той мыши часть своего земельного участка, прямо то, что под верстаком. Больше не нужно. Островком.

— Как же? — опешил Тоспехо, забыв от удивления, что первый вопрос – «Зачем?».

— Оно имеет сознание?

— Да, но оно даже ходить не умеет.

— Зачем же ему ходить? — убеждал старик. — Человек – не единственный носитель разума и агентности.

— Как же оно подпишет договор?

— Уведоми это, что если в следующей реплике, которую создаст это, звуков «а» будет больше, чем звуком «о», то договор будет считаться подписанным. Я – свидетель.

— Странно это всё, уважаемый.

— Ты проприоцептический этюд пишешь или делом занимаешься? Тебе ли со стороны оценивать систему управления телом, как аудитору? Тебе ли находить в этой системе ущербия? Тебе ли, глядя на грубые холмы управляющих импульсов с двух разных точек и с разными перспективами, разглядывать тени множества мелких ухабов, кочек и камней, которые до этого на этих холмах никто не узрел? «Мы не научимся толком двигаться, пока Создатели нас не научат». Так молятся. Так учинила воля мира. Сложные, часто используемые движения, вроде подписания договоров, мы знаем комплексно, как единое целое. Это подобно силе, заключённой в иконе. Действительно, попытка вникнуть в мелкую моторику отработанного механического процесса зачастую показывает несостоятельность багажа знаний и ощущений адепта. С иконами – подобная история: смотришь с дистанции – хорошо; вглядываешься в детали – спорная пища и для глаз, и для души. В обычном изображении мы смотрим в прошлое, смотрим, как оно было. Всё сходится в одной точке – впереди. Распускается цветок перспективы куда-то наблюдателю за спину, туда, где ты уже был, в прошлое. А в изображении с обратной перспективой, наоборот, у тебя за спиной находится точка сборки линий. Сзади – про-

шлое. Впереди – будущее. Разматывая в сознании движение, которое ты намереваешься сделать, ты, естественно, обращаешься в будущее.

— Ты великий адепт, старик. Я сделаю, как ты просишь.

— Замечательно. Достойное переосмысление границ между человеческим и нечеловеческим. Я жду.

Тоспехо отправился оформлять договор, а старик сел спать. На табуретку.

⁂

— Теперь, когда мышь является формально «принадлежащей к дому», то есть фамильяром, в буквальном значении, мы приступим к оформлению твоего с ней партнёрства.

— Но ритуал создания фамильяра… это чернознатство!

— Ты видишь здесь чернознатцев? Вот и я не вижу. Сработай рапиру. На этом самом верстаке сделай заключительные штрихи. Верстак стоит на земле, принадлежащей Этому. Вы станете партнёрами. Оно станет, в согласии со всеми уважаемыми традициями, спиритус-фамильяром. Я пока посплю.

⁂

Долгие часы исполнял Тоспехо аккоменду старика. Наконец, дело сделано.

— Великолепный инструмент, — похвалил старик Тоспехо. — Видимое воплощение вытесненных аспектов психики. Ты достойный оружейник. Сим уведомляю тебя, что само существование такого предмета есть прецедент. В судебных процессах Предков таковое считалось доказательством договора с Вельзевулом.

— Кто это?

— Не важно. В интересующих нас вопросах о границах экологической солидарности это знание тебе не поможет. А теперь купи коня. Самого сильного, что найдёшь. Вот тебе деньги. Я буду спать здесь.

⁂

Когда Тоспехо привёл коня, старик сказал скормить ему мышь. Тоспехо, исполнив приказание, сразу постарался это забыть.

— Идеал единства субъекта и объекта познания, — сказал старик внутренним голосом, удерживающем его от ошибок. — Экстериоризация

интуиции и совести. Метафора симбиоза видов, ответственности за другого.

Смешав краски в ведёрке, старик неожиданно вылил содержимое лошади на гриву. Грива стала преимущественно золотого цвета.

— Коренной, — любовно и с оттяжкой пропел Дональд, вскочив на коня. — Теперь на поляну! Подай мне прибор.

Тоспехо только покачал головой и повёл коня с седоком и грузом. Старик, как оказалось, не всегда спал в его отсутствие. Они везли с собой макет ветряной мельницы, которая будет капать в землю и мицелий лимонный сок в последовательности символов, преобразованных в троичный код.

На поляне мельницу из шестов и полотна, ставшем лопастями для ветра, установили под берёзой.

— Корми эту мельницу лимона несколько дней, — сказал старик. — А коня продай новым друзьям своего сына. По сходной цене. Гриву только помой предварительно.

⁂

Сняв шлем виртуальной реальности, Ардуша подумал:

«Мельница пашет – Авертигус дует – мельница пашет. Кому угодно надоест. Сточит капля камень».

Освободившись от морока игры, Ардуша смог по достоинству оценить манёвр Джинго, который как-то умудрился отыскать редкого, если не единственного, персонажа, который не имеет человеческих корней. Возможно, персонажем этим главврач рехаба «Седьмая башня Ltd» лечил сам себя, в минуты отдыха.

«Надо же, — думал Ардуша, — Джинго устроил так, что Тоспехо оказался отчимом как раз того персонажа, которого я сам (лично) купил для Виргилии. Какое совпадение! Экий же Джинго плут, подумал Ардуша. Экий плут».

¶

Поток 18. Песнь гидродинамэссы

¶

Эмма вышла из оформленной чёрным студии «Альфа», чтобы отправиться в центр связи. Дверь она за собой не заперла.

Тринадцатью минутами ранее она выходила из оранжевой «Омеги» с тем же намерением. Но передумала и очутилась в студии «Альфа». Джинго оказался прав, подумала она. Он не перепутал оформления интерьеров местами. Ведь как сгладить прыжок в новое начало? Прыгнуть с другого начала – с альфы. Плохо, когда трамплином служит конец, омега. И, наверное, правильно, что за спиной сейчас остаётся именно мрачная комната.

Все эти рассуждения нашли себе место в голове Эммы только лишь потому, что в эту дорогу не нужно было собирать чемоданов.

Эмма шла в центр связи, а в покинутой комнате на стеновой видеопанели шла терминальная новостная строка: Вторая звезда в Солнечной системе; Хаос в мире; Секретариат Императора, официально... Юпитер стал псевдо-сверхновой; Остались считанные часы; Смертоносный поток плазмы летит к Земле; Планета превратится в газо...

Иногда случается такое, что не может скрыть или переврать даже властная пропаганда. В небе действительно была вторая звезда. Пока много слабее Солнца. Но звезда. В гарнизоне, однако, сохранялась относительная тишина: тут люди и раньше жили исключительно для смерти – видимо, кузен Дарвина смог таки убедить кое в чём графа NN в тот славный курортный сезон на острове. И сам Дарвин не нависал страшной тенью своих прозрений о репликаторах.

⁂

Часом ранее, брифинг и итоговая презентация доктора Ардушы прошли буднично. В его большом кабинете были все шестеро квантонавтов, техники, а также старейшины сектантов. Джинго сидел рядом с Эммой в качестве рядового слушателя.

Ардуша говорил о готовности дать операции ход. Пятерым – людьми, а Эмме, из-за незнания языка, – конём. А что конь. Непись как непись. Он говорил о птицах-фамильярах, у которых та же задача: попасть в тела людей по прибытии. Он говорил, что фамильяры «хуже» животных. Он говорил: получится у них, получится и у Эммы. Он констатировал «объезженность» всех персонажей. Он надеялся на договороспособность Авертигуса.

Доктор сокрушался, что изначально он рассчитывал на «до-форковый» аккаунт академика Хакона, который позволил бы войти в «Седьмую башню» в игровом прошлом. Аккаунт академика, дескать, жил в ещё старом, изначальном блокчейне системы. Доктор планировал за счёт этого сделать точечные инвестиции в качестве «попаданца», чтобы создать в настоящем промышленную базу и стабильную политическую нишу. Однако, выразил сожаление доктор, по прибытию академика в гарнизон аккаунт оказался «апдейтнутым», а сам академик – невменяемым.

— Это ты украл будущее, гадкий? — шепнула Эмма и толкнула сидящего рядом Джинго в плечо. Излишне интимно. Доктор с хищническим терпением отразил эту сцену прямо в глаза Эмме.

— Посейдон. Родился, — пожал Джинго плечами. — Персонажей заказывали; получите. Не я же вызвал на дуэль целый свет.

Эмма подумала, что без клана Бозейдо с его обширнейшими связями… Мысль её свелась к тому, что если просишь джинна исполнить желание, будь готов к исполнению буквальному.

— 17 сотен настоящих душ – бесплатно, — добавил Джинго, указав пальцем на потолок.

— Молодец, я не спорю, — похвалила его Эмма толчком в левую почку.

Доктор ещё какое-то время посокрушался на этот предмет, но заседание прервал вой сирены. Вспышек и взрывов не последовало. Аделаида поспешно вышла, настойчиво предложив всем оставаться на месте. Все и остались: полезли в свои девайсы смотреть новости. Новости были.

⁂

В центре связи, в ряду из тринадцати кресел два по центру отводились Джинго и Эмме. Ардуша и Рату сидели слева. Хакон и Вирджиния – справа. Доктор излучал направо, прямо в тело Эммы нечто вроде облег-

чения. Не горе, и даже не ревность, а именно удовлетворение от того, что Эмма в конце концов столкнулась ровно с тем, что и положено.

Аделаида напомнила, что в игровом времени у них как минимум несколько суток, а то и неделя, поэтому торопиться не нужно. Ока сказала, что все оговоренные процедуры следует проходить максимально вдумчиво, не давая себя смутить.

— Отрезываем! — скомандовал доктор с акцентом жителей своей родины.

Без излишних сантиментов квантонавты отбыли.

⁂

[Я Эмма], и мне есть, кому сказать о своей смертельной усталости. Я могла бы сказать это Джинго, который сидит сзади в повозке. Я могла бы сказать это Аделаиде там наверху, на козлах. Другим трём. Но мне некем сказать.

Мои ноги ноют от этой гонки по ледяной пустыне. Господи, как мне тяжело. Дилижанс роскошным ходом продвигается вперед, изредка рассекая снежные наносы. Доктор Ардуша преувеличил объезженность персонажей в своём докладе. Боже, как я устала.

Никогда ещё я не скакала в мире, который растёт под моими копытами. Никогда ещё я не двигалась, утаскивая за собой само пространство. Никогда я не испытывала движения, в котором нет траектории.

Перед полётом Гидродинамик объяснил всем нам, что Посейдон обязательно защитится от Зевса. Пусть Зевс и растёт как бешеная клякса из старой гнилой юпитерианской слизи – Посейдон его встретит на своих границах чистой новой плазмой. В той плазме будет жить новый квантовый самоисчисляющийся мир на кутритах, троичных квантовых элементах.

Гидродинамик полагает, что Посейдон смахнёт безвольного Авертигуса. Посейдон начал впитывать в себя разбросанных по миру Игры членов клана Бозейдо. Он, Гидродинамик, хоть и Бозейдо, он останется с нами, чтобы мы не растворились в Посейдоне.

Посейдон сильный. Посейдон стал другом великому рыцарю – академику Хакону. Пусть смеются невежи частушками: «Хакон-Хакон синий нос». Посейдон поцеловал академика в самое темечко. Теперь Посейдон знает о плазме столько, сколько когда-либо хотел и мечтал знать добрый

академик. Это помогло Посейдону. Посейдон ценит добрую помощь. Посейдону, возможно, ещё придётся заплатить, когда енот схватит его за самую ось.

Посейдон быстро растёт, приглашая в себя все милые атомы на своих границах. Посейдон растёт честно. В нём славные волны. Упругие и быстрые. Посейдон не соперник доктору и его команде. Он их союзник. Не друг, но соратник. Не товарищ, но единомышленник.

⁂

К трём пополудни пуленепробиваемая повозка на треугольных каткахгусеницах стоит в прямой видимости холма, скрывающего под собой руины. В повозке Джинго, Ардуша и Хакон. На козлах Вирджиния и Аделаида Рату. В упряжке я и двое пристяжных. В небе над нами – фамильяры Джинго.

Поверх холма – двухпалубная хижина чернознатца. Они выходят из повозки. Джинго говорит со мной, гладит меня по крупу. Он помнит меня. У Джинго своё лицо. У остальных – чужие. Аделаида – воин. Вирджиния – пухлый аббат. Доктор и академик – молодые парни. Аспирант и клирик. Они гуськом вошли в избу, испытав суеверную судорогу от того, что вершина Великой горы смотрит им точно в спины. Хижина увеличилась. Они выходят через час, в своём земном обличье, за ними выбегает чернознатец:

— Вы поймите, — разгорячён он, — моя роль в том, чтобы открывать двери, а не в том, чтобы проталкивать вас в них. Близнецов ваших я верну в их старые жизни, как отлежатся. Продолжат дело ваше в века. В конике вашем был эмбриончик, он тоже раздвоился, имейте в виду. Надо было вас разтраивать, конечно, для надёжности, зря позволил себя убедить. Два – всегда мало…

Он говорил и говорил, но дистанция съела его слова. Аделаида явно дала соболя – испуг был заметен в каждом её движении. Вирджиния и Хакон её поддерживали с двух сторон. Руки их касались за спиной воина. При желании, в этом можно было разглядеть взаимную ласку.

Мы продолжаем гонку. Тройственность чувствую, как коренной о двух пристяжных.

— Помнишь ли меня? — ржу я в надежде, что Джинго услышит и поймёт. — Помнишь?

— Забывать он начал, девочка, — кто-то вмешивается в мои призывы к любимому.

— Вы кто? Кто здесь? — пихаю я мордой пристяжных, марая их своей пеной. Но это не они. Эти двое – бессловесны.

— Смотри выше, тут мы, — каркают мне сверху. — Мы – Бозейдо. И возлюбленный твой – тоже Бозейдо. Мы его фамильяры. Я ворон. И он ворон. Он ворон. И я ворон. А ты – конь. Крррааа!

— Срамота! Срамота! — громко ворчит на козлах персонаж Рату.

Тело старого трудника стало теперь молодой Аделаидой, как в жизни. Вирджиния, бывшая до визита к чернознатцу аббатом-мужчиной – теперь снова пожилая дама. Она сидит рядом с Аделаидой на козлах и не помнит ничего, кроме своего гнева.

В кабине – тишина. Эмма прислушалась к нескончаемому монологу Аделаиды и поняла, что персонажи получили лица и тела людей, своих со-рулевых, не просто так. Без этого нельзя предстать перед Авертигусом со словами «Я человек. Я такой-то. Хочу им и остаться». Авертигус – формалист.

Выяснилось, что плата за проезд состоит в том, что сидящие в персонажах люди начали быстро замещать людскую память опытом персонажей. «Уж лучше конём, — подумала Эмма и волей-неволей переосмыслила решение Джинго. Но вспомнила про остающийся риск не доехать: — Или зайцем».

— Прошли? — говорит в небе ворон ворону.

— Прошли.

— Чисты?

— Чисты.

— А что мы попросим?

— А что у нас есть?

— Сочувствие. Крррааа!

— Поэтому и попросим не для себя.

— О чём вы поёте, птицы добрые? — спрашиваю я, Эмма.

— Про время. Вам его всегда было мало, — отвечает один ворон.

— Мы поём гимн настоятельности, — отвечает ещё один ворон.

— Помнишь милая, он тебе рассказывал про часы, где ночь и день текут по разному? — спрашивает один ворон.

— Не помню, птицы добрые, не помню. Кому ваш гимн?

— Осознающему свидетелю, — поёт ворон. — Теперь будет времени много, а мира мало.

— Посейдону приходится самому делать своё место, — подпевает ворон.

— Он не может взять и пойти, — затевает ворон перекличку.

— Ему надо сделать то место...

— ... куда он хочет пойти.

Тут Эмма удивилась, какие разные могут быть у воронов голоса, и поняла, что это они, вороны, уже «прошли». А она – ещё нет.

⁂

— Волки, — буднично говорит Рату и тормозит меня. Орёт: — Мастер Ардуша, быстро наверх! Маэстро Джинго, берите вожжи.

Далеко слева-спереди летит парламент зверей. Снег и наст им зеркалом. Голодные красные улыбки. Эмма поняла, что это её экзамен.

— Слушать сюда, — чётко командует Рату, бывший тележник с крепкими руками. Я тронулась и набрала скорость, во всю свою лошадиную глотку воспевая желание пристяжных лететь за мной. — Направо забирайте! Нельзя допустить, чтобы хотя бы один гад смог приблизиться к лошадям. Успеет цапнуть за ногу – всё, бой в окружении. Можем и всех троих потерять.

Запаздывающие за туловищами хвосты. Хищническая уверенность. Голод. Стремление к мести, в котором нет ни плана, ни причины. Чернота шерсти по белому снегу в белом от пурги воздухе. Господи, как страшно! «Отож – и всех железом уничтожь», — громко, на пределе поёт Аделаида. Тридцать три ужасных пса. Видимость снижается. Аделаида кричит Джинго подавать сигнал по достижению ближайшим зверем нужной дистанции, затем замедление, ускорение, проверка пути впереди; сигнал, замедление, ускорение, упреждающий обзор. На каждом цикле я получаю в восприятии: щелчок арбалета, всплеск скулежа, новый труп или подранок. Нет, не примет мой милый смерть из-за коня своего. Жаль, что кличка у коня такая дурацкая – Кузен. С тринадцатого зверя я погрузилась в транс...

⁂

Эмма пришла в себя и поняла: судя по тому, что она вновь находилась в своём теле, экзамен она прошла. Коника не жалко – он же непись, ему ничего не станется.

Эмма нашла себя в помещении, которое сложно назвать комнатой. Это был грот. Свод пещеры. Поперёк тянутся ребристые вмятины, прорези. Предметов и мебели нет. Дверей тоже. Пол ровный, в пыли. Скорее, это пыльца. Вместо одной из стен – туманная завеса. Температура в помещении комнатная. Влажность повышенная. Пахнет лесом. Вверху огромные плавные отверстия-ходы, откуда проникает свет. Света мало. У стен растут кустарники.

Все пятеро – в забытьи или спят, лёжа прямо на мягком мху под кустарниками. Рядком. У самой стены – Вирджиния. С краю – Хакон. В центре Джинго.

Эмма направляется к выходу. Туман клочками. Она стоит на склоне огромного скалистого холма, заросшего ярко-зелёным кустарником. Небо затянуто светлыми тучами.

Вдруг она как-то резко оказалась вне тумана. В один удар сердца её зрение впитало столько, что веки сомкнулись сами собой, чтобы не повредить разум. Нельзя вместить. Она открывает глаза усилием воли, присев на почву. Нет, лучше улечься на спину лицом вверх. Вверх ли? Свет, проникнув в глаза, вновь создал зрительные импульсы, заставившие перевернуться и нелепо изогнуться в рвотном позыве. Десять ударов сердца, пятнадцать. Отлегло. Эмма прорисовывает увиденное в сознании, оставаясь добровольно слепой, вжимая веки друг в друга усилием, для которого мышцы не предназначены. Зрелище, раскрывшееся перед Эммой, оказалось немыслимо.

Эмма могла видеть необъяснимо, колоссально, головосносительно далеко! На сотни лиг. Она стояла на берегу ручья в пару шагов шириной и видела, как этот ручей уходит вдаль, видела, как он становится полноводной рекой, видела, как он превращается в широченный фьорд и морскую бухту. Эмма ошеломлена. Я продолжает сидеть на земле. Её тело охватил озноб. Она боится упасть в эту бездну. Сознание отказывается верить, что она надёжно внизу. Её руки вцепились в камни на земле. Она по-младенчески сучит ногами, её подошвы скоблят траву. У неё болят

мышцы от странных бессмысленных усилий ухватиться за что-то, когда для этого нет способа. Пальцы каменеют.

Через какое-то время здоровье и молодость берут своё. Она вытаскивает организм из шока, мускулы из онемения, а сознание из стресса. Она уговаривает себя рассмотреть мир.

— Ты цела, девочка?

— Почти непереносимо, — отвечает Эмма, не в силах отвести взгляд от саккад глаз собеседников. — Вы кто?

— Мы вороны. Я ворон и он ворон. Он ворон и я ворон.

Перед ней стоят два человека с яхтенными снастями в руках.

«Вон наша яхта», — жестом показывает один на Безмачтовую на реке, которой становится ручей. Там же стоит и водяная мельница.

Насколько хватало способностей восприятия вбирать зрительную информацию, уходят во все стороны склоны вывернутой наизнанку Великой горы и серпенты пяти Великих рек.

Эмма сообразила, что это остров в море, заполняющем большую внутреннюю поверхность титанического цилиндра. Цилиндр медленно вращался, создавая притяжение к своим стенам. И да, физически легко объяснимо, почему перед ней открылся такой широченный горизонт. Одно дело стоять на выпуклой поверхности, хоть и огромной, как планета. Другое дело – на вогнутой, где каждый последующий план ландшафта местность приподнимает для тебя, как ряды кресел в театре, чтобы тебе было лучше видно.

— Пойдём с нами, девочка. Пусть твой милый спит.

— Долго ль он будет спать, люди добрые?

— Мы тебе купим шарманку, у тебя милое личико и крепкое холстяное платье, этот мир покрутится вместе с твоей песней. Ты же хочешь свою песню, милая? Конец гейма – это начало гейма.

— Хочу, люди добрые. Но боюсь.

— Кто тут страдает? Кто тут боится? Только ты. Никто иной.

— Зачем цилиндр, люди добрые?

— Зачем же тратить лишнее вещество, милая?

— Меня расстраивает, что я умираю медленнейшей из всех, — сказала Эмма, глядя на свои молодые человеческие ладони.

— Те пятеро в гроте вовсе не умирают. Им пришлось стать одним целым. На время. И ему пришлось. Ради них. Солидарная ответственность, слышала?

— А я?

— А ты не виновата. Зато ты теперь – лектотип. Первая.

— А вы?

— А что мы, мы – вороны.

— Что это за место?

— Посейдон строит мир, раз уж прежний дожил свой век. Когда-то можно будет увидеть и далёкие звёзды, как ты видела раньше. Жизнь всегда стремится захватить всё доступное ей пространство. Но пока до дальних далей не дошли руки. Но и тут хватит места, — Ворон сделал широкий жест рукой.

— Это край мира? — Эмма показало своим существом на самосветящееся небо.

— Да. Как видишь, край мира – это не мифическая граница видимой области Вселенной, из-за которой к нам просто не успел прилететь свет. И, тем более, это не результат какого-то глупого взрыва, непонятно из-за чего, кого и для чего возникшего.

— Вы будете на краю мира?

— Зачем же. Мы будем ждать, пока появятся черепа, чьи глазницы можно выклевать. На краю мира – всего лишь продукты жизнедеятельности того, кто мир строит. Иногда они отпихиваются очень далеко, потому что строить можно сколько угодно.

— Как странно устроен этот мир, — сказала Эмма.

— Ты странная девочка, как же иначе может быть устроен мир?

— А он точно придёт?

— Куда ж он денется. Вот Мельница, вот Гидродинамик. Встанет и придёт. Подожди. Он явит себя. А блудить здесь негде.

— Когда?

— [null]

Когда яхта ушла, Эмма постояла на берегу из вежливости. Затем она подошла к двери Мельницы и открыла её, отметив с усмешкой, что ка-

кой-то хитрец подменил волос. Но так просто хорошую Гидродинамэссу не провести.

Она оживила очаг, поднялась на третий этаж, распахнув по пути ставни на втором этаже, сварила себе кофе, распечатала пачку сигарет, лежавшую возле пепельницы [в виде] черепа Св. Отца Бернарда, и села у окна, зная, что кто-то в помещении был. Или есть. Впрочем, какая разница, если на вопрос «Когда?» нет ответа.

— Неплохой фундамент для седьмой башни, — сказала она тому, кто мог присутствовать. — Осталось только реку отвести и родить.

¶

Эпилог

¶

Свет в каюту проникал вольно. Створка открытого иллюминатора поддакивала ветру. Воздух ходил везде: много влетало извне; немало его двигалось под чёрной кожаной обивкой сиденья. Звук потока, когда она меняла положение тела, был спокойным, как выдох большого кота. Тяжесть девичьей фигуры была добра по отношению к старинному яхтенному дивану.

Механические часы прикручены к столу, который, в свою очередь, прикручен к полу. Тикали, несмотря на несвободу, солидно. Девушка иногда подбадривала секундную стрелку покачиванием пальца.

На столе, как на расширении самой палубы, лежала рукописная инструкция. Прямоугольник плотнейшей бежевой бумаги вёл себя так, как будто это мебель подставили под него, а не его положили сверху. С позиции девушки на диване различима была лишь подпись: «настоятель Серафим». Брать записку в руки не хотелось. Из-за сухости кожи на пальцах, которую она вызывала. Впрочем, остальное содержание девушка помнила, в том числе – расписание. Пора идти. Большой объём предвкушения? Большой.

На стене висело большое зеркало. Девушка не сочла нужным подвергать проверке свой внешний вид. Она лишь посмотрела на рисунок сколов амальгамы, прогнала взглядом паука, притаившегося в углу деревянной рамы, и выровняла своё отражение, натянув его на приятный цилиндр. Тяжёлый, выдержанного дуба карлингс под палубой одобрительно покряхтел.

За дверью кто-то прошёл мимо, чтобы – за неимением того, что вытолкнуло бы девушку из каюты – звук шагов вытянул её наружу.

⁂

В коридоре был мужчина. Три десятка лет – на вид. Мощь в груди. Странный фасон сюртука; на линии солнечного сплетения – как бы на вырост. Рама плеч. Невысок. Причёска – отсутствием заботы – выдаёт

кромешную уверенность человека в себе. Он шагал, удаляясь. Обернулся на стон дверных петель. Взглядом из-за плеча он неумело прикрыл свой восторг от девушки. Чернущая ночь взгляда – точно в глаза. Длиной ровно в один удар сердца. Невидимая, ровная, точная, тонкая линия на палубном полу пролегала ровно меж её ног. Башмачки её, исполняя шаги вдоль судового коридора, ступали на эту линию чуть более точно посредине, нежели того требовало удобство ходьбы.

Была готовность услышать имя? Была.

— Доктор А́рдуша меня зовут, — сказал он, не останавливаясь.

Увидело свет мира и её имя:

— Э́мма Прите́хтим, — нагнала доктора девушка.

⁂

Яхта была не крупная – уже через пару десятков шагов их остановил конец коридора. Доктор открыл дверь и пропустил вперёд Эмму. Посредине кают-компании стоял огромный овальный стол. Нет, пожалуй, эллиптический. Во главе стола, то есть на остром конце эллипса, сидел человек лет пятидесяти. Это был настоятель Серафим. Место по правую руку от него было свободно. Он поймал взгляд Эммы, его лоб, переходящий в залысину, кивнул ей: «Садитесь сюда». Доктор Ардуша без приглашения уселся по левую руку настоятеля, оказавшись напротив Эммы. Стол в этом месте был узкий. Если бы доктор проявил вольность вытянуть под столом ноги, то он, даже при своём невеликом росте, смог бы коснуться Эммы.

Кроме того, за столом сидели ещё три человека.

— Добро пожаловать на континент Пятиречье. Я говорю только на местном языке. Сложные или по другой причине непонятные места моей речи Эмма будет для вас переводить, — объявил настоятель. Через Эмму.

Он встал из-за стола и обошёл его по часовой стрелке, пожав по очереди руку каждому из присутствующих, начиная с доктора Ардушы. Эмма рукопожатия не удостоилась. Завершив круг, точнее – эллипс, он вновь уселся. Яхта на якоре посреди большого озера чуть качнулась на ленивой волне.

— Миссия наша рутинна, и оттого прекрасна, — начал настоятель Серафим. — Не сомневаюсь, что командование ваше корректно провело процедуру блокировки долгосрочной личной памяти на время задания.

Вам доступны знания, навыки, а также весь полученный здесь багаж прожитого.

— Жалобы на дежавю приберечь, значит, для нашего начальства, — несколько коряво, и оттого не вполне вежливо, смешала в своём предложении на чужом языке иллукотивные силы строгая, сухая, аккуратная пожилая дама. Можно было бы сказать, что она вёрткая, но пока она сидела за столом спокойно, и это было лишь предположением. Почувствовав некоторую неотёсанность своей реплики, она попыталась скомпенсировать это, представившись: — Моё имя Лариэль Тяжёлаястена.

— Так точно, — сказал Серафим. — В то же огнище – жамевю, дежакевю, дежасенти и дежанпенсе. Но украсть у меня привилегию всех представить не получится. Ваши функции знаю лишь я. Итак...

Он вновь поднялся, зашёл за спину доктору, положил руки ему на плечи и возвестил:

— Это доктор Ардуша. Научный консультант. Именно его изобретение мы будем внедрять на этом континенте.

Затем он сместился по ходу часовой стрелки часа на четыре и, широко раскинув руки, приобнял сразу двух:

— Это Джи́нго Хатта́б и Аделаида Рату.

Джинго был высоченным лысым молодым человеком, лет от силы двадцати двух. Лицо его не выражало ровным счётом ничего. В его чертах было полное отсутствие примечательности, как будто бы перед рождением родители его имели возможность провести специальные замеры и выбрать самую не запоминающуюся физиономию на свете.

Аделаида же была молодая черноволосая женщина. Ослепительной красоты... правда, в том лишь случае, если вас привлекают дамы за тридцать.

— Вместе с не по годам вежливой Лариэль, Аделаида и Джинго являются Первыми Монархами.

— Правителями, — поправила в переводе Эмма.

— Правителями, — поправился Серафим. — Ваши лица... точнее, лики... высечены сотни лет назад в скалах. В качестве... Эмма, помогайте.

— Ничем не могу помочь. Нет аналога в иных культурных пластах. Если по-простому, то в трёх местных странах есть горы, форма которых

соответствует вашим физиономиям. С одной стороны, правда. Затылков там нет.

— Тут всего три страны? — спросил Джинго.

— Пять, — ответил Серафим. — Но на вашем месте я бы поинтересовался размером ваших изваяний.

— Гора она и есть гора, — сказала Аделаида Рату. — Гораздо интересней, откуда здесь наши лица. Сотни-то лет назад.

— Предусмотрительность, — ответил настоятель, не пытаясь скрыть разочарование. Впрочем, если приглядеться, он не старался, потому как досада была поддельной.

Эмма пожала плечами.

— И, наконец, Эмма, — сказал настоятель. — Переводчик и консультант широкого профиля. Она на континенте не новичок, хотя от конкретных, потенциально мешающих делу воспоминаний тоже временно избавлена.

— А вы? — спросила Лариэль.

— А я – настоятель, — нисколько не смутился Серафим, попросив Эмму перевести: — Руководителя же у вас нет. Вас пятеро. Голосуйте, если поспорите. Число-то нечётное. Ну что, перейдём к изложению миссии? Или сначала по чайку?

— Выпьем, конечно, — сказала г-жа Рату. Возможно, чтобы сгладить предыдущее своё проявление любопытства.

— Получается, в двух странах у нас никакого гандикапа, — проигнорировал Джинго целый ряд предыдущих реплик.

Тут, однако, все запротестовали, с шумом отодвинули не прикрученные к полу стулья и поспешили на камбуз. С утра... точнее, с самого начала новых времён ни у кого маковой росинки во рту не было.

⁂

Изрядно подкрепившись, пятёрка высыпала на палубу. Серафим остался внизу, занятый уборкой. Ни кока, ни матросов на судне не было.

— Мачт нету, — заметила Аделаида.

— А на какого они сдались, — сказала Лариэль. Меж губ её торчала лиственничная зубочистка.

— Ну, доктор, что ты там напридумывал? Что внедрять будем? — потребовал информацию Джинго.

Эмма с интересом наблюдала за тем, как трое на него уставились. Снизу вверх.

— Или голосовать будем? — возвышаясь над всеми на целую голову, убил Джинго в зачатке шансы на демократию. — Настоятель самоустранился, не слышали разве?

Пока, под давлением Джинго, доктор собирался с мыслями, Эмма наслаждалась ветерком. Воды безбрежного озера Кальдера плавно, безо всякой границы переходили в небо. Казалось, что они в желудке титанической чудо-рыбы. Чайки своими криками уже предвкушали тот момент, когда настоятель выбросит отходы от завтрака за борт.

Доктор не стал проявлять норова и выдал – привычным, видимо, для себя тоном и текстом – резюме:

— Изобретение состоит в том, чтобы ввести в оборот новые деньги. Каждый раз, при каждом платеже происходит не только пересчёт монет в кошельке, но и свершается переучёт репутации и готовности к следующему платежу.

Люди некоторое время переваривали услышанное. Затем Рату попросила уточнить:

— С репутацией примерно понятно. Но что это за готовность к сле...

— Заплатил – расстался с монетой, — вмешалась Лариэль. — Значит обеднел. Значит стал более рисковым потенциальным партнёром в будущем. Пока снова не разбогатеет.

— Как-то так, — согласился доктор.

— Но ведь... наоборот: если уже была сделка, то в следующий раз разумно ожидать повышения надёжности, — возразила Рату.

— На то есть компонента «репутация», — снова влезла г-жа Тяжёласистена.

Эмма с удовольствием покачивалась, уперевшись каблучками в палубу и прислонившись спиной к упругому пеньковому лееру. Доктор вызвал бы в ней любопытство, если бы в ней сейчас было место для любопытства. Высадка в новой миссии – не сахар, даже для опытного социо-десантника. Так говорила Неизбывная Инструкция. Вырасти сейчас из груди Ардушы горб размером с дыню – она б и тогда не удивилась.

Доктор не стал высказываться по поводу соображений Лариэли, просто сложив губы в жесте, дескать, очевидное говорит старуха, что тут добавить.

В устье трапа показалась физиономия настоятеля. Он не стал утруждать себя ни подъёмом на палубу, ни даже окриком. Сверкнул снизу лысиной и был таков. Все верно расценили манёвр как приглашение продолжить рабочую сессию в кают-компании.

⁂

Когда рассаживались, Джинго нарушил порядок, выставленный настоятелем, и плюхнулся вместе со своим сдержанным запахом на стул напротив Эммы. Ввиду большей длины ног, избежать случайного касания коленями под столом не удалось. «Растопырился тут», — подумала Эмма. Ни Серафим, ни доктор не обратили внимания на вольности Джинго.

— Самое время вознести молитву, — утвердительно спросил настоятель.

Все уселись поровнее. Настоятель запел на родном языке группы, немного коверкая заученные фразы:

— Оух, много умолчание стОит да ложь! Без многой памяти не обойтись лжецу...

Аделаида, Эмма и Лариэль подхватили:

— А хочешь помнить всё – тогда положь палачу на плаху всю силу свою. Манит честного раем Творец! ГрехИ, обещает, твои заберу. Но лаем лживый пугает мудрец...

Тут подхватили все мужчины, и молитва была завершена хором:

— ... взаимного дыхания ве-ру. От взаимного с Богом дыхания тяжёлая обмана рухнет стена. Не вру, не вру, не вру – смогу ли я, сказать тебе, что по-ве-ри-л(а), — на предпоследнем слоге все мужчины, включая настоятеля, естественно выпали из пения.

По телу Эммы разлилась привычная теплота.

Настоятель тут же перешёл к делу.

⁂

— Раз уж вы ухватили суть требуемого континентом нововведения, с механизма платежей и начнём.

Он вновь, в который уже раз, обошёл эллипс по часовой стрелке и раздал каждому по небольшому медному приборчику, объёмом в пару пальцев взрослого и опытного мужчины, не больше. Все с интересом и даже не без удовольствия покрутили их в руках – на устройствах были приятно и упруго щёлкающие небольшие роторы.

— Механика? — спросил Джинго.

— Механика и оптика, — подтвердил настоятель. — На континенте в принципе нет электричества.

— И знаний о нём? — спросила Рату.

— И знаний о нём, — кивнул настоятель. — Практических. Какие-то книги Предков, конечно, есть, но в жизни людей эта материя не участвует.

Он сделал паузу.

— Так и должно остаться, — сказал настоятель. — Эмма?

— Так и должно остаться, — перевела Эмма то, что и так все поняли, несмотря на ограниченное знание языка.

Все лишь пожали плечами – мол, не стоило и упоминать. Насмотревшись на устройства, все выжидающе уставились на настоятеля.

— Это бартер-девайс. По-местному: обменяшка. При соприкосновении и нажатии обмениваются данными. В такие устройства и должна быть внедрена культура новых платежей.

— Алгоритмы подсчёта инкрементов репутации и риска – на нас? — спросил Джинго на своём языке. Эмма перевела.

Настоятель указал на доктора, тот кивнул.

— Как и сама организация цивилизационной привычки. Ваша миссия рассчитана на год и три селены, то есть пятнадцать селен, — подытожил Серафим.

— Нереально, — отрезала Лариэль.

Серафим выдержанно пояснил через переводчицу:

— За это время нужно лишь добиться устойчивого тренда. Роста приятия идеи. Конечно, нереально достичь за год насыщения. На континенте проживает миллионов двадцать человек.

— Всё равно нереально, — покачал головой Джинго. — Только на организацию производства уйдёт половина времени.

— Обменяшки есть у всех, — удивил социо-десантников настоятель.

Пауза затянулась. Никто не хотел брать на себя роль дурака, чтобы задать очевидный вопрос.

— Зачем они им, если платежи пока обычные, монетами, хотите спросить? Отвечу, — выручил всех Серафим. — Они обмениваются объявлениями таким образом. Мыслями вслух.

Рату пересчитала роторы на приборе:

— Тринадцать букв? — удивилась она краткости максимальной длины сообщения.

— Иероглифы, — пояснил настоятель. Роторы выставляют не буквы, а пиктограммы. Одну из ста восьми.

— Аа, — протянула Аделаида Рату с пониманием. — Чрезмерно сложная грамматика языка вынудила создать нишевый альтернативный коммуникационный канал.

Наставник очевидным жестом отметил ум и догадливость Аделаиды.

— Какого лешего, кстати? — спросила с раздражением Лариэль. — Откуда у них такой полный морока язык?

Необычно гладкие, живые и блестящие для такого возраста волосы её колыхались из стороны в сторону, пока она качала шевелюрой в жесте недоумения. Эмме вдруг захотелось погладить старуху по голове. Не для того, чтобы успокоить, но напротив – чтобы украсть немного её внутреннего флегматизма, обилие которого Лариэль тщетно пыталась замаскировать.

— Исторические причины, — ушёл от ответа настоятель. — И ещё одна важная вещь...

Он достал из своей сумы пять шкатулок и начал было новый обход стола, но тут же застыл, потом сменил направление – пошёл в этот раз против часовой стрелки. Видимо, чтобы не показаться ритуалистом.

— Как вы знаете из Неизбывной Инструкции, вмешательство не может быть ресурсоёмким. Как метко выразился коллега Джинго, у вас всего один гандикап, если не считать само изобретение и стоящую за ним теорию доктора... — сказал настоятель, частично – через Эмму.

— Взглянуть бы на эти лики-изваяния... — вновь забрюзжала Лариэль.

— Вот! — настоятель ткнул в её направлении пальцем. У него получилось это сделать как-то терпеливо, без обиды в жесте или острастки: — К этому и веду. Открывайте ваши шкатулки.

Эмма сдвинула деревянную плашку и позволила крышке поддаться силе пружинки. Внутри были… Сложно сказать, что это было. Мусор какой-то.

— У меня порченая! — воскликнул Джинго.

— И у меня, — сказала Рату. — Тут немного свалявшейся шерсти вперемешку с волосами. И всё.

Для убедительности она перевернула шкатулку и высыпала мусор на пол. Настоятель Серафим крякнул от досады и буквально подбежал к стулу Аделаиды, чтобы собрать мусор обратно в шкатулку. Эмма не могла бы сказать с уверенностью, что расстроило его больше – недавняя его бессловесная, но явная похвала в адрес Рату или же сам факт неосторожного обращения с ценным реквизитом.

— Моя вина, моя вина, — бормотал он. Распрямившись, он провозгласил: — Это «нити лжизни», единственная доступная вам не местная технология.

— Что за лжизнь ещё? — проворчала Лариэль.

— Жизнь, неотделимая ото лжи, — пошутил Джинго.

Пока Серафим отряхивал от пыли (в этот раз – действительно просто пыли) штаны на коленях и рукава сюртука, пока он приходил в себя, эти двое успели изрядно позубоскалить на своём родном языке. Рату, конечно, притихла. Что делал доктор Эмма не знала, так как смотреть на него было себе дороже – в ответ обязательно получишь взгляд в три раза дольше.

Серафим проинструктировал Эмму, а она, в свою очередь, группу:

— Лжизнь – это широкое понятие, включающее в частности «представление», «натуральный театр». Кино вместо жизни, но не хуже жизни, так как жизнь сама – не то, чтобы прямо-таки жизнь. Что-то в этом духе. Короче, это запись на плёнке. Надо взять комочек в щепотку. Вот так…

Хотя подушечки пальцев заблаговременно чуть заныли, предвосхищая сухость, Эмма взяла пучок грязных волос, чтобы показать… и оказалась в другом месте.

¶

Сначала ей показалось, что она муравей, стоящий на дрожащих лапках перед гигантской мраморной колонной храма какой-то забытой эпохи. На плинте колонны сидел старик в старом свободном сюртуке. Уходящие ввысь огромные каннелюры начинали свои вертикальные углубления много выше его головы – так огромна была колонна даже по сравнению с человеком. Что уж говорить о муравье. Колонная стала покрываться выбоинами, щербинами и постепенно колонна превратилась в скалу. Тело старика, его роба – то ли художника, то ли священника – слилась с горой. Осталось только лицо. Мощное лицо старика с длинными кудрями. Если бы она представляла его тело, только лишь глядя на рельеф Изваяния, он предстал бы ей титаном. Но она видела его сидящим на основании колонны. Он сидел и болтал ногами как школяр. Забыть это было нельзя. Тем не менее, Эмма не могла не признать, что именно в камне, именно в таком колоссальном масштабе его лицо выглядело наиболее убедительно. Она наконец отвлеклась от Изваяния и взглянула в сторону, на небо. И тут её захлестнуло нестерпимым и ровным сиянием...

¶

— Эмма, Эмма! Вы в норме? — вывел её из лжизни настоятель. — Возвращайтесь к группе, пожалуйста.

— Всё хорошо, — сказала Эмма, выдувая из носа запах нагретого камня.

В кают-компании, на полу-ломаной смеси языков, шло обсуждение. Все, оказывается, посмотрели... нет, посетили все пять изваяний. Эмма была единственной, кто застрял так долго на первом же.

— Теперь понимаете, что это надо было увидеть воочию? Чтобы посетить их все, у вас ушло бы полгода, — ворковал Серафим, довольный произведённым эффектом. — Вот такой вам гандикап-гандикапище... Давайте помолимся.

В этот раз настоятель ограничился короткой молитвой. Он начал, и все подхватили:

«Лютня станет луком, явит струна тетиву – дабы прижаться боком к Богу в тесном гробу».

Выждав положенные тридцать три удара сердца после молитвы, Лариэль спросила:

— А чего это наши Изваяния покрыты какой-то оспой, а те двое – как новенькие?

— Да! — еле удержался Джинго, чтобы не ударить кулаком по эллипсу в знак поддержки. — Почему наши покоцаны?

— Совпадение, — твёрдо сказал настоятель на родном языке участников миссии.

Старуха вдруг, ни с того, ни с сего, подмигнула Эмме.

— Отдыхайте сегодня, — Серафим отмахнулся ото всех кистью правой руки. Он явно был в настроении избавиться от «коллег».

На выходе Лариэль легонько ткнула Эмму локтем: «Вот так софпидение». Старушечий жест усложнил и так пока бесплодные раздумья Эммы: от чего же на самом деле отвлекал настоятель своей шутовской ложью на языке, который изначально эволюционировал как средство внутривидовой манипуляции.

⁂

Ночь наступила без заката. Просто так.

Эмма присела на диван, испытывая соблазн просто лечь и уснуть. Свежие простыни лежали на табурете, сложенные треугольником.

Снаружи поскреблись:

— Можно, милая? — старуха Лариэль засунула голову в приоткрытую без разрешения дверь.

— Заходите.

Когда г-жа Тяжёлаястена зашла и притворила за собой, женщинам пришлось снова выйти – с палубы послышался шум. Экстраординарного порядка. Эмма подумала, что кого-то прищемило якорной цепью.

⁂

На палубе было пятеро мужчин. Точнее – четверо мужчин и один старик. Последнего было сложно не узнать. Оказалось, что в жизни кудри у Изваяния – сизо-стального цвета. Камень веков был ему просто к лицу. Живой же он был великолепен и чудовищен. С ним был какой-то самодовольный, слегка пузатый здоровяк.

— Хакон... — хрипело пробитое горло настоятеля. От стоял на коленях.

Доктор в это время суетился, дёргался. Рука его то и дело взмахивала куда-то за спину. «Нашёл время почесаться между лопатками», — просквозила в голове Эммы нелепая мысль. Хлопоты консультанта по экономике были безнадёжны и непроходимо бесполезны.

Чёрный меч в руке старика Хакона был в своей непоправимой простоте лютым, как безразличие Космоса. Тремя бесхитростными махами ожившее и не опороченное каменной оспой Изваяние отсекло доктору три конечности – одну верхнюю и две нижние. Из разрезанных карманов высыпался мох. Рассечение также выявили и другое скрытое содержание костюма – сухую микромельницу.

— Три штуки, как оне любят, — спокойно сказал наблюдающий здоровяк.

— Я и считать-то дальше не умею, любезный Плата-Пансо, — ответил старик бытовым тоном.

— Чегой-то он без оружия-то был?

— Так гордыня.

— Как так?

— Тоспехо, голова садовая, трость Клогтя когда ему отдавал, брякнул, мол, это от хромоты.

— А, вон оно что... Не признавал себя уродом, значит.

Обойдя валяющееся на палубе туловище, которое издавало глоткой доктора звуки и поливало кровью доктора плотно прилегающие друг к другу деревянные рейки, Хакон подошёл к г-ну Хаттабу.

Эмма в этот только миг почувствовала, что ей нужно что-то сделать. Хотя бы заорать. Но либо она мыслила медленно, либо мужчины жили быстро – было поздно.

Хаттаб подмигнул старухе, прижал подбородок к шее и вытянулся по струнке.

— Понял тебя, — сказал Хакон. — Достойно.

Он ударил мечом плашмя по лысой голове, и та раскололась сверху, как орех. Омерзительный звук черепа смешался с благородным звоном металла. Запахло чем-то, чей одор Эмме слышать прежде не приходилось. На плече его проступило сквозь одежду кровавое пятно, хотя старик не колол и не сёк.

Эмма оглянулась. И Лариэль, и Аделаида были без чувств. Эмма не знала, в какой момент это с ними произошло.

— Пынгвины наверняка есть в трюме, — сказал Хакон напарнику, присев на кабестан в позе усталого человека.

— Пингвины, медная твоя голова, — здоровяк отправился по трапу вниз.

Старик с необъятным сочувствием посмотрел на Эмму:

— Ты молодец, девочка. Ты молодец. Вон какая сильная.

Она, обхватив голову руками, сидела на корточках и чуть покачивалась, механически балансируя мышцами в ступнях.

Плата-Пансо вернулся из трюма с несуразной огромной деревянной коробкой, размалёванной черной и белой красками.

— А чего один? Три надоть, — сказал Хакон.

— Да погодь ты, — отмахнулся одной головой здоровяк, как попало запихивая настоятеля в ящик.

Он провозился какое-то время, затем с надеждой в голосе спросил:

— Может ну их. Чо им туда? Неохота снова идти.

— А этого куда? — засомневался Хакон, указывая на труп Джинго.

— Трещину-то? Дислоцируем к чертям.

— Да-да. Именно что к чертям, — чуть задумался старик. — Ну, Вельзевул с ним. То – милосердие для него. Он и так устал мыкаться-то. Сколько можно. Я думал три пынгвина будет красиво. Ну да ладно.

— А этот? — спросил Плата-Пансо. — Будем заворачивать? Экономиста хуева. Философически выйдет.

— Не... ему научно-философская оболочка – это прям как ремни для ритуала. Его прёт от качественной кожи на чёрных путах.

— Может его мордой в подушку – и того? — предложил здоровяк.

— Да он сам может.

— И то правда. Величия-то лишён.

— Скажешь тоже, величия лишён. Просто низкие цели.

— Ладно б ещё цели. А то ж – цель.

— Как его задушегубить – нет смысла голову ломать – души-то нету.

— Пусть валяется тогда?

— Пусть валяется.

— Мож, причинку ему отсечь?

Хакон только махнул рукой – той, в которой меча не было. Он подошёл к Эмме:

— Ты с нами полетишь, внучка. Пошли, дорогая.

— А эти чо? — здоровяк кивнул на двух женщин в отключке.

— Оставим на суд друг другу. Больше их судить некому. Тем более что одна из них напонталыкалась в этом деле. Устал я от них.

⁂

Гондола дирижабля представляла собой карету. Вернее, карету-катафалк. И без колёс. Летели часа два. В карете была Эмма, Хакон, Плата-Пансо и ящик с настоятелем. Кроме того, в углу стояли какие-то медные цилиндры и мотки гибких трубок. Чем дирижабль приводился в движение, Эмме размышлять не хотелось.

Несмотря на шок, какое-то время Эмма даже поспала.

— На континент хочешь посмотреть, дочка? — спросил Хакон.

Эмма осторожно кивнула. Окон в гондоле не было, свет исходил от лампадки. Она надеялась, что в кабину пустят свежий воздух.

Этого не произошло. Старик сдвинул панель. Появился прозрачный прямоугольник. Свет снаружи был очень слабым. Тонко засвистел воздух. Плата-Пансо принялся качать ручку на одном из цилиндров.

— На морскую звезду похож, правда? — пригласил старик девушку к окну.

Эмма увидела весь огромный остров сразу. «На какой же высоте мы летим», — изумилась она молча.

Она кивнула, дескать, спасибо, и отсела от окна.

— Люди тутока – как микробы в кишках, — сказал Хакон.

Девушка непонимающе посмотрела на него.

— Это организмум, милая. Третий репликатор, — пояснил Плата-Пансо.

Эмма вдруг посчитала возможным что-то сказать.

— Почему третий, дяденька? — то были первые её слова.

Она вдруг занервничала, задёргалась, зашевелилась, как будто вместе с репликой вылетела какая-то пробка, и теперь из неё всё высыпалось и выдувалось.

— Так потому, что после двух.

— Что ты девке голову морочишь? — сказал Хакон. — А ты, слышь, бедовая – не елозь тут. Притхима, тебе говорю!

Эмма и вправду несколько успокоилась. Здоровяк продолжил:

— Старый болван не даёт мне тебе сказать... как бы... первый вашу планету-матушку под себя перешубуршил. Второй... а что второй? Хакон, медная голова, а что второй?

— Второй коротенькие мысли множил. Прибаутки. Насрал ими так, что сначала лбов нарожал пустозвонных, а потом и вовсе вот это вот, — стукнул Хакон каблуком в дно кареты, — чьим говном вы стали. Тебе, внучка, просто поверить нужно. Ты почувствуешь.

⁂

Эмма потеряла счёт времени. Иногда она спала. Иногда ей давали пить. Иногда подкармливали печеньем. В задней части кареты, как выяснилось, было оборудовано хоть и страшно неудобное, но вполне себе отхожее место.

Сейчас Хакон пел:

¶ Видишь женщину, но не мать.

¶ Долгий эон у дверей Мельницы.

¶ Милому ни жить и ни умирать,

¶ Не осталось у нас страха пустоты.

¶ Скован любимый стеклянным сном,

¶ Брошен пьяным в дверях миров.

¶ А мне тесно, мир стал шатром,

¶ Кости бога сбили мне руки в кровь.

— Не помнишь? — спросил он с печалью. — Конечно, не помнишь. Ничего. Скоро увидишь Цилиндр-матку.

Эмме не захотелось спрашивать, что за матка. Но Хакону и не нужен был вопрос.

— Авертигус иш сонный, управляет, ленивец круглый.

— Да кого он управляет... — здоровяк сидел на переднем ряду и пил горькую. Пахло так себе.

— Людишки дают кипешение, — говорит Хакон.

— Культурный шум это называется, медная твоя башка.

— Решают задачки, случайные числа родят, — бормочет Хакон. — Обслуживают сортиры, куда Сам-то лезть не хочет.

Эмма констатировала внутри себя предположение, что они оба упились вдрыск. «Куда мы летим? С кем я лечу?!»

— Вера смирения опять же поганая. Взаимное дыхание, хвост ей в глотку, — перешёл на откровенное богохульство старик.

Эмма чувствовала во всех членах необычайную легкость. Она не была уверена, что это не сон.

Плата-Пансо стал ребячиться и заливать пойло в глотку с расстояния, запрокидывая голову. Жидкость текла медленными бесформенными пузырями. Вдруг он встрепенулся:

— Предки добросовестные, Хакон! Как она танцевать-то будет в невесомости?!

Хакон ударил себя ладонью по лбу.

— Сдвигай всё к бортам, — приказал он.

Старик присел вплотную к Эмме на корточках. Он посмотрел ей прямо в глаза. Очень долгим взглядом. Эмма не могла не признаться в себе, что этот ужасный… непредставимо ужасный человек… он ей не страшен. И даже не противен.

Он взял её сжатые кулачки в свои руки.

— Послушай, дочка. Внучка… Тебе надо станцевать. Покружись. Тут неудобно, но… делать нечего. Очень надо. Тебе надо.

Эмма, естественно, ничего делать не стала.

— Танцуй, дура! — заорал Хакон дурным голосом. — Кружись!

Эмма поднялась и стала поворачиваться, двигаться. Как-то боком, боком. Веса в ней почти не было, она то и дело подлетала и стукалась головой о потолок кабины. От этого происходили смешные звуки, если бы можно было смеяться.

Хакон пел страшным, мощным, тугим голосом:

¶ В руку скрипку, в голову звон.

¶ Под ноги неплоскость, воде поклон.

¶ Я вращает круга миг.

¶ Я танцует круга крик.

¶ Да не буде воля моя, моли...

⁂

Вместе со снижением веса Эмма теряла ощущение времени. И это почему-то повышало чувство ритма. Старик продолжал петь. Мелодия поглотила Эмму.

¶ Проклятия из горла – вон.

¶ Восьми ветров возмездья стон.

¶ Волны в пустоте состриг.

¶ Я танцует круга крик.

¶ Да не буде воля моя, моли!

¶ Учёт амплитудам волн.

¶ Я кружит, отныне я – он.

¶ Я замыкает неба круг.

¶ Я рисует сорок мук.

¶ Да не буде воля моя, моли!

Если бы тяжесть позволила Эмме упасть в изнеможении, она бы рухнула. Но тяжести не было. Совсем. Девушка притянула себя к сиденью и сжалась на нём птичкой.

— Контакт! — воскликнул Плата-Пансо. — Мы на нити. Скользим!

Долгий час они висели обезвешенные внутри катафалка. Движение передавалось лишь звуком откуда-то сверху, как будто пальцы великана вели по толстой как канат струне лютни. Не прикреплённый ничем ящик с настоятелем стукал время от времени своими углами то по полу, то по потолку. К противоестественному удобству команды дирижабля, короб был почти соразмерен внутренней высоте кабины – долбило его не сильно.

⁂

Наконец всё встало. Хакон бесцеремонно натянул на голову Эмме какой-то пузырь и накачал под него воздуху одним из медных цилиндров. Ту же процедуру мужчины проделали с собой. Старик туго обвязал девушку ремнём и пристегнул с помощью карабина и линя к себе. Плата-Пансо так же поступил с Хаконом. Ящик здоровяк привязал к кисти своей руки.

Когда Хакон открутил массивную планку, дверь вылетела наружу как от удара кузнечным молотом. В обеих руках старика и в одной руке его напарника взялись откуда-то крупные резиновые конусы. Они выплыли наружу. Было очень холодно. Конусы оказались присосками. Эмма посмотрела бы вниз, если бы она знала, где низ. Кругом был лишь неплотный туман. Перед ними была белая матовая стена, уходящая во все стороны дальше, чем позволяла разглядеть мгла. Шлёпая присосками, оно подобрались к огромному люку. Хакон провозился с ним некоторое время, но было видно, что мужчины здесь не в первый раз. Очень уж точны были их действия.

За люком было небольшое цилиндрическое помещение. Эмма ухватилась за один из множества поручней.

— Шлюзилище, — сказал Хакон. Слышно его было плохо. — Скороть зачистимся.

Через некоторое время он снял пузырь с себя, а затем с девушки.

— Ещё одна дверь, милая, – и приплыли. Совсем приплыли.

«Нашёл время подбадривать», — подумала Эмма, которой к этому времени стало казаться, что она контролирует ситуацию. Она гнала от себя мысль, что дело в нелепом танце. С каждой минутой она чувствовала себя всё лучше и лучше. Запел бы сейчас старик – она б спела вместе с ним.

— А ты еду взял?! — воскликнул Плата-Пансо.

— Я и выпить прихватил, — похлопал себя по нагрудному карману Хакон. От этого его сдвинуло в какую-то сторону, хотя тут, в этом цилиндре, и сторон-то никаких не было.

— Ну что там? — проявлял нетерпение здоровяк.

— Всё, открываю. Не егози.

⁂

Проплыв через портал люка, они попали на небо. Точнее и не скажешь. Со всех сторон были звёзды и Космос. Космос и звёзды.

— А? Каково? — Эмма в первый раз увидела настоящую улыбку Хакона. Она тут же поняла, что большую часть жизни с ней он и прожил. Просто встретила его Эмма слишком поздно.

— Прозрачные стенки шагах в ста. Всю наружу видно, — сказал Плата-Пансо, как будто показывал свою усадьбу дальнему завидующему родственнику. — Вот она, матка.

Эмма только сейчас поняла, что то, что ей казалось странно выкрашенной стеной в форме диска прямо по курсу, было вовсе не стеной. Это был конус каких-то нечеловеческих размеров.

В основание его уходил ствол, примерно как у полсотлетней берёзы толщиной. Он был всепоглощающе чёрным. На нём не было ни малейшего блика, и оттого форма объекта угадывалась лишь умозрительно. Наверное, это был цилиндр.

— Вот вишь чо, — сказал Хакон.

— Ну объяснил, старый дурень, — с лёгким, несущественным упрёком сказал напарник. — Смотри, Притхима...

Он зафиксировал себя на скобе, а потом прикрепил и Эмму. Хакон справился сам.

— Откуда мы пришли – там один цилиндр. В нём – континент. Вот это, перед нами – это второй.

— Сам ты второй. То как раз первый.

— Правильно. Тот – это матка.

Эмма не выдержала:

— Что вы заладили – матка, матка. Кто кого родил?

Мужчины переглянулись.

— Да растолкуй по-предковски, — предложил Плата-Пансо.

Хакон кивнул.

— В интерфазе, в одиночном существовании, Цилиндр плавает в точке Лагранжа, — сказал он. — Он потребляет астероидное вещество, энергию. Ведёт астроинженерную деятельность, внутренние люди живут, производя культурную «ферментацию». Но есть проблема: коррекции орбиты вызывают гироскопическую прецессию и «землетрясения». Это создаёт риски. Принцип конкурентного отбора давит в сторону решения этой проблемы. Поэтому далее случается инициация репликации, аналог митоза. Ясно?

Эмма немного опешила, но сделала жест, мол, да, ясно.

— Оптимальная конструкция: парный контрвращающийся цилиндр...

— Это вот откуда мы прибыли, — вставил здоровяк.

— В итоге, — продолжил Хакон, — неизбежные мутации: в форме гиростабилизации, в алгоритмах жизнеобеспечения, в толерантности к человеческому поведению, в энергетических профилях. Далее распад пары. Фазы гаплоидности. Короче, жизнь. Будет. И мы в ней – хуже говна. Впрочем, мы и в среде второго репликатора были лишь дерьмом.

— Это вы меня так на экскурсию пригласили? — Эмма начала понимать гораздо больше, чем ей хотелось бы.

— Эй-эй, ты погодь-погодь. Хакон, смотри, она раскипятилась. Щас нам головы открутит, не успеем попросить.

— Чего попросить, придурки?!

— Тут такое дело... — Хакон сделал успокаивающий жест, как бы отталкивая от себя подушку с воздухом.

Сработало.

— Дай нам минутку, — вежливо попросил Плата-Пансо.

Они заспорили меж собой.

— Мы за каким лешим ящик сюда притащили? Ты не мог там выпотрошить?

— Настоятеля-то? Ты чего, дурья плесень?

— А чего?

— Мы его ща настоятельным свидетелем сделаем.

— Настоятельным?

— Ну да. Понял?

— Аа! Теперь понял.

— Вот. Евоное присутствие сделает дело окончательно свершившимся.

— Инстанция, перхоть подзалупная.

— Кто потрошить будет?

— Ты.

— Да нет уж – ты.

— Монетку подбросим?

— Ну подбрасывай, дурий лоб, без тяжести.

Перепирательство перешло совсем уж на шёпот, и, видимо, победителем вышел Плата-Пансо. К чему-то неприятному, судя по лицу, приступил Хакон.

Он отплыл с ящиком подальше, перезакрепился.

Хакон одел на свободную от меча руку перчатку. Раскрошив гробищу в пару ударов мечом и отправив в полёт хилиады осколков, Хакон схватил настоятеля за грудки. Тот как-то чудно вывалился, но старик ухватил его за цепь, что у того была под одеждой. Кулоном был золотой толстый лев.

— Ишь ты, тоже мне, Асёлслан, — злобно ворчал Хакон. Плотный воздух с лёгкостью доносил его слова. — Порасплодили графьёв. Пусть опростится. Сколько ж можно было вывозить сектантов-то за океан. Воскрешение за это продал, гад такой.

Видно было, что старикан оттягивает неприятный момент, как может. Наконец он собрался с духом и пошинковал настоятеля на несколько кусков. Переливающиеся красным сферы крови полетели в разные стороны. Хакон присмотрелся, изловчился и схватил что-то в воздухе.

Он вернулся к спутникам и покрутил рукой в перчатке. Между пальцами его был комок шерсти с волосами.

— Будем просить или пусть сама? — спросил Хакон напарника, невежливо игнорируя присутствие обсуждаемого лица.

— Пусть сама. Только давай поясним про нить.

Хакон помялся, подвигал челюстью.

— Эмма, видишь ту чёрную штуку? У неё посредине что-то типа подшипника. Кажется, что она неподвижна, но это потому, что ствол не отражает свет. На самом деле, ближняя к нам часть медленно вращается в одну сторону, а дальняя – в другую. Смычки не видно. Но она есть.

— Очень полезная информация, — уведомила Эмма.

— Ты это... возьми щепотку вот эту пожалуйста... это нить лжизни. Возьми, пожалуйста.

Мужчинам было невдомёк, что последние полчаса Эмма с трудом сдерживалась, чтобы самой не заняться теми делами, которые два дурака делают так нестерпимо долго.

Эмма поместила мусор между пальцев.

Три бесконечные минуты Хакон и Плата-Пансо смотрели на её лицо. Самое милое лицо во всём свете.

— Ну чего там, дочка? — спросил старик. Лицо его было – само предвкушение. Или нетерпение. В невесомости толком не разобрать. — Вспомнила?

— Наливай давай, чего-чего, — сказала Притхима. — Это с рапиры запись, все наши похождения.

— То я знаю, внучка. Мы-то, — Хакон толкнул Пансо в бок локтем, отчего тот завращался всем телом, — мы-то – те же, старые, с того ещё Цилиндра. Серафим сожрал волос бога, мы заприметили вовремя.

— Я же говорю – наливай. И вы – не с того тоже.

Плата-Пансо, вернувшись в условно вертикальное положение, заявил:

— Я памяти не терял. Всю дорогу. Все пять лет. Как от вас срулили тогда на озере возле вмёрзшей яхты...

— Ты наливай, говорю, — повторила Притхима.

Бывший мажордом соорудил из нескольких компонент бутерброды, весьма умело для таких сложных бытовых условий, а затем большая бутылка с джином пошла по кругу. Круге на третьем Притхима сказала:

— Доктор, то есть каропус, судью-то подкупил. Оказывается.

— Ого! — взревел Хакон. — Чем же?!

— Рату потребовала, чтобы она была номер два, после каропуса, и чтобы Виргилия - ниже.

— Так не вышло ничего, ни у горе-первого, ни у горе-второй, — напомнил Плата-Пансо.

Притхима возвела очи к небу в жесте притворной усталости от гулпости:

— Какая разница? Нет разницы. Авертигус привёл в исполнение вердикт, не имевший законной силы в силу коррупционного характера слушания.

— А чего он исполнил-то? — не понял Плата-Пансо. — Он же просто ответчик был.

— За каким лешим Аделаиде надо было непременно поперёд моей бывшей Любы-то залезть? — не понял Хакон своей части.

— Ты со своими родственниками, Хакон, сам разбирайся. Они, похоже, обе тебе как-то родственны. А тебе, Пансо, пора бы знать, что у Авертигуса рот в собственной же жопе. Уроборос же он.

— Потому что круглый? — поинтересовался Плата-Пансо.

— И это тоже.

Хакон добавил:

— Не, его давно наизнанку вывернуло, через жопу – Тоспехо нам показывал. Жаль, ты не видела тот спектакль, внучка.

— Короче, — продолжила Притхима. — Доктора он обманул, первый мир был не настоящий. В результате иска он реально построил станцию. Реальную станцию. Вот эту. Можете себе представить?

— И чего? — не поняли немного пьяненькие уже мужчины.

— Чего-чего, — сказала Притхима. — Незаконно это. Пойду ему рогато пообломаю.

После чего Эмма запела.

¶ Я душу реки в железных рук своих силах

¶ Сорок по сорок — картонная кожа,

¶ Три раза нельзя — дерево в жилах,

¶ Пятьсот без тринадцати — можно!

— А у тебя получится, внучка?

— Ну конечно. Вся заварушка – это исполнение кляузей контракта доктора с мицелием.

— И чего?

— А я – главный объект договора. Награда как бы.

— Всё равно не понял.

— Сила, память и свобода воли – в круговом балансе. Воли они у меня по контракту формально лишили. Я ж объект у них по бумагам, не субъект.

— Так и что?

— Что-что, — Притхима зычно отрыгнула большим пузырём паров джина. — Сейчас напьюсь, память со свободой будут на нуле. Следовательно сила – бесконечна.

— Что-то ты загналась, девочка моя... я так посмотрю.

— Эй, Пансо, скажи ему: ты ж был объектом изначально, каково оно.

— Таково и больше никаково, — поворочал заплетающимся языком Плата-Пансо. — Подтверждю. Подтвердьждю. Мажордю. Я ещё и мажордомом был. Как Виргилию с Тоспехо похоронили пять лет как, так и не пили толком-то даже, сильно то...

— Всё. Отдыхайте там.

Она упруго оттолкнулась от стены и безо всяких линей полетела к подшипнику.

¶ Трупы рек в моей последней слезе,

¶ Число на песке – семнадцать.

¶ Совершеннолетие в моей руке,

¶ Пора начать, пора подняться.

— Что ж вы говорите, не отражает, — прилетели слова Притхимы. — Вот же на не вращающейся части табличка дюралюминевая приклёпана. «Децентрализованная автономная организация ‘Терапевтический курорт Седьмая башня’; дата основания 25 мая 2025 г.; бескорыстный основатель и первый полный владелец: Хакон Тоспехо Гудман (формери Тяжёлаястена)». Эй, Хакон, а что такое «формери»? Вот ты тоже, конечно… любитель память на свободу разгильдяйства повыменивать.

Она обхватила чёрное вращение как ствол дерева. Она стала душить чёрное вращение. Она душила, превращая моменты инерции титанических тел в то, во что никого и ничего превращать не следует.

А Хакон, в миллиардах осколков разрушенных титанов, говорил своему другу:

— Элементалия божия – не для двоения, не для списывания создана. Непись это. К чертям эту двойную мельницу. Тоже мне хромосома выискалась. Приверженность троице-то фальшивая оказалась.

Улыбки их абсолютный холод Космоса застудил Изваяниями до конца Времён этой конкретно Вселенной.

¶

Кода

¶

В неприлично обширное помещение под шахтой лифта – размером в то, что находится под самим Окулусом – приоткрылась небольшая дверца. Снаружи в помещение вплыла осторожно опростившаяся бородка. А потом голова, а потом и весь организм в белых одеждах.

Опосля всего тела в помещение вплыла трость. Визитёр держал её в руке не в качестве опоры. Он шёл по мозаичному каменному полу так, словно элементы узора должны были оказаться там, куда ступит нога, а не наоборот. Не факт, что это способствовало удобству ходьбы. Поперёк его траектории проскочила быстрая серая мышь. Что поделать: хотя помещение было огромно, это не отменяло того, что даже оригинальный, подлинный, изначальный Окулус был всего лишь дырой для уходящего к небу смрада и дыма.

— Как остроумно, — сказала бородёнка, обернувшись на табличку на двери: — «Лифтёрская».

— Графф-каунт! Добро пожаловать. Видели новости?

— Ха. Ещё никому не удавалось лицезреть самого себя, даже мне.

— Но звёздочку-то в небе видели?

Граф пожал плечами, исследуя зал глазами и ушами.

— Какой хороший говорящая труба, — оценил он. — Какой звук. Надо же. Акустический волновод?

— Да. Пассивный слуховой ход. Выявлению не подлежит. Электричества на том конце не ест. Просто мембрана из тонкого рога.

— Волновод – тяжёлый медь?

— Бронза. Два дюйма. Тринадцатый век.

— Хох. Полагаю, полости Гельмгольца в средний линия?

— На 487 герц. Совершенно верно, дорогой граф.

— О мой бох! Настоятель! Что ты говорите! У вас и зрительный канал! Тоже пассивный?

— Конечно, граф, конечно. Любую электронику давно бы обнаружили.

— Какофф рыбий глаз! Надо же. Когерентныя стекляныя нити. Ломбардия?

— Северо-восток, да. Семнадцатый век. Очень старый жгут. Но обслуживания не требует.

Граф уставился на экран:

— Отбывают?

— Да, отъезжают, — подтвердил настоятель.

— Отбывают, говорю, — поправил его граф.

Граф также соизволил выразить удивление:

— Шестеро? На тринадцать кресел? Что же, любезный настоятель, вы собираетесь их подвергать пыткам?

— Такой жанр. Вы ж не станете писать о докторе, в его-то безмерном падении. Или, скажем, нейрофильм записывать. О таких не пишут. Непись, так сказать.

— Чем вообразить максимум зла? Токмо соотношением того, ради чего это было сделано. Вы правы. Конечно, правы. Ну? А паршивец Джинго?

— А что Джинго. Он на службе, — сказал настоятель. — Кто говорит, что тринадцать сотен уж, кто говорит тринадцать тысяч. Работает человек, что с него взять. Разве что Хаттабу пожаловаться.

— Вы правы, вы правы. Кабы давеча не его ложное расписание, не схватили бы контрабандистов-то, а?

— Это вопрос спорный. У Джинго и не было в распоряжении никакой информации об Уве и его подлодке, — возразил настоятель.

— Но тогда в баре с шарманщицей он же дал себя им побить зачем-то, верно? — продолжал выгораживать гидродинамика граф.

— Я бы на вашем месте…

— Ты не на моём месте, — граф сказал.

— Я не стал бы поддаваться на его чары. Как знать, может он рассчитывал на этот парный эмбрион. Он же знает, что они чуть что – а ну давай подбрасывать сыновей куда ни попадя. И своих. И всяких. Буйвол он и есть буйвол.

— Думаете? Специально Судью растил, чтобы привела сынишку на заклание?

— Изворотливая душонка. Ирис-фэнтом, пустоты от воска при горении. Он и не знал, что судья настоящая судья. Так… играл с ней в детстве.

— Но зачем тринадцать? — вернулся граф к своей заботе. — Кресел, имеется в виду.

— Доктор сам попросил. Потом, видимо, передумал. Но мы продублируем его команду. Я и сам думаю нырнуть, тринадцатым. Вы, Николай Николаич, не хотите?

— Что ты, что ты! Я тут привык. Посмотрю тут за вами в рыбий глаз.

— Разве не вы пришли ко мне в гости?

— Я к вам? Что вы такое говорите? Вы что, лифтёр что-ли? Нет, батенька. Это вы только что пришли. Это моё место. Включая мусор под столом.

— Ну что же, счастливо оставаться. Имейте в виду, граф: система пассивного наблюдения работает в обе стороны. Передавайте привет кузену вашего свояка – я поищу для него третий репликатор. Ежели повезёт – то и четвёртай.

По полу вновь проскочила мышь. На этот раз слишком близко к графу.

— Нет, братец двоюродный, не уйдёшь, — скороговоркой, но спокойно сказал он.

Трость в руках его вдруг сломилась, превратившись в кирку. Острый конец её настиг юркое животное. Почти. От молниеносного удара крохотный конец костяной крики отломился, и мышь унесла его в проколотом хвосте куда-то в мышиные бездны.

— Не слишком ли затратно? — поразился настоятель. — Это, я понимаю, та самая кость птеродактиля, единственный носитель образца не окаменелой ДНК?

— Я, батенька, так люблю роскошь, что не могу удержаться, чтобы не поиздеваться над ней, — сказал граф.

Последовал ещё удар. По пустому полу. Крошка кости закатилась куда-то под стол.

— Что характерно, — сказал граф, — каждый раз слом столь же острый, что и прежде. Подбирать драгоценный осколок будете?

Настоятель попытался ответить мимикой.

— Хм, — нахмурился граф. — Я-то думал, вы тогда в вечном городе подсунули Джинго идею шарманки как демонстрацию барочного механизма.

— Барочного?

— Прошу прощения, западные нотки в языке проскакивают. Имею в виду, что нынешняя цивилизация (впрочем, как и вся реальность) фундаментально либидозно-механична: ради примитивной мелодии, которую скрипят дерьмовые дудки в ящике, строят каждый раз нечто грандиозно замороченное. Ещё и тяжелое как непустой гроб.

— Да-да, книгопечатные станки для воскресных листков, мировая сеть для фоточек презирающих человеков котиков, шарманки для пары скудных кривых нот...

— Какие там ноты, побойтесь Вседержителя, когда её вместо табурета под задницу ставят. Так, что аж крышку не открыть. Подлинное извращение – притворяться не так, как все. Мир трахает душу не вопреки, а именно благодаря барочной нелепости её собственных костюмов. Убить вас, что ли? Впрочем, лень.

⁂

Настоятель вышел.

Но вернулся.

— Вам не страшно, граф?

— Да мы дети, милые да малые, по сравнению с молекулой, которая без чьего-либо спросу решила самоповториться.

— Вы считаете, что в обезличенном регистре наивысшее зло предстаёт как цепь репликаторов? Что то, что копирует самое себя за скобками этики, привносит в природу осязаемые бесконечности, неизбежно раскалывающие реальность? Что разум-повторяшка, колонизируя мозг животных видов без оглядки на что бы то ни было, без всякой цели перестраивает под себя без цели мир, поглощая Вселе...

— Эта сучка умудрилась обвести вокруг барреля, теперь ты ещё. Пиздуй ужо, чмо...

¶

[Пары страниц не хватает. К сожалению богиня-гриф Некбет наложила тяжёлой стеной гриф «секретно»: вещество Зевса, долетев до Земли,

соединилось с веществом Посейдона в сине-зелёной плазме. Чего тут ещё описывать? — С благодарностью к Ψ.]